

АВТОР
БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ЛЕДОКОЛ» И
«АКВАРИУМ»

ВИКТОР СУВОРОВ

ПОСЛЕДНЯЯ РЕСПУБЛИКА

ПОЧЕМУ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ **ПРОИГРАЛ**
ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

новое издание,
дополненное
и переработанное

★★★★★

более 180 фотографий,
уникальные документы
из архива автора,
6 новых глав

ВИКТОР СУВОРОВ

последняя РЕСПУБЛИКА

почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну
(Новое издание, дополненное и переработанное)

«Последняя республика» — первая книга одноименной трилогии выдающегося писателя, историка и военного аналитика Виктора Суворова, написанная в лучших традициях бестселлера «Ледокол», грандиозная историческая реконструкция событий 1920–1940-х годов, когда СССР под руководством Сталина, затрачивая немислимые материальные и человеческие ресурсы, держа в своих руках самых влиятельных политиков и целые государства и манипулируя ими, осуществлял грандиозный план переустройства мира ради достижения своей главной цели — мирового господства.

Складывая известные и малоизвестные факты и события тех лет в единую мозаику, автор рассказывает об истинных причинах Второй мировой войны, о которых умалчивают официальная пропаганда, политики и историки в России и за рубежом, о том, как руководство СССР во главе с Сталиным, стремясь сохранить «дело Ленина», пыталось раздуть пожар Мировой революции и новую мировую войну, чтобы под прикрытием коммунистической идеологии завоевать Европу и весь мир.

«Последняя республика» — новая сенсационная версия нашей истории, разрушающая привычные представления и мифы о движущих силах и причинах ключевых событий первой половины XX века.

Новое, дополненное и переработанное издание книги содержит 6 новых глав, более 180 фотографий (в том числе редкие архивные снимки, публикующиеся в России впервые) и приложение — репринтное издание краткого русско-немецкого разговорника бойца Красной Армии, уникального документа предвоенного времени, который даст возможность каждому читателю составить собственное суждение о том, к какой именно войне готовился Советский Союз в 1930–1940-е годы XX века.

Оглавление

ОГЛАВЛЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. Почему Сталин отказался принимать Парад Победы.....	9
ГЛАВА 2. Еще раз об арабском коне.....	21
ГЛАВА 3. Где документ?.....	31
ГЛАВА 4. Зачем коммунистическим вождям нужна Мировая революция.....	36
ГЛАВА 5. Мировая революция: попытка первая.....	46
ГЛАВА 6. Передышка и что будет после нее.....	54
ГЛАВА 7. К последней республике.....	64
ГЛАВА 8. Будущих гитлеровских танкистов готовим в Казани, будущих германских чекистов – в Москве.....	73
ГЛАВА 9. История нам отпустила мало времени.....	79
ГЛАВА 10. Кто был автором легенды о неготовности Сталина к войне.....	86
ГЛАВА 11. У кого союзники лучше.....	99
ГЛАВА 12. А как бы отреагировала Британия?.....	111
ГЛАВА 13. Когда была создана антигитлеровская коалиция.....	122
ГЛАВА 14. Как я воевал с марсианами.....	128
ГЛАВА 15. О невысоком солнышке.....	138
ГЛАВА 16. Кто проиграл Зимнюю войну.....	145
ГЛАВА 17. Почему товарищ Сталин не расстрелял товарища Кудрявцева.....	150
ГЛАВА 18. С русско-немецким разговорником и картой Восточной Пруссии – по Смоленской области.	162
ГЛАВА 19. Об огнеопасных танках.....	174
ГЛАВА 20. А какие танки были у Гитлера?.....	182
ГЛАВА 21. Сколько часов до Плоешти?.....	191
ГЛАВА 22. Для чего нужны тяжелые танки.....	200
ГЛАВА 23. Сколько тяжелых танков было у Гитлера?.....	206
ГЛАВА 24. Как тюремную пайку уравнять с кремлевским пайком.....	213
ГЛАВА 25. Гвардейские чудеса.....	224
ГЛАВА 26. Миллион. Или больше?.....	231
ГЛАВА 27. А разве мы американцы?.....	241
ГЛАВА 28. Слово серьезным историкам.....	247
ГЛАВА 29. О 35-тонных танках.....	252
ГЛАВА 30. Свидетель найден!.....	259
Виктор Суворов о своих книгах и о себе.....	270

ОГЛАВЛЕНИЕ¹

Глава 1. Почему Сталин отказался принимать Парад Победы.

Величайший военный парад в истории человечества. — Триумф победителей испорчен. — Неубедительные объяснения. — Послевоенные «капризы» Сталина: парад не принимает, победных наград не желает и не носит, праздник Победы не празднует, хандрит, капризничает. — Праздновать товарищу Сталину было нечего, ибо он и его ближайшие соратники понимали: Вторая мировая война была проиграна.

Глава 2. Еще раз об арабском коне.

Чудесно найденный фрагмент мемуаров Жукова. — «Большой секрет» Сталина. — Историки продолжают «заправлять арапа».

Глава 3. Где документ?

Германский танк «Тигр-Б» и самолет Me-209, существование которых отрицают критики автора. — Навеки засекреченные документы о войне. — Почему от нас скрывают историю нашей страны.

Глава 4. Зачем коммунистическим вождям нужна Мировая революция.

Советский Союз должен был расширяться на весь свет, ибо не мог существовать рядом с нормальными государствами. — Если люди бегут из социализма, надо сделать так, чтобы некуда было бежать. — Вторая мировая война для СССР была желанна, необходима и неизбежна как этап в борьбе за распространение коммунизма по всему миру. — Расширение на весь мир — не прихоть Сталина и не идеологическая догма, а единственная возможность выжить.

Глава 5. Мировая революция: попытка первая.

Как советские лидеры пытались разжечь Вторую мировую войну задолго до Гитлера. — «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!» — Неудавшаяся революция Гитлера странным образом совпала с неудавшейся коммунистической революцией. — О чем умолчал Гитлер в книге «Майн кампф».

Глава 6. Передышка и что будет после нее.

Стратегия Троцкого и стратегия Сталина: истинные причины вражды двух советских лидеров. — Фашистский меч ковался в СССР. — Передышка закончилась к началу 1939 года.

Глава 7. К последней республике.

Грандиозный проект Дворца Советов. — Плавательный бассейн на месте разрушенного храма. — Почему Сталин и Хрущёв не стали достраивать Дворец Советов. — Москва как столица будущего Всемирного Союза Советских Социалистических Республик.

Глава 8. Будущих гитлеровских танкистов готовим в Казани, будущих германских чекистов — в Москве.

Миф о том, что «история нам отпустила мало времени». — Как товарищ Сталин у Гитлера время выигрывал. — Советские концлагеря и колхозы как экономическая основа германского коммунизма, а затем и национал-социализма. — Советский народ голодает, а зерно, золото и лес уходят за рубеж на прокорм мирового коммунистического движения. — Зачем Советский Союз прикармливал и приручал Эриха Мильке, Эрнста Тельмана и других лидеров Коминтерна.

Глава 9. История нам отпустила мало времени.

Кризис Национал-социалистической рабочей партии Гитлера. — Как Гитлер пришел к власти. — Как

¹ Технически, это содержание. - от автора электронной версии

понять самоубийственное поведение германских коммунистов в момент, когда решалась судьба Германии и мира. — Сталин приводит Гитлера к власти, жертвуя Тельманом. — Второй мировой войны могло бы и не быть, но этого не мог допустить Сталин.

Глава 10. Кто был автором легенды о неготовности Сталина к войне.

Доказательства «неготовности» Сталина к войне. — Готовность к войне как относительное понятие. — Кому и зачем выгодно распространять миф о «неготовности» Сталина к войне и о «глупости» советского руководства. — Советский Союз был готов к другой войне.

Глава 11. У кого союзники лучше.

Американские и британские поставки в СССР в годы войны. — Заключение союзов с сильными и богатыми державами как показатель готовности к войне. — На Гитлера работала покоренная Европа, на Сталина — свободная Америка. — Происхождение танков БТ: почти детективные истории о военных поставках Советскому Союзу. — А какие союзники были у Гитлера? — Так кто же лучше подготовился к войне?

Глава 12. А как бы отреагировала Британия?

В 1941 году Великобритания была на грани поражения. — Главная задача британской дипломатии с сентября 1939 года. — Британия видит в Сталине своего спасителя. — Готовить агрессию надо так, чтобы остальной мир уговаривал нас агрессию совершить, благодарил за нее и обещал покрыть наши издержки. — Сообщение ТАСС от 13 июня 1941 года как ключевой внешнеполитический документ предвоенного времени.

Глава 13. Когда была создана антигитлеровская коалиция.

Подарив Гитлеру власть над Германией в 1933 году, Сталин знал, что нормальные страны на союз с Гитлером не пойдут и что против Гитлера объединится весь мир. — Гениальные внешнеполитические комбинации Сталина. — Американский конвейер помощи Сталину был включен еще в начале 1930-х годов. — Загадочная уступчивость Рузвельта: президент США «на крючке» у Сталина. — Речь Сталина 19 августа 1939 года.

Глава 14. Как я воевал с марсианами.

Попытка смоделировать на компьютере Советско-финскую войну 1939-1940 года провалилась: без применения ядерного оружия боевая задача признана невыполнимой. — Невыполнимую задачу Красная Армия выполнила. — Лишь тот, кто проведет одну ночь в карельском лесу в декабре, имеет право рассуждать о неготовности Красной Армии к войне.

Глава 15. О невысоком солнышке.

Подготовка войны с Финляндией. — «Принимай нас, Суоми-красавица!..»: почему песни о Зимней войне сочинялись осенью. — Что же случилось в Финляндии? — Прорыв «Линии Маннергейма»: Красная Армия совершила невозможное. — Уроки Финской войны: для Красной Армии нет невыполнимых задач.

Глава 16. Кто проиграл Зимнюю войну.

Цена прорыва: когда одна страна завоевана такой ценой, четыре другие сдаются без боя. — Войну в Финляндии проиграл... Гитлер. — Роковая ошибка и последствия самообмана.

Глава 17. Почему товарищ Сталин не расстрелял товарища Кудрявцева.

Артиллерия без карт — как автомобиль без мотора. — Массовое отсутствие топографических карт в Красной Армии в первые месяцы войны и ее катастрофические последствия. — Почему виновные не наказаны? — Зачем карты вывозились в приграничные районы?

Глава 18. С русско-немецким разговорником и картой Восточной Пруссии — по Смоленской

области.

Зачем в оборонительной войне нужны заграничные карты? — Карты как особый стратегический продукт. — Почему Красная Армия тоннами сжигала карты при отступлении. — «Краткий русско-немецкий разговорник» для бойца-освободителя.

Глава 19. Об огнеопасных танках.

Миф о том, что русские танки горели как спички. — Дизельные и бензиновые танковые двигатели. — Так есть ли разница между бензиновым и дизельным двигателем на танке?

Глава 20. А какие танки были у Гитлера?

Сколько танков было у Гитлера и у Сталина перед началом войны и сколько танков было нужно каждому из них. — Занимательная арифметика советских историков: как доказать, что 3 тысячи гитлеровских танков — больше, чем 24 тысячи сталинских. — Германские танки против советских: тяжелее не значит лучше. — Как новейшие советские танки, не имевшие аналогов в мире, стали «устаревшими».

Глава 21. Сколько часов до Плоешти?

Моторесурс танка и его влияние на планирование боевых действий. — Стратегия движения германских танковых групп в 1941 году определялась моторесурсом немецких танков. — И новейшие, и старые советские танки представляли угрозу для Европы даже с моторесурсом в 40 часов.

Глава 22. Для чего нужны тяжелые танки.

Стратегия и тактика наступательных операций. — Основные инструменты, необходимые для прорыва обороны противника. — Первые попытки создания тяжелого танка прорыва. — Советские тяжелые танки 1930-1940-х годов. — Превосходство СССР в тяжелом танкостроении. — Гаубица М-10.

Глава 23. Сколько тяжелых танков было у Гитлера?

Как советские историки пытались скрыть превосходство СССР в тяжелом танкостроении. — Танк Т-35: новейший или устаревший? — Как в реальности выглядело «подавляющее превосходство Германии в танках».

Глава 24. Как тюремную пайку уравнивать с кремлевским пайком.

Зачем историки считали тяжелые и средние танки вместе. — Советский танк КВ против немецкого «Тигра». — Почему советское превосходство в танкостроении не помогло переломить ход боевых действий в 1941 году. — Почему тяжелые танки прорыва бесполезны в обороне.

Глава 25. Гвардейские чудеса.

Загадка появления отборных резервов Сталина: откуда в критические моменты войны брались свежие гвардейские дивизии, корпуса и армии, решавшие исход сражений в нашу пользу. — Тайна 8-го воздушно-десантного корпуса «с испанским уклоном».

Глава 26. Миллион. Или больше?

К 1941 году в СССР было подготовлено более миллиона парашютистов. — Пять воздушно-десантных корпусов первой волны. — Зачем в июне 1941-го десятки тысяч парашютов вывели в леса в приграничной полосе? — Пять воздушно-десантных корпусов второй волны. — Под танки.

Глава 27. А разве мы американцы?

Судьба гвардейских стрелковых дивизий, сформированных из воздушно-десантных корпусов. — Почему десантников не использовали по прямому назначению. — Для чего их готовили. — Лучший миллион загубили зря. — Как десантировать с воздуха миллион бойцов.

Глава 28. Слово серьезным историкам.

Армии, о которых забыли российские историки. — О пользе внимательного чтения военных мемуаров.

Глава 29. О 35-тонных танках.

35-тонные и 38-тонные германские танки генерала Гареева. — Тайна происхождения «35-тонных» танков раскрыта. — Чудесные превращения танков в трудах российских историков. — Расставляем все по своим местам.

Глава 30. Свидетель найден!

Книга Габриэля Городецкого «Миф «Ледокола». — Сопоставим факты с выдумками. — Впервые в мире опубликованы сведения о количестве трусов среди командного состава Красной Армии. — Кто защитит честь Родины?

Посвящаю Вере Спиридоновне Гореваловой, перевязочной сестре 3329-го полевого эвакуационного госпиталя Первого Прибалтийского фронта.

ГЛАВА 1. Почему Сталин отказался принимать Парад Победы

Все сошлись на одном. Война в Европе закончилась, но капиталистическое окружение осталось.

Маршал авиации Александр Покрышкин, трижды Герой Советского Союза.
Советский Воин. 1985. №9. С. 32

1

Оркестр — тысяча триста труб и сто барабанов. Гром и грохот. Величайший военный парад в истории человечества. На заключительном этапе войны в составе Красной Армии было десять действующих фронтов. Каждый фронт — это группа армий. Некоторые фронты были небольшими — всего четыре-пять армий, но были и гигантские, как 1-й Белорусский, в составе которого было двенадцать армий, включая одну воздушную и две гвардейские танковые.

И вот каждый из десяти фронтов выслал на парад по одному сводному полку — по тысяче лучших солдат, сержантов и офицеров. Десять фронтов — десять сводных полков. Во главе каждого сводного полка — лично командующий фронтом и все командующие армиями этого фронта, за ними — знаменосцы со знаменами наиболее отличившихся в боях полков, бригад, дивизий и корпусов.

За десятью полками — сводный полк от Войска Польского, полки от советского Военно-Морского Флота, от Наркомата обороны, по два-три батальона от каждой военной академии, а помимо того — военные училища, войска НКВД, суворовцы, танки, артиллерия, гвардейские минометы, мотопехота, кавалерия, саперы, связисты, десантники.

Оглушительный марш вознес души на недостижимую высоту и вдруг оборвался, бросив площадь в гробовую, тревожную тишину. Томительна щемящая пауза. Вдруг тишину распорол барабанный грохот: под эту дробь шел особый батальон с нацистскими знаменами. У Мавзолея Ленина батальон энергичным рывком повернул вправо, и двести знамен Вермахта полетели на мокрый гранит.

Это был апофеоз победы. Великий триумф советского народа в величайшей из войн. Этого момента ждали сотни миллионов людей. Ждали его как самый радостный день жизни, после которого можно умереть без сожаления. Десятки миллионов людей погибли, не дождавшись великого праздника, но веря в его неизбежность. К этому дню великую страну привел Сталин. Привел через поражения и катастрофы, через ошибки и просчеты, через многомиллионные жертвы и невозполнимые потери. Сталин вел страну от поражений к блистательным победам, вершиной которых было Знамя Победы, вознесенное над Рейхстагом, затем доставленное на Московский центральный аэродром и встреченное почетным караулом. Вот теперь красное Знамя Победы реет над площадью, а русские солдатские сапоги топчут мокрый шелк красных фашистских знамен.

Это был момент, когда солдаты плакали и не стеснялись своих слез. Плакали те самые солдаты, которые прошли Брест и Смоленск, Вязьму и Харьков, Сталинград и снова Харьков, Орел и Курск, Харьков в третий раз, Севастополь и Новороссийск, мясорубку Демянского котла и блокадный голод;

они прошли Минск, Вильнюс, Ригу, Таллинн, Киев, Варшаву, Вену, Кёнигсберг, Бухарест и Будапешт и, наконец, — Берлин. Это был момент радости, которая дается раз в жизни и далеко не каждому.

Казалось бы, в такой момент тысячи людей на площади, миллионы на улицах Москвы и десятки миллионов по всей стране и за ее пределами могут быть связаны только единым чувством облегчения, радости и ликования. Казалось бы, тертая войной пехота и оглохшие в боях артиллеристы, танкисты, не раз горевшие на танковой броне, и летчики, чудом оставшиеся в живых, миллионы их сограждан, кроме ликования, не могут испытывать никаких других чувств.

Но нет.

Было и еще одно неясное, но общее для всех чувство глубокого разочарования. Было еще нечто такое, что смазывало торжество и делало его неполным. Был какой-то неуловимый дух горечи и непонимания, который висел и над площадью, и над Москвой, и над всей страной.

Над ликующей толпой, над стройными коробками батальонов, над Мавзолеем и кремлевскими звездами как грозный призрак стоял никем не заданный вопрос: а почему Верховный главнокомандующий не принимает Парад Победы?

Никто не задал этот вопрос вслух, но в душе каждый его затаил. И вот этот, не заданный никем вопрос горьким привкусом портил триумф победителей.

2

Солдаты там, на площади, задать вопрос не могли: солдата дисциплина обязывает вопросов лишних не задавать. Жители московские вопрос задать не могли: товарищ Сталин советскому народу вполне доходчиво втолковал, что за лишний вопрос можно загреть в нехорошие места. Советский народ вполне понимал своего великого вождя и потому неудобными вопросами его не тревожил. Но прошло много десятков лет, и нет больше товарища Сталина, и за лишний вопрос в нехорошие места больше не отсылают. Так почему же наши официальные историки на этот вопрос не ответили? Почему кремлевские историки его даже не поставили? Почему нашего внимания к проблеме не привлекли? Почему обходят вопрос стыдливым молчанием?

Может быть, ответить на вопрос непросто, но кто мешает его задать?

А ведь перед нами загадка истории: идет Парад Победы, а Верховный главнокомандующий Маршал Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин на этом параде присутствует просто как зритель и наблюдатель. Вместо Верховного главнокомандующего парад принимает его заместитель Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

Что же случилось? Как это понимать?

Верховный главнокомандующий и Победа — понятия чистые, святые, неразделимые. Это как невеста с женихом. Это как император и престол. Это именно та ситуация, в которой заместитель неприемлем.

Может ли кто из нас сказать пусть даже лучшему другу: вот тебе моя невеста, отведи ее под венец, а я при том буду присутствовать? Может ли царь, король, император своему главному советнику сказать: вот тебе корона, скипетр и держава, сиди вместо меня на троне, а я тут, рядышком постою...

А ведь на Красной площади 24 июня 1945 года — не свадьба и не тронный зал. Тут Парад Победы в самой кровавой из всех войн в истории человечества. Блистательная победа в самой страшной войне. Такое бывает один раз в мировой истории. Принимать Парад Победы — это не только право Верховного главнокомандующего, это — его прямая обязанность.

Обратим внимание на Гитлера. На грандиозных сборищах нацистов в Нюрнберге перед бесконечными колоннами штурмовиков и эсэсовцев появлялся фюрер нации!!! Можем ли мы представить, что вместо Гитлера появляется кто-то другой, а сам фюрер стоит в сторонке? Такого быть не могло и представить такое невозможно. Но там, в Нюрнберге, им нечего было праздновать.

А тут — ПОБЕДА!

И было бы так логично: от каждого из действующих фронтов — по одному полку. Десять фронтов — десять полков. Во главе каждого полка командующий фронтом лично. Всем парадом командует заместитель Верховного главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, а принимает парад — САМ.

Нюанс: на заключительном этапе войны Жуков был не только заместителем Верховного главнокомандующего, первым заместителем Наркома обороны, но еще и командующим одним из фронтов — Первым Белорусским. Но тут нет проблем: он должен был выполнять функции своей более высокой должности — заместителя Верховного главнокомандующего, а вести колонну Первого Белорусского фронта мог его заместитель. Тут заместитель во главе полка приемлем и понятен. Это небольшое исключение никак не нарушало общей системы.

Так должно было быть.

Но было не так: Сталин парада не принимал, вместо Сталина парад принимал Жуков.

В этом случае кого же поставить на место Жукова парадом командовать? Сталин решил: командовать будет К. К. Рокоссовский.

Хороший маршал, ничего не скажешь. Но ведь он просто один из командующих фронтами. Другим командующим обидно. Коневу, например. И Малиновскому обидно. И Василевскому. А назначить Конева вместо Рокоссовского — тогда Рокоссовскому будет обидно.

Одним словом, нарушили на параде всю логику. И ради чего?

Во всей мировой научной литературе я нашел только два объяснения.

Вернее — две неудачные попытки объяснения.

Первое «объяснение»: Сталин не мог ездить на коне.

Очень убедительно.

Но и Гитлер на коне не ездил. Парады он любил, но парадов на коне не принимал. У него для этого был «мерседес». Сам Гитлер считал, что появиться ему на коне перед войсками означает поставить себя в смешное положение (Генри Пикер. Застольные разговоры Гитлера. Запись от 4 июля 1942 г.).

Чтобы не попасть в смешную ситуацию, Гитлер отменил старую традицию и ввел новую. Двадцатый век тем и знаменит, что во все предыдущие века и тысячелетия люди воевали на лошадях, а в двадцатом пересели на машины. Потому и парады стали принимать не на белых жеребцах, а на машинах.

Черчилля на скакуне я тоже представить не могу.

Просмотрел тысячи метров кинохроники, но и де Голля на лошади не обнаружил.

А Рузвельт был парализован. Так вот, Рузвельт объезжал войска на армейском джипе, и де Голль тоже, и у Черчилля было что-то наподобие.

У нас в те времена по традиции командующий парадом выезжал на коне. Для Парада Победы решили: командующий парадом — на вороном жеребце, принимающий парад — на белом. Но ради особого случая традицией можно было пренебречь, вернее — начать новую традицию и вложить в нее содержание, дающее повод для гордости: вступили в войну на лошадях, завершили на машинах.

А ведь было что показать. Сталин мог бы появиться на Красной площади не на белом скакуне, а на танке ИС-2, то есть на танке «Иосиф Сталин», которому не было равных в мире. На танке, который во время испытаний с дистанции в тысячу пятьсот метров проломал своим бронебойным снарядом лобовую броню «Пантеры», а затем снаряд, имея избыток энергии, прошел трансмиссию, броневую стенку боевого отделения, двигатель, но и после того его мощь была столь огромна, что он сорвал заднюю броневую стенку корпуса по линии сварных швов и отбросил ее на несколько метров. А ведь они с «Пантерой» из одной весовой категории (ИС-2 — 46 тонн, «Пантера» — 45), но снаряд «Пантеры» с такой дистанции лобовую броню танка ИС-2 не брал. И снаряды «Тигра» (вес танка — 56 тонн) и «Тигра-Б» (вес танка 68, по некоторым данным — 69,4 тонны) с такой дистанции пробить ИС-2 не могли. А ИС-2 их брал с полутора тысяч метров. Так отчего бы Сталину не появиться на Параде Победы на таком танке? Какой символизм: Иосиф Сталин на лучшем в мире танке «Иосиф Сталин»!

Кроме ИС-2 уже был на вооружении советских войск красавец ИС-3. Его показали союзникам на параде в Берлине 7 сентября 1945 года. Это был настоящий шок. Американские, британские и французские генералы остолбенели от невероятного сочетания красоты и мощи. Сталин мог бы появиться на таком танке в Москве на Параде Победы, ошеломив весь мир. ИС-3 был самым передовым танком своего времени, долгие годы он служил образцом для многочисленных зарубежных подражаний. Чисто эстетически он был прекрасен. Спустя почти три четверти века ни

одному танку в мире не сравниться с ним в изяществе форм. Вот бы на чем появиться на Красной площади! А уж поэты и журналисты нашли бы метафоры и воспели...

Можно было бы и на трофейном «мерседесе» выехать. Так во всем мире издавна заведено: взял в бою коня из-под супостата — и красуйся. А тут из-под самого Гитлера «мерседес» вырвали. Отчего не красоваться?

Опять же те, которые со скрипучими перьями, в газетах объяснили бы символическое значение сталинского поступка.

А можно было советским конструкторам заказать лимузин. Для Потсдамской конференции, к примеру, потребовался необычных размеров круглый стол. Его в 24 часа лучшие конструкторы сконструировали, золотые руки наших мастеров сработали, отшлифовали, положили грунт, высушили, отполировали, выкрасили, высушили, еще раз отполировали, разобрали, не прошло суток — а столик уж в самолете летит прямо в Потсдам. И лимузин — не проблема. Если для товарища Сталина.

А можно было бы и в простом армейском газике появиться. Просто и скромно, как сталинская солдатская шинель. Скромность Сталина украшала.

И не только Сталина.

Но нет. Не появился товарищ Сталин ни на танке, ни на джипе ни на лимузине. А появился вместо него Маршал Советского Союза Г. К. Жуков на великолепном белом жеребце по кличке Кумир.

4

Второе «объяснение»: народ так любил Жукова, ну уж так любил, что Сталин уступил Жукову почетное право.

Эта версия имеет вариацию: Жуков был таким великим полководцем, ну уж таким великим, что Сталин признал его превосходство над собой и...

Некто Карем Раш на страницах «Военно-исторического журнала» это выразил так:

Сталин почувствовал его первородную жизненную силу и уступил ему Парад 1945 года (Военно-исторический журнал². 1989. №8. С. 7).

Опять же — достойное объяснение. Правда, в товарище Фрунзе товарищ Сталин тоже чувствовал первородную жизненную силу. И повелел товарища Фрунзе зарезать.

Избыток первородной силы явно чувствовался и в товарище Тухачевском. Известно, что с ним приключилось.

А в товарище Троцком первородная жизненная сила клокотала. Что же, место ему свое уступать? Не выйдет: товарищу Троцкому пролетарским ледорубом по черепу досталось...

На войне Жуков Сталину был нужен, а после войны — зачем? И с любовью народной проблем не

2 Далее — ВИЖ.

могло возникнуть. Наш народ любит того, кого прикажут. Вот, например, товарищ Берия тоже был глубоко любим нашим народом. Посмеет ли кто сказать, что Лаврентия Павловича мы меньше любили? Может, кто не забыл:

*Сегодня праздник у ребят,
Ликует пионерия —
Сегодня в гости к нам пришел
Лаврентий Палыч Берия.*

А до него наш народ до полного безумия любил товарища Ежова. И Кирова страсть как любили. А Тухачевского любили дважды. Первый раз по приказу любили. Потом товарища Тухачевского шлепнули и приказали разлюбить. Разлюбили. А потом снова поступил приказ любить. И любят. И никому не объяснишь, что был Тухачевский палачом и убийцей, а в вопросах стратегии разбирался слабо, вернее — никак не разбирался. Чтобы это понять, надо просто прочитать два тома «сочинений» этого самого Стучачевского. Но томов не читают. Любят, не читая. Пойди кому скажи, что Тухачевский был авантюристом, карьеристом, трусом, что «гениальные» его творения годились только в качестве пособия на уроках политграмоты, а на большее не тянут и не тянули, что его предложения по перевооружению армии — чистый бред. Скажи такое — горло порвут, ибо любят.

Так что любим того, кого прикажут, и сила нашей любви задается централизованно — властная рука в любой момент может силу народной любви убавить или добавить.

Не знаю, как народ любил Жукова, но на следующий после парада год Сталин загнал народного любимца командовать провинциальным округом в Одессу, а потом еще дальше — на Урал, и держал там товарищ Сталин товарища Жукова без намерения выпускать. И пока была у Сталина власть, Жуков сидел в уральской ссылке, как сверчок за печкой. И народ не восстал. Причиной опалы Жукова было как раз нежелание Сталина делиться славой с ближайшими своими помощниками по войне. И оказался в застенке командующий ВВС Главный маршал авиации А. А. Новиков. Попал под несправедный «суд чести», был разжалован и понижен в должности Нарком ВМФ адмирал флота Н. Г. Кузнецов, полетели со своих постов командующий артиллерией Красной Армии Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов и еще многие-многие. Не только погоны с плеч генеральских летели, но и головы... После войны пошли под топор С. А. Худяков, Г. И. Кулик, В. Н. Гордов, Ф. Т. Рыбальченко и другие.

Сам Жуков был снят с формулировкой: *«...утеряв всякую скромность... приписывал себе разработку и проведение всех основных операций, включая и те операции, к которым он не имел никакого отношения»* (приказ министра Вооруженных Сил Союза ССР №009 от 9 июня 1946 г. ВИЖ. 1993. №5. С. 27). Сталин лично это и подписал.

И этим дело вовсе не завершилось. Товарищ Сталин метил дальше. Вот рассказ генерал-лейтенанта К. С. Телегина, который прошел с Жуковым почти всю войну:

Я был арестован без предъявления ордера и доставлен в Москву, во внутреннюю тюрьму МГБ. Здесь с меня содрали мою одежду, часы и пр., одели в рваное, вонючее солдатское обмундирование, вырвали золотые коронки вместе с зубами... Оскорбляли и издевались, следователи и руководство МГБ требовали от меня показаний о «заговоре», якобы возглавляемым Жуковым Г. К., Серовым И. А. и мною, дав понять, что они тоже арестованы... у меня были вырваны куски мяса (свидетельства этому у меня на теле)... меня били головой о стену... сидеть я не мог, в течение полугода я мог только стоять на коленях у стены, прислонившись к ней головой... Я даже забыл, что у меня есть семья, забыл имена детей и жены... (Красная звезда. 7 октября 2000 г.).

Далее — в том же духе. Кстати, это не воспоминания, а показания прокурору после смерти Сталина и освобождения из тюрьмы. Это — документ. Но речь не о Телегине и других генералах, а о Жукове, который к аресту был весьма близок. Просто Жукова спасла солидарность других маршалов, которые были научены опытом предшественников и понимали: сегодня Телегин, завтра Жуков, а после? Так что вариант с «первородной жизненной силой» даже в лефортовские ворота не лезет.

И насчет любви народной — не очень складно. Фронтовики иного мнения о Жукове. Я не тех фронтовиков в виду имею, которые по заградотрядам ордена получали, а тех калек, которые после войны жизнь коротали на острове Валаам. Их, безруких-безногих, содержали в отдалении, дабы своим видом мерзким столичных вокзалов не поганили. Так вот, те фронтовики о Жукове имели свое понятие: появился Жуков, значит — наступление, и останется живым только тот, кому оторвет руки-ноги.

А остальные лягут.

Но даже если бы народ и впрямь любил Жукова самозабвенно, то Сталин должен был не свое место ему уступать, а позаботиться о том, чтобы в последние дни Берлинского сражения Жуков пал героической смертью, придавленный стеной падающего дома, или «застрелился», как Орджоникидзе. От переутомления. Или мог Жуков просто пропасть, как пропал любимец народа Николай Иванович Ежов после того, как завершил свою миссию. И никто вопроса не задал: а где Ежов? Где он, наш любимец всенародный? Нет его, и все тут. Никто и не хватился.

Вспомним: Сталин был ревнив. С теми, кто был популярен, случались всякие неприятности: одни попадали под автомобиль, другие — под падающий с крыши кирпич, третьи невзначай проваливались прямо в лубянский подвал.

И еще один довод против народной любви: сам Жуков всю жизнь прослужил в армии и этику армейскую нутром чувствовал — не может дежурный по роте рапортовать заместителю командира роты, если рядом сам ротный стоит. НЕ МОЖЕТ. И потому сам Жуков не претендовал на великую честь принимать Парад Победы. И потому сам Жуков Сталину в глаза сказал, что принимать парад

должен Сталин как Верховный главнокомандующий — это не только его право, но и обязанность, уклоняться от выполнения которой Сталину нельзя. И весь народ ждал Сталина победителем. Не Жукова. Уж это точно.

5

А может, Сталин не любил славу и почет?

Как раз наоборот — очень даже любил. И медали победные чеканились со сталинским профилем — не Жукова же на медалях штамповать...

Одним словом, оба «объяснения» ничего не объясняют. И потому мне пришлось искать третье. Вы можете со мной соглашаться, а можете и не соглашаться. Но я выскажу свое мнение.

Парад Победы был для Сталина парадом пирровой победы, то есть победы, которая равна поражению. Мы уже привыкли праздновать 9 мая, но давайте вспомним, что при Сталине такого праздника не было. 1 мая — да, его мы праздновали. 1 мая — день смотра сил мирового пролетариата, день проверки готовности к Мировой революции. 1 мая был днем торжеств, в этот день народ не работал, в этот день на Красной площади гремели военные парады, и демонстранты радостными воплями оглашали площади и улицы. Точно как в гитлеровской Германии: Гитлер был социалистом, таким же, как Ленин и Сталин, праздновал 1 мая, и народ германский при Гитлере валил на демонстрации с тем же восторженным энтузиазмом, с теми же красными знаменами, что и наш народ.

Пикантная деталь: самыми торжественными праздниками в Советском Союзе были 7 и 8 ноября, в гитлеровской Германии — 8 и 9 ноября. Основные фашистские праздники имели тот же корень, и их происхождение прямо связано с годовщиной нашей так называемой «Великой Октябрьской Социалистической революции». Но об этом потом.

Сейчас о другом — о том, что никакого «Дня победы» при Сталине установлено не было. Первая годовщина разгрома Германии 9 мая 1946 года — обычный день, как все. И 9 мая 1947 года — обычный день. И все остальные юбилеи. Если выпадало на воскресенье, не работали в тот день, а не выпадало — вкалывали.

Нечего было праздновать.

Первый после Сталина Первомай 1953 года праздновали как принято, с грохотом танковых колонн и радостными воплями, а 9 мая — обычный день. Без танков, без грохота, без оркестров и демонстраций. Сталинским соратникам товарищам Молотову, Маленкову, Берии, Кагановичу, Булганину в голову не приходило что-то в этот день праздновать.

И вот 9 мая 1955 года. Десять лет! Сталина нет, но живы легендарные маршалы Жуков, Конев, Рокоссовский, Василевский, Малиновский... Да не просто живы — на боевых постах! Вот бы отметить! Вот бы танки на площадь выкатить и небо самолетами затмить...

Так нет же — не праздновали. Не торжествовали. Танками супостата не стращали. Медалей юбилейных не чеканили. И 15-летний юбилей тоже скромно прошел. Без торжеств. И только после того, как нашего дорогого Никиту Сергеевича Хрущёва, последнего могоканина из сталинского Политбюро, от власти осенью 1964 года отставили, и было решено установить «День победы» в качестве государственного праздника. Вот только с этого момента день 9 мая стал нерабочим. Это было введено при Брежнев.

Леонид Ильич падок был на ордена, звания, титулы и торжества. Сталин имел одну звездочку Героя Советского Союза. Получил он ее за войну, да и ту не носил. А Брежнев повесил сам себе в четыре раза больше. И все — в мирное время. Брежнев присвоил себе маршальское звание и, вопреки статуту, наградил себя высшим военным орденом «Победа». Вот этому, мягко говоря, бессовестному человеку нужны были победы и торжества. Вот он-то и установил «День победы» в качестве государственного праздника и нерабочего дня. Установил только после того, как все члены сталинского Политбюро и почти все маршалы военной поры были в ином мире или не у дел.

А пока был Сталин, пока у власти были его соратники и его маршалы, ни о каком празднике победы не было и речи. Устроили один раз торжество в 1945 году — и хватит.

6

Но и тот парад 1945 года был необычным. Скорее — странным.

Много их было, странностей.

Понятно, это — совпадение, но казалось, что само небо восстало против парада 1945 года. В тот день лил совершенно небывалый для Москвы ливень. Парад кое-как провели, но демонстрацию трудящихся пришлось отменить. Я просмотрел метеорологические сводки за все дни, когда на Красной площади проходили военные парады. Так вот: такого проливного дождя, как 24 июня 1945 года, не было никогда. Не было ничего даже отдаленно его напоминающего. Генерал армии А. Т. Стученко вспоминает в мемуарах: специально для парада сшили ему мундир, и пропал тот мундир — покорезилось, взбухло золотое шитье, нечего потомкам показать (Завидная наша судьба. М.: Воениздат, 1968. С. 265).

Так ведь не у одного же генерала армии Стученко мундир пропал. Все ателье и швейные фабрики Москвы и Подмоскovie были мобилизованы на выполнение ответственной правительственной задачи: все многие тысячи участников парада одеть в новую, специально для этого случая введенную форму. Одели. И все пропало. Нечего в музеях выставять.

Но вовсе не дождь испортил праздник, и вовсе не из-за плохой погоды торжественный марш звучал для Сталина похоронным маршем. Было нечто другое, что заставляло Сталина вести себя так, как ведут себя все диктаторы после сокрушительного поражения.

Дочь Сталина Светлана Иосифовна свидетельствует, что после войны Сталин неоднократно

«намеревался уйти на покой». Понятно, это были только слова. Сталин до самых последних дней своей жизни цеплялся за власть, и «дело врачей» — это лишь далекие раскаты той великой битвы, которая грохотала под кремлевскими звездами в конце 1952 года. Сталин боролся до конца. И даже последний его жест на смертном одре, по свидетельству той же Светланы Иосифовны, «был угрожающ». И при последнем издыхании Сталин грозил своим соратникам. Зачем же в этом случае он заявлял еще в 1945 году о желании «уйти на покой»? Уйти от власти? Добровольно? Отдать ее кому-то?

Так у нас не бывало. Это на наших вождей никак не похоже. Особенно на товарища Сталина. «Собирался уйти на покой», а сам на Жукова, Берия, Серова, Молотова, Ворошилова расстрельный материал готовил...

Как это под общий знаменатель подвести: своих ближайших соратников обвиняет в заговорах и шпионаже, готовит новый разгром верхов и тут же заявляет о желании уйти от власти?

Так вот, в отставку просятся потерпевшие поражение. Заявляют об отставке не для того, чтобы уйти, а для того, чтобы остаться.

Они заявляют о желании уйти, чтобы приближенные упрашивали их не уходить. Именно так маленький мальчик бьется в истерике, себя плохим называя. Чтобы ему возразили.

Адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов свидетельствует, что Сталин вел себя именно так (ВИЖ. 1993. № 7. С. 54). Адмирал рассказывает, что в маленькой комнате у кремлевской стены прямо после парада собрались только те, кто был допущен в самый близкий круг: члены Политбюро и маршалы. Вот тут-то Сталин объявил о «своем намерении уйти».

Понятно, все принялись уговаривать товарища Сталина не уходить.

Чтобы успокоить Сталина, через два дня, 26 июня, был подписан указ о введении высшего воинского звания Генералиссимус Советского Союза, а 27 июня это звание было Сталину присвоено. Тут же ему присвоили звание Героя Советского Союза и наградили вторым орденом «Победа».

Только странно товарищ Сталин относился ко всем этим званиям и наградам.

7

Перед войной Сталин получил Золотую звезду Героя Соцтруда. Эту Золотую звезду он носил.

В ходе войны, в 1943 году после сталинградского перелома, Верховный главнокомандующий товарищ Сталин получил воинское звание Маршала Советского Союза. В 1944-м после победного завершения Белорусской наступательной операции Сталин получил высший военный орден «Победа» (было за что).

И вот Германия повержена, высшие руководители страны принимают решение присвоить ему звание Генералиссимуса Советского Союза, звание Героя Советского Союза и наградить вторым орденом «Победа». И тут начались странности. Сталин принял звание Генералиссимуса, иногда

появлялся в военной форме, но носил погоны Маршала Советского Союза, отказавшись носить специально для него придуманные погоны Генералиссимуса.

Сталин демонстративно носил Золотую звезду Героя Соцтруда, а Золотую звезду Героя Советского Союза не только не носил, но и отказывался получать. И второй орден «Победа» тоже отказывался получать. Довоенные награды — носил. Полученные в ходе войны иногда носил. А то, что получил за великую победу, — то не носил.

Центральный орган Министерства обороны РФ газета «Красная звезда» сообщает:

Он согласился принять второй орден «Победа» лишь 28 апреля 1950 года. Н. М. Шверник в тот же день вручил Сталину еще и Золотую звезду Героя, два ордена Ленина, которым тоже долго довелось дожидаться своего часа (Красная звезда. 27 октября 1994 г.).

В этой фразе следует обратить внимание на слово «согласился».

Итак, победные сталинские награды ждали владельца почти пять лет. В декабре 1949 года все «прогрессивное» человечество праздновало сталинское семидесятилетие. Сколько было грохота и шума! Сколько торжеств, сколько речей! Сколько сотен миллионов томов сталинских трудов на всех языках мира разошлись по свету. Любил почести товарищ Сталин.

И сколько было подарков! Ах, сколько их было. Выставку организовали: так и называлась — «Подарки Сталину». И не было ничего роскошнее той выставки во всей человеческой истории. Принимал товарищ Сталин поздравления и подарки.

Но победных наград не принимал. Это уже после семидесятилетия согласился.

Согласился. Но носил ли?

Есть портрет Сталина в «Советской военной энциклопедии» при всех орденах. Но это общий порядок: каждый офицер обязан иметь фотопортрет при всех наградах. Этот портрет хранится в кадровых органах Вооруженных Сил. При присвоении нового воинского звания и получении новых наград портрет обновляется. Сталин от правил не отступал. Он и присягу принимал военную, как любой красноармеец, и соответствующий документ подписал, и этот документ, как положено, хранился в кадровых органах. Так что фотопортрет при всех регалиях был сделан. Но нет сведений о том, что при всех орденах Сталин появлялся принародно.

Так его и изображали на плакатах — с одной звездочкой, трудовой. Рекомендую изучить плакаты главного придворного портретиста В. Иванова «Придем к изобилию» (1949), «Иосиф Виссарионович Сталин» (1952) и другие. Последняя официальная фотография Сталина («Огонек», 1953 г., № 8) — прямо на всю обложку: товарищ Сталин с одной звездочкой, трудовой.

Краткий итог: парад не принимает, победных наград не желает и не носит, праздник победы не празднует, хандрит, капризничает, в отставку просится, да не уходит...

А все потому, что праздновать товарищу Сталину было нечего, и радоваться не было повода.

Вторая мировая война была проиграна. Сталин это знал. И все его ближайшие соратники это знали и понимали.

И всем коммунистам не было причины танцевать и смеяться.

Чтобы понять это, мы должны вернуться во времена рождения коммунистической диктатуры, во времена образования Союза Советских Социалистических Республик. Мы должны вспомнить тот самый момент, когда голову Ленина решили сделать большой. Очень большой...

ГЛАВА 2. Еще раз об арабском коне.

Превращение науки в анти-науку из соображений идеологии — есть аспект деградации цивилизации.

Михаил Веллер. Человек в системе

1

Книгу, которую вы сейчас держите в руках, я написал в прошлом тысячелетии. Много воды утекло с тех пор. Били меня за нее беспощадно, и бить продолжают. Пользуюсь случаем, чтобы свое творение защитить.

Разоблачений, оскорблений и проклятий было много. Даже очень. Но самый мощный, зубодробительный удар был нанесен вроде бы и не по мне.

Первое издание «Последней республики» вышло с ехидным вопросом: отчего товарищ Сталин парад отказался принимать? И тут же Мария Георгиевна, дочь маршала Жукова, радостно воскликнула: ой, смотрите, что я нашла! Проклятая цензура вырезала, но рукописи не горят!

Тут-то в мемуарах великого полководца и появился новый, ранее неизвестный кусочек текста о том, что за несколько дней до парада сын Сталина отозвал Жукова в сторону и рассказал любопытную историю:

— Говорю вам под большим секретом. Отец сам готовился принимать Парад Победы. Но случился казус. Третьего дня во время езды от неумелого употребления шпор конь понес отца по манежу. Отец, ухватившись за гриву, пытался удержаться в седле, но не сумел и упал. При падении ушиб себе плечо и голову. А когда встал — плюнул и сказал: пусть принимает парад Жуков. Он старый кавалерист.

— А на какой лошади он тренировался? — спросил я Василия.

— На белом арабском коне, на котором он рекомендовал вам принимать парад. Только прошу об этом никому не говорить, — снова повторил Василий.

И я до сих пор никому не говорил. Однако прошло уже много лет, и думаю, что теперь об этом можно рассказать... (Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 13-е издание. Москва: Олма-Пресс, 2003. Т 2. С. 354).

Вновь открытые откровения покойного маршала тут же облетели весь свет и превратились в общеизвестный и неоспоримый факт истории. О тайной подготовке Сталина к тому, чтобы лично принимать Парад Победы верхом на белом арабском скакуне рассказывают теперь историки, журналисты и писатели во всем мире: британские и марокканские, германские и парагвайские. Недавно в Москве мощный многосерийный телефильм о войне сняли. Денег не пожалели. И показали войну выпукло и объемно. Но вдруг — сцена в заключительной серии: Жуков взирает в непроглядную даль грядущего, к нему подскакивает запыхавшийся генерал-майор авиации Вася

Сталин и горячим шепотом докладывает на ухо о своем глупом родителе, который пытался оседлать арабского жеребца...

В мемуарах, которые вышли при жизни Жукова и выходили потом два десятка лет после его смерти, ничего не сказано ни про сталинское падение, ни про разговор с его сыном, ни о том, что Сталин подсказывал Жукову, на каком именно коне принимать парад. Но вышла в свет «Последняя республика», и тут же в тех же самых кустах, в которых в нужный момент всегда случайно оказывается элегантный белый рояль, отыскался ранее неизвестный кусочек мемуаров великого полководца.

Мне эта находка показалась, мягко говоря, странной. Я выразил в печати соображения на этот счет. А мне возражают: стоит ли обращать внимание на такие мелочи? Есть ли смысл спорить о том, падал Сталин с арабского коня или не падал?

Смысл, граждане, есть. И заключается он вот в чем. Главная идея «Последней республики» в том, что Сталин результаты войны оценивал крайне низко — вернее, расценивал как катастрофу: то, что он затевал, осуществить не удалось, ресурсы в ходе войны были растрочены колоссальные, страна была разрушена и разорена, надвигался голод, были убиты десятки миллионов самых работающих мужиков, хоронить которых у государства не было ни средств, ни желания; на улицах и базарах, на вокзалах и площадях — миллионы калек; жизненные силы нации подорваны, ясно вырисовывалась историческая обреченность Советского Союза, который в ближайшей исторической перспективе должен был неизбежно рухнуть. Вот потому-то Великий вождь и не стал принимать Парад Победы.

А на это мне косвенно, но очень твердо возразили: готовился Сталин парад принимать, готовился чуть ли не до последнего дня. То есть: результатом войны был полностью удовлетворен, расценивал его как великую победу, а парад принимать не стал просто потому, что конем править не умел.

2

Отделим факты от их злонамеренного толкования.

Первое. Генерал-лейтенант авиации Сталин Василий Иосифович ни на трезвую голову, ни в пьяном бреду никогда никому ничего подобного этому «по большому секрету» не сообщал.

Второе. Сталин Василий Иосифович не мог ни подтвердить, ни опровергнуть сообщаемый нам «большой секрет», так как на момент выхода очередного, в девятый раз кардинально переработанного варианта мемуаров Жукова был мертв.

Третье. Маршал Советского Союза Жуков Георгий Константинович сам лично подготовки Сталина к параду не видел. Это следует из текста «обнаруженного» фрагмента.

Четвертое. Из «найденного» текста вовсе не следует, что сын Сталина лично видел подготовку Сталина к параду. Проще говоря, мы имеем свидетельство Жукова, который не видел сам, но ссылается на сына Сталина, который тоже, возможно, сам ничего не видел.

Пятое. Маршал Жуков никогда никому ничего подобного не рассказывал и не писал.

Шестое. Маршал Жуков не мог ни подтвердить, ни опровергнуть сообщаемый нам «большой секрет», так как на момент его чудесного «обнаружения» пепел маршала уже два десятка лет покоился в кремлевской стене.

Седьмое. Никто не представил никаких доказательств того, что «найденный» текст принадлежит перу Жукова.

Восьмое. Никто не представил никаких объяснений, где, когда и при каких обстоятельствах сей фрагмент был удален из первоначальной рукописи мемуаров Жукова.

Девятое. Никто не представил сведений о том, где, когда и при каких обстоятельствах сей фрагмент был «найден».

Десятое. Никто не представил никаких объяснений, отчего «поиск» продолжался так долго и отчего чудесное «нахождение» последовало так быстро вслед за выходом «Последней республики».

3

Парад Победы — это грандиозное действо, которое имело колоссальное военное, политическое, идеологическое и пропагандистское значение не только для Советского Союза, но и для всего мира, и не только в XX веке, но будет иметь и во все грядущие века. Потому подготовка к параду началась через две недели после капитуляции Германии. Генерал армии С. М. Штеменко, который лично по приказу Сталина составлял план парада, сообщил: 24 мая 1945 года Сталин принял решение парад проводить и утвердил самое важное — дату и две центральные фигуры.

Дата — ровно через месяц, 24 июня.

Принимать парад — Жукову, командовать — Рокоссовскому.

Источник: Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Москва: Воениздат, 1968. С. 395.

Жуков с этим спорить не стал, своему соратнику и близкому другу генералу армии Штеменко не возражал, однако на следующий год выпустил собственные мемуары, в которых изложена совсем другая версия: 18 или 19 июня 1945 года Сталин якобы вызвал Жукова, поинтересовался, не разучился ли он ездить на коне, и приказал принимать Парад Победы.

Разница в двух изложениях одного события колоссальная.

Если верить генералу армии Штеменко, то Сталин, принимая решение о параде, тут же распределил роли в предстоящем торжестве, изначально места для себя не оставив.

Но если верить Жукову, то почти до самого последнего момента было не ясно, кто же будет принимать парад. И только за пять или шесть дней до парада Сталин якобы возложил на Жукова эту обязанность.

Через два десятка лет после смерти Жукова его вариант событий был усилен «большим секретом», который якобы сообщил сын Сталина одному только Жукову, и потому ставшим сегодня

известным всему прогрессивному человечеству.

Давайте поверим маршалу Жукову и тем, кто после его смерти находил нужные на данном историческом этапе фрагменты рукописи. Давайте эти добавления не считать глупой подделкой, давайте им верить, давайте посмотрим, куда нас заведет наше необузданное доверие.

Итак, допустим, что Вася Сталин сообщил Жукову, что его отец тайно готовился принимать парад. От Василия Жуков узнал этот великий секрет.

Пусть будет так. Но зададим вопрос: если Сталин действительно готовился лично принимать парад, то могло ли это быть тайной для Жукова?

Судите сами. На конечном этапе войны против Германии и ее союзников действовали десять советских фронтов. Вертикаль власти была простой и четкой.

Во главе страны и ее Вооруженных Сил — Верховный главнокомандующий Маршал Советского Союза Сталин.

У Верховного главнокомандующего — единственный заместитель Маршал Советского Союза Жуков, который кроме того в последние месяцы войны был еще и командующим 1-м Белорусским фронтом.

Сталину и Жукову подчинены девять командующих фронтами в званиях Маршалов Советского Союза или генералов армии.

Сценарий парада напрашивается сам собой:

- девять командующих фронтами ведут сводные полки своих фронтов, полк 1-го Белорусского ведет заместитель командующего фронтом;
- всеми войсками командует заместитель Верховного главнокомандующего Маршал Советского Союза Жуков на вороном жеребце;
- принимает парад Верховный главнокомандующий Маршал Советского Союза Сталин на белом коне.

И вот, начиная с последней недели мая 1945 года, десятки тысяч солдат и офицеров каждый день без выходных и праздников до десятого пота секут сапогами бетон Центрального аэродрома. Ближе к заветной дате — еще и ночные тренировки на Красной площади. Но если верить Жукову, личность того, кому предстояло принимать парад, оставалась неизвестной. И только за четыре или пять дней Вася Сталин открыл Жукову «под большим секретом», что Сталин сам тайно готовился на эту роль.

Здорово!

Поясню.

Да неужели без Васи Жуков сообразить не мог, что замышляет Сталин?

Теоретически принимать парад мог Сталин, его единственный заместитель Жуков или один из девяти командующих фронтами.

Но оказывать великую честь одному из девяти просто незачем, если есть живой Верховный

главнокомандующий и его единственный зам. Следовательно, девять кандидатов отпадают сразу без обсуждения. Да и сам Жуков мог видеть, что все девять готовятся вести сводные полки своих фронтов, но ни один из них на тренировках не гарцует на белом арабском жеребце.

Следовательно, в списке оставались только два претендента: Сталин и Жуков. Но Жукову Сталин якобы такую роль до самого последнего момента не предлагал.

Если всем возможным претендентам, включая единственного заместителя, до самого последнего момента ключевую роль не предлагают, то трудно ли было сообразить, что тот, кто здесь Самый Главный, эту роль взял себе?

Из мемуаров Великого стратега следует, что сам он был не способен решить задачу подобной сложности. Если бы болтун Васька на ушко Жукову не сообщил бы, что Сталин сам готовится принимать парад, то Жуков никогда бы не узнал великую тайну и до нас не донес бы.

Так вот: тот, кто «нашел» кусок текста про Ваську Сталина и сообщаемые им «большие секреты», хотел сделать как лучше, но вписав эту глупость в «Воспоминания и размышления», возвел Жукова в разряд не самых блистательных мыслителей.

4

Зайдем с другого конца.

Поверим, что только 18 или 19 июня 1945 года, то есть за пять или шесть дней до великого дня, Сталин приказал Жукову парад принимать.

Пусть будет так.

Но зададим вопрос: а каковы были обязанности Жукова в отношении готовящегося торжества до 18 или 19 июня?

Допустим, что Сталин сам тайно готовится принимать парад на белом коне. Но в этом случае роль Жукова могла быть только одна — командовать парадом на вороном! И никого другого на эту роль не сыскать! Командующие фронтами ведут сводные полки своих фронтов, а ими командует заместитель Верховного главнокомандующего.

Поэтому, если бы Сталин тайно решил оседлать белого жеребца, то он должен был сказать Жукову: а ты себе подбери вороного, и ординарцу своему.

Но если бы Верховный главнокомандующий приказал своему единственному заместителю появиться на Красной площади на вороном коне, то это могло означать только одно: на белом коне будет сам Сталин.

А ведь что получается? Сталин якобы тайно упражняется парад принимать, но никому не приказал готовиться командовать парадом. Но ведь тому, кто с рапортом выйдет навстречу Сталину на вороном, тому, кто парадом командовать будет, тоже надо время на подготовку! Ему надо с конем освоиться, а если конь не подходит, то срочно заменить, и тренировать, тренировать,

тренировать. Еще и запасной конь должен быть: вдруг с первым номером что случится прямо накануне, так что же — парад отменять? Или опозориться навеки?

Из новейшего варианта «самой правдивой книги о войне» следует, что Сталин был ужасно глуп: сам тайно на белом коне упражнялся, но ни Жукову, ни кому другому не поставил задачу тренироваться на вороном.

Но если бы Сталин приказал Жукову тренироваться на вороном коне, тогда дураком предстает Жуков: единственный заместитель Верховного главнокомандующего получил задачу кому-то рапортовать на Параде Победы, но никак не может сообразить, кто же это такой над ним начальником состоит.

5

Мы еще и вот с какого конца зайдем.

Мы поверим, что Сталин в гордом одиночестве готовится принимать парад. А поверив, вдруг спохватимся: отчего это вдруг — в одиночестве?

Принимающий парад выезжает из Спасских ворот не один, а в сопровождении ординарца. Дуэтом. Так надо же и тренироваться вдвоем.

А навстречу им от Исторического музея — командующий парадом на вороном коне. И тоже с ординарцем. Двум парам всадников надо одновременно встретиться ровно посреди площади, не опередив партнеров и не опоздав.

Две пары всадников — лицом к лицу. Принимающему парад надо не просто выслушать рапорт командующего, но и принять от него эстафету: рапорт подготовлен не только в устной, но и в письменной форме — командующий парадом передает письменный рапорт принимающему парад, а тот передает эстафету своему ординарцу.

Олимпийские чемпионы на гравежной дорожке эстафету теряют, а тут все это — верхом на лошадях. Номер почти цирковой. Только в цирке, если что не так, — перебежками без аплодисментов. В следующий раз получится, тогда и сорвем свое.

А Парад Победы — на глазах всего мира и только один раз, без возможности повторить. И вот нам теперь какие-то умники предъявляют «найденный» фрагмент, из которого следует, что Сталин тренировался один, не сговариваясь с партнерами и даже никого не назначив на роль командующего парадом, не предупредив о возможном назначении, не дав времени ни на подготовку, ни на подбор ординарца и лошадей.

Так ведь и это не все. Встретаться двум парам наездников предстоит посреди площади лицом к лицу. А встретившись, приняв рапорт и эстафету, надо разойтись. Принимающий парад со своим ординарцем должны вперед нестись, а командующий парадом со своим ординарцем должны этой паре дорогу уступить и пристроиться следом.

Но выходит, что Сталин почти до самого последнего момента в одиночестве эволюции отработывал... Не свалился бы с арабского коня за неделю до парада, так бы один и тренировался, партнеров в известность не ставя...

6

Кстати, об арабском коне. Его появление на страницах «самой правдивой книги о войне» достоверности и ясности не добавляет. Весь отрывок про арабского коня, якобы вырезанный цензурой и якобы найденный через два десятка лет после смерти Жукова, — выдумка. Причем выдумка предельно глупая. Дело в том, что арабская лошадь — небольшое грациозное создание. Это своего рода «балерина» лошадиного царства. Арабская лошадь сильная, быстрая, гибкая, выносливая, как и надлежит быть балерине, и в то же время — совсем небольшая. Высота в холке всего только 150-153 сантиметра.

Представим себе, что выезжает Сталин из ворот Спасской башни на небольшой белой арабской лошадке. Чуть позади — ординарец. Но ведь и у ординарца лошадь должна быть столь же грациозной и миниатюрной. Если ординарец на огромном коне будет следовать за Сталиным, это будет выглядеть комично.

А навстречу им — командующий парадом с ординарцем. На вороных конях. Но и они не могут появиться на Красной площади на огромных лошадях! Ведь будет смешно.

Следовательно, если Сталин готовился принимать парад и если его выбор пал на арабского коня, то и у его ординарца должен быть конь такой же породы, примерно таких же размеров, то есть должен был быть арабским. Но и у командующего парадом и его ординарца — тоже арабские, только не белые, а вороные, которые, кстати, встречаются достаточно редко. А еще — минимум столько же белых и вороных коней надо было иметь в качестве запасных.

И вот, допустим, Сталин во время тайной тренировки с маленькой арабской лошади свалился, после чего отказался от затеи лично парад принимать. На его место за пять или шесть дней до парада назначен Жуков, а командовать парадом приказано командующему 2-м Белорусским фронтом Маршалу Советского Союза Рокоссовскому.

В этом случае потребовалось бы сменить всех лошадей основного состава и всех запасных, выставив вместо небольших арабских лошадей наших родных терских, донских или русских верховых. Их следовало срочно подыскать, проверить, подготовить.

Но не было этого!

С самого начала подготовки, с конца мая, для Жукова был подобран огромный белый красавец по кличке Кумир, для Рокоссовского — столь же великолепный вороной Полюс. Для ординарца Жукова генерал-майора П. Зеленского — белый Целебес, для ординарца Рокоссовского подполковника В. Клыкова — вороной Орлёнок. Оба маршала вместе со своими ординарцами

немедленно приступили к тренировкам.

Об этом мы знаем из многих неопровержимых источников. Вот один из свидетелей — Бобылев Игорь Федорович, полковник, профессор, заведующий кафедрой коневодства Московской ветеринарной академии. Более сорока лет, до самой смерти, он был членом Президиума Федерации конного спорта СССР и вице-президентом этой организации. Более 20 лет был членом Бюро Международной федерации конного спорта. Его авторитет в этой области признан не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. С его мнением считался Международный олимпийский комитет. Военная служба полковника Бобылева прошла в основном в Москве, в Манеже Наркомата обороны СССР (далее — Военное министерство и Министерство обороны СССР). Именно он, полковник Бобылев, отвечал за подбор лошадей для московских парадов. О своей службе он написал книгу «Всадники с Красной площади» (Москва: Издательский центр Федоров, 2000).

Из этой книги мы узнаем, что никаких арабских лошадей к параду не подбирали и не готовили, что Жуков и Рокоссовский преступили к тренировкам в Манеже в конце мая 1945 года, что оба изначально знали свои роли, то есть Жуков с самого начала подготовки к параду тренировался на белом коне, а Рокоссовский — на вороном. Короче говоря, Сталин с самого начала не оставил для себя роли в предстоящем торжестве. То есть фантазии мертвого Жукова со ссылкой на мертвого сына Сталина — бездарная фальсификация истории в угоду идеологии.

Сочинителям героического прошлого надо было доказать, что Сталин был доволен результатами войны, на радостях даже и парад сам решил принимать, да малость не вышло...

7

Теперь твердой пролетарской рукой придушим логику и здравый смысл, и на пару минут поверим дочери Жукова Марии Георгиевне: она действительно нашла подлинный кусок мемуаров своего отца об арабском коне, с которого якобы свалился Сталин, и на котором он якобы рекомендовал Жукову принимать Парад Победы. Давайте допустим, что этот фрагмент рукописи был действительно вырезан подлой цензурой, но теперь включен в текст на правах неотъемлемой части воспоминаний стратега.

В этом случае мы попадаем в весьма неприятную ситуацию.

Жуков Георгий Константинович был призван в армию в июле 1915 года и прошел в кавалерии все ступени служебной лестницы до предпоследней включительно: рядовой, помощник командира взвода, командир взвода, командир эскадрона, помощник командира полка, командир кавалерийского полка, командир кавалерийской бригады, помощник инспектора кавалерии РККА, командир кавалерийской дивизии, командир кавалерийского корпуса и, наконец, до июня 1939 года — заместитель командующего округом по кавалерии. В кавалерии Красной Армии выше этой должности — только инспектор кавалерии РККА. Весь опыт взрослой жизни Жукова, с 18 лет и до

самого начала Второй мировой войны,— в кавалерии. Весь боевой опыт и весь опыт службы в мирное время — только в кавалерии. И все образование Жукова — кавалерийское: учебная команда в кавалерийском полку, рязанские Кавалерийские курсы, после этого дважды — Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава. 24 года в седле.

И вот оказывается, что после всего этого Жуков Георгий Константинович был не способен отличить арабского жеребца от нашей родной рабоче-крестьянской кавалерийской коняги терской породы.

Летом 1939 года, прямо в канун начала Второй мировой войны Жукова назначают командующим 1-й армейской группой в Монголии, после этого следует должность командующего Киевским особым военным округом.

Киевский особый военный округ — это самая мощная на тот момент группировка войск на планете Земля. По количеству авиации, танков, артиллерии, кавалерии, воздушно-десантных войск, укрепленных районов — это примерно как весь Вермахт, при гораздо более высоком качестве вооружения.

Вслед за этим Жуков получает должность начальника Генерального штаба, главная обязанность которого — готовить планы обороны страны, планы войны для всей Красной Армии. А это — и авиация, и флот, и воздушно-десантные войска; двадцать тысяч танков, сотни тысяч автомашин, десятки тысяч артиллерийских стволов, войска противовоздушной обороны, укрепленные районы, миллионные массы пехоты, саперы, связисты, химики, ремонтники, медики, топографы...

Способен ли был Жуков что-либо планировать? Ведь за плечами — ни военной академии, ни военного училища, ни танковых, ни авиационных, ни артиллерийских курсов.

Если после 24 лет службы в кавалерии Великий стратег совершенно не разбирался в своем родном кавалерийском деле, то что он мог понимать в чуждых ему вопросах современной войны?

Об арабском коне, с которого якобы свалился товарищ Сталин, я впервые написал в книге «Святое дело», вышедшей в июне 2008 года. После этого даже центральный орган Министерства обороны газета «Красная звезда» 30 декабря 2008 года выступила на моей стороне:

А что творится со всякого рода дополнениями к мемуарам Жукова — ни пером описать, ни словами рассказать. Такое впечатление, что кто-то овладел искусством вызывать дух Георгия Константиновича и постоянно с ним согласовывает новые дополнения, естественно, с оглядкой на текущую конъюнктуру, как политическую, так и в исторических исследованиях о войне.

В русском языке есть выражение «заправлять арапа», оно пришло из блатной фени и означает «обманывать», «лгать», «дурачить». В словаре воровского жаргона С. Потапова 1927 года «арап» —

это игрок-аферист. Так вот, некоторые наши историки как ни в чем не бывало продолжают «заправлять арапа», представляя нашему народу и всему миру бездарные выдумки фальсификаторов в качестве мемуаров маршала Жукова.

«Воспоминания и размышления» в современном виде — фальшивка.

Непонятно вот что. Раньше издатели могли бы сослаться на свою глупость: мол, не понимаем, что творим. Но когда вся эта мерзкая чушь разоблачена, зачем ее снова и снова публиковать, опошляя нашу историю?

Вывод: если для опровержения «Последней республики» потребовалось прибегать к фальсификации такого размаха и такой степени мерзости, то это означает только одно: официальным идеологам больше возразить нечего.

ГЛАВА 3. Где документ?

Народ не хочет правды, народ хочет, чтобы его страна была лучшей в мире.

Михаил Веллер. Человек в системе

1

Арабская сказка про арабского коня — это был удар как бы и не по мне. В нужный момент вдруг «нашелся» новый фрагмент мемуаров Жукова, который к моим сочинениям как бы отношения не имел, но должен был решительно и начисто их опровергнуть: стратегия непрямых действий в самом чистом виде.

Остальные удары — в лоб. И прямо с первой главы: вот пишешь про германский танк «Тигр-Б», а такого танка просто не существовало!

И потешались надо мной, и глумились, сочиняли статьи и целые книги. У авторов сих научных трактатов я вопрошал: был у немцев танк «Тигр», а какой же танк был принят на вооружение после него?

И они радостно отвечали: «Королевский тигр»!

Тогда я спрашивал: и откуда же вам это известно?

На это следовал веселый уверенный ответ: так все же так говорят! Да нам еще в школе Марь Ванна рассказывала!

Марь Ванна, конечно, авторитет. Но я больше доверяю генерал-полковнику Гудериану, который в момент, когда этот танк принимали на вооружение, занимал должность генерал-инспектора танковых войск Вермахта.

Гудериан пишет, что 20 октября 1943 года Гитлеру был представлен макет нового варианта танка «Тигр», *«который наши противники впоследствии нарекли «Королевским тигром»* (Panzer Leader. London: Futura, 1974. С. 313).

То же самое сказано и в немецком издании мемуаров Гудериана: никакого «Королевского тигра» в Германии не было, кличку эту придумали противники. Мемуары Гудериана вышли и на русском языке. Кому интересно, тот должен искать это замечание в 9-й главе.

От меня требуют точности. Но давайте и от моих критиков требовать того же. Если кому-то из них нравится называть танк неофициальной кличкой в то же время настаивать на том, чтобы все неукоснительно следовало исторической правде, то пусть и они сами пишут в своих творениях «так называемый «Королевский тигр» или «в просторечии именуемый «Королевским тигром»».

2

У этого танка было официальное имя.

8 января 1943 года ему было присвоено обозначение Tiger-B.

2 июня 1943 добавлен индекс — Pz.Kpfw.-VI Tiger Ausf. B.

Оба названия равноценны. Второе слишком уж длинное. Потому в документах его сокращали до Pz.Kpfw.-VIВ. или Pz.-VIВ. В повседневной жизни чаще использовали первое имя Tiger-B.

В официальных германских документах времен войны название Königstiger я не встречал, хотя достаточно упорно рыл военные архивы во Фрейбурге. Если кто-то найдет название Königstiger в официальных Германских документах времен войны, я готов дискуссию продолжить.

Во время войны в Красной Армии танк этот в официальных документах именовался «Тигр-Б». Вот прямо так — нашей родной кириллицей. На это были все основания: первые машины попали в руки Красной Армии с полным комплектом технической документации. Захваченные танки были подвергнуты всесторонним испытаниям, в том числе — обстрелу из различных типов орудий с разных направлений и дистанций, а документы были тщательно изучены. В отчетах Главного бронетанкового управления РККА танк обозначен «Тигр-Б» и никак иначе.

Меня огорчают мои критики. Название танка «Тигр-Б» неоднократно мелькало в «Красной звезде», центральном органе Министерства обороны, как до выхода «Последней республики», так и после. Пример — «Красная Звезда» 19-25.11.2008 сообщает: «Тигр-2», больше известный как «Тигр-Б».

Удивляюсь: если такое название публикует «Красная звезда», это не вызывает ни истерики, ни визга, ни обвинений в некомпетентности.

Почему же ко мне придираются за третьестепенные детали, которые к сути моей теории не имеют никакого отношения?

Да потому, что больше придраться не к чему.

3

Именно так обстояли дела с Me-209. Меня в невежестве уличил заслуженный летчик-испытатель Герой Советского Союза полковник А. Щербаков, да не где-нибудь, а на страницах «Военно-исторического журнала»: не было такого самолета! И тут же разнообразные Грызуну и Антисуворовы закричали дурными голосами: не было! «Ледокол» опровергнут!

Это было в XX веке. Но почему мои противники так и продолжают повторять глупости прошлого тысячелетия? Ведь достаточно выйти в интернет, набрать «Me-209» в поисковике, и экран за 0,06 секунды выдает 2890000 упоминаний об этом самолете.

Почти три миллиона! Почему же никто не высмеивает заслуженного летчика-испытателя? Не в том его позор, что не знает самых основных вех истории авиации. А в том, что не сознает своего невежества. Дебаты о преимуществах и недостатках Me-209 ведутся с 26 апреля 1939 года, когда летчик-испытатель Фриц Вендель на этом самолете установил абсолютный мировой рекорд скорости — 755,138 км/час. Литературы об этом самолете предостаточно. В 1940 году правительственная делегация Советского Союза закупила в Германии 36 самолетов 12-ти типов, в том числе один Me-209

(Шавров В. Б. История конструкций самолетов в СССР 1938–1950 гг. Москва: Машиностроение, 1988. С. 152). Все эти самолеты были доставлены в тот самый Летно-исследовательский институт, в котором испытатель Щербаков проработал всю свою сознательную жизнь.

До какой же степени безответственности надо докатиться, чтобы бросаться в драку, не полистав журналы и книжки, доступные любому юному любителю авиации!

Полковник Щербаков меня попутно еще и в предательстве обвинил, подписавшись красивым титулом — Герой Советского Союза...

Постойте, герой какого Союза? Которого нет? Который Щербаков не стал защищать, дезертировав в решающий момент?

Защитников Щербакова не переубедить, они заявляют: да, конечно, Щербаков — предатель, но он не виноват, он просто струсил...

Хорош храбрец, который побоялся защищать тот самый Советский Союз, «героем» которого себя теперь провозглашает.

Так вот: речь в данной главе не про «Тигр-Б» и не про Me-209. Речь о том, что против моих книг восстали стада мудрейших академиков, бравых генералов, серьезных историков и заслуженных летчиков-испытателей. И пущен в оборот аргумент: в главном Резун-Суворов, конечно, прав, да только в деталях такого нагородил, что верить ему никак нельзя.

На двух примерах показываю вопиющую некомпетентность моих критиков. Я не отвечаю на сотни других столь же мелочных и столь же неграмотных замечаний, ибо помню завет классика: и не оспаривай...

Никто не застрахован от ошибок, но перед тем, как обвинять меня в незнании, можно же в Сеть заглянуть. Мы же не в XX веке!

Я самый свирепый критик своих книг. Мой интерес: найти любые ошибки и их исправить. За любую справедливую критику премного благодарен. Только давайте искать истину, а не лепить друг другу оскорбительные клички. Все мы изменили Советскому Союзу. Только кто-то должен был это сделать первым и сознательно, а остальные — следовать дружным караваном, словно за ледоколом.

4

Главный аргумент моих критиков: а где же документ?

Отвечаю: в Центральном архиве Министерства обороны Фонд 16, опись 2951, цело 241, листы 1-16.

Почему бы не опубликовать? Все споры разом и стихнут. Почему бы весь 16-й фонд не открыть исследователям?

На это мудрые профессора заявляют: нельзя! Государственная тайна.

22 апреля 2008 года в Культурном центре ФСБ состоялся круглый стол по теме «Проблемы публикации источников о Великой Отечественной войне. Критика попыток фальсификации истории».

Дали слово научному руководителю Центра истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН, президенту Ассоциации историков Второй мировой войны, доктору исторических наук, профессору, Заслуженному деятелю науки РСФСР Ржешевскому Олегу Александровичу, и он отмочил: «Некоторые документы останутся недоступными на века, если это касается государственной или личной тайны».

Круг замкнулся.

Меня регулярно и больно бьют простым вопросом: а где же документ?

Отвечаю: да вон там, у вас на полочке!

На это: так он же секретный, его будем хранить веками!

И объявив на весь мир, что они никого никогда не подпустят к документу, который вот уже четверть века я требую опубликовать, академики и стратеги мне вновь задают вопрос: так где же документ?

Своим указом глава российского государства создал Комиссию при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. В состав комиссии собрали всех, кто требует веками не открывать архивы войны. Основная забота государственной власти и ее идеологической обслуги — не позволить народу знать свою собственную историю.

Гражданин Ржешевский ведь не от себя выступает, требуя навсегда скрыть от народа правду о войне, — он следует основным положениям государственной политики: к самым главным, к самым интересным и важным источникам о Второй мировой войне в ближайшие столетия никто допущен не будет!

5

Итак, Ржешевские и Мартиросяны, Чубарьяны и Нарочницкие сочиняют свои ученые трактаты, при этом требуют веками не допускать народ к архивам. Попробуем угадать с трех раз: а в чем их интерес?

Документы 1941 года должны были быть рассекречены через 30 лет — в 1971 году. Сколько с 1971 года времени прошло?

И почему, собственно, только в 1971-м?

На нас напали коварные враги, мы защищаем свою Родину. Что в этом секретного? Зачем же ждать какого-то 1971 года? И почему в том году архивы так и не были открыты? Почему не будут открыты в грядущие века? Почему вопреки закону архивы заперты? Почему нам нельзя знать свою историю?

Ответ на этот вопрос прост: творения наших маршалов и академиков, генералов и адмиралов испытания архивной правдой не выдерживают.

Поясняю на примере.

Не было во всей жизни Жукова более важной задачи, чем подготовить планы войны, планы обороны страны перед вражеским вторжением, которое, по его словам, он считал неизбежным и близким.

Так где же документ? Где план войны, который готовил Жуков? Где план отражения неизбежного и близкого вторжения? Почему в книге Жукова нашлось место для сплетни про арабского коня, хотя сам он свидетелем не был и на роль свидетеля не претендовал, но не нашлось места для описания работы Жукова в должности начальника Генерального штаба? Что мы знаем о планах войны, которые разработал Жуков?

Об этих планах мы не знаем ничего. И от официальной науки ответа не дождемся. И вот почему.

Если планов обороны страны не было, значит, Жуков — уголовный преступник, который не выполнял свои прямые обязанности, тем самым подставил страну на грань разгрома.

Если планы были, а войска действовали явно без всяких планов, то Жуков опять же оказывается в числе преступников. Ибо это означает, что планы были невыполнимыми, то есть дурацкими.

В любом случае официальной науке этот вопрос, как и тысячи других, лучше замять, в архивы не зарываться.

Мы не только имеем право знать свою историю, мы обязаны ее знать. А серьезные историки злонамеренно прячут правду от народа, превращая народ в стадо, в безграмотное быдло. Народ спивается и вымирает. Чтобы остановить распад или хотя бы притормозить его, надо разобраться с причинами деградации, надо поставить диагноз. Не позволяя народу вникать в собственную историю, наши академики и стратеги загоняют болезнь внутрь, обрекая страну на повторение чудовищных преступлений, а народ — на вырождение и вымирание.

Центральное событие XX века — Вторая мировая война. Но для того, чтобы понять причины возникновения Второй мировой войны и оценить ее результаты, мы должны понять суть коммунизма. Вот эту суть от нас и прячут.

ГЛАВА 4. Зачем коммунистическим вождям нужна Мировая революция.

Всю нашу надежду мы возлагаем на то, что наша революция развяжет европейскую революцию. Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, мы будем раздавлены, это несомненно. Либо русская революция поднимет вихрь борьбы на Западе, либо капиталисты всех стран задушат нашу.

Лев Троцкий. Речь на Втором съезде Советов. 26 октября 1917 г.

1

Маркс считал, что коммунистическая революция должна быть мировой.

Для Маркса это было настолько очевидно, что он даже не пытался эту мысль ничем обосновать. Ясно без обоснования.

Ленин тоже считал, что коммунистическая революция должна быть мировой.

Я просто из принципа не буду Ленина цитировать. Все ленинские работы пронизаны одной мыслью: «либо одно, либо другое победит».

Это именно тот редкий случай, когда Ленин оказался прав: или коммунисты захватят весь мир, или коммунистическая власть рухнет повсеместно.

Так и случилось. Они не смогли захватить весь мир. И потому их власть рухнула.

Троцкий стоял на том же фундаменте: на одной планете коммунизм не может существовать рядом с нормальным человеческим обществом.

2

Договоримся сразу: мы не спорим о терминах. Название можно придумать какое угодно: фашистский социализм, коммунистический фашизм, марксизм-гитлеризм, гитлеризм-ленинизм, троцкизм-сталинизм... Мы сейчас говорим о сути. А суть в том, что нормальное государство имеет только две функции:

1. защитить своих граждан;
2. так устроить жизнь, чтобы люди охотно и хорошо работали.

Все остальные проблемы люди решат сами. Только не надо вмешиваться в их жизнь, только не надо им указывать, что, как и когда делать. В стране миллионы, десятки, а может быть, и сотни миллионов людей. У каждого голова, так пусть же каждая голова работает.

Если государство начинает вмешиваться в жизнь людей, в их деятельность, то ничего хорошего из этого не получится. Если государство начинает людям давать указания, что и как делать, если люди работают из-под палки, то долго такое государство не протянет. Его ототрут. Оно захиреет.

Вмешательство государства (пусть даже из самых благородных побуждений) в экономическую

деятельность своих граждан всегда и везде имеет одинаковые последствия: население беднеет и разбегается.

В теории звучит красиво: при социализме все будет принадлежать всему обществу, всему народу! Кто же будет принимать все решения? Ответ: государство!

Однако что есть государство? Как его пощупать? Государство — это государственные структуры и органы, другими словами, представители народа или, короче, — бюрократия.

Если бы сказали социалисты открыто: мы введем тотальную бюрократизацию, то кто бы их поддержал? Потому они употребляют привлекательные термины: национализация, социализация, государственный контроль и так далее. Но от применения красивых слов суть дела не меняется: государство, то есть бюрократия, не в состоянии эффективно управлять экономикой. Нет бюрократу интереса рисковать, экономить, вводить новое. Социалистическое общество быстро беднеет, и самые толковые граждане бегут туда, где над ними не будет бюрократа, где есть возможность работать самостоятельно, не подчиняясь параграфам инструкций.

Закон без исключений: ОТ СОЦИАЛИЗМА ЛЮДИ БЕГУТ.

От любого.

Чем больше национализации, тем больше надо чиновников для управления обобществленным хозяйством, тем хуже работает экономика, тем беднее страна, тем больше людей голосуют ногами.

Советский социализм никому не нравился, и человек Запада с презрением говорил: у вас не социализм, у вас тоталитаризм, у вас господство бюрократии.

Правильно. Но если, к примеру, у американцев отнять землю, отнять магазины и заводы, отнять корабли и железные дороги и отдать все в общественное пользование, то кто же всем этим хозяйством будет управлять? Ответ один: общественная собственность есть собственность государственная, то есть контролируемая государственными структурами — то есть бюрократией. Гигантское хозяйство требует гигантской армии бюрократов для управления. И если кто-то говорит, что американская бюрократия сможет управлять хозяйством лучше, чем это делала русская бюрократия, то мы спорить не будем. Поживем — увидим.

3

А теперь проведем эксперимент. Я его проводил многократно. Остановите на улице человека, желательно иностранца из самой что ни на есть богатой демократической страны, и ошарашьте его вводной: вы лично глава самого богатого, самого развитого государства, вчера вы передали в общественную собственность все, что есть в вашей стране, а наутро люди из вашей страны побежали... Что вы будете делать?

Возможных ответов только два:

1. немедленно откажусь от бюрократии, то есть от социализма;

2. приму все меры, чтобы беглецов остановить.

Достаточно интересно, что первый ответ вы услышите крайне редко. Очень мало на свете людей, которые задают встречный вопрос: а почему бегут? Редко кто пытается найти причину массового исхода. Гораздо чаще, получив вводную «бегут», ваш незнакомый собеседник реагирует решительно и круто: «остановить!»

Самый момент задать второй вопрос: как остановить?

Тут вам выложат целый набор средств:

- перекрыть все границы патрулями;
- побольше собак;
- побольше вертолетов;
- заминировать границы;
- освещать границы прожекторами;
- поставить электронную сигнализацию;
- возвести стену вдоль границ.

Отвечайте, что все эти меры испытаны, но не помогают.

Возможно, какой-нибудь собеседник ответит: и черт с ними, пусть бегут.

А вот с этим не согласимся. Бегут-то не самые глупые. От Ленина побежал весь цвет великой русской культуры, науки и государственности: гениальные шахматисты и создатели первых в мире вертолетов, генералы и дипломаты, банкиры и торговцы, мастера балета с мировыми именами и артисты театров, писатели, художники, скульпторы, инженеры, архитекторы, офицеры, юристы... Даже те, кто воспевал общественную собственность, проклинал город желтого дьявола и одноэтажную Америку, всех мастей Горькие и Маяковские, тоже побежали. Они пели гимны рабоче-крестьянской власти, находясь от нее вдалеке. Ибо прекрасное, как нас учили, видится только издалека.

После обобществления хозяйства поток беженцев никогда и ни в одной стране не иссякал, а только нарастал. Летом 1961 года в одной только половине одного только города — я имею в виду Западный Берлин, — население увеличивалось на одного человека каждую минуту. А в Восточном Берлине соответственно каждую минуту население на одного человека сокращалось. И пришлось возвести восьмое чудо света — Берлинскую стену, а всех, кто через стену пытался перебраться, — убивать.

Проблема осложнялась тем, что и пограничники тоже люди. Сами пограничники тоже бежали через проволоку. И тогда пришлось вводить электронную защиту, перекрывать подходы к границам минными полями, барьерами, которые не проломишь ни танком, ни бульдозером... А люди бежали.

В Берлине есть самый интересный в мире музей — музей Берлинской стены, музей побегов через стену. Это музей гениальных изобретений. Господи! Чего только люди не выдумали, чтобы убежать

из общества, в котором государство вмешивалось в их жизнь. Это музей смертельного риска. Это музей надежды и веры: человек способен убежать!

И люди бежали. Бежали из всех социалистических стран. Максимальное количество республик в составе Советского Союза было шестнадцать. А потом их стало меньше — пятнадцать. Население одной из республик — Карело-Финской — в большинстве своем потихоньку слиняло в соседнюю Финляндию. Людей держали, ловили, пугали, но земля осталась, а населения на целую республику никак не набирается...

Вспомним, как, собственно, произошло крушение коммунизма в Восточной Германии, Польше, Чехии, Словакии... Венгрия открыла границы с Австрией, и вдруг сотни тысяч людей в соседних коммунистических странах возгорелись желанием путешествовать. Летом 1989-го все дороги Восточной Европы были забиты туристами, которые путешествовали в одном направлении без намерения возвращаться. Экономическая жизнь одновременно в нескольких странах была парализована: люди хватали то, что могли унести, и неслись к границе, туда, где открылась маленькая дырочка. И весь мир был свидетелем эффекта воздушного шара: огромный красный шар с круглыми боками ткнули иголкой. И он лопнул.

Так что позволить людям свободно уходить коммунисты не могли. Тот, кто это допустил, стал невольным могильщиком Великой Идеи. И лопнула Идея мыльным пузырем.

4

На практике обобществление хозяйства всегда сопровождается массовым исходом людей. И борцам за народное счастье всегда и везде надо свято блюсти то, что товарищ Сталин именовал термином «граница на замке».

Но даже «граница на замке» не могла сдержать напора. И власти должны были предпринимать нечто более серьезное и радикальное. Вот и спросите любого на улице, что же делать, если люди бегут миллионами?

И ваш собеседник предлагает все новые меры:

- отправить в соседние страны тайных агентов, чтобы вылавливать и возвращать беглецов;
- беглецов убивать, чтобы другим было неповадно;
- выискивать среди жителей потенциальных изменников;
- брать заложников: ты побежал, а мы твоих близких перестреляем;
- доходчиво рассказать населению, что за рубежом жизнь плохая, что там негров бьют.

И много еще дадут советов.

А вы возражайте: этого мало. Этим беглецов не остановить.

И тогда самый проникательный из ваших собеседников предложит «внешнее» решение для

внутренних проблем: СДЕЛАТЬ ТАК, ЧТОБЫ НЕКУДА БЫЛО БЕЖАТЬ.

5

Нам говорят, что Россия не была готова к социализму, что социализм можно вводить только в богатой, развитой, культурной стране. Чистая правда. Но почему так? Экономическую свободу, свободное предпринимательство можно ввести где угодно — в Сингапуре, в Южной Корее, на Тайване, и результат всегда один: поразительный рост науки, культуры, промышленности, сельского хозяйства, благосостояния людей. А социализм можно вводить только в богатых, культурных странах. Почему же? Да потому, что бюрократия ничего не способна создать сама, кто-то до нее своим трудом должен накопить богатства, поднять культуру, науку, промышленность и сельское хозяйство — вот только на созданных кем-то богатствах социализм и расцветает. Ненадолго.

Бюрократы разорят любую богатейшую страну. Очень даже быстро.

Говорят, что в России был вовсе не социализм, а что-то ужасное. Верно. Запомним правило: в теории любой социализм прекрасен.

Нам говорят, в России был не социализм, а государственный капитализм. Это говорят сами социалисты. Их намерения понятны: дайте нам еще разок попробовать, уж на этот раз мы возведем настоящий социализм.

Предрекаю: любое вмешательство государства, то есть бюрократии, в экономику завершится коррупцией, воровством, взяточничеством, расхищением природных ресурсов, концентрацией власти и богатства в руках немногих, открытым бандитизмом, экономическим и культурным застоєм, загниванием и крахом.

А люди из такого общества побегут.

Не в обиду будет сказано приютившей меня Британии: британское государство пытается организовать все как лучше, потому каждый год Британия теряет тысячу ученых высшего класса. Это явление называется утечкой мозгов. По три человека в день. Много десятилетий подряд. Эти ученые уже никогда в Британию не вернутся. В момент, когда вы читаете эти строки, трое сидят в аэропорту Хитроу, терминал номер четыре — отсюда улетают в Калифорнию. В Калифорнии климат — не для белого человека. В Калифорнии бандитизм. В Калифорнии в любой момент может потрянуть. И трясет. Гибнут люди и ценности. И кто знает, что случится в следующую секунду. Но люди туда бегут.

Социализм в Британии относительно мягкий. Но как только чиновники из лучших побуждений попытаются нашу жизнь улучшить и организовать, так немедленно поток уходящих усилится, и государство просто ради самосохранения будет вынуждено своих ученых ловить по аэропортам с собаками и применять к своим гражданам все те меры, которые мы перечислили выше.

Но это — к слову.

Говорят, что русские, китайские, немецкие, кубинские и все другие коммунисты не так поняли Маркса.

Может быть.

Но если миллиарды людей пытались организовать жизнь по Марксу и ни у кого ничего не получилось, то пора упрекнуть и Маркса: он должен был предусмотреть побочные эффекты. Если гениальный ученый придумал лекарство, которое никому не помогло, но от которого погибли десятки миллионов человек, то такого учителя, по крайней мере, гениальным считать не следует. Можно, конечно, объявить, что глупые пациенты неправильно истолковали гениальный рецепт. Но есть в чем упрекнуть и гениального учителя: он обязан так писать инструкции, чтобы не оставалось возможностей для превратного толкования.

В мире тысячи профессоров-марксистов, но ни один из них не пытался хотя бы теоретически построить модель общества по рецептам Маркса.

Откроем «Манифест коммунистической партии», написанный Марксом и Энгельсом, и посмотрим, каким должен быть настоящий коммунизм. Вот некоторые рекомендации:

1. Полностью ликвидировать частную собственность.
2. Ликвидировать семью, ввести «официальную открытую общность жен».
3. Всех детей взять на общественное воспитание. (В резолюции женевского конгресса Интернационала Маркс развивает эту мысль: «Всякий ребенок, начиная с девяти лет, должен быть производительным работником...»)
4. «Учредить промышленные армии, в особенности для земледелия».

Маркс и Энгельс забыли сказать, кто будет трудовым солдатом, а кто трудовым капралом, кто должен стать трудовым офицером, а кто трудовым фельдмаршалом.

Попытаемся представить сотни миллионов и миллиарды людей, у которых НИЧЕГО нет: ни земли, ни дома, ни жены, ни детей. Раньше сотни миллионов людей каждый день принимали миллиарды решений о том, что им делать: когда пахать, когда сеять, что производить, что покупать, что продавать. Но отнять у людей все — значит лишить их права и возможности принимать решения. Кто же будет принимать миллиарды ежедневных решений, кто всем будет распоряжаться?

Ответ Маркса однозначен — государство: «централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией», «централизация всего транспорта в руках государства», «увеличение числа государственных фабрик» и так далее.

Если мы отнимаем кусок земли у крестьянина и не позволяем ему этим куском распоряжаться так, как он находит нужным, значит, мы должны ввести должность бюрократа, который будет отдавать приказы от имени государства. Сразу возникает вопрос: а если крестьянин не пожелает

подчиняться бюрократу? Если он будет руководствоваться не инструкциями государства, а своим опытом? В этом случае государство будет вынуждено использовать силу, ибо если разрешить каждому руководствоваться своим опытом и самому принимать решения, то кому же нужны тогда марксовы трудовые армии?

Говорят, что Маркс и Энгельс хотели уничтожить классы и эксплуатацию. Так говорит тот, кто сам «Манифеста» не читал, а знает его по пересказам. А замысел Маркса иной: четкая пирамида с разделением общества на низших, средних и высших (с множеством промежуточных ступеней), концентрация всех богатств и власти на вершине, превращение низших в послушных и покорных исполнителей.

В принципе мечты Маркса осуществимы. Все, о чем мечтали Маркс и Энгельс, было воплощено в Бухенвальде, Дахау, Дмитлаге, Заксенхаузене и Амурлаге. Ведь это те самые трудовые армии, где у людей нет семьи, нет частной собственности, а дети превращены в производительных работников.

Мечты Маркса вполне помещались за решетками и за ворота Освенцима не выходили.

В любой стране, в любом крупном городе есть самые настоящие очаги марксизма — сообщества людей, которым государство совершенно бесплатно обеспечивает жилище, отопление, медицинскую помощь, питание, одежду, гарантирует занятость. Люди в этих сообществах, пусть формально, но равны: у них одинаковое питание, одинаковая одежда, одинаковые условия жизни.

Где же эту идиллию можно встретить?

В тюрьмах. В тюрьме все устроено по Марксу: ликвидирована частная собственность, люди обеспечены всем необходимым для жизни, и работа им гарантирована. Тюрьма и концлагерь — это идеал, к которому стремится любое марксистское государство.

Необходимость террора Маркс и Энгельс понимали совершенно ясно: кто же добровольно будет жить в их коммунистическом раю? Поэтому у Маркса мы находим призывы не просто к диктатуре, но к «энергичной диктатуре» (Новая рейнская газета. 14 сентября 1848 г.), а у Энгельса в «Катехизисе» мы находим признание простого факта: на всех тюрем не хватит. Поэтому Энгельс рекомендовал для врагов режима «особые охраняемые места». В двадцатом веке это понятие выражается более коротким и понятным термином — концлагеря.

Чем больше земли, заводов, дорог мы отнимаем у людей, тем больше бюрократов нам надо для управления всем этим. Маркс и Энгельс предложили отнять у народа ВСЕ, то есть предложили тотальную бюрократизацию — правда, не назвав вещи своими именами.

Марксизм по сути — это тоталитарный контроль экономики государством, то есть государственной бюрократией. Россия действительно не была готова к тому, чтобы жить по учению Маркса. Но укажите мне ту страну, которая готова жить по рекомендациям бородатых живодеров.

Если бы Маркс попытался построить коммунизм, например, в Германии, то пришлось бы пролить реки крови. Если только у немецких крестьян отнять землю, у лавочников — магазины, у

ремесленников — мастерские, это сколько же недовольных надо будет истребить!

Если у родителей отнять детей, если у мужей отнять жен и пустить их в общественное пользование, то и тут мы встретим сопротивление. Для подавления сопротивления Марксу потребовались бы миллионы солдат для войны против своего народа, тайная полиция, публичные показательные казни и прочие «прелести».

Если сопротивление он сумел бы задавить, то тогда немцы побежали бы в соседние страны. Кстати, Маркс предвидел массовый исход и предлагал крутые меры против недовольных и беглецов. И не Хрущёв, а Маркс строил бы стену вокруг своего «рая», не Эрих Хонеккер, а Маркс отдавал бы приказы убивать бегущих.

В конечном итоге Маркс вынужден был бы начать революционную войну против соседних стран для того, чтобы они не служили приманкой для его подданных. Но установлением коммунизма в Австрии, Франции, Швейцарии проблему решить нельзя: немцы, австрийцы, французы, швейцарцы побегут дальше — в Британию, Италию, Испанию, и Маркс должен будет продолжать войну в мировом масштабе. Сам он это понимал и именно потому считал, что коммунизм может существовать только во всем мире.

Для населения любой коммунистической страны соседняя нормальная страна — пример для сравнения. Сравнение всегда не в пользу коммунизма. Люди в Северной Корее смотрят на своих соседей в Южной Корее и делают выводы. Само существование Южной Кореи опасно для существования коммунизма в Северной Корее, где люди перестают верить коммунистам. Потому две системы рядом долго сосуществовать не могут. Именно поэтому длительное сосуществование двух Германий было невозможным. Люди бежали из Восточной Германии, страна теряла свой интеллектуальный потенциал и ради самосохранения должна была или однажды (вместе с союзниками) установить коммунизм в Западной Германии, или пасть.

Однако превращение соседней страны в коммунистическую не решает проблемы полностью. Северный коммунистический Вьетнам распространил коммунизм на Южный Вьетнам, но люди побежали еще дальше...

Вот почему Маркс и Энгельс видят выход только глобальный, только всемирный: все население Земли загнать в одну трудовую армию, всех подчинить одному правительству, чтобы нигде не было заманчивой заграницы. Поэтому в любой своей книге термин «государство» они используют только в единственном числе и подчеркивают, что речь идет о едином мировом государстве, что это задумано для всех народов, навсегда, как венец человеческого развития, лучше которого ничего придумать нельзя.

Маркс считал необходимым распространить свою идею на всех людей, как существующих, так и на все грядущие поколения. Мировая революция — единственно возможный вариант существования чистого марксизма. Маркс и Энгельс ничего иного не допускали даже теоретически. Мировая

революция могла возникнуть только в результате мировой войны. Маркс и Энгельс мировую войну предрекали, о мировой войне мечтали...

7

Сталин тоже понимал, что длительное существование коммунистического режима (пусть не в чистом марксистском, но даже в очень мягком сталинском варианте) рядом с нормальными государствами невозможно.

Существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время невыносимо.

Так говорил Ленин. И повторял многократно:

Пока остались капитализм и социализм, они мирно жить не могут: либо одно, либо другое в конце концов победит; либо по Советской республике будут петь панихиды, либо — по мировому капитализму.

Эти ленинские выражения Сталин цитировал чаще всего.

Чтобы скрыть суть своей системы, коммунисты представляли дело так, что Советский Союз — это якобы та же самая Российская империя. На первый взгляд бросалось сходство: все те же границы, установленные Екатериной Второй, все те же соседи, с которыми у России вековые конфликты.

Но была и разница между Советским Союзом и всеми империями, в том числе разница и с Российской империей. Разница вот в чем.

Теоретически Чингисхан мог остановиться на любом рубеже и дальше не идти. Мог остановиться Александр Македонский, Аттила, Бонапарт. Любая империя — Британская, Испанская, Французская, Российская — могла остановиться на каких-то рубежах и более не расширяться.

Советский Союз остановиться не мог.

Советский Союз должен был расширяться на весь свет, ибо не мог существовать рядом с нормальными государствами. Спасение коммунизма было только в его распространении по всему миру, в уничтожении нормальной жизни в остальных странах, чтобы для советского народа не было бы страны, о которой можно мечтать, не было бы страны, в которую можно убежать, не было бы за границей другой, не такой как у нас, жизни. Надо было установить коммунизм везде, чтобы через несколько поколений люди забыли, что возможна какая-либо другая форма существования.

Вот почему Вторая мировая война для Советского Союза была желанна, необходима и неизбежна. Сталин затевал Вторую мировую войну как этап в борьбе за распространение коммунизма по всему миру. Расширение на весь мир — не прихоть Сталина и не территориальная экспансия Российской империи, это не идеология, а жестокая борьба за жизнь. Так борется за жизнь кукушкин птенец-подкидыш, вылупившийся из яйца в чужом гнезде. Он просто обязан выбросить из гнезда законных обитателей, погубить их, чтобы выжить самому. Ленин постоянно подчеркивал: расширение

необходимо для самосохранения коммунизма. Не будем расширяться — погибнем. Вот почему, захватив власть в одной стране, Ленин создал Коминтерн — штаб Мировой революции, мощную шпионско-подрывную организацию, которая раскинула свои сети по всему миру.

Победа во Второй мировой войне в ленинском и сталинском понимании — это захват как минимум всей Германии, Франции, Италии, Испании и их колоний. Такая победа не была достигнута. И началось разложение, которое привело советский коммунизм к неизбежному развалу.

Но в двадцатых годах двадцатого века коммунисты были полны надежд. Нужно сказать, надежд вполне обоснованных...

Вот почему они в самый первый час после захвата власти заговорили о новой мировой войне и о Мировой революции.

ГЛАВА 5. Мировая революция: попытка первая.

*Крепи у мира на горле
пролетариата пальцы.*

Владимир Маяковский

1

И ноября 1918 года завершилась Первая мировая война. А 13 ноября советское правительство в одностороннем порядке разорвало Брестский договор и отдало Красной Армии приказ на наступление. Достаточно открыть протоколы любого из многочисленных заседаний и съездов тех дней, чтобы убедиться: на повестке дня стоял единственный вопрос — о Мировой революции.

Цель советского наступления — коммунизм в Европе. Через несколько дней Красная Армия вступила на территорию государств Балтии. 29 ноября было сформировано коммунистическое правительство Эстонии, 14 декабря — Латвии. Чуть позже — Литвы. 17 декабря в Риге опубликован манифест: ближайшая цель наступления — Германия. Главная цель — разжечь новую мировую войну.

Но можно даже и не читать воззваний и манифестов, резолюций и решений съездов — мощный призыв к мировой войне пронизал в те дни всю жизнь взбесившейся красной России. Призыв к новой мировой войне кричал с первой страницы нового букваря, с миллионов плакатов, которыми как обоями были обклеены дома и улицы, призыв звучал на каждом рабочем собрании, на каждом митинге красноармейцев, с каждой трибуны, с каждого фонаря и уж конечно со страниц поэтических сборников: мировой пожар раздуем!

Наши поэты шли дальше. Некоторые из них в 1918 году Вторую мировую войну воспринимали не как желанное, радостное, неизбежное и близкое будущее, но как настоящее — вот, например, песня «На штыки» (слова П. Орешина, музыка И. Шведова):

Бой последний, решительный бой

На арене горит мировой.

На штыки под набат и пожар

Мы земной опрокинули шар.

Интересно, что сейчас, листая пожелтевшие сборники советских песен, мы в том же томе через несколько страниц можем встретить песню «Мы за мир!» А. Жарова и С. Туликова:

Всеї земли народ

Пусть тревогу бьет:

Будем мир беречь!

Встанем как один,

Скажем: не дадим

Вновь войну зажечь!

В каждом сборнике советских песен обязательно окажется «Красная Армия всех сильнее» П. Григорьева и С. Покрасса:

Мы раздуваем пожар мировой...

И тут же — «В защиту мира» И. Френкеля и В. Белого:

Вновь богачи разжигают пожар,

Миру готовят смертельный удар...

Эти песни сочиняли и пели одни и те же люди. Мы разжигали войну и яростно боролись против каких-то богачей-разжигателей войны.

Адольф Гитлер — одна из самых страшных личностей в мировой истории. Но Вторую мировую войну советские лидеры пытались начать еще ДО ТОГО, как Адольф Гитлер под номером 007 записался в Германскую рабочую партию.

2

В 1918 году Красная Армия до Германии не дошла, и разжечь Вторую мировую войну нам не удалось. В 1919 году в ряде германских городов возникли коммунистические правительства. Но теперь Ленину было не до Германии: в 1919 году, как и в предшествующем 1918-м, он воевал против народов бывшей Российской империи.

Но товарищ Ленин смотрел вперед. И товарищ Троцкий — тоже. 5 августа 1919 года Троцкий пишет свой знаменитый меморандум: «Путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии...» Троцкий предлагает «подготовку военного удара на Индию, на помощь индусской революции». Для этого, по его мнению, следует создать на Урале или в Туркестане «политический и военный штаб азиатской революции и революционную академию», сформировать особый конный корпус силой в 30-40 тысяч всадников и «бросить его на Индию» на помощь «туземным революционерам». Троцкий мечтал вымыть копыта красных коней в теплых водах Индийского океана. Но и тогда начать Вторую мировую войну не получилось. Народы бывшей Российской империи с оружием в руках воевали против коммунистов и не позволили им разжечь «туземную революцию» в 1919 году.

3

В 1920 году коммунисты предприняли новую попытку начать Вторую мировую войну прорывом через Польшу в Германию. На этот раз цель — напоить красных коней водой Вислы и Рейна. Вот выдержки из приказа войскам Западного фронта № 1423 от 2 июля 1920 года:

...На западе решается судьба Мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На запад!

Подписано: Тухачевский, Смилга, Уншлихт, Шварц.

Наши командиры, поэты и комиссары говорили на одном языке: на штыках — да к мировому пожару. И каждый приказ того времени — в том же духе. Вот выдержка из приказа № 1847 от 20 августа 1920 года: *«Западный фронт есть фронт Мировой революции»*. Подписи те же. И мало кто понимает, что они были близки к победе. Для победы требовалась вовсе не классическая оккупация — достаточно было поджечь. А поджечь — дело нехитрое. Истерзанная Первой мировой войной, разоренная, до крайнего предела истощенная, ослабленная Европа полыхнула бы.

Красная Армия вступила на территорию Польши и немедленно в первом занятом городе было провозглашено создание ПССР — Польской Советской Социалистической Республики (Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1964. Т. 3. С. 221).

ПССР возглавили товарищи из лубянского ведомства, включая самого Ф. Э. Дзержинского и его заместителя И. С. Уншлихта.

Западным фронтом командовал Тухачевский. Вот выдержки из его книги *«Поход за Вислу»*, которая была издана в 1923 году в Смоленске, глава *«Революция извне»*:

Могла ли Европа ответить на это социалистическое движение взрывом революции на Западе? События говорят, что да... Итак, Германия революционно клокотала и для окончательной вспышки только ждала соприкосновения с вооруженным потоком революции. В Англии рабочий класс точно так же был охвачен живейшим революционным движением... В Италии разразилась настоящая пролетарская революция... Нет никакого сомнения в том, что если бы на Висле мы одержали победу, то революция охватила бы огненным пламенем весь Европейский материк... Революция извне была возможна.

А вот из заключения той же книги:

Наша операция заставила дрожать весь европейский капитал... Этот пожар не остался бы ограниченным польскими рамками. Он разнесся бы бурным потоком по всей Западной Европе. Этот опыт революции извне Красная Армия не забудет.

4

Маршал Юзеф Пилсудский, который возглавил польское государство и армию в войне против коммунистов, в своей книге *«1920 год»* (Варшава, 1924) полностью соглашается с оценкой ситуации: судьба мировой цивилизации была близка к катастрофе. Сложилась поистине драматическая ситуация, когда, по словам Пилсудского, *«над всей Варшавой сгустился кошмар бессилия и трусости»*. В случае падения Варшавы дорога в Европу для Красной Армии была бы открыта. В 1920 году, кроме Польши, сопротивляться в Европе было некому.

Пилсудский считал, что *«эта война чуть не перевернула судьбу всего цивилизованного мира»*.

Пилсудский разгромил коммунистические армии под Варшавой. Основной слабостью красных он считал неспособность Тухачевского управлять войсками, неумение «увязывать свои мысли с повседневной жизнедеятельностью войск». Если бы на месте Тухачевского оказался другой командир, который хоть немного разбирался бы в вопросах стратегии, то Красная Армия прорвалась бы в Германию. А в Германии в тот момент политическая и экономическая ситуация была на грани анархии.

Но Европе повезло и на этот раз: Польша отбила «красных коней».

5

Попытки развязать войну и революцию советские коммунисты повторяли многократно. Было намерение разжечь «Балканскую революцию», а из района Балкан, по словам Троцкого, — прямой путь к портам Франции и Британии. Было предпринято покушение на болгарского царя Бориса. Он уцелел чудом. «Болгарская революция должна была явиться вступлением в немецкую революцию» (Троцкий Л. Уроки Октября. Л.: Прибой, 1924. С. 221). Были попытки начать революцию в Южной Америке, в Китае, в Индии. Но главной целью оставалась Германия.

Одна из нескольких попыток захватить власть в Германии представляет особый интерес. Эта попытка была предпринята осенью 1923 года. Борис Бажанов описывает это событие так:

В конце сентября состоялось чрезвычайное заседание Политбюро, настолько секретное, что на него были созваны только члены Политбюро и я. Никто из членов ЦК на него допущен не был. Оно было созвано для того, чтобы фиксировать дату переворота в Германии. Он был назначен на 9 ноября 1923 года (Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж: Третья волна, 1980. С. 69).

План прост: 7 ноября — годовщина захвата власти коммунистами в России, немецкие рабочие выйдут на демонстрации солидарности, а подготовленные в Москве группы провокаторов ГПУ и советской военной разведки под руководством И. С. Уншлихта будут провоцировать конфликты с полицией, чтобы вызвать кровавые столкновения и репрессии, раздуть негодование рабочих. 7 ноября планировался как день демонстраций и столкновений, 8 ноября столкновения должны были перерасти в уличные бои, в ночь на 9 ноября отряды Уншлихта должны были захватить важнейшие государственные учреждения, изображая стихийную реакцию масс на зверства полиции.

Сценарий простой, но надежный. Именно по этому сценарию совершилась так называемая «великая октябрьская социалистическая революция». По этому сценарию побеждали «пролетарские революции» в Эстонии, Литве и Латвии как в 1918, так и в 1940 году. По этому сценарию коммунисты приходили к власти во многих странах после Второй мировой войны: стихийное выступление трудящихся, народное негодование и... небольшие группы проворных профессионалов.

На ноябрьские демонстрации 1923 года были подняты все левые силы Германии.

К этому моменту Германская рабочая партия уже имела новое название — Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, и нового фюрера — Адольфа Гитлера.

Так вот, Гитлер тоже решил брать власть в тот же самый момент, который был назначен в Москве. Были ли у него инструкции из Москвы? Понятия не имею.

Но надо помнить: Гитлер — социалист. Если с обложки убрать имя автора и название партии, то под экономической программой партии Гитлера с гордостью могли бы подписаться Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Мао, Фидель, Хрущёв, Брежнев и еще многие.

Возразят: Гитлер — не из пролетариев. Сушая правда. Но и Владимир Ильич тоже, мягко говоря, не от станка, да и Маркс — не из забоя.

Говорят, что партия Гитлера — партия лавочников и мелкой буржуазии. Пусть говорят. Но справедливости ради надо обратить внимание и на ленинскую партию. Пролетариев в ней держали для статистики, а заправляли Сталин, Молотов, Маленков, Радек, Зиновьев, Каменев, тот же Троцкий, а потом — Сулов, Хрущёв, Брежнев... Кто же из них, извините, пролетарий?

По социальному составу партия Ленина и партия Гитлера — близнецы-сестры.

Итак, 8 ноября 1923 года в Мюнхене Гитлер с группой вооруженных сторонников арестовал правительство Баварии и объявил, что революция началась, что баварское и общеимперское правительства низложены...

Тут же было сформировано новое правительство. В ночь с 8 на 9 ноября группа во главе с Эрнстом Рэмом захватила штаб военного округа. Попытки захватить другие объекты были отбиты армией и полицией. 9 ноября Гитлер возглавил демонстрацию своих сторонников. Произошло столкновение демонстрантов с вооруженной полицией. Было убито 16 сторонников Гитлера и трое полицейских.

Попытка захвата власти была подавлена силой. Гитлер и ближайшие его сторонники бежали, вскоре были пойманы, предстали перед судом, затем Гитлер был заключен в крепость Ландсберг, где и написал «Майн кампф».

Позже, придя к власти, Гитлер объявил павших соратников национальными героями, а дни восстания 8-9 ноября — главным праздником Германии.

Но интересно вот что: книга «Майн кампф» посвящена памяти шестнадцати соратников Гитлера, убитых 9 ноября 1923 года, но в огромной книге (только первый ее том насчитывал почти 600 страниц мелким шрифтом) он ничего не пишет о событиях 8-9 ноября. Книгу Гитлер пишет в заключении, но не сообщает, как и почему он оказался за решеткой. Все, что предшествовало этим событиям, Гитлер почему-то скрывает. Вместо этого на последней странице коротко: *«Я не буду распространяться здесь о событиях, которые привели к 8 ноября 1923 года»*. И все.

А ведь странно. Книга называется «Моя борьба», автор рассказывает о себе, о своей партии и о борьбе за влияние на массы и за власть. События 8–9 ноября 1923 года — кульминационный момент этой борьбы, после чего партия Гитлера была запрещена, а самого Гитлера посадили. На момент написания книги ничего более важного в жизни Гитлера и его партии не случилось. Но самых важных событий он не описывает.

А скрывать есть что.

7

Неудавшаяся революция Гитлера самым странным образом совпала с неудавшейся коммунистической революцией.

Совпадений несколько. Они поразительны.

Дата революции была установлена в Москве и хранилась как величайшая тайна. Но Гитлер решил свою революцию проводить в тот же самый день, под тем же красным флагом, под теми же лозунгами экспроприации нетрудовых доходов, национализации концернов, конфискации прибылей от военных заказов. Тактика гитлеровцев полностью соответствует тому, что Москва предписывала своей агентуре: проводить демонстрации вопреки запретам, смело идти на столкновение с полицией, захватывать правительственные здания. Произошло совпадение по цели, методам, месту и времени с точностью до часов и минут.

Еще более странно вот что. Ленин, Троцкий, Сталин верили в заговор, переворот, захват власти организованным меньшинством. Именно это они и проделали в России. У Гитлера другой подход. Гитлер — демагог, горлопан, агитатор. «Майн кампф» — это книга главаря толпы, который знает, как с толпой обращаться, как завоевать ее доверие и любовь. «Майн кампф» — это книга о том, как завоевать власть легальным путем, но в ней ни слова, ни намек на подпольные ленинско-сталинские методы. В легальной, открытой борьбе за влияние на массы Гитлер гораздо сильнее Ленина, Троцкого и Сталина вместе взятых. А в мятежах и заговорах Гитлер явно слабее. Но его в эту область и не тянуло. Через десять лет он придет к власти легальным путем через агитацию, пропаганду, демагогию, избирательные урны (и чью-то неоценимую помощь). Путь горлопана — это его путь. Тут он силен и свою силу оратора понимает и ею гордится.

Так отчего же Гитлера в ноябре 1923 года вдруг повлекло на ленинско-сталинские методы? Да еще и одновременно с выступлением, откровенно руководимым из Москвы?

Коммунистические историки нам говорили: это просто цепь странных, необъяснимых совпадений. Бывает же такое: мы решили брать власть, и он решил. В один день.

Ну ладно. Пусть будет так. Поверим.

Был у меня хороший учитель — резидент ГРУ в Женеве, матерый волк разведки Валерий Петрович Калинин. Звание контр-адмирала он не получил из-за меня. А достоин был куда более высоких

званий. Так вот он меня учил: если совпадений больше двух, значит, это уже не совпадения...

Краткий итог: попытки использовать Гитлера и его партию для дестабилизации политического положения в Германии советские коммунисты предпринимали задолго до прихода Гитлера к власти. Но даже если попытку совместного захвата власти объявить цепью необъяснимых совпадений, то многочисленные попытки советских коммунистов «разжечь пожар мировой» и начать Вторую мировую войну никакими совпадениями объяснить нельзя — это их натура. Она проявилась сразу, в самый первый момент существования пролетарской диктатуры. Первую попытку начать Вторую мировую войну коммунисты России предприняли 13 ноября 1918 года, то есть на третий день после окончания Первой мировой войны.

Когда-то очень давно я учился в школе, заканчивал первый класс. Мы готовили концерт. Главное в наших концертах — хор. Репертуар — стандартный: революционные песни про паровоз, предвоенные про встречного, военные про Катюшу и послевоенные. Начинали, как было заведено:

Мы раздуваем пожар мировой...

Плавно переходили:

Дашь Варшаву! Дай Берлин!

Уж врезались мы в Крым!

Потом было много всего, а завершали так:

Вновь богачи разжигают пожар...

Моя первая учительница Анна Ивановна с нами разучивала слова. В то время меня звали Вовочкой, я был дисциплинированным мальчиком в белом воротничке, и перед тем как задать вопрос, поднимал руку. Я получил разрешение задать вопрос и задал его...

Учительница была поражена.

Сейчас, вспоминая эту интеллигентную женщину, ее выдержку и рассудительность, ее грустную усмешку, я делаю для себя вывод: она, видимо, к тому времени уже отмотала один срок. Да и кто бы загнал ее в поселок Барабаш Хасанского района Приморского края, если она не жена офицера?

Но тогда мне этого понять было не дано. Я просто ощутил, что своим вопросом оглушил ее. И мне стало ее жалко.

Она ничего не ответила. Потом, через несколько дней встретила меня одного в коридоре и сказала, что я плохо кончу, если буду задавать такие вопросы. Мудрая женщина в одном вопросе разглядела всю мою судьбу. И оказалась права.

Мой вопрос ее сразил. Но и я был поражен. Она была человеком, как мне сейчас представляется, очень даже неординарным. Но до того, как я задал вопрос, ее явно не смущали противоречия, выкрикиваемые нашим дурацким хором. Она их не замечала. А тут заметила и оценила.

Но меня поразило другое: мы учили песни всем классом, но почему никто, кроме меня, не задал вопроса? Это было непонятно.

Это непонимание я пронес через всю свою нескладную жизнь.

ГЛАВА 6. Передышка и что будет после нее.

Если Россия заключит мир, то этот мир будет только перемирием. Социалистическая революция в России победит только тогда, когда она будет окружена кольцом социалистических республик-сестер. Мир, заключенный с империалистической Германией, будет явлением эпизодическим. Он даст небольшую передышку, после которой вновь закипит война.

Григорий Зиновьев, член Политбюро, председатель Коминтерна. Сочинения. Ленинград, 1925. Т. 7. С. 490

1

Нужно русским коммунистам отдать должное: даже среди них появлялись (иногда) люди, которые считали, что надо отказаться от господства бюрократии, то есть от государственного вмешательства в экономику, то есть от социализма, и вернуться к нормальной человеческой жизни.

Среди немногих — «любимец партии» Николай Бухарин. В прошлом Бухарин был теоретиком массовых расстрелов как одного из способов выведения новой породы людей коммунистического завтра — гомо советикусов, то есть «совков». После провала целой серии попыток Красной Армии начать Вторую мировую войну и Мировую революцию Бухарин одумался и бросил в массы очень даже некоммунистический лозунг: «Обогащайтесь!»

Под таким лозунгом можно было привольно жить, и людям незачем было бежать из своей страны. Но если массы будут жить под таким лозунгом, зачем им нужны коммунисты во главе государства?

Товарищ Сталин решил, что лозунг «Обогащайтесь!» — явный отход от идеалов, что из Бухарина новый коммунистический человек получиться никак не может. Потому товарищу Бухарину была определена дорога в расстрельный подвал — в тот самый, который он ранее воспевал.

А что же делать всем остальным коммунистам, которые от идеалов не отказались и в расстрельный подвал не попали? Сосуществовать и соприкасаться с нормальными странами их режим не мог. Поэтому соседние страны следовало превратить в сестры-республики. Но тогда появились бы новые границы, за которыми — другие нормальные страны. И их тоже следовало превращать в коммунистические республики. Для этого был нужен «пожар мировой». Но он никак не разгорался.

Если неприятельскую страну (или страны, или весь мир) не сумели захватить, а от захвата отказаться нельзя, то остается два пути:

1. продолжать бесплодные попытки штурма;
2. штурм прекратить, подписать перемирие, хорошо подготовиться и штурм повторить.

В российской коммунистической партии немедленно появились приверженцы как первого, так и второго пути.

За первый путь стоял Троцкий с идеей перманентной революции. За второй — Ленин и Сталин.

2

Троцкий: надо долбить стену лбом, долбить без передышки.

Ленин и Сталин: пусть капиталисты между собой передерутся, а мы подождем. А мы пока накопим силы.

Ленин первым понял, что Первая мировая война завершилась, но оставила после себя взрывоопасное наследие. Страны-победители, особенно Франция, увлеклись и обложили побежденную Германию чудовищными репарациями. Победа западных союзников была закреплена Версальским договором, грабительским и унижительным для Германии. Выплата огромных сумм победителям привела к жестокому экономическому кризису в Германии и поставила германский народ на грань голода и нищеты, на грань постоянного бедствия.

Ленин сообразил, что Версальский договор — бомба, заложенная под Европу. В нее следовало только вставить взрыватель и запустить механизм. Ленин осознал, что жадность победителей погубит: Германия никогда не смирится с несправедливостью, в Германии найдутся силы, которые выступят против Версальского договора, за пересмотр результатов Первой мировой войны, выступят с идеей реванша и его осуществят.

Уже в 1920 году Ленин на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов говорил:

...порядок, который держится Версальским миром, держится на вулкане, так как те 7/10 населения всей земли, которые поработаны, только и ждут не дождутся, чтобы нашелся кто-нибудь, кто поднял бы борьбу, чтобы начали колебаться все эти государства (Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1958. Т. 41. С. 353).

Ленин не знал, что этот «кто-нибудь» уже нашелся. 12 сентября 1919 года этот человек записался в Немецкую рабочую партию и начал борьбу, которую так и назвал «Моя борьба» — «Майн Кампф».

3

Ленин добился прекращения попыток на штыках Красной Армии принести счастье соседним странам. Ленин настоял на том, чтобы с соседними странами были установлены дипломатические и торговые отношения.

И вот — Генуэзская конференция. Запад поражен: советская делегация в черных фраках, в шелковых цилиндрах... Запад — в восторге: они меняются! Они становятся такими, как все!

Кто-то осторожно предупреждал: надо дать испытательный срок перед тем, как садиться с ними за один стол...

А наши коммунисты не скрывали, что ничего не меняется. Им нужны были только три вещи: технологии, технологии и технологии. Им надо вооружаться, вооружаться, вооружаться. Потом они намерены совершить Мировую революцию, для чего им нужно разжечь Вторую мировую войну. Но это будет только после серьезной подготовки. А сейчас — передышка.

Любимый поэт Сталина Владимир Маяковский написал в те дни стихотворение «Моя речь на Генуэзской конференции»:

Мы ехали, осматривая хозяйскими глазами грядущую

Мировую Федерацию Советов.

Болтают язычишки газетных строк:

«Испытать их сначала...»

Хватили лишку!

Не вы на испытание даете срок — я мы на время даем передышку.

4

Сталин полностью понял идею Ленина и после смерти вождя отстоял ленинизм в борьбе против сторонников пробивания стен лбом. Путь Сталина прост и понятен: временно прекратить штурм, укрепить власть коммунистов внутри России, с помощью Запада поднять промышленность, перевооружить армию. Одновременно вырастить кого-нибудь, кто встанет во главе Германии и сокрушит Францию.

А этот самый «кто-нибудь» тем временем сидел на нарах и писал свой эпохальный труд. Самый первый перевод «Майн кампф» был сделан на русский язык. Правда, автору ничего не заплатили, и в витринах книжных магазинов у нас при товарище Сталине «Майн кампф» не выставляли. Это был обычный для нас акт литературного пиратства. Книга была переведена и издана для руководителей партии, армии, государства. Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский свидетельствует:

Все мы в свое время читали книгу Гитлера «Майн кампф» (ВИЖ. 1989. №4. С. 53).

Троцкий не понимал намерений Сталина и обвинил его в предательстве идеалов. Запад тоже не догадался о его намерениях. Точнее, лидеры Запада видели не то, что есть на самом деле, а то, что им хотелось видеть.

А им хотелось, чтобы коммунистическая Россия стала такой же страной, как и все, чтобы излечилась от бешенства, чтобы занялась своими проблемами, чтобы не пыталась утопить мир в той грязи, в которой оказалась сама.

Сейчас нам говорят, что Сталин просто отказался от идеи Мировой революции. И в качестве доказательства напоминают: вышел фильм «Броненосец «Потемкин», в завершении фильма на экране появлялся лозунг «Да здравствует Мировая революция!», а Сталин приказал лозунг снять. Это ли не доказательство!

Я это доказательством не считаю. Если вы действительно серьезно готовитесь сокрушить Запад и для этого вам нужны военные технологии Запада, то надо их получить, а махать красной тряпкой перед носом соседей умеют даже дураки. Большого ума для этого не требуется.

И еще доказательство. Изгнанный из страны Троцкий в далекой Мексике пишет черным по белому: Сталин предал рабочий класс и от великой Идеи отказался.

Доказательство? Может быть.

Но не все, что говорил Троцкий, надо принимать всерьез. Троцкий, например, всю жизнь критиковал советскую бюрократию: он считал, что власть рабочих и крестьян выродилась во власть бюрократии, предлагал бюрократию разогнать, сократить, поставить под рабочий контроль, и еще много другого предлагал.

Удивительная позиция: сначала Троцкий отобрал у людей все, что они имели, и передал все в общественную собственность. Но если никто конкретно не имеет права распоряжаться землей, ее недрами, железными дорогами и заводами, кто же всем этим будет руководить? Если самого лучшего машиниста поставить от имени рабочего класса управлять Транссибирской магистралью, то ему потребуется много телефонов для того, чтобы быть в курсе дел на всем протяжении дороги. Ему потребуется стол, на котором он эти телефоны поставит, кабинет для этого стола, шкаф для бумаг, чтобы хранить собственные распоряжения, отданные вчера и неделю назад, ибо распоряжения, которые он отдаст сегодня, не должны противоречить вчерашним. Ему потребуются машинистка, которая будет печатать бумаги, помощники, пусть тоже рабочие, которые будут руководить сложнейшим организмом в его отсутствие. Одним словом, наш рабочий мгновенно из пролетария превратится в бюрократа.

Потрясающая логика у товарища Троцкого: сначала все повелел отдать под контроль государства, а потом возмущается засильем бюрократии и борется против нее. Но если не бюрократы будут руководить, тогда кто? В частную собственность дорогу отдать? Акционерному обществу? Зачем тогда Мировая революция? И кто после Мировой революции будет управлять всем мировым хозяйством?

Так что логика Троцкого хромала.

Политика — это борьба за определенные идеи. Но чтобы идеи воплотить в жизнь, нужна власть. Потому политика — это борьба за власть. Величие и ничтожество политиков проверяется только одной мерой: как они преуспели в борьбе за эту самую власть. Троцкий не удержался на вершине власти, следовательно, политики не понимал, оказался ничтожеством в политике, и его оценки политической ситуации не могут представлять интереса. Мексиканское захолустье и сталинский топор Рамона Меркадера, прервавший изыскания Троцкого в области политики, — лучшее доказательство того, что Троцкий плохо понимал ситуацию. Если бы он понимал ее хорошо, то был бы вождем Мировой революции и мирового пролетариата.

Надо понять психологию проигравшего, поверженного Троцкого. Мы иногда встречаем людей, которые себя слишком высоко ценят. Есть выдающиеся и даже великие деятели кинематографии, которые считают, что после их ухода кинематография зачахнет. Есть артисты балета, уверенные, что их талант — вершина, после них балет никогда уже не поднимется на такую высоту. Есть такие люди и в политике. Гитлер, например, считал, что остался жив и здоров потому, что в свое время бросил курить, и именно это обстоятельство спасло германский народ (Генри Пикер. Застольные разговоры Гитлера. Запись от 11 марта 1942 г.). Выходит, что если бы Гитлер не нашел в себе сил и не бросил курить, то германский народ неминуемо бы погиб, никаких других путей для спасения у него не оставалось...

На той же точке зрения стоял и Троцкий. Себя и свое имя он неразрывно связывал с Мировой революцией. Все его статьи и письма пронизаны единым воплем: «О, верните меня на вершину! Без меня пропадете!» И уж никак Троцкому не удавалось представить Мировую революцию без своей персоны во главе. Любое действие Сталина Троцкому виделось ужасающей глупостью, а сам Сталин, выражаясь словами Троцкого, был «выдающейся посредственностью». Понятно, Сталин, как это виделось Троцкому, вел великое дело не туда. Но и любой другой, окажись он на вершине власти, был бы в глазах Троцкого дураком, изменником, предателем великого дела, посредственностью, бюрократом и прочая и прочая.

Статьи Троцкого об отходе Сталина от идеи Мировой революции — это вопли пострадавшего. Не будем обращать на них внимания.

5

Два российских историка, Юрий Леонтьевич Дьяков и Татьяна Семеновна Бушуева, опубликовали книгу потрясающей силы — «Фашистский меч ковался в СССР». Какое звучное и емкое название! Уже в названии содержится все. Почти четыреста страниц — неопровержимые доказательства: Сталин готовил Германию к войне. Без сталинской помощи Германия не смогла бы вооружиться, разгромить Европу и напасть на СССР.

В сталинском плане что-то не сработало, что-то пошло не так, как замышлялось. Вооруженная нами Германия на нас же и напала. Но не для этого же мы ее вооружали! И так, где-то Сталин просчитался. Где-то ошибся. Где же именно?

Книга Дьякова и Бушуевой хороша тем, что заставляет думать. Закроешь книгу на последней странице, отложишь, а название не забыть. Проснешься ночью: ФАШИСТСКИЙ МЕЧ КОВАЛСЯ В СССР! И вопрос: ЗАЧЕМ? НА ЧЬЮ ГОЛОВУ?

А ответ надо искать в «Майн кампф», в XIII главе:

Мы должны были взять каждый отдельный пункт Версальского договора и систематически разьяснять его самым широким слоям народа. Мы должны были

добиться того, чтобы 60 миллионов немцев — мужчины и женщины, взрослые и дети — все до одного человека почувствовали в своих сердцах стыд за этот договор. Мы должны были добиться того, чтобы все эти 60 миллионов возненавидели этот грабительский договор до глубины души, чтобы эта горячая ненависть закалила волю народа и все это вылилось в один общий клич: ДАЙТЕ НАМ СНОВА ОРУЖИЕ!

Именно об этом и мечтал товарищ Ленин: чтобы нашелся кто-нибудь... Вот он — нашелся.

Версальский договор не только требовал от Германии денег, денег и еще раз денег для Франции, но и запрещал Германии иметь, покупать, конструировать, испытывать и производить наступательное оружие и сильно ограничивал оборонительные вооружения и численность армии Германии.

И когда коммунисты говорят, что Сталин якобы отказался от идеи Мировой революции, я советую им еще раз прочитать книгу «Фашистский меч ковался в СССР» Вот, например, совершенно секретный доклад все того же Уншлихта товарищу Сталину о тайной помощи Германии, датированный 31 декабря 1926 года: «...Необходимо иметь совершенно укрытую базу для нелегальных вооружений».

Если сопоставить то, что говорил Ленин, писал Гитлер и делал Сталин, то желание спорить об отказе Сталина от идеи Мировой революции пропадает.

Просто Троцкий готовил Мировую революцию лозунгами и воплями на весь мир, раскрывая свои планы, на выполнение которых у него не было ни сил, ни средств, ни возможностей, а товарищ Сталин воплями воздух не сотрясал, а действовал, и эти действия были наглухо опечатаны грифом «совершенно секретно». Именно этим грифом закрывались все документы по созданию тайных кузниц, где ковался фашистский меч...

После прихода к власти в 1933 году Гитлер решил сокрушить все политические партии и движения в Германии, оставив только свою собственную, вооруженную единственно верным учением. Для сокрушения противников Гитлеру потребовался провокатор. Был подобран некий Маринус ван дер Люббе. И в одну прекрасную ночь сгорел Рейхстаг. В руки полиции попал ван дер Люббе — факел в руках и членский билет коммунистической партии в кармане. Выходило, что коммунисты подожгли Рейхстаг, а раз так, значит, Гитлер не зря разгромил коммунистическую партию Германии, а заодно и все остальные партии.

Но Гитлер не понял простой вещи — сам он в руках Сталина играет роль ван дер Люббе, только в мировом масштабе. Гитлер разожжет пожар Второй мировой войны — тот самый, о котором мечтали наши отцы и деды, о котором пели пески. Потом Гитлера поймут с факелом в руках, и гитлеризм осудят в Нюрнберге. И никому из судей в голову не придет задать простой вопрос: кто же вложил в руки Гитлера факел и тот самый фашистский меч, который был выкован в СССР?

И пока товарищи коммунисты не ответили на вопрос, зачем их партия готовила фашистов к войне, мы принять довод об отказе Сталина от Мировой революции не можем.

6

Снимем с полок тринадцать томов сталинских сочинений и прочитаем их еще раз. Каждый, кто сам читал, подтвердит: все, что написано после так называемой «великой октябрьской социалистической революции», — это полемика о том, что есть полная, а что есть окончательная победа социализма.

Понять сталинскую логику легко, отдадим ему должное: он говорил понятно, а это вовсе не так просто, как кажется. Мысль Сталина: сначала мы строим социализм в одной стране, потом — и это неизбежно — во всем мире. Полная победа социализма в одной стране возможна, но она не окончательна. Окончательная победа возможна только в мировом масштабе.

Понятно, Сталин в своей практике никогда не доходил до чисто марксистского зверства, он не отменил семью, не отправил всех женщин в общественное пользование, не национализировал детей; в трудовых армиях ГУЛАГа содержалось очень мало людей — не более десяти процентов населения, в то время как Маркс рекомендовал призвать туда всех и навсегда. Сталинский социализм был сверхмягким вариантом марксизма — так сказать, социализм с человеческим лицом. И все же, несмотря на почти недопустимую мягкость и человечность, сталинизм оставался в рамках марксизма и социализма. Маркс формулировал свою программу четко — ликвидация частной собственности. Сталин от этой рекомендации не отклонился. Сталин частную собственность ликвидировал. А концлагеря — это неизбежное следствие ликвидации частной собственности.

Ликвидируйте ее где угодно и с удивлением обнаружите, что без концлагерей не обойтись.

Но, построив полный социализм в одной стране, Сталин знал, что любой контакт его подданных с тлетворной заграницей превращает их во врагов режима. Будущее показало, что собственная дочь Сталина при первой возможности бежать из СССР этой возможностью воспользовалась. Она была согласна жить где угодно, только не на родине мирового пролетариата.

И не будем ставить вопрос о том, отказался ли Сталин от идеи Мировой революции или нет. Поставим другой вопрос: а мог ли Сталин от этой идеи отказаться, если знал, что длительное сосуществование рядом с нормальными странами невыносимо?

Если бы Сталин и захотел отказаться от Мировой революции, то не мог бы этого сделать, ибо такой отказ был бы равносителен поражению и самоубийству. И Сталин не отказался. Он открыто и настойчиво повторял:

Окончательная победа социализма в смысле полной гарантии от реставрации буржуазных отношений возможна только в международном масштабе (Правда. 14 февраля 1938 г.).

Мой критик Габриэль Городецкий пишет:

Суворов стремится доказать, что внешняя политика Советского Союза целиком определялась идеологией и следовала марксистским догмам, которые всегда имели целью мировую революцию. Суворов не принимает в расчет национальные интересы...

О каких национальных интересах идет речь? Только в ходе коллективизации в Советском Союзе было истреблено больше людей, чем во время Первой мировой войны во всех странах, принимавших в ней участие. Коллективизация — это Вторая мировая война против моего народа. И когда говорят, что 1 сентября 1939 года Гитлер начал Вторую мировую войну против народов Европы, я отвечаю: 19 августа 1939 года Сталин дал согласие на подписание с Гитлером договора о разделе Польши, тем самым начав Вторую мировую войну против народов Европы. Но если смотреть в корень, то увидим — Вторая мировая война была начата коммунистами еще в 1930 году, с началом коллективизации, против крестьянства России, Украины, Белоруссии, которое в то время составляло подавляющее большинство населения. В 1939 году эта война распространилась и на соседние страны.

7

Попробуйте с точки зрения национальных интересов объяснить войну против собственного народа, истребление миллионами самых трудолюбивых и деятельных представителей нации, ее костяка и хребта, истребление тех, кто нацию кормит. Кроме того, крепкий мужик-хозяин — всегда хороший солдат. Повторяю: всегда. Истребление крепких мужиков было истреблением хороших солдат. И когда советско-германскую войну по недоразумению называют чуть ли не «Великой» и даже «Отечественной», возразим: коллективизация была коммунистической антиотечественной войной, войной против своего народа, войной на его истребление, войной на уничтожение защитников отечества. Война в Европе — только продолжение, но уже против всех наших соседей, ближних и дальних.

Только с точки зрения перспективы Мировой революции действия Сталина объяснимы и понятны: свободному крестьянству Мировая революция не нужна, именно свободное крестьянство воспротивилось бы советизации Эфиопии и Антарктиды, ибо за Коминтерн и его авантюры расплачиваться мужику и кровь лить — мужику.

Для того товарищ Сталин и переломал хребет русскому мужику, а заодно и всему народу, чтобы не мешали принимать новые республики в нерушимый союз. Логика Сталина ясна и понятна: сначала строим социализм в одной стране, потом — в мировом масштабе.

Интересно объясняет господин Городецкий: то Сталин руководствуется марксистской идеологией, то национальными интересами...

Но не было у товарища Сталина такой свободы. Для восстановления социальной справедливости

требовалась национализация, национализация означала бюрократизацию, это влекло за собой массовый исход и «границу на замке», «граница на замке» означала самоизоляцию, отрыв от всей мировой цивилизации и неизбежное отставание. Мы начинали вариться в собственном соку, теряли контакт с другими народами, с лучшими достижениями мировой науки, техники и культуры. В нормальном мире научное открытие в одной из стран быстро становилось общим достоянием, все страны обогащают друг друга, мы же были вынуждены все изобретать сами. Отставание порождало недовольство народа существующим порядком и правительством.

И все, кто становился на этот путь, были просто вынуждены идти по сталинским следам к необходимости войны на уничтожение тех, кто свободен и потому богат и счастлив. Так что одно из двух: или национальные интересы, свобода каждого и благосостояние всех, или идти до конца — до последней республики. Только и разницы — идти с передышкой или без нее.

Сталин шел к Мировой революции с передышкой. Но знал: надолго ее затягивать нельзя — Запад нас своими фокстротами и танго разложит (а ведь и разложил же!). Коммунизм — как раковая опухоль: или организм убьет раковые клетки и выживет, или раковая опухоль убьет организм. Коммунисты считали себя здоровым организмом, а все нормальные государства — раковой опухолью, которую предстоит пересилить. Не буду спорить, кто из них был здоровым телом, а кто опухолью, но существовать рядом они не могли. Прав был товарищ Ленин: либо одно, либо другое.

Сталинская передышка завершилась к началу 1939 года. Чтобы понять это, надо полистать наши газеты тех дней. Советский Союз жил ожиданием больших событий. Делегаты XVIII съезда коммунистической партии дышали воздухом неизбежной и скорой освободительной войны. Генерал-майор А. А. Лобачев был участником этого воинствующего сборища. Он вспоминает 10 марта 1939 года:

Два десятилетия минуло после того, как, почти мальчишка, стоял я здесь в карауле, с восторгом провожая делегатов конгресса Коминтерна. Теперь на этом же посту стоял другой юноша, и я приветствовал его, может быть, делегата будущего мирового съезда победившего коммунизма (Лобачев А. А. Трудными дорогами. М.: Воениздат, 1960. С. 97).

В том же году сталинский любимец Константин Симонов в пьесе «Парень из нашего города» описывает сражение советских войск на Халхин-Голе против 6-й японской армии:

Ты сейчас о последней сопке думаешь, а я — о последнем фашисте. Я думаю о нем давно, еще с Мадрида... в последнем фашистском городе поднимет этот последний фашист руки перед танком, на котором будет красное, именно красное знамя.

Это было написано в тот самый момент, когда с Германией не было общей границы, и она на нас не могла напасть, тем более внезапно. Это было написано тогда, когда Риббентроп летел в Москву

подписывать пакт, когда товарищ Сталин обнимал Риббентропа и клялся в вечной дружбе. Это было написано тогда, когда плана «Барбаросса» еще не существовало. Это было написано тогда, когда «последним фашистским городом» мог считаться не только Кельн или Мюнхен, не только Неаполь или Палермо, не только Барселона или Лиссабон, но Аддис-Абеба, Луанда, Триполи. Наша цель — не оборона своей страны, но «последний фашистский город».

И если бы Константин Симонов выражал только свои собственные мысли, не созвучные генеральной линии, то не носить бы ему Сталинских премий полные карманы. А ведь носил же. Знал товарищ Симонов, какие именно книги момент требует.

Мечта о «последнем фашистском городе» созвучна мечте Чингисхана — к последнему морю! Только и разницы, что нам затягивать с этим делом было противопоказано, что остановиться было нельзя, если бы и захотели...

ГЛАВА 7. К последней республике.

Россия — предвестница мировой федерации республик.

Герберт Уэллс. Март 1917 г.

1

Итак, голову Ленина повелели сделать большой.

Очень большой.

К большой голове надо приделать туловище соответствующих размеров. Прикинули. Получилось, что туловище должно быть больше Спасской башни Кремля.

Но башню легко строить. Башня — она и есть башня. А товарищ Ленин — это вам не башня. Ленин истуканом не стоял. У товарища Ленина, как каждый знает, рука была всегда вперед и вверх вынесена. Рука товарища Ленина всегда пролетариату путь указывала: верной дорогой идете, товарищи!

Значит, надо товарища Ленина таким делать, чтобы он не как бравый солдат Швейк стоял — руки по швам, — а чтобы рука у него вперед вынесена была.

Снова прикинули: выходит, рука должна быть размером с хороший пролет железнодорожного моста. Но мост легко строить. Мост — он, опять же, и есть мост. Концы моста на два берега опираются. А у товарища Ленина — рука в пространство вытянута. В пустоту. В никуда. Легко было статую Свободы в Нью-Йорке возводить — рука с факелом почти вверх тянется. Легко статую Христа было водрузить на горе в Рио: две руки в стороны — одна другую уравнивает. А товарищ Ленин любил одну руку вперед выносить. Только в таком виде его и разрешали изображать.

Помозговали инженеры и решили: сделаем, тысячетонный противовес внутри статуи разместим.

А тут новая проблема: в какую сторону ленинская рука должна указывать? На запад? На восток? А может, на юг, на Индийский океан, в котором предстояло вымыть сапоги? Итак, в какую же сторону ленинская рука должна указывать?

Решили так: наша идея — Мировая революция, весь мир будет нашим. Ленин поэтому должен указывать на весь мир. Кроме того, Ленин должен указывать путь в сияющее завтра. Поэтому под ленинскую статую было решено поставить электрический двигатель (или два, или сто, если потребуется) и статую постоянно вертеть: встает солнце на востоке — Ленин на него рукой показывает. Идет солнце по небу, а ленинская рука в него тычет. Двадцать четыре часа — полный оборот. И все сначала... На века! На тысячелетия! Навсегда!

Но инженерные головоломки на том не кончились, а только начались. Нельзя же, в самом деле, ленинскую статую просто так на землю поставить. Нельзя. Нужно вознести статую на соответствующий постамент. Если сама статуя выше любой из кремлевских башен, то какой же в этом случае под нее нужен постамент? Сто метров? Двести? Триста? Конечно, нет. Триста мало. Триста

— это Эйфелева башня в Париже. Триста уже есть. Надо выше. И вот туда, на верхотуру, и вознести Ленина-флюгера. Пусть наподобие золотого петушка вертится. Загляденье: самое высокое сооружение в мире и Ленин-петушок сверху.

А в постаменте решили оборудовать музей Мировой революции, самую большую библиотеку мира, институт Маркса и Энгельса, отдельно — институт Ленина, рабочие клубы и большой зал, самый большой зал мира...

Залы и лестницы — красный гранит, белый гранит, черный, мрамор белый и розовый, малахит, лабрадор. Портьеры — парча золотая.

И бессонными ночами тысячи инженеров искали решения тысяч проблем: а лифты какие делать? какой вместимости? с креслами или без? а как вентиляцию устроить? а отопление? а как обеспечить правильную акустику в главном зале? А если под потолком главного зала перегорит лампочка, то как ее менять на семидесятиметровой высоте?

И находили решения: раздевалки — конвейерного типа на десятки тысяч людей: опустил жетон в дырочку, и твое пальто (но ни чье другое) — мигом перед тобою. Ну и, понятно, в ресторанах отделка в национальном духе братских республик и кухня в лучших традициях: русский ресторан, украинский, польский, немецкий, итальянский, французский... И много еще в том постаменте намечалось разместить: буфеты, залы отдыха и прочая и прочая. А снизу решили подвести линию метро, чтобы из подземного дворца — выход прямо в мраморные кружева, в ослепительную роскошь, в негасимое сверкание самого прекрасного дворца мира...

Все это называлось двумя словами — Дворец Советов. Или двумя буквами — ДС. В народе — Вавилонская башня.

Строительство только началось, а линию метро уже подвели, и открыли новую станцию — «Дворец Советов».

2

Место для Дворца Советов выбрали прекрасное. Раньше прямо у Кремля над Москвой-рекой красовался величавый Храм Христа Спасителя, спасителя России. Храм — символ России, вознесенный в небо полувековым трудом лучших русских мастеров, расписанный и украшенный великими художниками и скульпторами. Храм, поднятый в небо на трудовые копейки русских крестьян, рабочих, учителей и торговцев, артистов и солдат, на деньги, собранные купечеством и дворянством.

Под Храм Христа Спасителя товарищи коммунисты заложили соответствующее количество динамита... и рванули. Именно на развалинах символа России и было решено возвести новый символ.

Коммунисты не признавали Отечества и Отечественной войны, как и самой России. На месте

символа России в центре Москвы был отгорожен участок под лагпункт и вырыт котлован.

И вот вогнали в грунт тысячи тонн нержавеющей стали (сталь марки ДС), залили сотни тысяч тонн цементного раствора (цемент марки ДС) и потянули в небеса стальной каркас...

И построили цементный завод, который давал лучший в мире голубой цемент, и пустили в Магнитогорске прокатный стан, который гнал стальные конструкции, изготовленные с особой точностью, с особым старанием. На возведение одного только каркаса требовалось триста тысяч тонн самой лучшей стали. Из этой стали можно было бы построить десять тысяч танков Т-34 и вооружить ими десять танковых армий. И построили комбинат, который начал обработку древесины особым способом, чтобы не горела в огне, чтобы прочностью металлу не уступала. И еще один комбинат, который из этой древесины стал выпускать «вечную» мебель для ДС. И еще комбинат — по изготовлению мраморных плит для облицовки внутренних помещений. Их много надо. И еще комбинат — по производству гранитных блоков и плит для внешней облицовки. А в Киргизии в заповедных лесах зазвенели топоры, запели пилы — эки вековые ореховые деревья валят. Со всего Союза пошли эшелоны в Москву: кедр, мореный дуб, бук, карельская береза, корневища орехового дерева — на отделку салонов! А на Урале эки малахит шлифуют. А у днепровских порогов рубят гранитные глыбы...

А в Москву со всей страны собраны лучшие умельцы: кружевницы и золотошвейки, чеканщики по бронзе и серебру, резчики по дубу и мрамору, мастера коврового дела, стеклодувы, хрустальных дел мастера...

3

4 июля 1941 года все работы на строительстве ДС были прекращены. Вскоре строительная техника была переброшена на возведение оборонительных сооружений. На те же нужды пустили сотни тысяч тонн уже заготовленных материалов: цемент — на строительство дотов, сталь всегда на войне требуется, спецдревесину — на производство истребителей ЛаГГ-3. Каркас ДС вскоре срезали. Ломать — не строить.

В октябре 1941 года тысячи строителей ДС собрали в дивизии народного ополчения и бросили под танки. Лучшие мастера России — монтажники и сварщики, стеклодувы и чеканщики, краснодеревщики и шлифовальщики мрамора — все, все, все легли в белоснежных полях под Москвой. После войны несколько раз брались ДС возводить заново, да все бросали. В 1956 году на XX съезде партии Хрущёв разоблачал Сталина:

Несмотря на принятое тридцать лет тому назад решение построить Дворец Советов как памятник Владимиру Ильичу, этот дворец не был построен, его строительство все время откладывалось, и о проекте постепенно стали забывать.

Зал ответил воплями возмущения.

Казалось бы, если вспомнили о Дворце, если Сталина клеймите за то, что не построил, ну так и возведите сами. В чем проблема? Фундамент остался... К слову, фундамент — совершенно уникальный, плавающий, фундамент в форме огромной чаши, которая может стоять на любом грунте, точнее, плыть в любом грунте, как тарелка в корыте. И никакие землетрясения тому фундаменту не страшны, как не страшны плавающей тарелке легкие сотрясения воды, в которой она плавает. И если Сталин не построил ДС, то вот он, уникальный фундамент, берите и стройте!

Но не стал Хрущёв строить ДС. И будущим поколениям не оставил возможности ДС построить — приказал Хрущёв тарелку фундамента залить водой, а вокруг построить раздевалки. И получился самый большой в мире открытый плавательный бассейн. Это очень хорошая идея — открытый плавательный бассейн. Но зимой-то он замерзнет!

У нас не замерзнет.

Решили греть бассейн. И грели.

Сколько надо энергии для того, чтобы в московском феврале прогревать самый большой в мире открытый плавательный бассейн? Сколько надо энергии, чтобы и ночами вода в нем не остывала?

Откровенно говоря, я не знаю, сколько надо было энергии. И никто не знал. Кто у нас за что отвечал? Кто у нас копеечку народную считал?

Любой капиталист на таком бизнесе в трубу вылетел бы. Потому в капитализме дураки долго в бизнесе не держатся: принял одно глупое решение — вылетай. А социализм тем хорош, что позволяет любые решения принимать, какие вздумается. В капитализме свои денежки вкладываешь. А в социализме — общие. Народные. Ничьи.

Кстати о народных денежках. В Киеве на стадионе в самом центре города когда-то давно трамплин лыжный возвели. Сооружение — на уровне мировых стандартов. Только ради экономии так трамплин развернули, что лыжник может приземляться только на трибуны зрителей, на скамейки. Больше некуда там приземляться. Потому десятилетиями трамплин над городом горделиво возвышался, а желающих прыгать так и не нашлось. А в Варшаве построили такой огромный стадион, который мог вместить всех жителей польской столицы и близлежащих городов, но денег на его содержание не было, поэтому стадион быстро пришел в запустение. На том стадионе сейчас русская барахолка. Наши соотечественники продают ордена Славы и Отечественной войны, медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией». Хорошая барахолка. Богатая.

Это к слову о бережливости народной власти. Не будем отвлекаться от темы, от самого большого в мире открытого плавательного бассейна. Бредешь, бывало, по белокаменной, снегом скрипишь, а бассейн парит, словно Везувий над Неаполем. Быстро выяснилось, что излишняя влага, испаряемая этим чудищем, портит картины музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина на Волхонке и жизнь соседних кварталов, избыточная неестественная влажность поражает коррозией

электрические провода и ограды, трубы и крыши... Словом, хрущевская затея использовать фундамент ДС не по прямому назначению себя не оправдала.

И вот загадка историкам: почему же фундамент не использовали по прямому назначению? Почему ДС так и не был построен?

4

Нам говорят, что грунт там мягкий. Это действительно так. Но технологи предшествующего века умудрились на том грунте поставить Храм Христа Спасителя. И ничего, стоял. И грандиозные храмы в Питере — не на гранитных скалах. Римский Колизей на болоте выстроен, стоит, тысячелетия отсчитывает, и еще ему стоять много тысячелетий, если не найдется новый умник и не завершит разрушение.

В Лондоне собор Святого Павла — на болоте, как, впрочем, и весь Лондон. Понятно, ДС — уникальное сооружение, самое большое в мире, но ведь и строительная техника со времен строительства Колизея вперед шагнула. И вовсе не зря я про чашу рассказывал. Планировщики сталинские тоже понятие имели в строительном деле.

Объяснение про мягкий грунт выдуманно задним числом. Если бы строители однажды сказали: мягкий грунт, строить нельзя, и строительство прекратили, то мы бы сейчас это обстоятельство могли бы считать причиной. Но у строителей ни в 1930-м, ни в 1941-м году сомнений не возникло, ДС строился ударными темпами. Можно ли считать причиной остановки строительства то обстоятельство, о котором сами строители ни разу не вспомнили?

Если причиной остановки стал мягкий грунт, почему не двинуть строительство в другое место? Долго ли? Строили Куйбышевскую ГЭС в одном месте, потом выбрали другое. МГУ хотели над откосом поставить. Рассчитали — сползет в Москву-реку. Над откосом — эффективнее, но отодвинули дальше. И ДС могли передвинуть куда угодно. Хоть на Воробьевы горы вместо МГУ, хоть в Останкино — там грунт подходящий, пятисотметровую махину в небо ввинтили на пяточке, на детской ладошке. Можно было вообще из Москвы такое сооружение вынести. Долго ли? Я вовсе не зря про варшавский стадион вспоминал, про киевский трамплин и дымящий Везувий. Страна у нас богатая, деньги не считаны, с деньгами народными в социализме проблем не бывает. Кто их когда считал? Да и зачем?

Мое мнение: остановка строительства вызвана не техническими и не экономическими причинами.

А может быть, у товарища Сталина вкус изменился?

Нет, вкус не менялся. После войны по сталинскому приказу было построено в Москве самое большое в мире университетское здание. Понятно, МГУ не сравнится с ДС. Сравнить МГУ с ДС — все равно что сравнивать котенка с тигром. Просто подчеркиваю: любовь Сталина к монументальным зданиям не угасала. Будь у него больше времени, он бы всю Москву перестроил на манер МГУ и

МИДа. И не только Москву. По всей стране торжественным маршем шагал этот стиль и выплескивался за пределы— от Пекина до Варшавы.

Сейчас не утихают споры о причинах прекращения строительства ДС.

А причина на поверхности. Причина та же самая, по которой Сталин отказался принимать Парад Победы и носить ордена, которыми его наградили в 1945 году.

Чтобы понять причину, надо просто вспомнить назначение ДС, надо вспомнить, для какой цели его собирались строить.

5

Пятьдесят лет назад в столице гитлеровской Германии Берлине специальные строительные отряды вдруг начали сносить кварталы старой городской застройки. Началась грандиозная акция по реконструкции Берлина... Возникает вопрос: столицей какой империи, вернее, какой имперской территории должен был стать новый Берлин? Ответ не вызывает сомнений. Имелась в виду территория новой Германии после победы в «молниеносной войне», которая принесла бы рейху господство над всем миром. В программе монументальной идеологической пропаганды фашизма существовал еще один план — «Большого кольца Славы».

По окружности новой границы Германии, с запада на восток, от Атлантического океана до Урала, и с севера на юг, от Норвегии до Северной Африки, должны были одновременно сооружаться огромные имперские монументы в виде обелисков, мавзолеев, башен, курганов, замков на видимом расстоянии друг от друга. Известно, что подобные идеологические акции, требующие огромных затрат и усилий архитекторов и художников, были характерны для тоталитарных государственных систем с антидемократическим режимом и агрессивным курсом внешней политики. Вспомним размеры пирамид. В 30-е годы нашего века³ искусство рейха, естественно, не могло не иметь каких-то переключек с официальным искусством других тоталитарных систем. Законы времени сказывались неумолимо. В таких странах, как Италия, Греция, Испания, Польша и даже Франция, возникли прямые рецидивы этого искусства.

Эта пространная цитата — из любимого мной «Военно-исторического журнала» (ВИЖ. 1989. №7. С. 95-96).

Интересно у нас историю сочиняют: написано, что Гитлер стремился установить господство над всем миром, а прямо на следующей строке сообщается, что не стремился Гитлер к мировому господству, а намеревался завершить экспансию на Урале и в Северной Африке, новые границы

³ XX века — Прим. ред.

отметить монументами.

Мировое господство? Если Гитлер будет владеть всем миром, зачем ему границы?

Учитывая размах и стоимость строительства, можно предположить, что планируемые монументы в представлении Гитлера означали окончательные границы рейха.

В статье сказано, что гитлеровская Германия была рассадником отвратительного идеологического монументализма, что в других тоталитарных странах — во Франции, Греции, Польше — возникли рецидивы гитлеровской монументальной архитектуры. И я все ждал, что автор вот-вот вспомнит еще одну страну. Не дождался...

Согласимся с «Военно-историческим журналом»: были ужасные режимы во Франции, Польше, Греции. Согласимся, что архитектура этих стран отражала агрессивные устремления их правительств. Согласимся, что Греция в XX веке была агрессором из агрессоров. Но ведь были и кроме нее страны не с самым мягким режимом, с определенными политическими амбициями и архитектурой, отражавшей сии амбиции...

Я все думал, что, начав разговор о реконструкции Берлина, автор вспомнит и грандиозную реконструкцию еще какой-нибудь столицы. Мне почему-то казалось, что, задав вопрос «столицей какой империи?», следовало и другие вопросы задать.

Согласен: монументальное строительство в Берлине есть свидетельство захватнических планов — грядущей империи требовалась соответствующая столица.

Но есть мнение: не лучше ль на себя, кума, оборотиться?

6

30 декабря 1922 года был образован Союз Советских Социалистических Республик. В этом названии нет никаких национальных или географических ограничений. По замыслу основателей, это образование должно было распространиться на весь мир. Гербом СССР стал земной шар с наложенными на него символами коммунизма. Именно в день образования СССР выступил Сергей Киров и предложил построить Дворец СССР. Товарищ Киров объяснил его символику:

Это здание должно явиться эмблемой грядущего могущества, торжества коммунизма не только у нас, но и там, на Западе.

И уточнил: дворец нужно строить для того, чтобы в нем принять в состав Советского Союза ПОСЛЕДНЮЮ РЕСПУБЛИКУ.

Тогда никто не предсказывал, какая именно будет последней — Аргентинская Советская Социалистическая Республика или Уругвайская, но твердо знали: однажды мы ее примем в братскую семью. Для такого случая и было решено построить ДС.

Через тринадцать месяцев умер Ленин. Над гробом товарища Ленина товарищ Сталин произнес клятву:

...Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять и расширять Союз республик. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь...

Именно эти слова гигантскими буквами было решено вырубить на стенах главного зала.

Сам ДС был как бы памятником Ленину. Но только на первый взгляд. Замысел был несколько иной: Маркс и Энгельс — теоретики-основоположники, им по памятнику у основания. Памятники должны быть гигантскими, но в сравнении со стометровым Лениным — крошечные. А Ленин — практик, Ленин начал теорию претворять в жизнь, он установил счастливую жизнь на одной шестой части суши, Ленину за это — соответствующих размеров статуя.

Но главное в ДС — вовсе не Маркс, не Энгельс и даже не Ленин, а сталинская клятва. Сам монумент символизировал окончательную победу коммунизма на планете и должен стать зримым выражением выполненной клятвы.

Когда один монарх ставил памятник предшественнику, он возвышал прежде всего себя, он украшал свою столицу, он демонстрировал подданным и супостатам свою мощь и свое богатство.

Образ Сталина не присутствовал зримо в статуях и барельефах, но этот храм должен был стать его храмом: Сталин — вершитель Величайшего Дела во всей мировой истории. Товарищ Сталин обещал расширять Союз — вот его клятва на стене, — и товарищ Сталин с честью свою клятву выполнил!

Таков был замысел...

7

Интересно, что в одном из проектов ДС, представленных на конкурс, предлагалось выполнить контуры здания (если смотреть на него сверху) в виде очертаний границ Советского Союза, какими они были в тот момент. Авторов этого проекта весело освистали: они не поняли ни сути задания, ни назначения ДС, ни содержания исторического момента — мы же будем расширяться! Наши границы — весь мир.

Так что на вопрос, почему ДС не был построен, ответить просто: потому, что Сталин не выполнил свою клятву. Потому, что Сталин развязал Вторую мировую войну, но завершил ее практически в тех же границах, в которых начал. Он знал, что длительное сосуществование с нормальным обществом невозможно, а победить его не сумел. Результаты Второй мировой войны означали конец коммунизма. Это было историческим поражением. Дальше мог наступить только развал. Рано или поздно. И «победа» в войне означала разгром коммунизма в мировом масштабе.

Последнюю республику не пришлось принимать в состав СССР, потому дворец для этого торжественного акта не потребовался.

Разница между нами и германскими нацистами заключалась в том, что решение возвести ДС и перестроить Москву как столицу будущего Всемирного Союза Советских Социалистических Республик было принято до того, как Адольф Гитлер обмакнул перо в чернила и написал первую строку своей книги.

И еще: Сталин не планировал возводить монументы и замки на своих будущих границах. Будущий Всемирный Союз Советских Социалистических Республик не должен был иметь никаких границ.

Он замышлялся безграничным.

ГЛАВА 8. Будущих гитлеровских танкистов готовим в Казани, будущих германских чекистов — в Москве.

Уже один факт заключения союза между Германией и Россией означал бы неизбежность будущей войны, исход которой заранее предрешен. Такая война могла бы означать только конец Германии.

Адольф Гитлер. Майн кампф. Гл. XIV

1

Любое преступление Сталина во внешней политике, любую его мерзость нам объясняли коротко и просто: история нам отпустила слишком мало времени! Надо было выиграть время!

На первый взгляд получается складно: если Советский Союз в июне 1941 года к войне был не готов, то в августе 1939-го — и подавно, потому товарищ Сталин был вынужден дать приказ товарищу Молотову подписать пакт...

И печатает «Военно-исторический журнал» (1990. №2) статьи под огромными красными заголовками «Был ли выбор?». Уже из названия следует — не было выбора: Молотов должен был подписать пакт о начале Второй мировой войны, ибо мы были к ней не готовы и надо было оттянуть ее начало. Логика удивительная, но другой наши маршалы и генералы не признают. И выступает Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев в том же журнале (1991. №4) с огромной статьей. Он идет дальше: пакт Молотова-Риббентропа, развязавший войну, — это не просто вынужденный ход Советского Союза, который позволил выиграть время, но это проявление высшей гуманности и нравственности, и каждый, кто имеет наглость усомниться в правильности сталинских действий,— поступает аморально:

Договор от 23 августа 1939 года оттянул срок начала войны для СССР почти на два года... При отсутствии такого договора Советский Союз оказался бы вовлеченным в войну в 1939 году в условиях еще более невыгодных, чем в 1941 году... Потому аморально звучат...

Маршал не одинок. Песня о том, что товарищ Сталин выигрывал время, звенит пятьдесят лет. Мы еще вернемся к вопросу об авторе этой песни. Всяк ее на свой лад поет. Генерал армии А. М. Майоров утверждает:

Советский Союз получил почти два года для подготовки к отражению агрессии (ВИЖ. 1989. №5. С. 36).

А писатель Иван Фотиевич Стаднюк писал об этом (Правда. 22 июня 1993 г.) с восклицательными знаками: вот, мол, отмочили какой-то там еще один дипломатический трюк и выиграли еще драгоценный месяц!

Если верить «Правде», то Сталин считал германское нападение неизбежным и всяческими

маневрами старался его оттянуть: вот выиграли драгоценный месяц, вот еще неделю...

Но не представляет труда развенчать легенды о том, что история нам мало времени отпустила, что товарищ Сталин время выигрывал. Для этого следует только вспомнить, чем Ленин отличался от Гитлера.

2

Коммунистическая партия Германии была серьезной политической силой. Но силу свою черпала отнюдь не на судостроительных верфях Гамбурга, не в рабочих кварталах Берлина, не на сталелитейных заводах Рура. Главные источники силы германских коммунистов находились вовсе не в Германии, а в коммунистической России.

Идеолог национал-социализма Альфред Розенберг еще даже не взялся за перо, чтобы написать книги о неполноценности славян, а советские коммунисты уже истребляли этих самых славян миллионами. И на бесчисленных лесоповальных лагпунктах бригадиры уже отсчитывали «кубики». И шли миллионы «кубиков» на экспорт, экспорт давал валюту, валютой питался Военно-промышленный комплекс СССР и Коминтерн — штаб Мировой революции. Самой прожорливой секцией Коминтерна была коммунистическая партия Германии, если, конечно, не считать нашу родную ВКП(б).

Источник силы коммунистической партии Германии таился именно в сибирском лесоповале. И в золотодобыче. Несокрушимая экономическая мощь наших концлагерей — вот гранитный фундамент германского коммунизма. Да от Романовых золотые запасы остались. А еще продавали советские товарищи национальное достояние страны, в том числе церковные ценности и творения великих мастеров Возрождения. Много на этом выручали. Самим хватало и братским партиям перепадало. Ну и коллективизация. У нашего крестьянина хлеб брали даром и гнали на экспорт. Выручкой питалась партия большевиков и ее младшие сестры во всем мире. А еще на черноморских берегах советские товарищи обратили в свою собственность все, что там было построено и создано, от царских дворцов до ботанических садов и охотничьих угодий. Коммунисты всего мира слетались туда на дармовые хлеба восстанавливать пошатнувшееся здоровье. И не надо далеко ходить за доказательствами, надо просто прочитать книгу Николая Островского «Как закалялась сталь». Вот так она и закалялась. И именно там, на привольных крымских курортах.

У нас было чем привлечь на свою сторону. Дармоеды всех стран соединялись у наших кормушек; они знали: если записаться в коммунисты, то за свое светлое будущее можно не беспокоиться — Москва оплатит любые расходы, Москва накормит, обильно напоит, а курорты в Крыму — бесплатные. Поток борцов за свободу рабочего класса не иссякал.

Ряды коммунистических партий всех стран комплектовались только из числа дураков и преступников. И коммунистическая партия Германии не была исключением.

Я за свои слова отвечаю. В двадцатых годах в Германии не было концлагерей, а в Советском Союзе — были. И вот всех мастей Пики и Ульбрихты боролись за свержение законной, выбранной народом власти в Германии с намерением построить коммунистическую Германию по образу и подобию Советского Союза, вернее — включить Германскую Советскую Социалистическую Республику в нерушимый союз со всеми вытекающими для Германии последствиями: красным террором, массовым истреблением людей, концлагерями, коллективизацией и прочими «прелестями». Если главарь германских коммунистов Эрнст Тельман был марксистом и готовился уничтожить классовую структуру общества в Германии, то есть готовил народу Германии массовые расстрелы, значит, он был преступником. А если он верил, что ликвидировать классовую структуру общества можно без массовых расстрелов, значит, он был дураком.

В начале тридцатых годов богатейшие сельскохозяйственные районы нашей страны (да и всей планеты) — Украина, Дон, Кубань, Поволжье — при рекордных урожаях почему-то были охвачены чудовищным голодом. Люди ели собак, кошек, перешли на крыс, мышей, лягушек. Некто Михаил Шолохов все это в шутку обращал. Он написал ужасно смешную книгу «Поднятая целина» о тех веселых временах и о том, как раздольно жилось под этой самой коллективизацией. Книга юмором искрилась и переливалась. Самая смешная сцена — дед Щукарь варит суп с лягушками. Обхохочешься. Да, мол, и такое случалось, ели лягушек — так это не потому, что с голода пухли, а потому, что дедок придурковатый попался. А вообще-то жизнь в колхозах была привольная да сытая.

И ржали товарищи коминтерновцы над глупым Щукарем, Шолохова по плечу хлопали, среди них находились даже такие, кто не брезговал Шолохову руку подать; даже и в гости к нему заезжали, за один стол с ним садились: в доме товарища Шолохова икорочку потребляли не лягушачью.

И вот вопрос: как могли вожди мирового пролетариата, всякие Дюкло и Тельманы, жить в этой стране и НЕ ЗНАТЬ о голоде? Как могли не знать о гибели миллионов? Как могли не знать о существовании концлагерей? Как могли не видеть детей-скелетов?

Не боюсь вывод повторить: если они и вправду не ведали, куда свои народы и страны привести хотят, то были они идиотами. А если ведали?

Нам описывают Германию двадцатых годов, пораженную безработицей, инфляцией и кризисом, но в Германии в те времена почему-то не писали смешных романов про суп с лягушками. И вот товарищ Тельман борется в Германии за установление советских порядков. За что же боролись немецкие коммунисты? За суп с лягушками?

Иногда все эти Тельманы, предварительно прогревшись на крымских пляжах, посещали свою родную Германию, а там — книга С. П. Мельгунова «Красный террор в России». И еще много-много

книг, в том числе и о красных концлагерях, о голоде, о зверствах «народной власти». Неужто не интересовался товарищ Тельман?

И вот я считаю, что коммунисты (то есть дураки и преступники) не могли легальным путем прийти к власти ни в Германии, ни в одной нормальной стране просто потому, что ни в одной стране мира дураки и преступники не составляют большинства и достаточной поддержкой не пользуются. Потому партии Тельмана приход к власти законным путем не угрожал. Потому товарищ Тельман демократию недолюбливал и против нее боролся. Как и его предшественники и соратники — товарищи Ленин, Троцкий, Сталин. Коммунистическая партия Германии представляла собой силу, но только до тех пор, пока советский «Экспортлес» регулярно отстегивал часть своих доходов в партийную кассу германских товарищей. Без этого партия германского пролетариата была пустышкой, равно как в 1917 году и партия Ленина без германского золота.

4

Сталин знал: можно истратить на содержание братских коммунистических партий сколько угодно миллионов долларов, марок, франков и фунтов, сколько угодно тонн золота, но ни в одной стране ни одна коммунистическая партия никогда законным путем власть не возьмет.

Опыт двадцати последних лет показывает, что в мирное время невозможно иметь в Европе коммунистическое движение, сильное до такой степени, чтобы большевистская партия смогла бы захватить власть. Диктатура этой партии становится возможной только в результате большой войны.

Это сказал товарищ Сталин 19 августа 1939 года в совершенно секретной речи, которая оставалась таковой до 1994 года. Это было сказано в тот самый момент, когда Сталин открыл шлюзы Второй мировой войны.

Сталин знал, что коммунисты придут к власти только в результате войны, потому он готовил войну и готовил коммунистов.

Еще в двадцатых годах в Москве была создана особая школа Коминтерна. А еще — школа имени Ленина. В этих школах готовили агентуру для подрыва существующей власти во всех странах мира, до Аргентины и Бразилии включительно, и вождей пролетариата для всех стран мира. Уже в двадцатых годах ковал Коминтерн руководящие кадры, которые должны были возглавить парламенты и правительства новых советских республик, до самой последней республики включительно.

Вот пример — Эрих Мильке, дважды герой ГДР, член Политбюро, генерал армии, министр государственной безопасности ГДР. А откуда он? Из школы Коминтерна. Эриха Мильке германская полиция ловила еще до прихода Гитлера к власти. «Красная звезда» 27 декабря 1987 года пишет:

Летом 1931 года положение Мильке стало небезопасным, возникла угроза

ареста.

«Красная звезда» не вдаётся в подробности (и мы гадать не будем) о том, чем товарищ Мильке досадил властям, но вспомним, что Германия 1931 года была страной в высшей степени свободной, с мощными проблесками нестабильности и даже анархии. Просто так, за коммунистическую пропаганду, не сажали. Что-то сотворил товарищ Мильке вполне серьёзное. «Красная звезда» вскользь и про заочный смертный приговор помянула, хотя при Гитлере Эрих Мильке в Германии не появлялся.

Для таких товарищей, как Мильке, двери столицы мирового пролетариата были распахнуты настежь. Мильке спасается от преследования в Советском Союзе, попадает в школу Коминтерна, затем — в школу имени Ленина. Чему в этих школах его учили, я не знаю, но в 1939–1940 годах Эрих Мильке находится на нелегальной работе в Бельгии. Далее в этом жизнеописании — неясный пробел, а с 1945 года Эрих Мильке строит счастливую жизнь в рядах сотрудников соответствующих органов Восточной Германии. За 12 лет он поднимается до поста министра государственной безопасности, на котором и остаётся более тридцати лет.

Ах, эти школы Коминтерна, какая закваска!

Нам, конечно, говорят красивые слова про доблестного антифашиста. Может быть, Мильке и был антифашистом, но для того, чтобы бороться против фашистских концлагерей, вовсе не обязательно бежать в 1931 году из Германии, в которой концлагерей ещё не было, в Союз Советских Социалистических Республик, где они процветали. Не знаю, была ли моя милая родина родиной слонов, но родиной концлагерей для своих собственных граждан была. В этом вопросе первенства у нас не отнять. Кстати сказать, германские коммунисты не могли быть противниками концлагерей — после разгрома фашизма коммунисты использовали гитлеровские концлагеря, причем по прямому назначению. Антифашист товарищ Мильке не мог не иметь к этому делу персонального отношения. Товарищ Мильке и другие товарищи боролись не против концлагерей, а только за то, чтобы концлагеря существовали не под красным флагом нацистов, а под красным коммунистическим флагом. Они боролись за то, чтобы в этих концлагерях быть начальниками.

Судьба Эриха Мильке — один только пример того, что немецкие коммунисты считали своей родиной отнюдь не Германию, но Советский Союз, служили ему и ему повиновались. Так «Красная звезда» и сообщает:

Страну Ленина он называет своей второй родиной.

Ещё пример. На этот раз не о безвестном в предвоенные годы Эрихе Мильке, а о самом известном немецком коммунисте, о самом главном. Главарь германских коммунистов Эрнст Тельман проводил много времени в Советском Союзе, ходил в советской военной форме. Газета «Красная армия» (не

путать с «Красной звездой») 9 декабря 1926 года пишет:

На трибуне появился товарищ Тельман в красноармейской шинели и в шлеме с красной звездой.

Это очень интересно: Советский Союз объявил целью своего существования уничтожение законных правительств во всем мире, в том числе (и прежде всего) — в Германии, а глава одной из германских политических партий ходит в военной форме противника.

Красная армия никогда не скрывала своего главного и единственного предназначения:

Большевицкую миссию Красная Армия будет считать выполненной, когда мы будем владеть земным шаром.

Это изрек начальник Политуправления РККА армейский комиссар 1-го ранга товарищ Ян Гамарник на активе Наркомата обороны 15 марта 1937 года.

И когда нам говорят, что история отпустила коммунистам мало времени, возразим — слишком много отпустила. Если бы страна готовилась к отражению агрессии, то времени бы хватило. Просто под руководством товарища Сталина страна готовилась к выполнению других задач. И эти задачи с самого первого дня существования коммунистической диктатуры открыто повторялись на всех уровнях и чаще всего — в Коминтерне, где заседали всяческие Бела Куны, пламенные Долоресы и Тельманы, обутые в советские генеральские сапоги.

Удивительно, но в то же самое время, когда товарищ Тельман заседал в Москве, совсем рядом, в секретной танковой школе под Казанью товарищ Сталин готовил будущих германских танковых командиров. В какой же форме они ходили? Не в своей же германской! Конечно, нет. Они тоже ходили в нашей родной красноармейской форме, точно как товарищ Тельман, только без красных звезд (ВИЖ. 1993. №7. С. 42).

До чего же ты темна, мать-история!

Мысль повторяю: Вильгельмы Пики, Гротеволы, Ульбрихты и Тельманы были своими ребятами, прикормленными и послушными. Они счастливо жили в стране концлагерей, они блудили на крымских курортах и знать не желали, что Украина ест кору с деревьев, а донские казаки — лягушачью похлебку, в то время как хлеб Украины, ее сало и горилка идут на прокорм мирового коммунистического движения. Товарищей коминтерновцев готовили быть министрами государственной безопасности во вновь присоединенных братских республиках и одновременно с ними готовили германских танкистов, которым было суждено Европу сокрушить. На первый взгляд — парадокс, на второй — стальная логика.

ГЛАВА 9. История нам отпустила мало времени.

Кто же сказал историкам, что Сталин отказался от идеи мировой экспансии? Откуда они это взяли? Да сам Сталин и сказал. А они и поверили. Даже странно, ей-богу. Разве можно верить урке? Любой конвойный знает — верить урке нельзя!

Александр Никонов. Бей первым!

1

Вернемся к Ленину и Гитлеру. Разница между ними в том, что Гитлер, особенно после ноября 1923 года, считал возможным приход к власти только законным путем, только через выборы. А у Ленина никаких тормозов и ограничителей не было. Ленин был готов к захвату власти любыми путями, прежде всего незаконными. Вот потому перед товарищем Лениным препятствий не возникало, а перед Гитлером — возникли.

Препятствие заключалось в том, что нужно было иметь абсолютное большинство голосов на выборах. А его не было.

31 июля 1932 года гитлеровцы собрали 13,7 миллиона голосов, но до абсолютного большинства все равно не дотянули. Это был пик, после которого началось падение. За четыре месяца Гитлер потерял почти два миллиона голосов. Падение продолжалось, скорость падения нарастала. Вот расклад политических сил в Германии на 5 ноября 1932 года: гитлеровцы — 11,8 миллионов голосов, социал-демократы — 8,1 миллионов, коммунисты — 5,8 миллионов.

К слову сказать, нас учили, что гитлеровцы — лавочники, социал-демократы — партия мелкой буржуазии, коммунисты — партия рабочего класса. Но если верить результатам многочисленных выборов в начале тридцатых годов, то мелких лавочников и мелких капиталистов в Германии было втрое больше, чем пролетариев. Другими словами, все построения Маркса уже тогда были опрокинуты жизнью и именно в индустриальной Германии. И если в пролетарской индустриальной Германии за Гитлера голосовало в 2-3 раза больше людей, чем за Тельмана, то кто же в этом случае был выразителем интересов большинства трудящихся?

Еще нас учили партию Гитлера называть не социалистической, а социалистской — мол, у нас настоящий социализм, а у Гитлера тоже социализм, но не до самого конца правильный. Тут нужно отметить, что Гитлер имел точку зрения прямо противоположную: только у него настоящий социализм, а социализм ленинского типа — искажение, отступление, извращение. Потому предлагаю партию Гитлера называть так, как ее называл сам Гитлер и его сторонники: Национал-социалистическая германская рабочая партия (нем. Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei; сокр. нем. NSDAP, сокр. рус. НСДАП). И давайте не будем спорить о том, что есть истинный социализм, а что — искажение: в теории всякий социализм правильный.

Итак, Национал-социалистическая рабочая партия Гитлера попала в беду. В кризис. На первый взгляд, Гитлер — победитель. Казалось бы: если ты — самый популярный политик Германии, бери власть. Так нет же. Абсолютного большинства у него нет, и потому взять власть он не может. Простое большинство без решающего перевеса — не победа, а глубочайший кризис. Общее количество голосов у социал-демократов и коммунистов все равно большее.

Национал-социалистическая рабочая партия Гитлера попала еще и в тяжелейший финансовый кризис. У рабочего класса Германии просто не было больше денег поддерживать свою партию. Партия чисто социалистическая, чисто рабочая, чисто пролетарская, а откуда у пролетариев деньги Гитлера поддерживать? И процесс разложения гитлеровской партии пошел по нарастающей.

Интересно полистать дневники Геббельса тех дней: «надежды полностью исчезли», «в кассе ни пфеннига», «нет денег, никто не дает в кредит», «мы на последнем издыхании».

Ситуация: у партии Гитлера больше нет денег на пиво для штурмовиков, на коричневые рубахи, на сапоги, на знамена и факелы, на барабаны и листовки, на выпуск литературы, на проведение новой предвыборной кампании, на содержание партийного аппарата. Гитлер обдумывает два варианта действий: первый — бегство, второй — самоубийство. Это зафиксировано на бумаге, например, в том же дневнике Геббельса, который для обнародования никак не предназначался.

Через десять лет после кризиса сам Гитлер говорил в тесном кругу:

Хуже всего обстояли дела в 1932 году, когда пришлось подписать множество долговых обязательств, чтобы иметь возможность финансировать прессу, избирательные кампании и вообще всю партийную работу... От имени НСДАП я подписывал эти долговые обязательства, сознавая, что если деятельность НСДАП не увенчается успехом, то все потеряно (Генри Пикер. Застольные разговоры Гитлера. Запись от 5 мая 1942 года).

В конце 1932 года песня Адольфа Гитлера была спета, и как политик он уже был кончен. Он пока оставался самым популярным политиком Германии, но партия — в долгах, платить нечем. Германский национал-социализм был обречен. Гитлера могло спасти чудо. Но чудес не бывает.

Поэтому Гитлера спас товарищ Сталин.

Товарищ Сталин не просто спас Гитлера, но вручил ему ключи от власти.

Демократия так устроена, что в решающих, поворотных моментах истории основную роль играет меньшинство.

Происходит это потому, что история имеет неисчислимое количество вариантов развития. Пока все

хорошо, люди могут соглашаться в главном, но в моменты кризисов и обострений в обществе возникают тысячи решений и планов. Как правило, мнения делятся на диаметрально противоположные и общество раскалывается почти пополам. В этой ситуации все решает неустойчивое, колеблющееся меньшинство: чуть оно поддастся вправо — победят правые, чуть влево — левые.

Именно такая ситуация сложилась в Германии в конце 1932 года: национал-социалисты, как мы помним, на первом месте, социал-демократы — на втором, коммунисты — на третьем. Но ни национал-социалисты, ни социал-демократы, ни тем более коммунисты прийти к власти не могут.

В этой ситуации судьбы Германии, Европы и всего мира оказались в руках меньшинства — в руках германских коммунистов. Поддержат коммунисты социал-демократов — и гитлеризм рухнет и больше никогда не поднимется. А если коммунисты поддержат национал-социалистов, рухнет социал-демократия.

Облачимся в рабочую блузу товарища Тельмана и прикинем, что следует делать, рассчитаем последствия хотя бы одного следующего шага. О самостоятельном приходе к власти коммунистам мечтать не приходилось. Оставалось два пути.

Первый: войти в коалицию с социал-демократами, победить на выборах, социал-демократы — старший партнер, коммунисты — младший. После этого предстояло разделить портфели: социал-демократам — большинство министерств, коммунистам — меньшинство. После поражения на выборах Гитлер сбежит или застрелится, если нет — его посадят в тюрьму за неуплату многомиллионных долгов. Партия Гитлера рассыплется — кому захочется состоять в обанкротившейся партии и платить ее долги после поражения, если их некому платить до выборов?

Таким образом, войти в коалицию с социал-демократами означало для коммунистов (и для всего мира) крушение национал-социализма. После такого крушения коммунисты автоматически поднимались с третьего места на второе и делили власть с первой партией, с социал-демократами. Заманчиво.

Был у товарища Тельмана второй путь: поддержать национал-социалистов. Последствия такого хода предсказать было легко: Гитлер, придя к власти, посадит в концлагеря и социал-демократов, и коммунистов, и самого товарища Тельмана.

Если германские коммунисты поддержат Гитлера, то это будет означать убийство социал-демократии и самоубийство германского коммунизма.

Товарищ Тельман так и поступил — поддержал Гитлера. На выборах 1933 года Гитлер получил 43% голосов, социал-демократы и коммунисты вместе — 49%. Но товарищ Тельман не пожелал выступить с социал-демократами единым блоком. Потому победил Гитлер.

Интересно, как кремлевская пропаганда описывает приход Гитлера к власти.

Фашизм — это война... Разве Гитлеру и Муссолини удалось бы захватить власть и ввергнуть Европу в пучину войны, если бы все антифашисты, и прежде всего коммунисты и социалисты западноевропейских стран, выступили единым фронтом? Конечно, нет.

Это передовая статья «Военно-исторического журнала» (1962. № 5. С. 5), то есть официальная точка зрения Министерства обороны СССР. Статья кипит благородной яростью: если бы объединились, то Гитлер и Муссолини не пришли бы к власти! Не было бы Второй мировой войны!

Руководители Министерства обороны бурлят гневом, но виновников прихода к власти Муссолини и Гитлера по какой-то причине не называют.

А мы назовем. Бенито Муссолини без посторонней помощи к власти прийти не мог. Проблема та же, что и у Гитлера: не хватало голосов. У социалистов и либералов было больше. И тогда товарищ Ленин запретил итальянским социалистам вступать в коалицию с либералами. Результат — к власти пришел Муссолини. Кстати, именно эти действия Ленина были причиной раскола соцпартии. Те, кто подчинился ленинскому приказу, вышли из социалистической партии и образовали коммунистическую партию Италии. Спасибо товарищу Ленину.

Этот урок очень понравился товарищу Сталину. В январе 1924 года на пленуме ЦК РКП(б) Сталин заявил: *«Не коалиция с социал-демократией, а смертельный бой с ней».*

Социал-демократы неоднократно предлагали коммунистам совместные действия против Гитлера на любых условиях, но всегда получали твердый и решительный отказ.

Сталин открыл дорогу к власти для Гитлера методом, которым Ленин открыл дорогу к власти для Муссолини. А вот как это теперь описывает наша официальная пропаганда. В 1991 году АПН выпустило книгу «Преступник номер 1». Авторы — Даниил Ефимович Мельников, доктор исторических наук, профессор, и Людмила Борисовна Черная, публицист и переводчик. Книга о Гитлере.

Авторы провели огромную исследовательскую работу и докопались до самых корней: они рассказывают о дальних предках Гитлера, мы узнаем, кто из них состоял в незаконном браке, у кого были побочные незаконнорожденные дети. Мы узнаем много интересного о детстве и юности Гитлера. Перед нами разворачивается картина возникновения и развития германского национал-социализма, главой которого был Адольф Гитлер. Мы видим возвышение национал-социализма, а потом кризис 1932 года: все пропало, все рухнет. Авторы цитируют выступления германских политиков конца 1932 года: Гитлер обречен, Гитлер списан, Гитлер больше не существует как политик, на Гитлере поставлен крест. Авторы высказывают свое мнение: еще немного, и от партии Гитлера шарахнулись бы все ее приверженцы, а сам Адольф Гитлер, если бы не сбежал или не покончил с собой, оказался бы в долговой яме.

За этим сразу следует описание прихода Гитлера к власти.

Скачок в повествовании непонятен. Это как в фильме, когда вырезано несколько метров пленки: рывок — и вдруг на экране без всякого перерыва падение превращается во взлет.

Книга о Гитлере, и потому ключевым в ней вопросом должен быть вопрос о том, как он дорвался до власти. Все остальные вопросы второстепенны. Без государственной власти Гитлер не стоил ничего. Все преступления стали возможны только потому, что Гитлер получил власть — в частном порядке концлагерь не построишь. Как же этот подлец, этот мерзавец, этот выродок оказался в кресле диктатора?

Вот что авторы нам предлагают в ответ:

В этой книге нет возможности, да и необходимости перечислять все перипетии борьбы верхов за канцлерское кресло в 1932–1933 годах... (С. 135).

Вот и все: нет возможности и необходимости. Дорвался Гитлер до власти, и кому какое дело, как дорвался. Авторы докопались до гитлеровских бабушек и прабабушек, перерыли горы грязного белья, сообщили нам все деревенские сплетни вековой давности, а когда дошли до главного, то тут произошел необъяснимый скачок в повествовании.

Гитлер, когда ему не захотелось рассказывать о событиях ноября 1923 года, применил прием «я не буду распространяться...». Официальная коммунистическая пропаганда использует тот же гитлеровский прием: «нет возможности и необходимости» рассказывать о главном и самом интересном.

А мы ответим: товарищи коммунисты, есть возможность обсуждать приход Гитлера к власти. И есть такая необходимость. Просто для того, чтобы это никогда больше не повторилось.

5

Вопрос: что должен был делать товарищ Сталин в драматической ситуации начала 1933 года?

Ответ: ровным счетом ничего.

И тогда Гитлер проиграл бы и никакой Великой Отечественной войны просто не было бы. Был бы мир. И мы бы не оплакивали миллионы погибших.

Но товарищу Сталину была нужна война. Потому товарищ Сталин приказал коммунистам в единый блок с социал-демократами не вступать. Мало того, забастовка в Восточной Пруссии, где надо было сбросить социал-демократов, проходила под общим красным флагом, на котором в свастику были вплетены серп и молот. Сейчас, понятно, коммунистам «нет возможности и необходимости» об этом вспоминать и рассказывать.

После выборов 49% голосов были разделены на социал-демократов и коммунистов. Вместе — сила, порознь — слабость. Ни коммунисты, ни социал-демократы в отдельности не имели 43%. Их имел Гитлер. И он победил. И все долги списали.

Вот тут и надо искать истоки Второй мировой войны.

Первые гитлеровские концлагеря — для педерастов и социал-демократов. Коммунистов Адольф Гитлер тоже не забыл. Нижние чины коммунистической партии Германии быстро перековались в национал-социалистов — не велика разница, — а верхний эшелон, начиная с товарища Тельмана, отправился в кутузку.

Перед выборами товарищ Тельман имел две возможности:

1. одним шагом, одним политическим ходом удавить гитлеризм в отрочестве и самому при этом стать министром в социал-демократическом правительстве;
2. открыть дорогу Гитлеру к власти и самому попасть за колючую проволоку и там погибнуть.

Товарищ Тельман выбрал кутузку и погиб в заключении. Так пусть же не обижаются на меня, когда я Тельмана, его сообщников и подельников называю дураками! Если есть другие мнения, готов их выслушать. Но начиная с 1932 года никаких других мнений об умственных способностях вождя германских коммунистов высказано не было.

6

Как понять самоубийственное поведение коммунистов в момент, когда решалась судьба мира?

Если мы оденем рабочую блузу товарища Тельмана, то в его действиях ровным счетом ничего не поймем. А вот если вместо блузы мы наденем красноармейскую шинель товарища Тельмана да суконный островерхий шлем с красной звездой, то тогда ситуация мигом прояснится.

Я ведь вовсе не зря тратил бумагу и время на рассказ о школах Коминтерна и о сытой жизни германских коммунистов в стране, где на Северном вокзале⁴ столицы мирового пролетариата иногда по недосмотру производителя потребитель мог в пирожке с мясом встретить нечто несъедобное. Человеческий ноготь, например. Или детский пальчик.

За все надо платить. За красивую жизнь в стране людоедов германские коммунисты платили покорностью. Товарищ Сталин использовал эту покорность в интересах Мировой революции.

Германских танкистов в красноармейской форме, которых Сталин готовил в секретной школе, надо было пустить против Европы. Но для этого надо было поставить во главе Германии бесноватого фюрера. А для этого надо было уничтожить социал-демократию и дорогу Гитлеру расчистить. Потому партией Тельмана пришлось пожертвовать, как пешкой в большой игре. Не велика потеря. Мы и сами имеем возможность убедиться — не великого ума был человек, если подставил свою шею под топор Гитлера в интересах Сталина.

Жертвуя Тельманом, товарищ Сталин знал, что в школах Коминтерна подрастают новые вожди, что в случае чего достойный кандидат на пост министра государственной безопасности Германской Советской Социалистической Республики всегда найдется.

⁴ Так назывался Ярославский вокзал Москвы в 1922-1955 годах. — Прим. ред.

Так пусть же нам больше не говорят о том, что история отпустила коммунистам мало времени на подготовку к войне. У Сталина были все возможности не пустить Гитлера к власти. Для удушения гитлеризма Сталину вообще ничего делать было не надо. Ровным счетом ничего. Без вмешательства Сталина германские коммунисты просто из чувства самосохранения должны были вступить в союз с социал-демократами. Но Сталин вмешался и этим открыл дорогу Гитлеру.

В предыдущей главе мы видели заявление официального органа Министерства обороны СССР: *«Второй мировой войны могло бы и не быть, если бы...»*.

Правильно. Добавим к недосказанному: ...если бы Сталин не привел Гитлера к власти. В этом случае ко Второй мировой войне и вовсе готовиться не надо было бы. Мир вполне мог обойтись без Гитлера во главе Германии и без Второй мировой войны.

Но Сталин — не мог.

ГЛАВА 10. Кто был автором легенды о неготовности Сталина к войне.

Русские выиграли бы войну без помощи своих западных союзников и захватили бы всю Европу. Никакая сила на земле не смогла бы их сдержать.

Генерал-полковник Гейнц Гудериан (Guderian H. Panzer Leader. London: Futura, 1974. С. 283)

1

Принято считать, что легенду о неготовности Сталина к войне придумал Хрущёв.

Против этого возражаю: легенда была придумана до Хрущёва.

Но чтобы найти автора, надо сначала установить, кому эта выдумка выгодна, кто и с какой целью ее распространяет.

Многим авторам книг и статей о «неготовности» я писал и звонил. Вопрос один: а почему никто не представил доказательств? И знаменитые историки со смущением отвечали: доказательств пока придумать не удалось.

Вот так история! Коммунисты нам полвека рассказывали о неготовности к войне, самый мощный в мире идеологический аппарат СССР имел главной задачей кричать с каждого фонаря о неготовности, на сочинение доказательств были брошены академии и институты, тысячи кандидатов и докторов получили звания, степени и премии, но ни одного доказательства никто так и не удосужился придумать!

Тут самое время меня перебить возгласом: так ведь вроде же была одна книга, в которой одно доказательство было представлено...

Братья и сестры, проявим бдительность: нам подсунули не те доказательства. Доказательств неготовности Сталина к войне никто не представил. Никогда. Вместо этого нам подсунули тысячи, десятки и сотни тысяч доказательств неготовности Сталина к оборонительной войне.

Но неготовность к войне и неготовность к оборонительной войне — разные вещи. Объясняю. Глава сицилийской мафии двадцать лет ездил по улицам большого города без оружия и телохранителей. Его так боялись, что ни соперники, ни полиция, ни тем более честные граждане не могли нарушить его покой. На этом он и сгорел — его взяли без единого выстрела. У него не оказалось с собой даже пистолета. Если он вообще забыл о самозащите, разве из этого следует, что в области нападения он тоже ничего не делал? Как раз наоборот. Вся Италия дрожала, дрожал и кое-кто за ее пределами. Все помыслы этого человека были направлены на захват и насилие, и эта направленность была ему лучшей защитой. Но она же сыграла с ним злую шутку: его агрессивности так боялись и он так хорошо об этом знал, что перестал заботиться о своей безопасности. Как Сталин.

Другой пример. Китайцы возводили Великую китайскую стену на протяжении двух тысяч лет. А их

соседи монголы не возводили ни стен, ни замков, ни крепостей. Чингисхан вообще никак к оборонительной войне не готовился. Разве из этого следует, что он был не готов к войне?

Коммунистическая пропаганда отсылает нас к 22 июня 1941 года: вот она, неготовность! Прямо такие книги и писали: «1941, 22 июня». Странный подход. Ну кто же судит о готовности к войне по первому дню? Судить по первому дню — это судить хоккейный поединок по первой шайбе. Ну забили. Бывает. Но давайте же до конца досмотрим!

Цыплят по осени считают, а о готовности к войне судят по ее итогам. О готовности к войне во все времена судили по последнему дню. У каждой стороны были плюсы и минусы в подготовке, и только последний день войны дает возможность подвести баланс всем плюсам и минусам. Давайте же вспомним май 1945 года, вспомним печальный конец Гитлера, вспомним товарища Сталина, примеряющего новый мундир у зеркала, и зададим вопрос еще раз: кто же лучше подготовился к войне?

Можно бесконечно выискивать новые факты и цифры, но результат войны покрывает все плюсы и минусы у обоих участников.

Если ошибаюсь, поправьте, но мне кажется, что товарищ Сталин в мае 1945 года выглядел несколько лучше, чем сожженный труп Гитлера. В конечном итоге у Сталина плюсов оказалось чуть больше, а минусов чуть меньше, чем у его противника.

2

Кремлевские историки нашли универсальный способ доказывать сталинскую неготовность к войне. Любое количество дивизий и корпусов, оружия и боевой техники они объявляют недостаточным. У Сталина было 300 дивизий? Мало! Надо было иметь 400. Миллион подготовленных парашютистов? Мало! Надо было подготовить два миллиона. Метод бесприигрышный. Если бы у Сталина было 400 дивизий, они бы сказали, что 500 лучше, чем 400. А было бы 500, сказали бы, что 600 все равно лучше. Этот же метод распространяется на любые характеристики вооружения: 75-миллиметровая броня на советских танках КВ? Мало, мало, мало.

Но давайте условимся: абсолютной готовности не бывает. Она недостижима, как горизонт. Любое количество и качество можно объявить недостаточным. Вы, к примеру, выжимаете штангу весом в 100 кг, а я скажу, что этого мало. Вы выжимаете 150. а мне все равно мало. Сколько ни выжимайте, я всегда сумею доказать, что 200 лучше, чем 150. И я буду прав! И все со мной согласятся! Ибо это действительно так: 300 больше, чем 200. А если кто-нибудь когда-нибудь выжмет 300 кг, я найду, что возразить.

Вот именно на этом простом психологическом трюке и держались все басни и сказки о неготовности Сталина к войне. Воспользовавшись нехитрым приемом, тысячи коммунистов написали тысячи книг. Они правы: миллион тонн боеприпасов — мало, два миллиона — лучше.

И если мы хотим разобраться в вопросе готовности к войне, давайте сразу установим: абсолютная готовность недостижима. Ее нет и быть не может. Все познается в сравнении. Готовность — понятие относительное. Только в сравнении с противником мы можем что-нибудь понять.

И никак иначе.

Потому, когда дойдем до количества советских самолетов, мы вспомним и противника: когда будем говорить о качестве советских танков, не забудем их сравнить с германскими.

3

Слышал такой аргумент: Сталин не мог напасть на Гитлера в 1941 году, ибо не имел никаких шансов на победу. Самый ранний срок нападения, с минимальными шансами на успех — 1942 год.

Логика убойная. Однако обратимся к другим примерам.

Имела ли Япония какие-нибудь шансы победить Америку? Сравним сырьевые ресурсы двух стран: у Америки все, у Японии ничего. Промышленный, научный и главное — технологический потенциал Америки в 1941 году был неизмеримо более высоким, чем потенциал Японии. Это было доказано чуть позже, в 1945 году, на примере двух японских городов — Хиросимы и Нагасаки.

Америка имела стратегическую авиацию и потенциал для дальнейшего развития стратегической авиации (для совершенно невероятного развития). Япония такого потенциала не имела. Бомбить Америку через океан Япония не могла. Высадить хотя бы один десантный батальон в Америке Япония тоже не могла. Оставался флот. Главной ударной силой флота после 7 декабря 1941 года стали считаться авианосцы. Америка могла строить их в таких количествах, что сравниться с нею никто не мог. А до 7 декабря, до Пёрл-Харбора, главной ударной силой флотов считались линкоры. У Японии на начало декабря 1941 года было 10 линкоров, еще 3 линкора в постройке. А у Америки — 16 линкоров и еще 16 в постройке. По всем остальным типам кораблей — явное преимущество Америки. Например, в Японии в постройке 1 тяжелый крейсер и 9 легких. А Америка строит 8 тяжелых и 32 легких. Япония строила в тот момент 43 эсминца, Америка — 188 при более высоких боевых характеристиках (Preston Antony. Navies of World War II. London: Bison Books, 1982. С. 133, 151).

Промышленный потенциал Америки был таков, что она могла резко увеличить количество линейных кораблей в составе своего флота, а также авианосцев, крейсеров, эсминцев, фрегатов, подводных лодок и т.д. и т.п. А Япония из-за отсутствия сырья этого сделать не могла.

Сравним и ответим: были ли у Японии хоть какие-то шансы на победу? Мой вывод: не было таких шансов. Но если Япония не имела никаких шансов на победу, из этого вовсе не следует, что Япония не могла напасть.

Могла. И напала.

Более того, Япония на момент нападения на Америку уже давно увязла в войне в Китае. Тут вообще никаких шансов на победу у Японии не было. Всех китайцев не перебьешь. Рядом находился

Советский Союз, с которым отношения были не самыми лучшими и который в случае, если Япония попадет в затруднительное положение, нанесет по ней внезапный удар. Что потом и случилось. Кроме всего, удар Японии по американскому флоту требовал одновременного удара и по британскому флоту...

Оценим все это. Могла ли Япония одновременно победить Китай, Америку, Британию, Советский Союз и множество их союзников?

Ответ: не могла. Но она на Америку напала.

Второй пример. Могла ли Германия победить всю Европу и Советский Союз? Ответ тот же. Следовательно... напасть не могла?

Нет, напасть могла. И напала.

Поэтому, когда говорят, что Сталин победить Гитлера не мог и потому не мог напасть, отвечаю: это разные вещи, они между собой не связаны. Из «не мог победить» вовсе не следует «не мог напасть».

Тем более что Сталин мог разгромить Германию и дойти до Берлина. И не только гипотетически и теоретически. Сталин доказал на практике, что дойти до Берлина мог.

Если бы Сталин дошел только до Вены, Варшавы и Кёнигсберга, то мы бы сейчас спорили, мог ли он при каких-то условиях дойти до Берлина. Но Сталин вступил в войну в 1941 году и до Берлина дошел. Приехал в Потсдам и там с партнерами делил Европу. И вот после этого коммунисты говорят: если бы Сталин в 1941 году вступил в войну, то до Берлина он дойти не мог. Бейте меня, режьте меня, но логики коммунистов мне не понять: Сталин дошел до Берлина, но дойти до Берлина не мог!

Красная Армия вступила в сражения с Вермахтом в самых страшных обстоятельствах, которые только можно придумать. И завершила войну в Берлине. Германская армия вступила в сражения 1941 года в условиях, о которых только можно мечтать. И завершила войну безоговорочной капитуляцией, а сам Гитлер покончил с собой.

И нам теперь говорят: Гитлер был к войне подготовлен лучше Сталина, умные немцы были к войне готовы, а глупые русские, украинцы, татары, узбеки, евреи, азербайджанцы совершенно не готовы.

4

Коммунисты придумали удивительные трюки, чтобы сталинскую неготовность доказать. Газета «Правда» 22 июня 1993 года ошарашила своих читателей заявлением: перед войной перевооружение Красной Армии началось, но завершить его не успели. Потому, мол, и напасть не могли на Гитлера: кто же нападает, перевооружения не завершив?

Следуя этой логике, можно сказать: Москва не может быть столицей государства — ее строительство начато, но пока еще не завершено. Вот когда завершится строительство последнего на Москве дома, тогда и можно будет считать Москву столицей.

Напомню редакции газеты «Правда»: не строится только мертвый город. И перевооружение любой армии — процесс постоянный. Не перевооружается только та армия, которая прекратила свое существование. Все остальные армии и в военное, и в мирное время непрерывно совершенствуются. И этот процесс не зря называется строительством вооруженных сил. Этот процесс конца не имеет, как путь к горизонту.

Существует психологическая западня, в которую попадали не только некоторые историки, но и мощные разведывательные организации.

Для примера возьмем те же самые японские линкоры 1941 года. Япония верит в линкоры. Но в Японии их почти вдвое меньше, чем в Америке, кроме того, все они устаревшие — введены в состав флота в период с 1913 по 1921 год (Preston Antony. Navies of World War II. С. 151). Самый современный из них находится в почтенном для корабля возрасте — 20 лет. А новейшие строятся. «Ямато» — первый из трех новейших японских линкоров — должен войти в состав флота 16 декабря 1941 года.

И вот представим себя в кабинете какого-нибудь начальника службы информации военно-морской разведки США 6 декабря 1941 года. Ночь. Спит Америка. А мы не спим. Свет лампы воспаленный, столы завалены бумагами, стены завешаны картами, графиками, диаграммами, фотографиями. Дымится сигара в пепельнице, на столе стоят две чашки давно остывшего кофе.

Вопрос: может ли японский флот напасть на американский флот 7 декабря 1941 года? До того как первый из трех новейших линкоров вступит в строй?

Я докурю свою гаванскую сигару и твердо отвечаю: нет.

Сначала надо завершить перевооружение японского флота, потом нападать.

Но и после 16 декабря, после вступления в строй первого из трех новейших линкоров, на мой взгляд, нападение японского флота не просто маловероятно, но исключено. Прежде всего, новейший корабль надо «обкатать», на нем установлены сложнейшие приборы и механизмы, его экипаж — несколько тысяч человек, корабль нужно немного погонять, нужно, как говорят на флоте, осмотреться в отсеках. Да и от берегов Японии ему до Америки еще дойти надо. На то не один день требуется.

И если его приведут в полнейшую готовность — все равно это только один корабль. Я бы подождал, когда войдет в строй второй. А второй должен войти 5 августа 1942 года. Но и после того я бы подождал вступления в состав флота третьего и четвертого.

И тут выясняется, что конца этому нет. Пока один готовят к сдаче, второй красят у достроечной стенки, третий спускают на воду, четвертый строят в доке, пятый закладывают, шестой проектируют, седьмой замышляют. А когда восьмой вступит в строй, первый безнадежно устареет.

Ждать, когда их все построят — все равно что ждать, когда в Москве будет построен последний дом.

Говорят, у Сталина танковые войска не были полностью перевооружены танками Т-34 и КВ,

следовательно... Говорят, надо было завершить перевооружение и только после того...

Да ничего подобного!

Если мы будем ждать, когда перевооружение завершится, то войну вообще невозможно будет начать — такой момент никогда не наступит.

Для того чтобы перевооружить половину танковых войск танками Т-34, требуется несколько лет. За это время будет создан новейший, более совершенный Т-34-85. Если им перевооружить армию, то к концу перевооружения появится Т-44, примем его на вооружение, начнем перевооружать, а тем временем появится Т-54 и так далее и так далее.

Говорят, Сталин не мог напасть — перевооружение только началось. Но обратим внимание на состояние германских танковых войск. Там перевооружение машинами подобного класса еще не начиналось. Германия не имела ничего равного Т-34 и КВ. И если Сталин, который начал перевооружение, не мог напасть, то Гитлер, который до такой ступени развития еще не дошел, и подавно напасть не мог.

В области артиллерии Красная Армия в 1941 году имела орудия, принятые на вооружение в 1938-1939 годах и выпущенные заводами в 1940-1941 годах. А германская артиллерия обходилась пушками и гаубицами 1918-го, а то и 1913-го года. И о перевооружении только мечтала.

Можно ли из этого делать вывод, что Гитлер не мог напасть?

5

Кому же выгодно распространять мифы о сталинской «неготовности»?

Выгодно коммунистам. Любой преступник прикидывается дураком, когда его обвиняют в преступлении или в намерении совершить преступление, когда его припирают к стенке уликами.

Коммунистический режим совершил множество преступлений. Но странное дело: коммунисты никогда своих преступлений и ошибок не рекламировали, но скрывали их и прятали. Они скрывали масштабы истребления крестьянства, они никогда не открывали методов подавления крестьянских восстаний, они молчали о концлагерях и заложниках, они с пеной у рта отвергали обвинения в истреблении польских офицеров, они скрывали сведения о ядерных катастрофах, они не публиковали статистики преступлений, они засекретили огромное количество архивных дел.

Но во всем, что относится к началу войны, они проявили удивительную покладистость. Они с готовностью признавали свои ошибки и промахи. Мало того, выискивали в архивах документы, подтверждающие неготовность, давали этим документам выгодную для себя интерпретацию, выставя себя в самом идиотском свете на посмешище перед всем миром и покрывая себя позором. Советские маршалы и генералы с охотой признавали себя дураками, подбрасывая историкам все новые и новые факты, подтверждающие это.

Так ведет себя преступник на суде: он рассказывает о том, что у него топора вовсе не было, а если

и был, то совершенно тупой, что пистолет был ржавым и без патронов, а сам он пользоваться им не научен и злого умысла иметь не мог по причине слабоумия. Этому поведению есть и специальное определение в соответствующей среде — «косить под психа».

Именно так полвека за дураков выдавали себя советские политики, генералы и маршалы. И кормили историков соответствующей информацией.

Тут бы историкам и насторожиться: что же это такое происходит? Отчего коммунистическая власть так охотно подбрасывает все новые и новые факты, которым бы лежать сто лет в архивной пыли? Почему так вольно выставляет она себя на всеобщее осмеяние? Тут бы историкам и спросить себя: я критикую коммунистов, так почему они за это мне научные звания присваивают и титулы вешают? Да и зачем коммунистам так много говорить о неготовности? Да с такими подробностями! В чем их интерес? Мало ли провалов в коммунистической истории: одна коллективизация чего стоила. Так не разрешают же коллективизацию трогать, поди тронь — мигом котелками по зонам загремишь. А про войну (не про всю, а только про начало) — пожалуйста, кричи, хоть охрипни.

Но не насторожились некоторые историки, а хватали бросаемые кусья и заглатывали прожорливо. И разносили по свету анекдоты один смешнее другого. И до такой степени приучили человека с улицы к мысли о сталинской «неготовности», что простой человек даже вообразить себе не может, что агрессоров было два, что из двух агрессоров Сталин был более коварным и хитрым и к войне лучше подготовлен, о чем результаты войны свидетельствуют.

6

Особая заслуга в распространении легенды о неготовности Сталина к войне принадлежит Хрущёву. За статьи и книги о «неготовности» Хрущёв жаловал премиями, чинами, орденами. Хитрый мужик Хрущёв понимал: выпячивая «неготовность», надо знать меру, и отдельных историков публично журил — мол, через край хватаете... Но, пожутив, авторов не сажал и книг из продажи не изымал. И этим своим одергиванием авторам рекламу делал. Они сами себя считали бунтующими правдоискателями в конфликте с властью.

При Хрущёве в коммунистический хор вплелись голоса историков зарубежных. Надо признать, что не только ради чинов и денег некоторые поддерживали Хрущёва. Слаб человек, и каждому хочется найти пятнышки на Солнце: вот Сталин не понимал того и этого, а я понимаю...

Вот как заведенный коммунистами патефон играет сейчас. Выступает некий Владимир Юровицкий (Российское время. 1993. № 1) и излагает такую версию: Красная Армия вообще никаких планов не имела, все, что в ней делалось, было полностью лишено смысла. Передвижения войск были бесцельными: эта дивизия идет туда, а эта — сюда, этот корпус — туда, а эта армия — отсюда. А зачем? Да просто так. И вот Сталин, Жуков и Тимошенко решили обмануть свою армию, решили вручить «красные пакеты» высшему командному составу, но в этих пакетах ничего не содержалось.

Замысел Сталина: командующих фронтами и армиями, командиров корпусов и дивизий обмануть, сделать видимость, что планы есть.

Не были ли эти «красные пакеты» пустышками, имевшими целью имитировать наличие планов, ввести в заблуждение именно собственных командиров, внушить им мысль об осмысленности их нахождения в лесах и болотах? Очень на это похоже.

Юровицкий считает, что Сталин, Тимошенко, Жуков, Соколовский, Ватутин, Василевский, Маландин, Штеменко, Шарохин, Курасов не работали, а имитировали разумную деятельность, словно глупые дети, которые говорят набором выдуманных слов, имитируя какой-то несуществующий иностранный язык.

Тут, на Западе, публикация Юровицкого вызвала настоящий восторг у всех ненавистников России. Расисты взвыли от радости. И понеслось по страницам журнальчиков и газеток: русские мыслили на уровне животных, они вообще не способны мыслить; мало того, если бы командирам сказали, что планов нет, то каждый действовал бы по своему усмотрению, сообразуясь с обстановкой, но эти трусливые животные сами себя обманывали, имитировали наличие планов, прикидывались, что действия их имеют смысл.

Не буду перечислять всей той гадости, которая последовала за публикацией Юровицкого. Подонки всех мастей кувыркались от радости, цитируя «Российское время». А потом наступила очередь научной элиты. Выступает любимец Главпура, Генштаба и «Красной звезды» профессор Эдинбургского университета Джон Эриксон:

Вплоть до апреля 1941 года политика Сталина все же была в определенной степени осмысленной (Erickson John. The Road to Stalingrad. London: Weidenfeld and Nicolson, 1983. С. 77).

О, спасибо великому историку за его снисходительность, он согласен признать с определенной натяжкой, что вплоть до апреля в некоторой степени какая-то осмысленность в политике Сталина присутствовала... Ну а начиная с апреля, сами понимаете, даже в определенной степени эта осмысленность в действиях Сталина отсутствовала.

Профессор Эриксон, понятно, не называет нас ни скотами, ни животными; он даже не сказал, что все мы относимся к низшей расе, но своей вежливой снисходительностью вполне нас на тот уровень опускает.

Фраза о том, что политика Сталина до апреля 1941 года все же была в определенной степени осмысленной, на Западе стала крылатой, ее повторяют достаточно часто. Профессор Тель-Авивского университета Габриэль Городецкий пишет книгу «Миф «Ледокола» и тоже повторяет эту мысль, но уже не как версию Юровицкого, а как научную истину, изреченную Эриксоном: до апреля в какой-то степени действия были осмысленны... (Городецкий Г. М.: Прогресс-Академия, 1995. Миф «Ледокола». С.

16).

Но это — присказка. Главное впереди: за год до выхода книги Городецкого «Красная звезда» (22 июня 1994 г.) уже начала ее восхвалять, а заодно и профессора Эриксона, и Якобсона — еще одного теоретика, который себя считает умнее Сталина. «Красная звезда» хвалит «прогрессивных ученых» и сообщает, что «подобных работ становится все больше».

Куда же больше! «Подобными работами», в которых открыто-остервенело или мягко-снисходительно описывается наша тупость, завалены все книжные магазины Запада.

Вот так этот механизм и работает — по замкнутому циклу: какой-нибудь Юровицкий объявляет, что Генеральный штаб вообще ничем не занимался, и штабы военных округов и флотов ничем не занимались, и все нижестоящие штабы валяли дурака; вернее, из-за трусости советские штабы, с Генерального штаба начиная, занимались самообманом и обманом своих собственных войск, имитируя разумную деятельность и прикрывая ею свою неспособность мыслить. Откровения Юровицкого и ему подобных немедленно разносятся по свету самой продажной и грязной прессой Запада, затем клевета поднимается на уровень «прогрессивных ученых» Эриксона, Якобсона и Городецкого и возвращается к нам уже со страниц официального органа Министерства обороны как мнение лучших умов Запада. А «Красной звездой» питаются всех мастей Юровицкие и вновь выдают якобы в частном порядке мнения о нашей вопиющей глупости, тупости, лени и трусости.

Между тем каждый, кто удосужился прочитать так называемый «План Барбаросса», знает, что ничего более глупого во всей человеческой истории придумано не было. Наступать по двум расходящимся направлениям — это тот самый признак, по которому в советских штабах выявляли дураков. Давали задачку-летучку: вот — мы, вот — противник, наступай. Тот, у кого на карте стрелки в две разные стороны расплзались, о карьере офицера оперативного отдела мог не мечтать. Ему этого не говорили, но в оперативном отделе или управлении долго не держали...

А по «Плану Барбаросса» стрелки в три разных направления разошлись. Это удар растопыренными пальцами. Это верх идиотизма. А если учесть, что в то же время германские стрелки на картах ползли и в Африку, то вопрос об умственных способностях германских планировщиков в обсуждении не нуждается. Все и так ясно. И в 1942 году германская армия наступала по двум расходящимся направлениям — на Сталинград и на Кавказ одновременно. Где такую дурость еще можно встретить? Тут еще недостаток сил свою роль сыграл. Было бы сил побольше, они бы и в 1942 году наступали по трем расходящимся направлениям, а то и по четырем.

Но об этом господа из «Российского времени» вспоминать не любят.

Для них только Иван — дурак, а немцы — умные.

давно. Помню международный семинар в Москве. В президиуме — генералы и маршалы. В зале — иностранные историки. С трибуны — смешные истории о неготовности к войне. В перерывах — бутерброды с икрой. Вечерами — «Метрополь» и «Националь», в выходной — охота на медведя, пьянка в лесном домике и всякие прочие развлечения.

В те времена мне западным историкам кричать хотелось: эй, вы-то соображаете, зачем вас всех сюда собрали, зачем на вас номенклатурный харч тратят? Вы понимаете, зачем маршал Конев перед вами распинается? Ему-то какой интерес о своей глупости рассказывать? Видели вы когда-нибудь человека, добровольно и публично признающего свою глупость и лень? А у маршалов натура такая: о промахах помалкивать, победами похвалиться. Тем более что Коневу есть чем хвалиться. Но не хвалится маршал, а все на ошибки да на глупость напирает. Не рассказал бы — никто о таких подробностях и не дознался бы. Но он вываливает факты мешками. Дерните же, господа историки, себя за носы, прикиньте, зачем от вас хотят повторения анекдотов про неготовность. Но не дернули себя историки за носы, а довольные разъехались по границам и повторили с веселым смехом все, что им в Москве рассказали.

Между тем маршальские истории про неготовность иногда с трудом пролезали даже в ворота редакции «Военно-исторического журнала». Главный маршал бронетанковых войск П. Ротмистров публиковал такое:

Другая причина временных неудач нашей армии состоит в недостатке у нас танков и отчасти авиации... Наши танки по качеству превосходят немецкие танки... но танков у нас все же в несколько раз меньше, чем у немцев. В этом секрет временных успехов немецкой армии (ВИЖ. 1961. № 1).

Танков в Красной Армии на 22 июня 1941 года было в семь раз больше, чем у Гитлера на Восточном фронте. Кому, как не главному маршалу бронетанковых войск, этого не знать? Заявления Ротмистрова читали в Министерстве обороны СССР, в Генеральном штабе, в Главном Бронетанковом управлении, во всех военных академиях. Но не возмутился НИКТО.

И никого не взволновал вопрос: зачем маршалу столь откровенно врать? В чем его интерес? Может, и другие истории о «неготовности» шиты теми же нитками? Да и вообще, откуда Ротмистров это почерпнул?

А почерпнул Ротмистров у Сталина.

Ротмистров просто цитировал то, что говорил товарищ Сталин 6 ноября 1941 года на станции метро «Маяковская».

Вот где надо искать автора легенды о неготовности. Преступление века было сорвано, и Сталин первым заговорил о том, что мы, собственно, к войне и не были готовы: вот у нас и танков в несколько раз меньше...

Так что Хрущёв и хрущевцы не оригинальны. Они просто повторяли мифы, которые до них

рассказывал сам Сталин. В 1961 году Сталин в Советском Союзе считался извергом рода человеческого, но если находилась подходящая (пусть и лживая) цитата из Сталина о неготовности, то разрешалось цитировать и Сталина.

Правда, долго скрывать количество советских танков было невозможно, и тогда сталинский миф переиначили: танков было много, но были они плохими.

Были и среди наших маршалов достойные люди. Маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко отказался категорически: мемуаров писать не буду. Правду писать не позволят — это можно было сообразить, даже маршальского звания не имея. А если писать неправду, то тогда — что?

А Жукова Георгия Константиновича мемуары написать заставили. И он сдался. И выдал «мемуар».

Полистаем «Воспоминания и размышления». Что там про штрафные батальоны вспоминает Георгий Константинович? Ничего не вспоминает. Отвоевал всю войну, а штрафников на войне видом не видывал и слыхом не слыхивал. И на смерть их на безымянные высоты не посылал. Ладно.

А что о наших потерях вспомнил Георгий Константинович? А ничего не вспомнил. Потому и размышлять не стал. Вот немцы — да! Немцы теряли людей, теряли самолеты, танки и пушки. По каждой операции Жуков сообщает, сколько танков, самолетов, сколько солдат и офицеров они потеряли. А наши все больше без потерь обходились.

Ну и в рассказе о начальном периоде войны Георгий Константинович многое, мягко говоря, напутал...

Но вот после крушения Советского Союза архивы совсем немного приоткрылись, и жуковское вранье проступило весьма ярко. И надо спасать товарища Жукова. А как? Одна только возможность: вранье закрасить глупостью. Чем же еще?

И выступает генерал-лейтенант Н. Г. Павленко:

В середине 60-х годов Г. К. Жуков, да и мы, военные историки, считали, что к началу войны противник имел превосходство в силах и средствах над нашими группировками в приграничной зоне. Сейчас, в связи с новыми публикациями... (ВИЖ. 1988. №11. С. 26).

Давайте генералу на минуту поверим. Выходит, что Г. К. Жуков чего-то не знал. Тот самый Жуков, который перед войной и в момент ее начала был начальником Генерального штаба, в ходе войны — правой рукой Сталина, заместителем Верховного, после войны — членом Политбюро и министром обороны. Чего же мог не знать четырежды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в середине 1960-х годов? Он не знал, сколько у Гитлера было танков? Их было 3 350. Эта цифра у различных историков плавает, но не очень сильно: чуть больше, чуть меньше. Эту цифру можно проверить по любым источникам: можно поднять сведения о производстве танков германскими заводами, можно посчитать танки в каждой германской дивизии и сложить. Такую

цифру называли все немецкие генералы. Если они эту цифру занижали, то их легко разоблачить: все архивы германского командования хранятся под Москвой в городе Подольске.

Но никто германских генералов разоблачать не стал. Так что с количеством германского вооружения вообще и с германскими танками в частности проблем возникнуть не могло.

Остается предположить, что Жуков в середине 1960-х годов не знал, сколько танков было в Красной Армии в 1941 году.

Их было 24 тысячи, а Жуков, оказывается, считал, что их было меньше, чем у немцев, то есть меньше трех тысяч. Значительно меньше.

Бедный Георгий Константинович так и умер в блаженном неведении. У него в 1941 году было семикратное превосходство, а он все думал по-сталински: но танков у нас все же в несколько раз меньше, чем у немцев.

Получается, что Генеральный штаб и его начальник даже приблизительно не знали, что за силы находились у них в подчинении. Получается, что после войны, находясь на высших государственных постах, Жуков не интересовался войной и в военную историю не вникал.

Если верить признаниям генерал-лейтенанта Павленко, военные историки тоже войной не интересовались. Жуков книгу писал для потомков, в расчете на издание на всех основных языках мира, но при этом не вникал даже в элементарное соотношение сил сторон. Если все это так, то Жукова следует объявить дураком. Кавалеров ордена Жукова следует объявить кавалерами ордена Дурака. На памятниках Жукову следует сделать соответствующие надписи. На Институте военной истории надо сменить вывеску: Институт дураков, и на Генеральном штабе тоже — Генеральный штаб дураков.

Кремлевская власть внушала нам, что Советский Союз был к войне не готов, но завершил ее блистательной победой. А моя книга о том, что войну мы проиграли. К войне Советский Союз был полностью готов, да только к другой войне...

Чтобы скрыть беспримерную подготовку к «освобождению», которое не состоялось, режим надел на всех нас колпаки с бубенчиками. Свое преступление режим прикрыл легендой о нашей всеобщей, безграничной, необъятной глупости. Глупыми нарисованы мы все, начиная со Сталина и Жукова.

Мы проиграли войну.

Мы проиграли войну, ибо вписаны в ее историю дураками.

Мы проиграли войну, ибо народ поверил в свою глупость.

Мы проиграли войну, ибо выросли целые поколения добровольных защитников коммунистической лжи о нашей невероятной, поистине необъяснимой тупости.

Мы проиграли войну, ибо миллионы наших умных людей готовы рвать глотку любому, кто

посмеет в нашей глупости усомниться.

ГЛАВА 11. У кого союзники лучше.

Чтобы победить, Гитлеру надо было сильно поумнеть в некий момент: затушевать расистскую особенность своего режима и выпячивать основу его – социализм, воевать не с русским народом, а с большевизмом, искать если не союзничества, то хотя бы нейтралитета Запада, а главное научиться у Сталина не только строительству концлагерей, но и умению маскировать свои замыслы сплошь прогрессивными словесами.

Эдуард Кузнецов. Выступление в парижском Дворце Конгрессов 2 октября 1985 г.

1

Мне возражают: Сталин был к войне не готов, а дошел до Берлина только потому, что ему помогли союзники.

Одна только Америка поставила Сталину 427 284 армейских грузовика. Это были лучшие в мире, любимые войсками «Студебекеры» и «Доджи». Кроме того, Советский Союз получил из Америки 50 501 джип «Виллис». Это была машина, равной которой во всем мире в то время не было ни у кого. Американский джип был прост и надежен, как настоящий боевой друг, он служил командирской машиной, возил разведчиков, связных, посыльных, дозорных, конвоиров, артиллерийских наблюдателей, саперов, санитаров, десантников, чекистов и политработников. Из США Сталин получил целый флот в составе 595 кораблей, в том числе:

- 28 фрегатов,
- 77 тральщиков,
- 3 ледокола (к ледоколам я особенно неравнодушен),
- 140 охотников за подводными лодками,
- 202 торпедных катера и так далее.

Одна только Америка передала Сталину:

- 13 303 тягача и бронетранспортера,
- 35 041 армейский мотоцикл,
- 8 089 путеукладчиков,
- 1 981 локомотив,
- 11 155 железнодорожных вагонов,
- 136 тысяч тонн взрывчатки,
- 3 миллиона 820 тысяч тонн продовольствия, в основном тушенки, сливочного масла, шоколада и т.п.,
- 2 миллиона 541 тысячу тонн нефти и нефтепродуктов,

- 2 миллиона 317 тысяч тонн стали, включая броневую,
- более 50 тысяч тонн кожи,
- более 15 миллионов пар кожаных армейских ботинок...

Список бесконечный. Еще мы находим в нем:

- 4 952 истребителя «Аэрокобра»,
 - 2 410 истребителей «Кингкобра»,
- (всего истребителей пяти типов – 9681),
- 2 771 бомбардировщик А-20,
 - 861 бомбардировщик Б-25,
 - 423 тысячи полевых телефонных аппаратов,
 - олово,
 - кобальт,
 - бериллий,
 - кадмий,
 - кобальтовую руду,
 - более 5 тысяч тонн алюминиевых труб,
 - 166 тысяч тонн алюминиевых сплавов,
 - 624 тонны алюминия в слитках,
 - 56 тысяч тонн алюминия в листах,
 - 34 тысячи тонн бронзы и латуни в слитках,
 - 7 тысяч тонн бронзовой и латунной проволоки,
 - 24 тысячи тонн латуни и бронзы в листах,
 - 181 тысячу тонн изолированной медной проволоки,
 - молибденовый концентрат,
 - магниевые сплавы,
 - медь,
 - цинк,
 - свинец,
 - никель,
 - 350 тысяч тонн марганцевой руды,

- 69 миллионов квадратных метров шерстяных тканей,
- 3 миллиона 700 тысяч автомобильных шин,
- 81 тысячу тонн резины,
- сотни тысяч радиостанций,
- нефтеперегонные заводы в полном комплекте,
- радиолокаторы,
- торпеды,
- морские мины,
- палатки войсковые, штабные и госпитальные,
- мостовые краны для машиностроительных предприятий,
- полевые хлебозаводы,
- оптику — от снайперских прицелов до сложнейших приборов управления огнем,
- кухни полевые,
- цемент,
- рельсы сотнями тысяч тонн,
- хирургический инструмент,
- колючую проволоку десятками тысяч тонн,
- лампочки электрические десятками миллионов штук,
- оборудование для госпиталей,
- десантно-переправочное имущество,
- маскировочные сети тысячами тонн,
- парашюты,
- кузнечно-прессовое оборудование,
- особо точные шлифовальные станки,
- стальные трубы,
- бульдозеры,
- 8 218 зенитных и 5 815 противотанковых пушек,
- 8701 артиллерийский трактор,
- 473 миллиона артиллерийских снарядов,
- автоматические винтовки, автоматы, пулеметы,

- навигационное оборудование для кораблей и самолетов

и прочее, и прочее, и прочее без конца (Красная звезда. 18 июля. 29 августа 1991 г.; ВИЖ. 1990. №6; 1991. №2; Вестфаль З. Роковые решения. М.: Воениздат, 1958. С. 114; Грани. 1985. № 136. С. 229-231).

Кроме Америки стратегические товары в Советский Союз поставляли другие страны. Минимальные потребности Советского Союза в алюминии составляли 4 тысячи тонн в месяц (ВИЖ. 1978. №9. С. 64). Днепровский алюминиевый комбинат в Запорожье давал по 4,5 тысячи тонн алюминия в месяц. Но он был потерян. Производство остальных советских заводов было незначительным. Так вот, Британия аккуратно поставляла товарищу Сталину по 2 тысячи тонн алюминия в месяц (там же). Происхождение остального алюминия — смотрите выше. Потребности СССР в алюминии в ходе войны были перекрыты поставками из США и Британии. И когда коммунисты бахвалятся производством боевых самолетов в ходе войны, надо соглашаться и отдать должное авиационной промышленности СССР. Тем не менее, надо вспомнить и о происхождении «крылатого металла» и прочих штучек, без которых самолеты не летают. Самые лучшие в мире советские танки имели самые лучшие в мире танковые двигатели В-2. Основной металл для их производства— алюминий. А откуда?

Советский Северный флот получил только из Британии 27 боевых кораблей, включая 4 подводные лодки; кроме того, Британия передала Сталину временно до окончания боевых действий целый флот (помимо американских кораблей) в составе 92 боевых кораблей, включая линейный корабль «Ройал Соверен» и один крейсер. На возражение, что линейный корабль был устаревшим, отвечаю, что до этого у Советского Союза на Ледовитом океане вообще не было крупных кораблей — ни одного линкора и ни одного крейсера. Британия поставляла летную меховую одежду высшего качества. В Британии и сейчас большой роскошью считается меховая летная куртка образца 1940 года — именно та, в которой запечатлены для потомков наши прославленные асы Кожедуб и Покрышкин, Речкалов и Клубов. Мода на эти куртки в Британии не проходит, потому как делали их с особым старанием. В эти куртки Британия одела сталинских соколов.

С 1 октября 1941 года по 31 мая 1945 года только Америка снарядила и отправила Сталину 2 660 транспортных кораблей, на которые было погружено 17,5 миллионов тонн стратегических материалов. В пути погибли десятки транспортных кораблей и 1,3 миллиона тонн груза. Остальное было доставлено в советские порты. Для сопровождения конвоев привлекались сотни боевых кораблей Америки и Британии, тысячи самолетов и десятки тысяч людей. Одна только Британия потеряла 19 боевых кораблей, сопровождавших грузы для Советского Союза, в том числе — два крейсера.

случаю в Лондоне была собрана научная конференция. Все ее участники — с титулами, званиями, степенями. Один я, убогий, без титулов и званий. И без приглашения. Проник любопытствующим зрителем. Тема: начало Второй мировой войны. Потому и проник: интересно.

Обсуждают ученые мужи начало войны и очень скоро (куда им деться?) дошли до «Ледокола».

Смеются, зубоскалят, уличают, обличают, обсуждают и осуждают. Все им ясно: этот самый Суворов написать «Ледокола» не мог. Это кто-то за него написал. В каждом деле надо искать, кому выгодно, так сказать, *cuī prodest?*⁵ А выгодно русским. Все знают, что они воевать не умели, что они вообще ничего не понимали — дураки, да и только. А считаешь «Ледокол» — и выходит, что не они дураки, а люди Запада. Не Сталин дурак, а Гитлер с Черчиллем и Рузвельтом. Одним словом, все ясно — это написали эксперты из советской разведки, и группу лучших историков СССР им в помощь дали. И с «Аквариумом» все ясно. «Аквариум» — это восхваление Советской Армии. Кому выгодно? Все понятно — на то Союз писателей СССР и существует. Долго ли заказать?

Сидел я, слушал, не выдержал, поднимаюсь: «Братья историки, — говорю. — Тут я. Бейте меня».

Сначала, как водится перед грозой, попритихло все. А потом взорвался зал. И грянул бой.

Долго они меня цитатами молотили, цифрами били. А потом вдруг разом стихли. Поднимается самый уважаемый. Затих зал до гробовой тишины. Соображаю: это предводитель историков. В его глазах — огонь испепеляющего гнева: держись, терзать буду!

И я держался.

Он ударил цифрами так, чтобы сшибить первым ударом. Чтобы втоптать меня в чернозем. Без вступления объявил, что Сталин на Гитлера напасть не мог, так как к войне был не готов. Вот и доказательство: развернул список полутораметровый и зачитал, сколько тушенки, лопат, сгущенки, бинтов, танков и сливочного масла Америка передала Сталину во время войны.

Зачитал, зал ему ропотом одобрительным ответил, а он, подбоченясь, ко мне оборачивается: как выкручиваться будем, мистер Суворов?

3

Мне бы, понятное дело, было бы эффектнее вынуть из портфеля такой же полутораметровый список и его в ответ зачитать. Но ни портфеля, ни списка со мной не случилось, потому я ему просто на память все эти цифры повторил.

Зашумели они, как шмели. Никто ничего не понимает. И предводитель моего хода не понял. Им даже интересно стало: ну-ка, поясни. Я и пояснил, что все эти цифры и есть мое доказательство ГОТОВНОСТИ Сталина к войне.

Иметь надежных, богатых, сильных, щедрых союзников — именно это во все времена именовалось готовностью к войне.

⁵ Кому выгодно? (лат.) — Прим. ред.

Союзники не приходят сами. Их надо найти, союз с ними надо обеспечить, и обеспечить вовсе не договорами — надо поставить их в такое положение, чтобы они сами, добровольно, без всяких договоров помогали.

Товарищ Сталин так и поступил. Поставил их в положение.

Говорят, на Гитлера работали покоренный Люксембург, Бельгия, Голландия, Польша и часть Франции. Правильно. Это очень даже правильно.

А на товарища Сталина работала Америка. И не одна только Америка.

И была разница: на Гитлера за брюквенную похлебку под американскими бомбами работали поляк и француз, которые, того и гляди, песку в подшипники сыпанут.

А на товарища Сталина в теплом светлом цеху за полновесный трудовой доллар вкалывал американский рабочий высокой квалификации. Кроме трудового доллара американский рабочий имел еще один стимул — он работал на погибель Гитлера, он ненавидел Гитлера той же ненавистью, что и поляк с французом.

Гитлер считал, что Америка разложилась морально, а лидеры Америки — дураки (так Адольф Алоизович и выражался). Но никогда Гитлер не говорил о том, что Америку надо покорить. Гитлер называл Черчилля пьяницей и дураком, но считал, что с Британией надо иметь союз (Майн кампф. Гл. IV).

Но случилось так, что американские и британские стратегические бомбардировщики за время войны высыпали на Германию 1 миллион 856 тысяч тонн бомб. А тактические бомбардировщики добавили еще 844 тысячи тонн (Goralski R. World War II Almanac 1937-1945. С. 438). Две с половиной мегатонны. Почти три.

А кремлевские вожди говорили иначе:

Англо-американские империалисты такой же зверь, по отношению к которому справедливость может быть только в том, чтобы удушить его.

Это товарищ Ленин, «Письмо к американским рабочим». Для удушения зверя требовалась веревка, товарищ Ленин это понимал и не делал тайны, где ее добудет. В ответ на такие речи англо-американское зверье возвело в Советском Союзе лучшие в мире канатные фабрики.

Товарищ Троцкий предлагал «перманентную революцию», товарищ Тухачевский — «революцию извне», товарищ Бухарин — «красную интервенцию». Товарищ Сталин тоже выражался вполне определенно. А за это —

...Предавая западную цивилизацию, Рузвельт и Черчилль сделали все для спасения коммунизма, когда ему стала угрожать опасность, и сделали все, чтобы он захватил пол-мира и стал основной мировой угрозой для человечества. Предвидеть такую степень предательства и политического кретинизма действительно было очень трудно; здесь я должен заступиться за Ленина и

Троцкого: они делали предположения, исходя из того, что имеют дело с противниками нормальными и здравомыслящими.

Это писал бежавший во Францию Борис Бажанов (Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Франция: Издательство «Третья волна», 1980. С. 165).

4

Везло нам на союзников. Товарищ Зиновьев во время похода Тухачевского за Вислу обещал, что к 50-летию Парижской коммуны, то есть к 18 марта 1921 года, Франция станет советской республикой.

Вот как к этому отнеслись французы.

Рассказывает один из самых замечательных советских летчиков-испытателей Игорь Шелест. В 1925 году во Францию прибыл некто Минов. Официальный ранг — красноенлет, красный военный летчик. В 1920 году красноенлет Минов воевал в Польше за то, чтобы Германию и Францию включить в братский союз. Польша отбила нападение «красных коней», и было решено пересаживаться на красные танки и красные самолеты. Красноенлет Минов получил боевую задачу добыть авиационные двигатели: побольше, качеством получше да подешевле. Минов находит «довольно легкомысленного юношу» и двигатели приобретает.

Его коммерческая сделка не могла не вызвать удивления: он закупил «по случаю» около четырех тысяч авиаторов «Рон» (Шелест И. С крыла на крыло. М.: Молодая гвардия, 1977. С. 140-143).

Меня упрекали за «Аквариум» — мол, что-то мы там как-то не по-шпионски действуем, без плащей и без кинжалов. Отвечаю: а зачем в шпионов играть, если все на поверхности лежит. Вот, любуйтесь, как красноенлет Минов действует. Он добыл четыре тысячи авиационных двигателей. Это примерно столько, сколько у Гитлера было 21 июня 1941 года на советской границе.

Осталось красноенлету Минову двигатели оплатить и вывезти. Но как вывезти стратегический груз из прекрасной Франции? Очень даже просто.

И сделка состоялась. В результате Советский Союз закупил около пятисот тонн «металлолома» по соответствующей этому товару цене (там же).

Вот он, класс работы!

А жизнь продолжается. Красноенлет Минов заказывает несколько бомбардировщиков — фирма заказ выполняет. Бомбардировщики надо принимать.

Стало известно, что принимать их приедет из Москвы некий инженер Петров... Под фамилией Петров в Париж приехал не кто иной, как сам... начальник Военно-Воздушных Сил Петр Ионович Баранов... «Петров» остался доволен выполненным заказом и той информацией, на которую не поскупились гостеприимные французы.

— Ну вот, милейший скептик, — сказал Петр Иванович Минову, — дела наши к концу, и все идет на редкость гладко. На днях я вынырну в Москве также незаметно, как провел время у вас в гостях (там же).

И все шло хорошо, и «Петров» отбыл на парижский Северный вокзал (Гар дю Нор, если быть точным), вышел с Миновым покурить перед вагоном... тут-то «Петрова» и опознали!

Оба курили у тамбура вагона, когда Минов увидел сияющего в улыбке министра авиации Франции Лорана Эйнека. В штатском, с красными розами в руке, министр в сопровождении адъютанта направился прямо к ним. Лоран Эйнек был очень любезен в прощальной речи. Он сокрушался, что слишком поздно узнал о пребывании столь высокого гостя, что, не будь его, министра, досадной неосведомленности, коллега мог бы увидеть и узнать здесь несравненно больше (там же).

К чему плащи? К чему кинжалы? Коллега мог бы увидеть и узнать несравненно больше!

В «Ледоколе», не вдаваясь в подробности, я упомянул о происхождении советских танков БТ: их создал гениальный американский конструктор Вальтер Кристи. Америка своего гения не поняла, не признала, его потрясающими достижениями не воспользовалась. Германия проявила исключительный интерес к работам выдающегося танкового конструктора, но получила отказ, а советские товарищи закупили пару танков Кристи, сняли с них башни и переправили на родину мирового пролетариата под видом сельскохозяйственных тракторов, и немедленно Советский Союз начал их массовое производство. Башню мы и сами сделать можем, двигатель сначала использовали американский — «Либерти», потом нашли даже лучший — немецкий BMW.

И вот выступает американский историк Иосиф Косинский (Новое русское слово. 26 июня 1989 г.) и меня разоблачает:

Далее идет детективная история о том, что танк Кристи был куплен в США и переправлен в Советский Союз по ложным документам, в которых он числился сельскохозяйственным трактором. Комментировать не стану...

Косинский не стал комментировать «детективную историю» — мол, читателю и так ясно, что этот самый Суворов все просто выдумал.

А я в «Ледоколе» не приводил никаких ссылок потому, что история эта хорошо известна. Она описана до меня и после меня во всех деталях; известно даже имя советского водителя, который «тракторы» сопровождал из Нью-Йорка в Одессу. Эту историю описал Джон Милсон в книге «Russian BT Series» (Windsor: Profile, 1971), а Стивен Залого — в великолепной книге «Soviet tanks and combat vehicles of World War Two» (С. 67). В России, понятно, об этом знают больше. Блестящий знаток танков Игорь Павлович Шмелев выпустил книгу «Танки БТ», в которой сообщил:

Н. М. Тоскину было поручено освоить управление и обслуживание танков и

доставить их в СССР. Кристи уведомил Госдепартамент, что он продал «Амторгу» два трактора. Разрешение на вывоз было получено. И 24 декабря 1930 года судно с танками покинуло Нью-Йорк (Шмелев И. П. Танки БТ. М: Хоббикнига, 1993. С. 7).

Если мы не верим замечательным знатокам, давайте верить документам. На главном британском танковом полигоне Бовингтон расположен самый богатый британский танковый музей, в музее выставлена копия той самой бумаги о продаже «тракторов» Советскому Союзу. А оригиналы — в танковом музее на Абердинском полигоне в США в рамочке под стеклом. И пояснение: мы Вальтера Кристи не оценили, немцам отказали, а Сталину продали два «трактора», и Сталин развернул их массовое производство.

5

Я показываю на примерах, что страны Запада гнали в Советский Союз бомбардировщики и авиационные двигатели из Франции, танковые двигатели BMW из Германии, танки «Виккерс» и «Карден-Ллойд» из Британии, танки «Кристи» из Америки, и все это выдавалось за металлолом или за сугубо мирную продукцию.

Подложные документы, по которым образцы вооружения перебрасывались в СССР, — это фиговые листочки, которыми Запад прикрывал свой позор.

И вот Иосиф Косинский возражает. Не будем спорить. Давайте согласимся с Иосифом Косинским: это я сам выдумал детективную историю про подложные документы. Но что же тогда получается? Я показываю, что шли поставки в СССР под прикрытием фиговых листочков, а Косинский доказывает, что все это шло даже без фиговых листочков: захотелось Сталину купить лучший в мире танк, он его в Америке покупает, и даже подложных документов ему не требуется. Германии, в которой Гитлер еще не пришел к власти, — Америка отказала, а товарищу Сталину — пожалуйста.

Если поверим Косинскому, то тогда Америка предстает еще более глупой, чем я ее рисую.

Косинский заявляет: Сталин не был готов сокрушить Европу.

Но вот ситуация: «легкомысленный юноша» продает Сталину тысячи авиационных двигателей по цене металлолома, а французские таможенные чиновники и полиция не могут понять разницы между грудями ржавых железок и новенькими, в заводской упаковке, в защитном изолирующем покрытии авиационными двигателями. Гениальный американский танковый конструктор идет на подлог, Государственный департамент отлично знает, какие именно «тракторы» создает Вальтер Кристи, но дает разрешение на вывоз «тракторов», и американские таможенники никак не поймут разницы между сельскохозяйственным трактором и броневым хищным корпусом быстроходного танка. Советские товарищи объявили, что присоединят Францию к нерушимому Союзу, а красному летчику, который сам уже воевал за то, чтобы Европу сделать коммунистической, — в Париже почет и доступ к любым французским секретам.

Пусть говорят, что Сталин не был готов сокрушить Европу. Но были ли готовы защищать свою свободу все эти «легкомысленные юноши», гениальные конструкторы и восторженные министры с букетами алых роз?

6

У Гитлера тоже были союзники: Япония, Италия, Румыния, Венгрия, Финляндия.

Самый главный и сильный союзник — Япония. Но чем Япония могла Гитлеру помочь? Нефтью? Япония сама задыхалась от нехватки нефти. Японские линкоры и авианосцы простаивали на приколе по этой простой причине. Помочь другими стратегическими материалами? Но Япония вступила в войну именно ради того, чтобы этими материалами себя обеспечить. Как еще могла Япония помочь Гитлеру? Реальная возможность — напасть вместе с Германией на Советский Союз, оттянуть часть советских сил на Дальний Восток. Но Гитлер напал, а Япония воздержалась.

В самый драматический момент войны, когда Гитлер стоял у стен Москвы, было крайне необходимо предотвратить переброску свежих советских дивизий с Дальнего Востока под Москву. Для этого от Японии Гитлер ожидал хоть какой-нибудь активности. Но Япония такой активности против советских границ не проявила. Наоборот, Япония развернула свой флот в противоположную сторону и внезапным ударом 7 декабря 1941 года начала войну против США и Британии. В самый важный момент, когда началось первое успешное советское контрнаступление под Москвой в декабре 1941 года, Япония нанесла удар в противоположном направлении — по Пёрл-Харбору.

Для Сталина это был праздничный подарок — до 7 декабря 1941 года Сталин перебрасывал войска с Дальнего Востока, опасаясь при этом удара японцев. Теперь Сталин мог больше его не бояться.

Гитлер, чтобы поддержать Японию, в порыве солидарности тоже объявил войну Америке. Война против США Гитлеру была вообще не нужна, тем более не нужна в момент разгрома германских войск под Москвой. Гитлер ждал взаимности: Германия объявила войну Америке, а Япония — хотя бы формально, для приличия — объявит войну Советскому Союзу. Но японское правительство выразило глубокую благодарность Гитлеру за объявление войны против США, но войны Советскому Союзу не объявило.

Союз с Японией позитивных последствий для Гитлера не имел. Только негативные. Крайне негативные. Япония практически втянула Гитлера в войну против США. Так что лучше бы Гитлеру Японию в союзниках не иметь. Дешевле бы обошлось.

7

Еще один союзник — Венгрия. Эта страна имела небольшую хорошо подготовленную армию, но, по словам самого Гитлера, не могла быть хорошим союзником Германии просто потому, что у нее не было причин воевать против Советского Союза (ВИЖ. 1959. №2. С. 79). Венгрия с большим

удовольствием воевала бы против другого германского союзника — против Румынии.

Финляндия имела небольшую великолепно подготовленную армию. Однако правительство Финляндии постоянно подчеркивало, что ведет самостоятельную войну против Советского Союза и только за возвращение территорий, захваченных Сталиным в Зимней войне⁶. Генерал-фельдмаршал Кейтель на допросе 17 июня 1945 года заявил, что он никогда не сомневался в желании Финляндии не воевать с Советским Союзом и при первой же возможности пойти на переговоры с ним. Гитлер, по словам Кейтеля, с этим был полностью согласен.

Союз с Италией дал результат отрицательный. Своими действиями Муссолини втянул Гитлера в изнурительную и бесперспективную войну на Балканах и в Северной Африке. Генерал-майор В. Ф. фон Меллентин считал, что «вступление в войну Италии явилось для нас несчастьем» (Танковые сражения 1939—1945 гг. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 289). О союзе с Румынией генерал в другом месте выразился крепче.

К Италии как союзнику лично Гитлер относился с пренебрежением. Вот кое-что из «Застольных разговоров»:

Там, где власть в руках итальянцев, там полный хаос... (22 июня 1942 г.).

Они заявили, что «находятся в состоянии войны», но не предприняли никаких военных операций... средний итальянец всего лишь любитель хорошо пожрать, но отнюдь не боец... (22 июля 1942 г.).

Еще более странным «союзником» была Испания, которая послала одну дивизию на советско-германский фронт, но фактически осталась вне Второй мировой войны. Вот мнение Гитлера об Испании и генерале Франко:

Большинство населения неисправимые лентяи... Ошеломляющее впечатление произвела гвардейская рота почетного караула, поскольку винтовки у солдат были покрыты таким налетом ржавчины, что из них нельзя было произвести ни одного выстрела... Крайне затруднительно найти в Испании выдающуюся личность, которая могла бы там навести порядок... (7 июля 1942 г.).

В том же духе — о Румынии. Гитлер говорил, что в критической обстановке румынские войска подведут. Это предсказание блестяще подтвердилось под Сталинградом. Кейтель на допросе 17 июня 1945 г. заявил:

*Из кампании 1942 года и битвы под Сталинградом я сделал следующие выводы:
...нельзя возлагать никаких военных надежд на союзные государства (Румынию,*

⁶ Эта война в советской исторической науке традиционно называлась Советско-финской войной 1939-1940 годов (или просто Советско-финской войной, Финской войной или даже Финской кампанией). «Зимней» эта война называлась в Финляндии; под таким же названием она известна в других странах Европы и в США, это же название использует и автор, — в том числе и для того, чтобы отличать эту войну от других советско-финских войн и вооруженных конфликтов первой половины XX века. — Прим. ред.

Венгрию, Италию и др.).

Вывод правильный, только стоило его делать до Сталинграда, а не после.

Итак, сравним союзников Сталина и союзников Гитлера и ответим на вопрос: кто лучше подготовился к войне?

И последнее. Иногда забывают, что помимо США и Британии союзником Сталина была Монголия. Этот союзник — не спешите смеяться, — был сравним по важности с Америкой. В Монголии очень много баранов. Баранья шкура — это стратегический продукт, из которого делают тулупы. Сей стратегический продукт в некоторых ситуациях ценился на войне дороже танков и пушек. Его наличие или отсутствие вело соответственно к великим победам или к великим поражениям. Союз с Монголией обеспечивал Сталину достаток этого продукта.

ГЛАВА 12. А как бы отреагировала Британия?

Организуя интеллигенцию Европы против Гитлера с его философией, против японской военщины, следует внушать ей неизбежность всемирной социалистической революции.

Максим Горький. Письмо Сталину. Март 1936 г.

1

Возникает вопрос, и вопрос вполне законный.

Союзники действительно помогли Сталину. Но Советский Союз был жертвой нападения, и потому ему помогли. Ну а если бы Советский Союз напал на Германию, как бы к этому отнеслись Британия и США?

Давайте разберемся.

Начнем с главного — со статистики. Британия вступила в войну 3 сентября 1939 года. В ответ германский подводный флот блокировал Британию. За 1939 год гитлеровские подводные лодки утопили 222 британских торговых корабля. Это официальная статистика (Roskill S. The War at Sea, 1939-1945. L: H. M. Stationer Office, 1954. С. 615).

В среднем немцы топили по два британских торговых корабля каждый день, без выходных и праздников. Британия — на островах. В то время Британия себя сама прокормить не могла, да и не растут в Британии ни бананы, ни ананасы. А британский народ без бананов долго не протянет. Это вам не Россия. Кору с деревьев тут есть не привыкли и к супу с лягушками не приучены. Без бразильского кофе британский джентльмен не выживет. Это я вам точно говорю.

За следующий, 1940 год Британия потеряла 1056 торговых кораблей (тот же источник). Это по три торговых корабля в день. Британский торговый флот катастрофически сокращался, а германский подводный флот тем временем стремительно рос.

За первые шесть месяцев 1941 года мы потеряли 760 торговых судов, потопив всего 12 подводных лодок.

Это тоже официальная статистика. Это написал капитан М. Кэсуэлл, военно-морской атташе при посольстве Великобритании в СССР (Красная звезда. 29 августа 1991 г.). 760 торговых кораблей за шесть месяцев — это по четыре в день. В 1939 году — по два в день, в 40-м — по три, в 41-м — по четыре. И тут же официальный вывод военно-морского атташе:

Великобритания в 1941 году была на грани поражения.

Обращаю еще раз внимание на то, что это говорит военный дипломат. Его публичное выступление только в одном случае может считаться личным мнением: если государство немедленно его слова опровергло, объявило их личным мнением, а дипломата отозвало домой, заменив другим. Этого не произошло. Следовательно, официальная точка зрения Британского правительства такова: В 1941

ГОДУ БРИТАНИЯ БЫЛА НА ГРАНИ ПОРАЖЕНИЯ.

Британия не могла ждать до 1942 года.

И если не шутить, то запасы продовольствия действительно иссякали, а британский торговый флот был практически истреблен гитлеровскими подводными лодками. Восстановить его Британия не могла, для этого надо было каждый день спускать на воду по четыре новых корабля. Но даже не это главное. Главное в другом: британская промышленность работала в основном на привозном сырье. Какое-то сырье было в избытке, но по большей части — в недостатке. Недостаток даже одного компонента может иметь катастрофические последствия. Представьте: мы строим дом и все у нас для строительства есть, за исключением чего-то одного — например, нет гвоздей или стекла. Хозяйственный организм мощной индустриальной страны требует многие тысячи компонентов одновременно и немедленно, и недостаток лишь одного может означать остановку целой отрасли промышленности.

Недостаток стратегического сырья компенсировали как могли. Пройдем по улицам британских городов, и у любого монументального здания мы увидим следы войны. В XIX веке Британская империя процветала, и величественные здания украшали не менее величественные металлические ограды. В большинстве своем металлические ограды Британии были срезаны в 1940–1941 годах и отправлены на переплавку. После войны вся эта роскошь никогда больше не восстанавливалась. Осмотрим цоколь главного здания Бристольского университета: мощное каменное основание оград и аккуратно срезанные металлические прутья, которые из камня возносились когда-то вверх. Давайте побродим по улицам Манчестера, Ньюпорта, Ливерпуля, Эдинбурга, Глостера, Шеффилда, Йорка: вокруг храмов и парков, школ и кладбищ, вокзалов и скверов — массивные каменные основания оград, и повсеместно, практически везде — срезанный металл. Исключения: парки в Лондоне у Букингемского дворца и Парламента.

Про бананы и кофе — это я больше в шутку. А вот без сырья британская промышленность задыхалась. В оксфордских колледжах дивной работы бронзовые светильники и ручки на дверях свинчивали — позарез требовались артиллерийские взрыватели.

Британии помогала Америка. Но американская помощь до Британии доходила частично, в основном оседая на океанском дне. Любителей посылать торговые суда к британским берегам становилось все меньше. Голод и кризис в Британии нарастали. А президент США Рузвельт не мог объявить Гитлеру войну просто потому, что в Америке были очень мощные силы, которые этому противились и препятствовали, выступая под лозунгом: пусть эти европейцы режут друг друга, Америка на чужих войнах всегда наживалась...

У Британии было только два выхода:

1. Подписать сепаратный мир с Германией — проще говоря, сдаться на милость Гитлера.
2. Вовлечь Советский Союз в войну против Гитлера.

Сдаваться британцам как-то не хотелось, а надеяться на гитлеровский поход на восток не приходилось. Все понимали, что Германия не может воевать на два фронта одновременно — и против Британии, и против Советского Союза. Война на два фронта — гибель для Германии, это знал каждый, это знал сам Гитлер и открыто об этом говорил. Надеяться на то, что Гитлер нападет на Сталина, не мог никто.

Последняя возможность: Сталин нападет на Гитлера. Вот к этому и стремилась Британия Сталина склонить. И все политики, дипломаты, генералы и адмиралы, офицеры и журналисты, фермеры и докеры, матросы гибнущих кораблей и их голодные дети с надеждой смотрели на восток. С последней надеждой. И сталинская глупость была непонятна британцам: вот он сидит и ждет, а Британия на последнем издыхании, Британия не выдержит долго, Британия до 1942 года не дотянет. Британия будет вынуждена сдаться. И тогда в 1942 году глупый Сталин останется один на один с Гитлером. Так неужели же он этого не понимает? Ему надо нападать на Германию сейчас, в 1941 году, пока Британия не сдалась!

Моему читателю, которого судьба занесет на туманные острова, советую посетить любую британскую библиотеку. Например, библиотеку Музея империалистической войны. Ах, какой музей! Там хранятся даже настоящие маршальские погоны товарища Сталина, которые Черчилль попросил подарить ему в качестве сувенира на память. Но нас интересуют газеты. Газет, понятно, нам в руки не дадут, а микропленки — пожалуйста. Садитесь и читайте. Включайте синий экран (тут все это бесплатно) и прокручивайте рулоны микропленок, читайте, что писала британская пресса в те дни. А писала она только о недалёковидном Сталине, который настолько заражен пацифизмом, что не видит опасности остаться один на один с Гитлером. И призывы к Сталину: напади! напади! напади!

Это как в старинном романе — добрый человек, попавший в беду, молит благородного рыцаря о помощи: о приди, ну приди же!

И если поднять письма Черчилля к Сталину, мы найдем в них тот же мотив: нас Гитлер раздавит, а ты один останешься... Ваше превосходительство товарищ Сталин, выручай, в этом и твое собственное спасение!

Спрашивают, как бы Британия отреагировала на внезапный сталинский удар по Германии?

Отвечаю: отреагировала бы радостным воплем облегчения! Никак иначе.

Отреагировала бы миллионами поздравлений британских детей доброму дядюшке Джозефу и доблестной Красной Армии-освободительнице. Ее победное наступление отмечали бы красными флажками в каждой британской школе на каждой карте и каждом глобусе. Сообщение о внезапном ударе советских ВВС по германским аэродромам было бы встречено настоящим, неподдельным восторгом в каждой британской газетной редакции, в каждом цеху, в каждом порту, в каждом госпитале. В каждом британском пабе люди на последние пенсы и шиллинги пили бы пиво за здоровье товарища Сталина и его доблестных генералов. Во всех британских церквях гремели бы

колокола: помощь идет! И британские женщины со слезами радости на глазах выставляли бы портреты дядюшки Джо в окнах своих домов.

2

Главная задача британской дипломатии начиная с 3 сентября 1939 года — объяснить советскому руководству, что надо вступить в войну против Гитлера. Я не буду здесь цитировать послания британских дипломатов Сталину: архивы британской дипломатии этого периода открыты, верьте на слово, — это бесконечные полки папок с объяснениями, призывами и даже угрозами: вступите в войну, вступите, вступите! И в отчаянии британская дипломатия начинает шантаж: если Советский Союз не вступит в войну против Германии, то Британия пойдет на сепаратный мир с Германией, вот и решайте.

Вдумаемся: а что же Британии еще оставалось делать?

И вот ситуация: Германия — ключ к Европе. Германия — главная цель коммунистов. Об этом говорили Маркс, Энгельс, Ленин, Троцкий, Тухачевский, Радек, Каменев, Зиновьев, Уншлихт и многие другие. Советизация мира, и прежде всего — Европы, а в Европе прежде всего Германии, — это клятва Сталина над гробом Ленина. Это план сталинской жизни и ее цель. Но поставил себя товарищ Сталин (в отличие от крикунов и любителей лбом пробивать каменные стены) так, что сам Черчилль просит товарища Сталина этим делом заняться. Черчилль приглашает, просит, разъясняет, убеждает, настаивает и даже угрожает. Так наша официальная история и пишет:

В правящих кругах Англии зрели различные планы «оказания давления» на Советский Союз с тем, чтобы заставить его выступить против Германии (История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6-ти томах. М.: Воениздат, 1960–1965. Т. 1. С. 403).

И каждый наш генерал знал, что дело обстоит именно так. Маршал Советского Союза А. И. Еременко пишет:

Определенные круги в Англии, опасаясь попыток Гитлера форсировать Ла-Манш, прилагали все усилия, чтобы втянуть нас в войну (На западном направлении. М.: Воениздат, 1959. С. 477).

Вот так надо вести внешнюю политику. Сталин тайно стягивает войска к своим западным границам, но ему не надо будет потом объяснять международному общественному мнению, зачем он сокрушил Германию (а заодно и другие европейские государства) — от товарища Сталина именно этого и ждут, на такие действия надеются, о таких действиях Сталина просят и даже какие-то британские темные силы на товарища Сталина «давление оказывают» и «прилагают все усилия, чтобы втянуть его в войну».

Но удивительное, на первый взгляд, дело: посол Британии в СССР сэр Стаффорд Криппс постоянно объясняет заместителю Народного комиссара иностранных дел СССР товарищу А. Я. Вышинскому, что Советский Союз должен напасть на Германию, но получает решительный ответ: нет, нет и нет!

Ответы дает тот самый Андрей Януарьевич Вышинский, в народе Ягуарьевич, который в свое время чуть не посадил товарища Ленина за решетку. После победы Ленина Ягуарьевич перекрасился, перековался и перестроился, обратился верным ленинцем и при Сталине вместе с товарищем Ягодой стал главным крутильщиком пролетарской мясорубки. Потом он отправил Ягоду в эту самую мясорубку и продолжал ее крутить вместе с товарищем Ежовым. Потом и Ежов попал в мясорубку, а Вышинский извернулся и за проявленную изворотливость был брошен на дипломатический фронт. Вот этот самый Ягуарьевич Изворотливый принимает британского посла и отвечает, что Советский Союз желает только мира и ни о какой войне слышать не хочет: мир, мир и только мир.

Многих исследователей смущает вот что. Британский посол сэр Криппс разъясняет выгоды нападения Советского Союза на Германию, а Ягуарьевич решительно отказывается: Советский Союз — страна миролюбивая, мы ни на кого не нападаем!

Смущает, что Ягуарьевич отвечает сразу, не консультируясь ни с Молотовым, ни с самим товарищем Сталиным. Из этого делают вывод: политика Советского Союза была столь миролюбива, что Ягуарьевичу даже не надо было спрашивать разрешения вышестоящих — ясно и так: мы за мир.

А у меня другое объяснение. Представим себе, что мы — просители, мы наскребли по карманам все, что у нас было, и идем к большому начальнику (по слухам — вымогателю и взяточнику) бить челом: подсоби, кормилец, пропадаем. К начальнику большому нас, понятно, не пускают. Принимает нас холуй, какой-нибудь Пантерович или Леопардович. Мы просьбу изложили, мнемся, смотрим в пол, потом эдак осторожно ему наши мятые денежки суем: вот, мол, вашему начальнику на пропитание...

Вы думаете Тигрович-Барсович к начальнику за инструкциями побежит: как, мол, поступить — принимать дары или отказаться?

Да ни в коем случае! Холуй возмутится без начальственных инструкций: да за кого же ты нас, падла, держишь?!

Следует внимание обратить вот на что. Ягуарьевич решительно отклоняет британские просьбы о нападении Советского Союза на Германию. Но! Если британские предложения неприемлемы товарищам Вышинскому и Молотову, и стоящему за их спинами товарищу Сталину, то следует раз и навсегда «дать отлуп», чтобы домогательства не повторялись. Но товарищ Вышинский решительно отвергает предложения Британии, а решительность эта такова, что позволяет послу Криппсу через неделю просьбу повторить. И опять следует категорический ответ: «Да за кого ж ты нас!..»

Цена всех «решительных» отказов Вышинского определяется тем, что в начале июня 1941 года тон советской дипломатии вдруг резко изменился. Если очистить от дипломатической шелухи, то ответ Ягуаревича на предложение нанести удар по Германии на сей раз прозвучал примерно так: «Ну хорошо, так и быть, ладно, мы подумаем... Но что мы за это будем иметь?»

На это последовал радостный вопль из Лондона: «Да все что хотите!»

Если британский ответ втиснуть в рамки приличия, то звучал он так:

Министр иностранных дел Англии А. Иден пригласил к себе 13 июня советского полпреда И. Майского и по поручению премьер-министра заявил, что если в ближайшем будущем начнется война между СССР и Германией, то английское правительство готово оказать полное содействие Советскому Союзу... (История второй мировой войны. 1939–1945. В 12-ти томах. М.: Воениздат, 1973–1982. Т. 3. С. 352).

Вот она, сталинская гениальность! Вот он, Величайший Хитрец всех времен и народов. Он так поставил себя, что не просто его агрессии ждут десятки миллионов людей во всей Европе, не просто величайший враг коммунизма Черчилль упрашивает Сталина акт агрессии совершить, но товарищ Сталин еще и потребовал плату за свою агрессию и немедленно получил радостный ответ: получишь полное содействие!

4

Тише, ораторы! Я представляю степень вашего возмущения и ваши возражения знаю. Вы скажете, что официальная советская история совсем другое имеет в виду: переговоры в Лондоне 13 июня 1941 года — это переговоры о возможной британской помощи в случае германской агрессии.

Отвечаю. Вся политика Британии — это уговорить, уломать, убедить Сталина выступить против Гитлера, втянуть Сталина в войну. Если предполагается оборонительная война Советского Союза против германской агрессии, то втягивать Сталина в оборонительную войну не надо: Гитлер нападет и своим нападением Сталина в войну втянет, и будет Сталин воевать без уговоров Черчилля. Если предполагается, что агрессором будет Гитлер, то зачем тратить время на уговоры Сталина? И если предполагается, что Сталин в ближайшие дни станет жертвой Гитлера, зачем Британии брать какие-то обязательства перед Советским Союзом?

Правда, удивительно: воюющая, стоящая на краю пропасти Британия берет на себя обязательства оказать полное содействие невоюющему Советскому Союзу.

А ведь все просто: Черчилль просит Сталина вступить в войну и предлагает все, что угодно: напади, а я для тебя!..

Мои критики генерал-полковник Д. Волгонов, профессор Г. Городецкий и другие в своих статьях, а теперь и книгах все как один приводят интереснейший документ: 16 июня 1941 года Народный комиссар государственной безопасности СССР товарищ В. Меркулов представил Сталину агентурное

сообщение из штаба Люфтваффе: агрессия Гитлера против СССР подготовлена и может начаться в любой день. На это сообщение товарищ Сталин решительно наложил очень понятную резолюцию с точным указанием, к какой именно матери следует отослать такой источник агентурных сведений.

Мои критики явно не понимают, что один этот пример полностью разрушает все их построения. Агентурное донесение и чеканная сталинская резолюция на нем — это документ экстраординарной важности. Это подтверждение (сталинской подписью заверенное) того, что Сталин до самого последнего момента не верил в возможность германского нападения. Из этого следует, что ВСЕ действия Сталина и всех его подчиненных подготовкой к отражению агрессии объяснить нельзя.

Тайно пошли колоссальные массы войск к границам — это не для отражения агрессии!

Войска сбросили ботинки с обмотками и кирзовые сапоги, а натянули новые, яловые — это не для отражения агрессии!

Второй стратегический эшелон Красной Армии тайно двинулся в западные приграничные округа — это не для отражения агрессии!

Приграничные аэродромы забиты самолетами — это не для отражения агрессии!

Экам дали в руки оружие — это не для отражения агрессии!

И никаких контрударов для отражения агрессии не замышлялось. Если бы какой-нибудь умник принес на утверждение товарищу Сталину план нанесения контрударов и отражения агрессии, то товарищ Сталин начертал бы ту же самую резолюцию.

Кстати говоря, мои критики утверждают, что никаких планов советской агрессии им в архивах найти не удалось. Встречный вопрос: а планы обороны государства вы нашли? А планы контрударов, о которых нам рассказывали полвека? Где они? Почему их никто никогда не опубликовал?

Только не надо путать планы прикрытия государственной границы с планами обороны страны и отражения агрессии. Это вещи разные. Так вот, планов обороны государства обнаружить никак не удастся. Потому как не было таких планов, как не было и намерений у товарища Сталина агрессию отражать. Он в германскую агрессию не верил. В чем и расписался.

И переговоры в Лондоне 13 июня 1941 года — это вовсе не подготовка к отражению агрессии. Если бы советский полпред в Лондоне товарищ Майский доложил товарищу Сталину, что министр иностранных дел Великобритании по поручению самого Черчилля предложил «полное содействие» в отражении германской агрессии, то товарищ Сталин товарища Майского послал бы к той же самой, вполне определенной матери.

И Идена с Черчиллем — к ней же.

У Сталина была еще одна причина отвечать отказом на британские предложения выступить против Гитлера. Причина в том, что тайный план можно сохранить в секрете от врагов только в

случае, если он не известен и друзьям. Тем более, что британский посол в Москве сэр Стаффорд Криппс был глуп и болтлив.

Сталин развязал Вторую мировую войну для того, чтобы сокрушить Европу. Но Криппс об этом просто не знает. Криппс считает, что это он, мудрейший Криппс, уговаривает Сталина в войну вступить, объясняя непонятливому Сталину важность момента, его выгоду и неповторимость, невозможность ждать до 1942 года.

И вдруг в начале июня 1941 года Криппс уловил изменение советского тона: вместо категорического отказа — «а что мы будем за это иметь?»

Криппс в восторге: это он, премудрый Криппс, кажется, сумел уломать несговорчивого, неуступчивого Сталина что-то сделать против Гитлера! Весь мир должен немедленно узнать о том, что это он, гениальнейший Криппс, спас Британию и весь мир! Помощь близка! Спешите видеть!

Немедленно все окружение Криппса заговорило о близкой войне Советского Союза против Германии. А сам Криппс на крыльях радости летит в Лондон, и немедленно в британских газетах предсказатели всех рангов ударились в обсуждение радостных возможностей...

Реакция Сталина была мгновенной и свирепой — сообщение ТАСС от 13 июня 1941 года. Оно начинается без всякого вступления:

Еще до приезда английского посла в СССР г-на Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией»... Советский Союз стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней... Слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными...

Товарищ Сталин явно погорячился. Чтобы понять степень его ярости, надо вспомнить, что после разгрома Наполеона по инициативе России в 1815 году был созван Венский конгресс, установивший все те правила дипломатической практики, которые существуют и по сей день. В соответствии с решениями конгресса дипломат, пусть даже самого низшего ранга, является представителем государства. Оскорбление дипломата (любого ранга) является оскорблением всего государства. Посол — высший дипломатический представитель одного государства в другом. Оскорбление посла может иметь самые тяжкие последствия.

В сообщении ТАСС Сталин оскорбляет британского посла. Никто не сомневается в том, что авторство текста принадлежит Сталину. Кроме того, Сталин — глава правительства, а ТАСС — государственная структура, непосредственно главе правительства подчиненная.

В сообщении говорится, что посол Криппс является источником распространения слухов, а слухи эти — ложные и провокационные. Проще говоря, британский посол сэр Стаффорд Криппс — лжец и провокатор. Но это не просто оскорбление послу — это оскорбление всей стране.

В истории дипломатии другого такого примера я не нашел, тем более — в отношениях между двумя величайшими империями. Гордая, надменная Британия должна была немедленно разорвать дипломатические отношения с Советским Союзом, потребовать извинений и принять другие меры.

Но Британия никак на оскорбление не отреагировала.

Да почему же?

А потому, во-первых, что, когда в Оксфорде ручки с дверей свинчивали, был вовсе не тот момент, чтобы на кремлевские окрики обижаться.

А во-вторых — и это главное, — Черчилль хорошо понимал, что Сталин прав: посол Криппс действительно сболтнул лишнего.

6

Каждый начинающий офицерик службы информации любой уважающей себя разведки мира знает простое правило: в потоке информации самыми важными, ключевыми, самыми интересными являются опровержения. Каждая разведка внимательно следит за тем, кто и что опровергает, и старается понять почему. 13 июня 1941 года товарищ Сталин передачей в эфир сообщения ТАСС не постеснялся оскорбить посла великого государства, то есть потенциального союзника в мировой войне, которая должна, как всем участникам событий было ясно, разразиться со дня на день.

Давайте же спросим у психологов, что это за свирепость на товарища Сталина напала. Он по натуре был свиреп в любом деле, а на словах — тихий. Что это вдруг с ним случилось? Если Сталин чувствует приближение гитлеровской агрессии и готовит Советский Союз к ее отражению, то болтовня Криппса Сталину на руку, и пусть все газеты мира трубят: Сталин об опасности знает, Сталин к отражению вторжения готовится, Сталина врасплох не застать!

На распространителя таких слухов обижаться нельзя. Надо орденом Ленина такого болтуна награждать.

Нам остается предположить, что Криппс заговорил о каком-то другом сценарии войны, который товарищ Сталин держал в глубокой тайне.

Сталин — уголовник самого высшего класса. Начинал товарищ Сталин с малого — с ограбления банка. Ограбление Тифлисского казначейства, осуществленное под гениальным водительством товарища Кобы-Джугашвили, вошло во все учебники криминалистики всех стран мира. За исключением наших, понятно. Нам было не очень удобно учить будущих сыщиков на классическом примере, ибо грабил банк (грабил мастерски, это надо признать) будущий вождь мирового пролетариата, будущий гений всех времен и народов. Нам было не очень удобно сообщать, что во главе родины мирового пролетариата тридцать лет бессменно стоял взломщик сейфов по кличке Коба.

Летом 1941 года Коба после двадцатилетней подготовки был намерен повторить знаменитое

ограбление банка, которое он в свое время совершил в Тифлисе среди бела дня на глазах изумленной публики и полиции. Только теперь, в 1941-м, готовилось ограбление общеевропейского масштаба. Все Сталин подготовил, все предусмотрел, и вот те раз: решил своего партнера сэра Черчилля туманными намеками ориентировать относительно своих намерений, а у партнера кореш оказался полным кретином, да еще и звонарем.

Сообщение ТАСС от 13 июня 1941 года многосложно и многогранно, оно адресовано и Гитлеру, и Черчиллю.

Гитлеру: болтают разные, так ты ж не верь!

Черчиллю: уйми звонаря!

Гитлер послание принял, понял его смысл, но решил верить болтовне Криппса, а не сталинскому опровержению.

Черчилль тоже послание принял и смысл его понял — Криппса к делам такой деликатности больше не подпускал, на Сталина за оскорбление посла (то есть за оскорбление Британии) обиды не держал, Сталину помогал чем мог.

Вывод: надо таких союзников иметь, которые помогают и на оскорбления не обижаются.

Против моей версии написаны горы статей. Теперь пошли и книги — их вышло уже более пятидесяти. И обещают написать еще. Первую книгу против меня написал Габриэль Городецкий, профессор Тель-Авивского университета. Его пригласили в Москву, открыли архивы Министерства обороны, ГРУ (это первый случай в истории), Министерства иностранных дел: пиши! Городецкому и на Западе все двери открыты — «Ледокол» не ко двору всему Западу. И вот книга против меня написана. Собрал профессор Городецкий огромное количество документов и опубликовал.

Правда, смысла этих документов Городецкий не понял. Документы в его книге — не просто мимо цели, но наоборот — все они мою версию подкрепляют.

Восьмая глава в книге Городецкого вся о том, как посол Криппс уговаривал, упрашивал, разъяснял, убеждал советских руководителей напасть на Германию:

Англия переживает агонию и надеется на приближающуюся войну на Востоке...

Намеки Криппса на возможное заключение сепаратного мира в случае, если Россия не изменит свою политику... [то есть если будет сохранять нейтралитет — прим. автора]

Криппс старался привлечь русских на сторону Англии, играя на их страхе перед заключением сепаратного мира...

И так далее. Ничего не действовало на непонятливого Сталина, и тогда Криппс написал личное послание Вышинскому:

Стоит ли ждать и затем встретить неразделенные силы германских армий в

одиночестве... не было бы лучше принять немедленные меры... с учетом той помощи, которая осуществляется со стороны Великобритании... (Городецкий Г. Миф «Ледокола». М.: Прогресс-Академия, 1995. С. 170).

А когда аргументы у британского посла кончились, он начал пугать Вышинского, Молотова и Сталина:

Не исключено в случае растяжения войны на продолжительный период, что Великобритании могла бы улыбнуться идея заключения сделки на предмет окончания войны... (там же. С. 215).

И эта мысль повторяется до самой последней главы, до самых последних страниц книги:

Англия отчаянно пытается вовлечь Россию в войну (там же. С. 327).

Это о встрече Майского с Иденом 13 июня 1941 года.

Вникнем: Советский Союз возник как «прообраз грядущей Мировой Советской Социалистической Республики» (Сталин И. Правда. 31 декабря 1922 г.). И вот Британия приглашает товарища Сталина сей план осуществить. А товарищ Сталин ломается, отнекивается, приглашений не принимает. Тогда Британия его начинает упрашивать, уговаривать и даже пугать.

Вот вам образец внешней политики! Вот вам самый достойный ученик великого Макиавелли, далеко превзошедший учителя!

Так надо агрессию готовить, чтобы остальной мир вас за уши тянул агрессию совершить, благодарил бы за нее и обещал ваши издержки на сокрушение Европы покрыть.

ГЛАВА 13. Когда была создана антигитлеровская коалиция.

Ты не рыпайся, если хочешь и впредь получать денежки, если не хочешь, чтобы твоя валюта вверх тормашками полетела.

Иосиф Сталин. Сочинения. Т. 7. С. 287

1

Вы можете мне возразить. Что там Британия, скажете вы, главная поддержка вовсе не из Британии, а из Америки. Как бы Америка реагировала на «освободительную» войну Советского Союза в Европе и во всех бесхозных европейских колониях?

Давайте вместе разберемся: Гитлер напал на Польшу, Британия с Францией объявили Гитлеру войну. А Америка сохранила нейтралитет. Гитлеровская агрессия Америку не волновала.

Через пару недель на Польшу напал товарищ Сталин, и никто ему войну не объявил. Ни Британия, ни Франция. И Америка не возмутилась.

Потом Сталин напал на Финляндию, и опять никто ему войну не объявил. Не спорю, пожурили. На том дело и кончилось. Президент США Рузвельт объявил Советскому Союзу «моральное эмбарго». «Моральное эмбарго» никак на поставки технологии из США не повлияло, потому для товарищей Сталина и Молотова и всех других товарищей такое эмбарго вообще ничего не значило. 29 марта 1940 года товарищ Молотов в Верховном Совете изрек: *«Наши отношения с США за последнее время не улучшились и, пожалуй, не ухудшились»*. В переводе на русский: «Чихали мы на моральное эмбарго».

Понятно, «моральное эмбарго» сразу было снято, и тут же в апреле 1940 года начались советско-американские переговоры по торгово-экономическим вопросам. На переговорах советской стороной среди прочих был поставлен вопрос *«о тех препятствиях, которые чинили американские власти в допуске советских инженеров на авиационные заводы»* (История второй мировой войны. Т. 3. С. 352).

В эту фразу следует вчитаться. Тут речь не о том, пускали советских инженеров на американские авиационные заводы или не пускали. Их пускали. Только какие-то американские чиновники вздумали создавать ограничения. Это же возмутительно! Так вот: переговоры о том, чтобы и впредь советских инженеров на американские авиазаводы пускали, только уже без всяких ограничений.

Не будем обсуждать сочетание слов «советский инженер на американском авиационном заводе», не будем интересоваться, какого ведомства эти инженеры. Просто вспомним, что на авиационных заводах Запада постоянно отирались наши инженеры разных рангов. Вот, например, на германских авиационных заводах тоже работали советские инженеры. Один из них, выдающийся военный разведчик подполковник ГРУ Николай Максимович Зайцев, кратко поведал о содержании этой работы в «Военно-историческом журнале» (1992. №4).

А о том, что делали советские инженеры в Америке, поведал советский шифровальщик Игорь

Гузенко, который после войны бежал из советского посольства с толстым портфелем. Проникли «инженеры» далеко за ограды американских авиационных заводов, добрались до американских ядерных и термоядерных секретов и хорошо там поживились. Дошли «инженеры» до ближайшего окружения американского президента и завербовали там источники информации. «Друзья» наших инженеров сопровождали американского президента на конференции в Тегеран и в Ялту и давали президенту ценнейшие советы. Не расскажи Гузенко всему миру об активности «инженеров», Америка и дальше хлопала бы ушами, и кто знает, чем бы все это завершилось...

2

Но вернемся в 1940 год. Летом товарищ Сталин прибрал к рукам Эстонию, Литву и Латвию. И опять никто ему войну не объявил.

И «моральное эмбарго» не объявил. Теперь предположим, что товарищ Сталин в 1941 году вдруг увидел гитлеровские преступления, вдруг внял просящему голосу Британии и нанес в порыве благородного гнева сокрушительный удар по Румынии и Германии, освободил Европу от коричневой чумы и принес счастье и радость десяткам миллионов поработанных людей. Кто бы посмел этим возмутиться!

Да если бы такой умник нашелся (пусть это будет хоть сам президент США), так на него мигом ярлык гитлеровского прихвостня приклеили бы.

Если бы Сталин напал на Гитлера, то выступить против Сталина (пусть даже со словесным осуждением или «моральным эмбарго») означало выступить на стороне Гитлера.

Был после войны в Америке президент Ричард Никсон; не мне судить, за что его сбросили, но поводом послужил скандал — помощники президента хотели послушать, о чем политические противники болтают. Персональное участие самого президента в этом деле не доказано. Но Америка даже такого своим президентам не прощает.

Теперь вспомним, что американский президент Рузвельт помалкивал, когда Гитлер Европу крушил и концлагеря строил, но вот (представим) Гитлеру дали по зубам, вернее по другому месту (наш удар с тыла готовился), а президент США возмутился и Сталину войну объявил — то есть объявил войну в защиту Гитлера, в защиту порабощения Европы, в защиту СС, в защиту гестапо и концлагерей.

Ну-ка, прикинем, сколько часов такой президент в Белом доме продержится?

Когда в 1933 году товарищ Сталин подарил Гитлеру ключ от Германии, знал Величайший Хитрец всех времен и народов, что нормальные люди, нормальные страны и правительства на союз с Гитлером не пойдут, знал, что против Гитлера объединится весь мир, знал, что защищать Гитлера не посмеет никто. «Ледокол Революции» был задуман гением и сработан на удивление грядущим поколениям.

Потому, в случае сталинского удара по Германии, Америка не могла выступить против Сталина. Скажу больше: Америка не могла и нейтральной в этой ситуации остаться — Сталин освобождает Европу, а Америка в стороне! Кто же американскому бизнесмену после того руку подаст?

Но ближе к фактам: 21 июня 1941 года Соединенные Штаты Америки официально выразили свою решимость поддерживать Сталина в войне против Германии. Это свидетельство Виллиса Армстронга, сотрудника администрации ленд-лиза (Грани. 1985. № 136. С. 229). Это свидетельство никем и никогда не оспаривалось и не опровергалось.

Гитлер не мог знать о советско-американской сделке в тот же день. Разведка не могла добыть сведения такой важности и доложить их так быстро. Но и без сообщений разведки Гитлер знал, на чьей стороне Америка. В тот же день, 21 июня 1941 года, Гитлер пишет письмо итальянскому вождю Муссолини:

Вступит Америка в войну или нет — безразлично, поскольку она и так в полной мере поддерживает наших противников... За всем этим кроются массивные поставки военных материалов из Америки...

Как в воду глядел.

3

Нам говорят, что Гитлер напал на Сталина, и после этого сложилась антигитлеровская коалиция. На самом деле все обстояло иначе. До нападения Германии Сталин создал антигитлеровскую коалицию. Подтверждением тому британские поставки оружия Сталину до 22 июня 1941 года. В Британии мне удалось найти матроса, который был в экипаже британского корабля, доставившего в Мурманск 12 июня 1941 года первую партию оружия. Беседу с ним я записал на магнитофон 16 марта 1989 года и заверил соответствующим образом. Сведения матроса проверил через архивы. В свете найденных документов мне представляется, что и Британия, и Советский Союз что-то скрыли в своих отношениях, а вопрос о первом арктическом конвое в советские северные порты достоин особого рассмотрения.

Сейчас я только обращаю внимание на пикантность ситуации: Британия — в войне, и ей отчаянно не хватает оружия. А Советский Союз теоретически находился в состоянии мира. И вот воюющая Британия поставляет оружие в страну невоюющую.

Ситуация тем более пикантна, что Германия воюет против Британии. Германии тоже не хватает оружия, в первую очередь — крупных надводных кораблей. И вот Германия тоже поставляет Сталину оружие, в том числе и недостроенный (то есть новейший) тяжелый крейсер «Лютцов». Сталин получал оружие от обеих воюющих сторон. Оставаясь формально нейтральным, он уделял больше внимания вооружению своей армии, чем лидеры тех стран, которые уже были втянуты в войну.

Союз с Британией автоматически обеспечивал Сталину союз с Австралией, Новой Зеландией,

Индией, Южной Африкой, Канадой и другими государствами.

Можно сказать больше: если в апреле 1940 года советская дипломатия ставила вопрос об отмене ограничений допуска советских инженеров на американские авиационные заводы, значит, антигитлеровская коалиция уже существовала.

4

И это не домыслы. Американский исследователь Антони Сюттон в 1973 году выпустил книгу «Национальное самоубийство: военная помощь Советскому Союзу» (Sutton Antony. National Suicide: Military Aid to Soviet Union. Arlington House, 1973). Книга хороша тем, что автор своей точки зрения читателю не навязывает, но совершенно безжалостно гвоздит по читательской голове поистине убийственными документами. На страницах 80–81 он неопровержимо доказывает существование тайного договора между Сталиным и Рузвельтом. Договор готовился в 1938 году. Сюттон добыл документ Государственного департамента США под номером 800.51 W89 USSR/247. Документ представляет собой отчет посла Джозефа Е. Дэвиса от 17 января 1939 года о завершении работ по подготовке тайного соглашения.

В США о существовании тайного договора знали только четыре человека. Учитывая наше искусство хранить секреты, можно предположить, что с советской стороны круг посвященных был еще более узким.

Найденный Сюттоном документ никогда не был опровергнут или даже подвергнут сомнению. А чтобы сомнений не возникало, Сюттон опрокидывает на читателя лавину сопутствующих договоров, начиная с соглашения, подписанного в марте 1939 года об участии США в строительстве советских подводных лодок, проходящего в Госдепартаменте США под номером 711.00111.

Далее Сюттон приводит бесконечные списки американских стратегических поставок в СССР. Этот список предвоенных американских стратегических поставок можно сравнить только с бесконечным списком стратегических поставок в ходе войны.

Когда читаешь эти списки, перестаешь понимать, чем американские военные поставки Сталину отличались от предвоенных. И приходишь к выводу: ничем. Американский конвейер помощи Сталину был включен в начале тридцатых годов. В январе 1939 года поток американских стратегических материалов набрал головокружительную скорость и сокрушительную мощь и до конца войны уже не останавливался. Сталин мог творить в Европе все, что считал нужным, но выше «морального эмбарго» наказаний не получал.

Вот она — сталинская готовность к войне: Сталин заручился американской поддержкой до того, как германские танки взломали польские пограничные шлагбаумы.

5

Но в тайном советско-американском соглашении таилось нечто большее, чем бескорыстная готовность Рузвельта помогать Сталину. Каждый, кто подписывал договор со Сталиным, плохо кончал (в том числе и Адольф Гитлер), ибо договор со Сталиным был договором с дьяволом — тут выиграть нельзя. Это относилось и к Рузвельту. Сделав только один первый шаг — согласившись на тайные переговоры со Сталиным. Рузвельт уже проиграл.

Суть проигрыша в том, что американская политическая система задумана так, чтобы не позволить никому (и прежде всего — президенту) иметь слишком много власти. Конгресс ужасно не любит президентов, которые ведут тайные переговоры, с народными избранниками не советуясь. Согласиться на тайные переговоры со Сталиным, не поставив в известность Конгресс, — самоубийственный для Рузвельта шаг. Сталин получил материал, который теперь мог раздавить Рузвельта в глазах Конгресса, прессы и американского народа.

Понятно, товарищ Сталин был не так глуп, чтобы уволить с работы товарища Рузвельта. Но такую возможность Сталин получил.

Я не знаю, как удавалось Сталину влиять на Рузвельта; может быть, он говорил: «Ты не рыпайся, если хочешь и дальше...», а может быть, Сталин говорил другие слова, но у Сталина был какой-то механизм влияния на президента США. Эту загадку предстоит разрешить настоящим историкам-профессионалам.

Мне эта задача не по силам. С моей колокольни можно видеть только необъяснимую щедрость американского президента и загадочную мягкость, которая была проявлена Рузвельтом с самого первого дня его правления (помните два сельскохозяйственных трактора из Нью-Йорка?). Непонятная уступчивость Рузвельта постоянно ширилась и углублялась и завершилась полной капитуляцией в 1945 году в Ялте.

6

Если смотреть шире, то доброта Запада проявилась с первых дней захвата коммунистами власти в России. Уже в 1919 году Ленин заметил:

Нам приходится руками наших врагов создавать коммунистическое общество
(VIII съезд РКП(б). Протоколы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 20).

Эта доброта давала Сталину возможность не опасаться, что кто-то на Западе возмутится его вторжением в Европу. Постоянную благосклонность Запада Сталин закрепил блистательным заключением пакта Молотова-Риббентропа: толкнув Гитлера в войну, Сталин поставил себя так, что Британия и США вынуждены были переманивать его на свою сторону. Маршал Советского Союза М. В. Захаров о пакте Молотова-Риббентропа писал:

Возникли выгодные предпосылки для создания в будущем антигитлеровской

коалиции (Новая и новейшая история. 1970. №5. С. 27).

Это работа гения: Сталин заключил союз с Гитлером и тем самым создал условия и предпосылки для союза против Гитлера!

Через много лет после первых публикаций глав из «Ледокола» архивы чуть приоткрылись, и выплыли подтверждения: речь Сталина 19 августа 1939 года. Доступа к ней я иметь не мог. Если бы на меня работали все разведки мира, то они тоже к сталинскому архиву (надеюсь) пробраться не могли. Но много лет назад эту речь я вычислил. Сталин не мог ее не произнести: до 18 августа 1939 года включительно была одна политика, а 19 августа она резко изменилась. В этот момент Сталин должен был в ближайшем кругу соратников объяснить свой маневр.

Вираз был крутой до головокружения, а каждый член Политбюро должен понимать этот маневр, иначе руководить страной и Мировой революцией невозможно: после такого виража все члены Политбюро должны были потерять ориентировку. И Сталин, как любой командир в непонятной обстановке, должен был начинать решительно и просто: «Ориентирую!..»

Я не предполагал, а просто знал, что выступление Сталина в этот день было. И знал — о чем. Меня не волновало, что подтверждений нет, не беспокоил даже вопрос, была ли записана сталинская речь или нет, и если записана, сохранилась ли в архиве или была уничтожена.

Я говорил и писал об этом выступлении как об установленном факте. Признаю, в моей уверенности присутствовал элемент нахальства...

Вся официальная наука отрицала возможность такой речи и самого заседания Политбюро в тот роковой день 19 августа 1939 года.

И вот в 1994 году запись речи была найдена. В ней товарищ Сталин сказал:

Позже все народы, попавшие под «защиту» победоносной Германии, тоже станут нашими союзниками. У нас будет широкое поле деятельности для развития Мировой революции.

19 августа 1939 года Сталин знал, что начинает Вторую мировую войну, знал, что Германия начнет захватническую войну и тем самым превратит все страны, как захваченные, так и не захваченные, в союзников СССР. Поэтому начиная с 19 августа 1939 года антигитлеровская коалиция не могла не возникнуть. С этого момента она была обречена на неизбежное возникновение.

Вы можете называть меня любыми словами, но я восхищен и очарован Сталиным. Это был зверь, кровавое дикое чудовище.

А еще — гений всех времен и народов.

ГЛАВА 14. Как я воевал с марсианами.

И потом все видели эту бездарную, позорную финскую кампанию, когда наша огромная страна тыкалась, тыкалась около этой самой линии Маннергейма. Всем показали, что мы воевать не способны. И противники наши видели, что мы воевать не готовы.

Александр Солженицын. Интервью телекомпании «Останкино». 15 мая 1995 г.

1

Водном весьма известном военном учебном заведении где-то в конце восьмидесятых завершился очередной учебный год. Отгремели экзамены, счастливые выпускники распрощались с родными стенами и разъехались. Опустели коридоры, затих смех в садах тенистых...

Красивое место. Если вам предварительно не расскажут, куда это вас судьба занесла, то так сразу и не сообразишь: сады, парки, озера в камышах, кедры до небес, океаны цветов; вдоль аллей то тут, то там — пушки, танки, самолеты всех времен и народов. Идешь как по музею: вертолеты, морские мины, торпеды. И вовсе не рядочком, а для каждого танка свое местечко облюбовано, каждый так вписан в сады и лужайки, словно китайская беседка над гремучим ручейком, — с понятием.

Вот и наша родная 76-мм дивизионная пушка УСВ образца 1939 года на железных немецких колесах с немецким дульным тормозом — немцы захватывали эти пушки и использовали их в боях, у них такого чудо-оружия просто не было. Иногда трофейные советские пушки немцы использовали в том виде, в котором захватили, а иногда вносили изменения в конструкцию. По каким-то только им известным причинам снимали наши колеса, наполненные гусматиком⁷, и ставили свои, немецкие, — железные. Видимо, резина у них была не в изобилии. И дульный тормоз меняли. И использовали против Красной Армии.

Много первоклассного оружия и боеприпасов досталось немцам в приграничных районах Советского Союза в первые дни войны. А потом — под Харьковом и в Крыму — в 1942-м. А в конце войны эти пушки, эти сокровища попали в руки Британской армии в качестве боевого трофея, и вот одна из них стоит в кустах сирени, вроде как в засаде.

Это уже история. И цены ей нет, той пушечке. А рядом в ангарах — наша тридцатьчетверочка и немецкий «Тигр-Б» и еще много других штуквин, от прикосновения к которым у любого нормального человека от восторга кружится голова.

Если по аллеям пройти, то тут не только танки и пушки, но и мортира времен Крымской войны и много еще всяких чудес.

Итак, завершился учебный год — ремонт по всем учебным корпусам, стены красят, полы, в старинном корпусе реставрация, чтобы все было так, как в старые добрые времена, а рядом в новом

⁷ Гусматик — эластичная масса для наполнения цельнолитых колесных шин. Наполненная такой массой шина, не имея камеры, не боится проколов. — Прим. ред.

корпусе на компьютер чудовищной мощи устанавливают новое программное обеспечение.

Нашему брату преподавателю раздолье — забирайся на целый день в библиотеку и грызи гранит науки, никто не помешает. Библиотека — мечта. На стенах — коллекции орденов, любой музей позавидует. И коллекции личного оружия знаменитых генералов; под стеклом — форма парадная с аксельбантами и эполетами. Полки книжные бесконечного протяжения. Тишина, как в космосе.

Обложился я томаами, словно бастионы вокруг себя возвел, оборону неприступную, чтоб не заметили меня, чтоб от работы не отрывали.

Но нашли меня и оторвали: есть возможность отличиться.

Вызывает большой начальник, ставит задачу: помогать инженерам то самое программное обеспечение на компьютере отлаживать. «Я, — говорю, — в компьютерах не очень...»

А начальник отвечает, что этого от меня и не требуется: там уже шесть компьютерных гениев два месяца колдуют, чародействуют — одного из Японии выписали, двоих из Америки доставили, остальные — свои. И меня к ним — великолепная семерка. Интернационал.

На компьютере тестируют новые программы. Две недели срока осталось. Свою работу электронную инженеры крепко знают, но им нужен кто-то, кто бы фантастические военные ситуации придумывал, что-нибудь вроде войны миров: наши против марсиан или что-нибудь в этом роде. Компьютер специально создан для моделирования боевых операций. Таких машин на всю Британию, может, всего пара такой мощи: один боевой, где-нибудь в подполье — для планирования войны, и один тут — для подготовки операторов, программистов и высшего командного состава.

Если правду сказать, я не знаю, сколько их, таких компьютеров, в Британии. Просто предположение высказываю. А во всем мире (на мой дилетантский взгляд) их, может, не больше десятка наберется.

«Ты, — говорит начальник, — у нас известный чудака, и все в твою голову какие-то сумасбродные идеи приходят, парадоксальные. Нам твоих идей не понять. Но твоей способностью сумасбродствовать мы воспользуемся. Иди к компьютерным гениям и выдумывай. Чтобы зря твои идеи не пропадали, иди и вой с марсианами».

И я пошел.

2

Тут надо отвлечься. Отступить от темы.

Мне иногда вопросы задают насчет преподавательской деятельности. Опять же — участие в настройке военного компьютера невероятной мощи. Это для ядерной войны. Вопрос мне прямо не формулируют, но как-то связывают: лекции читаешь, учишь офицеров вражеских, и тут же напоминают про совесть, про брошенную родину.

Вопрос понял. Отвечаю: если моя милая родина и в новом тысячелетии не откажется от идеи

Мировой революции и бросится во всем мире устанавливать коммунистические порядки, так я не только вражеских офицеров учить буду и участвовать в настройке военных компьютеров, но и с автоматом в руках пойду воевать против коммунизма.

Ну а если Мировой революции не случится, если моя прекрасная родина не бросится в припадке бешенства на всех своих соседей, то мои лекции никому вреда не принесут. И компьютер тот будет мирно жужжать в прохладном подземелье.

Итак, спускаюсь я туда, где колдуют компьютерные корифеи. Сначала вроде с обидой — от работы отрывают. А потом сообразил: к компьютеру такой мощи в XX веке вряд ли какой историк будет допущен. Слишком дорогое удовольствие. Не для игр такие машины создают. И не для исторических исследований. Я не профессиональный историк, я просто любитель военной истории. Но случилось так, что я один из всех историков, профессионалов и любителей, на всей земле в двадцатом веке получаю доступ к такому чуду. Через две недели, когда его полностью настроят и отладят, таким сверчкам, как я, доступ закроют и загрузят компьютер серьезной работой, о содержании которой можно только догадываться. А пока...

С собой чемодан справочной литературы принес. Разложил. И начали. Моделируем некую фантастическую войну.

— Можно армейскую наступательную операцию прокрутить?

— Пожалуйста, — отвечают. — Хоть фронтovou.

Хорошо. Начали. Захожу с того, что прошу ввести температуру воздуха: минус 41 градус по Цельсию.

3

Мне показалось, что компьютер сверкнул злостью, заискрился весь и взвыл от негодования. Ответ мгновенный: задано невыполнимое условие — при такой температуре ведение наступательных операций невозможно.

Я настаиваю. Компьютер мое требование отвергает. Эксперты начинают злиться. Мне объясняют, что умная машина дурной информации не примет.

А я уперся.

Но спорить с компьютером — дело проигрышное, вроде как нападать на Россию. Настаиваю, требую, чтобы ввели минус 41. Эксперты полезли в словари — если я по-английски не понимаю, вот, читай это слово на своем русском: не принимает компьютер, не воспринимает, не переваривает, такого не ест, не кушает, не клюет, не жрет, не пожирает, не хакает!

Ладно. Убедили. Понимаю: не хакает.

Слишком, говорят, русский, у тебя воображение раскованное. Задавай задачи, но головой думай, фантазия — дело хорошее, но тормоза имей. И иногда ими пользуйся.

А я не фантазировал, не войну миров разыгрывал, а нашу несчастную Зимнюю войну: 13 января 1940 года к утру — минус 41 по Цельсию. В другие дни и ночи бывало хуже. Но им-то, басурманским детям, не объяснишь, им до этого дела нет. Им бы кнопки свои нажимать.

А я делаю первый для себя вывод: товарищ Сталин поставил Красной Армии невыполнимую задачу прорвать «Линию Маннергейма» на Карельском перешейке.

КРАСНАЯ АРМИЯ НЕВЫПОЛНИМУЮ ЗАДАЧУ ВЫПОЛНИЛА.

4

Признаюсь, у меня раньше те же настроения были: Красная Армия в Финляндии опозорилась на весь мир. Замысел у меня простой был — промоделировать войну в Финляндии на свой манер, не так, как глупые сталинские генералы воевали, а по-своему, по-умному...

Но выяснилось, что ни одна армия мира при температуре минус 41 градус Цельсия наступательных операций не вела. И никто не смеет смеяться над армией моей страны. Сами попробуйте. Тогда смейтесь.

Теперь мне говорят, что до минус 40 и ниже доходило в январе 1940 года, а в декабре 1939 года температура колебалась от плюс 1 до минус 23 градусов.

С этим согласен. Но попробуйте днем промочить валенки при плюсовой температуре, а потом проспять ночь в снегу хотя бы при минус десяти.

Так вот, при температуре минус 10, не говоря уже о минус 23, ни одна армия мира тоже никогда успешных наступательных операций против заранее подготовленной обороны не вела. Но как же финны оборонялись?

Оборона — другое дело. Двадцать лет практически весь военный бюджет Финляндии уходил на создание укреплений на Карельском перешейке. Была построена оборонительная линия протяженностью 135 километров и глубиной до 90 километров. Фланги упирались в Финский залив и Ладожское озеро. За бескрайними минными полями, за противотанковыми рвами и гранитными надолбами, за железобетонными тетраэдрами и проволочными заграждениями в десять, двадцать, тридцать рядов (на высоте 65,5 — сорок семь рядов густой минированной колючей проволоки на металлических кольях, в центральных рядах вместо кольев в землю вбиты рельсы), так вот, за этими заграждениями — железобетонные казематы: перекрытия толщиной в полтора-два метра фортификационного железобетона, напольные стенки⁸ прикрыты броневыми плитами, все это завалено многотонными гранитными валунами и засыпано грунтом. Все замаскировано. Над этими казематами уже поднялись густые еловые леса. А леса снегом засыпаны. Пулеметчики, стрелки, артиллеристы сидят за броней и бетоном, глубокие амбразуры гасят вспышки выстрелов, искажают

⁸ Напольная стена — в фортификации стена оборонительного сооружения, обращенная в сторону противника (т.е. обращенная в поле, отсюда название). — *Прим. ред.*

и глушат звук стрельбы. Стреляют в упор, а нам все кажется — стрельба из-за дальнего леса...

А внутри в каждом каземате — склад боеприпасов и топлива, внутри — теплые спальные помещения, комната отдыха, и кухня, и столовая, и туалет, и водопровод, и электростанция... Командные пункты, узлы связи, госпитали — все под землей, все под бетоном, под лесной чащей, под снегом. И все — в тепле. Снайпер, который сутками выжидает свою жертву, бойцы легких лыжных отрядов, действующих в тылах Красной Армии, тепло одеты, хорошо экипированы. Солдаты Финляндии рождены, воспитаны и подготовлены для действий именно в этих условиях. Они знают, что через несколько дней после боевого дежурства или лыжного рейда их накормят горячим супом, их ждет уютный отсек в подземном бункере, где они выспятся в тепле перед новым заданием. Они знают, что в случае ранения их ждет операционная палата глубоко под землей, там чисто, сухо и опять же — тепло.

Но попробуйте наступать в этих условиях. Попробуйте отрезать раненому ногу, когда за тоненькой стеной госпитальной палатки минус 30, а внутри — минус 20.

Так вот, при минус сорока и ниже способна наступать только моя армия. Только она способна творить чудеса, творить то, что невозможно.

5

Одним словом, компьютер температуру минус 41 не принял. Не переварил. Не съел. Не сожрал. Не скушал. Не схавал.

Ладно, говорю, допустим, что температуры вообще никакой не было. Бывает же такое, что нет температуры.

Заулыбались электронные мудрецы: это лучше, так к реальной жизни ближе. Вводим второй параметр: глубина снежного покрова.

И опять компьютер взревел.

Мой читатель, я вам тайну военную открою, а вы никому не рассказывайте: у них на Западе вообще все военные компьютеры слабонервные.

И чем умнее, тем нервишки слабее. Закономерность такая. Обратная пропорция. Мне достался один из самых умных и мощных, потому нервная его система была расшатана выше допустимых пределов. Он тут же и вспылил: так воевать нельзя!

Невозможно.

Я уточняю, что под снегом болота, которые не замерзают, снег их от мороза бережет. Я объясняю, что под снегом озера. На озерах тонкий лед. Та же причина: глубокий снег — хороший тепло-изолятор. Там, где снега нет, вода промерзает до дна, а там, где на льду глубокий снег, там лед тоненький совсем, там танк провалится.

Финляндия — страна тысячи озер, но пойдешь ты разбери, где озеро, а где поле? Все кругом белое

да пушистое, да искрится на солнце. А еще под снегом — валуны гранитные. На вид поле ровное, снег, но пошли танки и переломали катки, гусеницы порвали. Еще до того, как попали на минное поле. Местность, так сказать, противотанковая. Танкам тут делать нечего: или поле в валунах, или озеро, или чаща непролазная. И все это тысячами мин напичкано. Ошибиться можно, но только один раз в жизни.

Но всех этих подробностей компьютер слышать не хочет: если бы не было болот и озер, если бы не было сильно пересеченной местности, если бы не было огромных гранитных глыб, то все равно при таком снежном покрове воевать нельзя. Ни одна армия мира при снежном покрове в 15 сантиметров успешных наступательных операций не вела.

Исключение — Красная Армия.

Так вот, товарищ Сталин поставил Красной Армии дважды невыполнимую задачу.

6

А я ввожу сведения о том, что светлого времени в декабре совсем немного. В четыре часа дня — темнота. А туда, повыше к северу, — день еще короче или вообще никакого нет дня.

А я ввожу сведения о лесах: высота деревьев, среднее расстояние между стволами, толщина стволов. А ответ все тот же — тут наступать нельзя.

Лес. Непроходимый лес. Тайга. Линии горизонта нет. В лесах танкам делать нечего, в лесах огонь артиллерии корректировать невозможно. Артиллерийский наблюдатель не видит, куда падают снаряды: над головой свистит, воеет, а куда падает — не понять.

С батареи орут в трубку: недолет? перелет?

Черт его знает! Видеть разрывы можно только с той самой полянки, на которую эти самые снаряды падают.

А финская артиллерия в этих местах находилась с давних пор. Каждая батарея за много лет мирного времени пристреляла рубежи; наводчики, корректировщики, командиры знают данные для стрельбы наизусть.

Итак, наша артиллерия мало нам помогает, танки бесполезны, не для танков эта местность, авиация сверху тоже ничего не видит. Учебник тактики говорит: «Сверху лес воспринимается как однообразная поверхность, обнаружить войска в лесу удастся в исключительных случаях».

В нормальных условиях войска в лесу не разглядишь. А тут и разглядывать нечего — они не просто в лесу, а под снегом, под землей. И в светлое время суток дым от их печек можно наблюдать только там, где они желают его демонстрировать — в ложных районах обороны. Да и где оно, это светлое время?

Наступающему в землю не зарыться, потому как в декабре в Финляндии земля от гранита твердостью мало отличается. И раненых можно в госпиталь не тащить — на таком морозе даже при

небольшой потере крови раненый замерзает.

Это все я компьютеру излагаю.

Компьютер ничего этого принимать не желает, операторы ругаются. Спорили-спорили, пошли на компромисс: температуры вообще никакой не было, снега не было, не было болот и лесов, а светлое время суток никогда не кончалось. Решили воевать так, чтобы природа наступать не мешала. Предположили, что есть только препятствия взрывные и невзрывные, противопехотные и противотанковые, и есть оборонительные сооружения.

Ввожу плотность минирования. Ввожу сведения о полосе заграждений — глубина от 15 до 60 километров: минные поля, эскарпы, контрэскарпы, лесные завалы, в непроходимых вековых еловых лесах — узкие коридоры в снегу. (Снега, договорились, нет, но коридоры остались, никуда из них не свернешь: попалась танковой колонне наша встречная машина — дави ее. Иначе — никак.)

Искусственные препятствия вписаны в местность, а местность перерезана ручьями и речушками с обрывистыми берегами. Берега эскарпированы. Все мосты взорваны. Все подходы к мостам минированы, все простреливаются снайперами. За всем этим — главная полоса обороны глубиной 7-12 километров. Но это известно мне сейчас, а тогда советскому командованию это было не известно, как и начертание переднего края. За главной полосой — снова заграждения и еще одна полоса обороны, и снова минные поля, заграждения, и еще одна полоса обороны.

А какой бетон? — интересуется компьютер.

Отвечаю: цемент марки «600», арматура стальная, 95 килограмм арматуры на кубометр бетона.

Ну, думаю, задал я серому ящичку загадку, думать ему теперь три дня. Но я ошибся. Компьютер ответил быстро и решительно: направление главного удара Линтула — Виипури; перед наступлением — огневая подготовка: первый взрыв воздушный, эпицентр — Каннельярви, мощность 50 килотонн, высота 300; второй взрыв воздушный, эпицентр — Лоунатйоки, мощность... третий взрыв... четвертый...

Я — операторам: стоп, машина, полный назад! А без ядерного оружия нельзя?

Нельзя, — компьютер отвечает.

Я к нему и с лаской, и с угрозами, но компьютер упрямый попался: БЕЗ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ НЕВОЗМОЖНО.

Хоть восемь пядей во лбу имей, хоть компьютер самой невообразимой мощи, ответ все тот же: без ядерного оружия не получится. НИ У КОГО НЕ ПОЛУЧИТСЯ!

Вывод: Красная Армия прорвала «Линию Маннергейма», совершив невозможное. Четырежды невозможное. Такое было возможно только у нас. И только при товарище Сталине. И только после великого очищения армии: приказ не выполнен — расстрел на месте. Как расстрел командного состава 44-й стрелковой дивизии перед ее строем.

Прорвать ту оборону нельзя. Даже если бы была комфортная плюсовая температура. Даже если

бы не было снега. Даже если бы светлое время суток длилось круглосуточно. Нельзя.

Вообще если в двадцатом веке одна армия встала в глухую оборону, прорвать ее фронт вовсе не так просто. Посчитайте, сколько раз за всю Первую мировую войну немцам, британцам, американцам или французам удавалось прорвать фронт обороны противника. Исключением была Русская армия. За всю Первую мировую войну была только одна операция, название которой происходит не от местности, а от имени полководца — генерала от кавалерии Алексея Алексеевича Брусилова — Брусиловский прорыв.

Если одна армия встала в оборону, если она зарылась в землю, то есть отрыла траншеи, окопы, возвела блиндажи, огородилась колючей проволокой, то проломать такую оборону не удавалось даже после многомесячной артиллерийской подготовки, многократной обработки ядовитыми газами и бесчисленных атак пехоты.

Если же полевую оборону войск усилить долговременной фортификацией, то есть построенными еще в мирное время инженерными сооружениями — противотанковыми рвами, надолбами, эскарпами и контрэскарпами, железобетонными огневыми сооружениями, спрятать глубоко под землю все, что возможно, — то такая оборона будет вообще неприступной. Так и считали военные эксперты Запада, в том числе и сам великий Б. Г. Лиддел Гарт⁹. Так считалось до 1940 года, пока Красная Армия не доказала обратное.

Прорыв «Линии Маннергейма» — это первый в истории пример прорыва долговременной оборонительной полосы. Только после того, как Красная Армия в Финляндии совершила нечто выходящее за рамки воображимого, эксперты стали допускать, что прорыв теоретически возможен.

Германская армия никогда подобных укреплений не прорывала. «Линию Мажино» можно было обойти стороной, и германская армия ее обошла. В Советском Союзе «Линия Молотова» не была полностью построена, не была прикрыта полосой обеспечения и практически войсками не защищалась. «Линия Сталина» была разоружена, брошена и войсками не занята. Там, где она защищалась войсками, например в Киевском укрепленном районе (УР), прорвать ее противнику не удалось — прорыв был осуществлен на других участках фронта, и Киевский УР обошли с двух сторон.

В 1943 году германская армия, сосредоточив чудовищные силы, не смогла прорвать советской полевой обороны в районе Курского выступа. На Курской дуге не было ни дотов, ни железобетонных тетраэдров, ни гранитных надолбов. Мороз тоже не донимал.

Даже без снега и мороза, даже без болот, озер, рек и лесов сама по себе «Линия Маннергейма» была неприступна. Так вот. Красная Армия зимой 1939-1940 года совершила чудо. Ненужное, бестолковое, но чудо. Кровавое, страшное, но великое.

Прорвать такие укрепления нельзя ни за пять, ни за восемь лет. Красная Армия сделала это за три

⁹ Сэр Бэзил Генри Лиддел Гарт (1895-1970), английский военный историк и теоретик, оказавший большое влияние на развитие теории механизированной войны в XX веке, а также на теорию стратегии в целом. Служил офицером в британской армии во время Первой мировой войны. — *Прим. ред.*

месяца.

Красная Армия в Финляндии доказала, что она может выполнить любую задачу. Даже невыполнимую. Дважды невыполнимую. Трижды и четырежды невыполнимую.

7

Признаюсь: долго моделировать операции мне не позволили. Уже на следующий день компьютерные инженеры пошли жаловаться большому начальнику: нам нужен реалист, а не фантаст.

И вместо меня послали реалиста.

Но я не унывал. Главное было сделано. И если нет больше доступа к компьютеру такой мощности, то я решил проводить научные эксперименты. И провел. Не в Финляндии, а в соседней Норвегии, что в принципе почти то же самое. Чудесные там места: снег хрустит, елки кругом. Лучше Швейцарии. Для эксперимента в Берлине у Бранденбургских ворот купил яловые сапоги, шинельку и островерхий суконный шлем, именуемый пропагандой «буденовкой»; в народе же сей шлем именовался «богатыркой». У Бранденбургских ворот этого добра — залежи. Приехал в Норвегию, откатал неделю на лыжах, каждый вечер обещая самому себе научно-исторический эксперимент начать, но все как-то откладывал.

Потом решился.

Натянул сапоги, облачился в шинель и суконную шапку-богатырку-буденовку с красной звездой (народ в вестибюле от меня шарахнулся), взял бутылку «Столичной», банку тушенки, хлеба буханку. И — на мороз.

Решил ночь одну переспать в снегу. На еловых веточках. Теоретически переспать одну ночь в снегу можно: снайперы не донимают, нет риска наступить на какую-нибудь взрывчатую гадость (проверено — мин нет), отряды лыжников-автоматчиков внезапными ударами не досаждают.

Всего-то и делов — ночь переспать.

Прыгаю на морозе час. Прыгаю другой. Третий. Начал эксперимент при температуре минус 34. На сон не особенно тянуло. Водка в бутылке прозрачность начала терять и стала белой как молоко. Буханка хлеба стала твердой как кусок льда. С тушенкой тоже что-то нехорошее приключилось. А ведь не до каждого нашего солдата тушенка доходила. Еще час прыгаю. А температура быстренько эдак — вниз да вниз. Дошло до минус 39... Пальцы ног теряют чувствительность. Дышать становится невозможно — обжигает все внутри...

Короче, до рассвета (а он тут поздний) не дотянул. Каюсь. Но отрицательный результат эксперимента — для науки тоже результат. Всем, кто рассказывает увлекательные истории о том, что воевать мы были не готовы, всем, кто разносит легенды о низких боевых качествах Красной Армии, настоятельно рекомендую мой эксперимент повторить.

Говорят, что обильный снег и жуткий мороз были только в январе и в феврале. А в декабре 1939 года снежный покров был всего лишь 10-15 сантиметров и температура ниже минус 24 градусов не опускалась. Пусть будет так. Но попробуйте, научного интереса ради, не всю зиму, а только один месяц прожить в таких условиях на свежем воздухе.

В музеях Финляндии — тысячи жутких фотографий замерзших красноармейцев. И у кого-то сегодня хватает ума доказывать, что это в январе за сорок градусов падало, а в декабре всего-то каких-то двадцать было, и снежок — так себе...

Приятно сидеть в лубяном кабинете и писать научные статьи. Когда теплый туалет рядом, то забываешь о том, что наши солдаты воевали в Финляндии без сортиров.

Так вот: только тот историк, который в шинели и сапогах в декабре проведет одну ночь под Сормулой или Выборгом, имеет право рассуждать о неготовности Красной Армии к войне. Я бы тоже рад позубоскалить по поводу низких боевых качеств Красной Армии, но считаю, что такого права у меня нет.

ГЛАВА 15. О невысоком солнышке.

Настоящую правду о войне не надо искать в мемуарах маршалов — они и на пенсии не были свободны от въедливой самоцензуры, к тому же и в старости им было что терять.

Не найти ее и у большинства историков, связанных по рукам и ногам требованиями политического конъюнктурного момента.

Новая газета. 6 мая 2009 г.

1

Война Советского Союза против Финляндии зимой 1939–1940 года — всего лишь мелкий фрагмент Второй мировой войны: ни особых побед, ни грандиозных территориальных приобретений, ни колонн пленных врагов на улицах Москвы.

Но мы внимание обратим и на этот фрагмент нашей столь непростой истории.

И даже не на весь фрагмент. Обратим внимание на мелкий пусячок — не на саму войну, а на песню о ней. И даже поставим задачу еще более узкую — оценим один куплет из той песни:

*Ломят танки широкие просеки,
Самолеты гудят в облаках,
Невысокое солнышко осени
Зажигает огни на штыках.*

Сконцентрируем наше обостренное внимание на одном слове. На пяти буквах.

Это о какой такой *осени* речь? Война-то — *Зимняя*¹⁰

Разберемся. Дело было так: миролюбивый Советский Союз предложил агрессивной Финляндии отдать Карельский перешеек — то самое место, в которое Финляндия за все два десятка лет своей независимости всадила весь почти военный бюджет, возведя линию обороны. Вот этот-то кусочек товарищу Сталину и приглянулся.

Если отдать именно этот кусочек территории, никакой обороны у Финляндии вовсе не будет. После того Финляндию можно голый рукой за горло брать или еще за какие-нибудь другие места.

Взамен товарищ Сталин предложил кус земли в два раза больший по размеру.

Финны не согласились, и давай из пушки по нашим палить!

Товарищу Сталину только того и надо. У товарища Сталина уже войска к границе подтянута. Не для агрессии, а для интернациональной помощи пролетариату, если тот восстанет и запросит

¹⁰ Эта война в советской исторической науке традиционно называлась Советско-финской войной 1939–1940 годов (или просто Советско-финской войной, Финской войной или даже Финской кампанией). «Зимней» эта война называлась в Финляндии; под таким же названием она известна в других странах Европы и в США, это же название использует и автор, — в том числе и для того, чтобы отличать эту войну от других советско-финских войн и вооруженных конфликтов первой половины XX века. — *Прим. ред.*

помощи. Мы руку помощи всегда протянем. И есть у нас тот, кому ее протянуть можно.

На советской территории уже и «правительство» для Финляндской Народной Республики подготовлено во главе с членом ЦК ВКП(б) товарищем Куусиненом, и «красная армия» во главе с советским командиром, и «компетентные органы» во главе со следователями НКВД. И тут же глава «правительства» ФДР товарищ Куусинен сообщает товарищу Сталину, что пролетарии Финляндии восстали и просят помощи.

Товарищ Сталин не мог без боли смотреть на страдания финского народа. И уж если народ помощи запросил, то наш интернациональный долг — эту помощь оказать. Красная Армия перешла границу, товарищ Куусинен тут же подписал договор с товарищем Молотовым о дружбе и взаимной помощи.

И опять мелкий пустячок: договор между СССР и ФДР составлен только на русском языке, и подпись товарища Молотова — русскими буквами (а какими же еще?).

Но и подпись президента ФДР — тоже русскими буквами. Товарищ Куусинен давно жил в Москве, давно обрусел, давно забыл, как свое имя писать на языке освобождаемой Финляндии.

2

Чтобы Зимнюю войну принять ближе к сердцу, давайте представим ее в ином свете. Вот миролюбивый Китай предлагает агрессивной России обмен: мы им маленький кусочек территории, а они нам — в два, в пять, в сто раз больший! Мы им — закрытый порт Владивосток, а они нам — кусок пустыни Гоби, со всеми ее змеями, ящерицами и скорпионами.

Мы не соглашаемся и тут же палим по ним из пушки. Им только того и надо. У них уже и правительство для России заготовлено, и армия освободительная, и органы карательные. И какой-то обкуренный Ваня от имени России в Пекине бамбуковой палочкой иероглифы своего имени выводит под договором о вечной дружбе и взаимопомощи.

И звенит над Китаем песня: принимай нас, Россия-красавица!

Так я о чем? Я — все о том же, о невысоком солнышке осени.

23 августа Молотов и Риббентроп разделили Польшу, тем самым товарищ Сталин толкнул Гитлера в ситуацию, в которой он и только он оказался виновным в развязывании Второй мировой войны. Договорились вместе разделить Польшу, Гитлер напал, а Сталин вдруг объявил, что еще не готов. Вот и все.

Великобритания и Франция объявили Гитлеру войну, а за спиной Великобритании стояли Соединенные Штаты.

17 сентября 1939 года Красная Армия вошла в Польшу.

Половина Польши — Гитлеру, половина — Сталину. Но Гитлер — виновник войны, а Сталин — невинная жертва.

Гитлер теперь будет воевать против всего мира, а Сталин может решать территориальные проблемы, не оглядываясь на мировое общественное мнение. В Европе уже хозяйничает Гитлер, который все внимание приковал к себе.

Вот тогда-то и был отдан приказ срочно сочинить песню: на очереди Финляндия! Ну-ка, товарищи поэты и композиторы, что-нибудь про освобождение братской страны!

Понятно, что такой приказ получили только особо проверенные, только после очередной подписки о неразглашении и сурового напоминания о последствиях в случае, если о полученном ответственном правительственном задании нечаянно узнают посторонние.

Товарищ Сталин, его дипломаты и стратеги, ясное дело, сроков не разглашали, а на вопрос, когда заказ должен быть исполнен, отвечали кратко: немедленно!

Вот так в сентябре или октябре 1939 года в песню о грядущей Зимней войне затесались слова о невысоком солнышке осени.

Кто же мог подумать, что переговоры слегка затянутся, и Красная Армия пойдет на выручку восставшим пролетариям Финляндии только 30 ноября.

Если бы поэт с композитором 30 ноября утром услышали новость о том, что Красная Армия перешла границу, и тут же в порыве пролетарской солидарности бросились сочинять стихи и музыку, то до 12 ночи вряд ли успели бы. А в 12 ночи — уже 1 декабря и официальное начало зимы. Да и 30 ноября уже снег лежал, уже мороз нос пощипывал. Никак не могли сосульки и сугробы навеять осенние настроения.

Так вот: одно слово выдает стратегический замысел — песня была заготовлена заранее. Потому не было разницы: стреляли финны из пушки или это зам Наркома обороны командарм 1-го ранга Кулик Григорий Иванович по личному приказу товарища Сталина так пальнул из пушки, что снаряд упал там, где требовалось.

В любом случае эта стрельба была нужна товарищу Сталину, и именно в тот самый момент.

3

Уяснив это, обратимся к личности автора песни. Анатолий Адольфович Д'Актиль¹¹ был человеком проверенным. Доверие заслужил, сочинив «Марш Будённого»:

Даешь Варшаву!

Дай Берлин!

Уж врезались мы в Крым!

А еще он знаменит тем, что был великим хохмачем. Жанр его — сатира. С ранней юности сочинял анекдоты, писал фельетоны, частушки, куплеты, в том числе похабные. Он работал в театре комедии «Кривой Джимми», в журналах «Сатирикон», «Красный перец», «Бегемот», «Смехач». Вспомнив

¹¹Анатолий Адольфович Д'Актиль — псевдоним Анатолия Адольфовича Френкеля. — Прим. ред.

веселый характер автора песни, прочитаем еще раз ее слова:

*Сосняком по откосам кудрявится
Пограничный скупой кругозор.
Принимай нас, Суоми-красавица,
В ожерелье прозрачных озер!
(...)
Много лжи в эти годы наворачено,
Чтоб запутать финляндский народ.
Раскрывай же теперь нам доверчиво
Половинки широких ворот!*

В русской народной традиции образ ворот неразрывно связан с женской честью. Не зря дегтем мазали ворота того дома, где проживала подозреваемая в неверности. А предложение женщине пошире открывать ворота всегда имело привкус скабрёзности.

Когда знаешь, что эти куплеты сочинял великий шутник, то отношение к тексту меняется. Дополнительный смысл проглядывается невооруженным глазом.

И когда нам говорят, что народ наш не знал, что творил, возразим: очень даже знал. По крайней мере, в рядах творческой интеллигенции встречались веселые ребята, вроде автора данного шедевра, которые все очень даже ясно понимали, которые относились к предстоящим освободительным походам с хамским весельем: не нас же насильничать будут, а кого-то, вот смеху-то!

История сыграла злую шутку с шутником. Зимняя война не прошла даром Советскому Союзу. За эту войну пришлось дорого заплатить. В том числе — и блокадой Ленинграда. Анатолий Адольфович Д'Актиль оказался в заблокированном Ленинграде в первую самую страшную зиму. В августе 1942 года он в дистрофическом состоянии был эвакуирован, но вскоре, в возрасте 52 лет, умер.

4

Что же случилось в Финляндии?

А случилась трагедия. В высоких кремлевских кабинетах было принято решение отрезать Германию от стратегического сырья в Швеции. Швеция — это медь, свинец, цинк и, конечно, железная руда высокой концентрации.

Замысел — прибрать эти богатства к рукам или, в крайнем случае, поближе к ним подобраться. Путь через Финляндию. Заодно — добавить еще одну республику к нерушимому союзу.

Было создано «правительство» из офицеров НКВД и бюрократов из верхушки ВКП(б). «Президентом» был поставлен Отто Куусинен (его жена в это время работала в нелегальной резидентуре Рихарда Зорге), министрами — советские коммунисты финского происхождения. Была

создана «красная армия Финляндии», которая должна была победно войти в Хельсинки и поддержать «восставший пролетариат», а наша Красная Армия должна была немного помочь «братьям по классу».

Все население Финляндии было заранее разделено на белых и красных. Так называемые «белофинны» подлежали изоляции и ликвидации. Их ждала та же участь, что и польских офицеров в Катынском лесу весной 1940 года.

Кстати, деление на белых и красных было проведено во всех прилегающих к нашим границам территориях: в 1920 году мы воевали против «белополяков», в 1921 году — против «белофиннов» и «белокарел», в 1927 году — против «белокитайских генералов». Уже тогда вынашивались планы оказания «пролетарской помощи» народам Эфиопии. Все сорвалось, и голод мы им устроили значительно позже. Но уже в 1930-х годах существовало понятие «белых негров». И не будем смеяться. Чем «белокитайцы» лучше?

И когда я встречаю в центральном органе Министерства обороны Российской Федерации упоминания о «белофиннах» (например, 16 июля 1994 г. или 28 апреля 1995 г.), я всегда спрашиваю, а почему, собственно, главный редактор и корреспонденты «Красной звезды» не называют себя «краснорусскими»? Когда, наконец, Министерство обороны России перестанет делить людей на пролетариев и буржуев, на сторонников и противников Мировой коммунистической революции? Когда, наконец, «Красная звезда» перестанет повторять лозунг Маркса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»? Пора понять, что никому с нами добровольно соединяться не хочется.

Уже сам термин «белофинны» свидетельствовал о том, что наша цель — превратить их в красных. И осенью 1939 года была поставлена соответствующая задача. В кремлевском кабинете как-то не приходит в голову, что где-то может быть температура минус 40. И мысль о том, что кто-то коротает декабрьскую ночь без теплого сортира, воспринимается без соответствующей остроты ощущений. Было принято решение помочь братьям по классу, а о таких мелочах просто не вспоминали. Предполагалось, что «белофинны» выбросят белый флаг. Сопrotивления не ожидали. Просто был отдан приказ — ввести войска.

А финны уперлись. Белого флага не выбросили. Встретили наших освободителей снайперским огнем. Они двадцать лет ждали от нас именно этого шага. И готовились.

Началась война, штурм, прорыв. Но прорвать «Линию Маннергейма», как мы теперь знаем, невозможно. Ни при каких условиях. И обойти невозможно: севернее Ладоги вообще непроходимые леса, болота, тундра, огромные озера. И оттого, что ожидалась безоговорочная капитуляция, никакой подготовки к войне в Красной Армии не проводилось. Планировался победный марш.

Но мужественный народ Финляндии не сдался. И тогда Красной Армии был отдан приказ — сокрушить.

Всю жизнь я слышал такое мнение: да что с той Финляндией было возиться! К ногтю ее! Это мнение высказывали выдающиеся стратеги и политики, журналисты, генералы, адмиралы, простые люди на улице.

Давайте на минуту с этим мнением согласимся. Если действительно там нечего было так долго возиться, то тогда давайте же пойдем и Сталина. Он так же думал: да что с нею возиться!

Оттого и подготовки соответствующей не было. А были настроения шапкозакидательские. Эти настроения понятны, особенно после блистательной победы на Халхин-Голе: летом 1939 года 1-я армейская группа Красной Армии разгромила целую японскую армию, а осенью приказ командующему Ленинградским военным округом ввести войска в Финляндию. Понятно, после разгрома японцев никто всерьез не отнесся к подготовке операции в Финляндии...

И обожглись.

Но быстро среагировали. И все сделали, как положено.

Красная Армия отрезвела после первых же боев. Бойцы и командиры Красной Армии поняли: перед ними сильный противник дисциплинированный, думающий, храбрый. Солдат Финляндии — отличный стрелок, великолепный лыжник. Над этим солдатом нет никакой военной бюрократии, вся инициатива предоставлена ему, и он действует: внезапно, решительно, напористо, от затяжных боев уклоняется, наносит удар только тогда, когда уверен в неотразимом успехе, и тут же исчезает в тайге. Такого противника надо уважать, тем более что вся совершенная техника Красной Армии в этих условиях бесполезна. Использовать самую современную технику Красной Армии против мелких групп финских лыжников — все равно, что бить блох танковым двигателем. И шапками их тоже не закидаешь.

Удивляет меня то, что находятся очень даже неглупые люди, которые много лет подряд повторяют: подумаешь, какая-то там Финляндия, какая-то там «Линия Маннергейма», какой-то снежок метровой глубины, какой-то там морозец за сорок градусов... Что, мол, с этой Финляндией было возиться!

А ведь так может говорить только тот критик, который сам еще от шапкозакидательских настроений не отрезвел.

Удивительно поведение и некоторых выдающихся стратегов. «Линия Маннергейма» строилась как абсолютный рубеж со стопроцентной гарантией непреодолимости. В ее строительстве участвовали лучшие инженеры-фортификаторы мира (за исключением, понятно, наших специалистов). Было признано на всех уровнях (давайте полистаем военные журналы тридцатых годов!), что прорвать «Линию Маннергейма» нельзя ни за пять, ни за десять лет. Нельзя прорвать вообще. Никогда.

Никакими силами. Строилась она с единственной целью — сдержать прорыв именно Красной Армии. Какой же еще? И вот Красная Армия «Линию Маннергейма» прорвала. Прорвала зимой. Прорвала без подготовки. Экспромтом. Не за десять лет, не за пять лет — за три месяца.

Все, кто предрекал, что Красная Армия никогда «Линию Маннергейма» не прорвет, были, мягко говоря, посрамлены. Красная Армия, проломав «Линию Маннергейма», опровергла и опрокинула представления мировой военной науки о непреодолимости подобных укрепленных полос.

Военным экспертам Запада следовало признать потрясающие боевые качества Красной Армии и ошибочность своих прогнозов. Из боевых действий в Финляндии следовал только один вывод: для Красной Армии нет ничего невозможного. Если она способна наступать в таких условиях, значит, она способна наступать в любых других — хуже этого не бывает.

Если Красная Армия проломала «Линию Маннергейма», значит, она готова сокрушить Европу и вообще кого угодно.

Победоносная Красная Армия совершила то, что военные стратеги Запада считали невозможным. Но стратеги не стали признавать ошибочность своих прогнозов и предсказаний. Вместо этого они объявили Красную Армию... не готовой к войне.

И мы это проглотили.

Съели.

Скушали.

Схавали.

ГЛАВА 16. Кто проиграл Зимнюю войну.

Это была наша военная катастрофа, после которой нашу армию долго не воспринимали всерьез даже наши будущие союзники, в чем признавался сам Черчилль.

Вечерняя Москва. 15 ноября 1994 г.

1

Еще возражение: «Линию Маннергейма» прорвали, но какой ценой?

Разве нас интересовала когда-либо цена? У нас была великая ЦЕЛЬ.

Ради достижения этой цели товарищи Ленин и Троцкий считали возможным пожертвовать всем народом России и всеми ее богатствами. Так и сделали. И Сталин о цене не спрашивал.

Но у Сталина хватило ума после того, как «Линия Маннергейма» была прорвана, когда Финляндия лишилась своего оборонительного барьера и стала беззащитной, «освободительный поход» остановить и в длительную партизанскую войну не ввязываться.

С точки зрения большой политики, бои в Финляндии были поражением Советского Союза: цели войны были объявлены слишком откровенно и отчетливо, а теперь пришлось объявить, что мы воевали не за включение новой республики в состав СССР, а за «безопасность города Ленина». «Правительство» Куусинена и «народно-освободительную армию Финляндии» пришлось без шума разогнать, словно и не было никогда такого правительства и такой армии.

Однако с точки зрения чисто военной это была блистательная победа, равной которой во всей предшествующей и во всей последующей истории ничего не было. Любая армия мира, если бы ей удалось такое совершить, записала бы такую победу золотыми буквами в свою историю.

Боевые действия в Финляндии завершились 13 марта 1940 года, а уже летом три государства Балтии — Эстония, Литва и Латвия, — сдались Сталину без боя и превратились в республики Советского Союза.

Правительства и военное командование этих стран внимательно следили за боевыми действиями в Финляндии и сделали из того, что увидели, страшный, но правильный вывод: Красная Армия способна выполнять невыполнимые приказы, она не остановится ни перед какими жертвами. Если Сталин прикажет, то Красная Армия уничтожит кого угодно, сама при этом понесет любые потери, но сталинский приказ выполнит. И три государства сдались без единого выстрела, понимая, что сопротивление бесполезно.

В это же время Сталин предъявил ультиматум правительству Румынии: верните Бессарабию. Помня опыт Финляндии, правительство Румынии даже не стало затевать длительных переговоров: вот вам Бессарабия, а заодно и Буковина.

Вывод: потери Красной Армии в Финляндии надо делить сразу на пять стран: Финляндию,

Эстонию, Литву, Латвию и Румынию. Красная Армия продемонстрировала в Финляндии такую мощь, что после этого другие страны сдавались без боя, понимая, чем может кончиться сопротивление сталинской воле.

2

Так кто же проиграл войну в Финляндии?

Ответ: войну в Финляндии проиграл Гитлер.

Красная Армия провела в Финляндии уникальную, беспримерную операцию. Красная Армия действовала так, как не действовал никто и никогда, а Гитлеру почему-то показалось, что Красная Армия действует плохо.

Германские генералы видели перед собою чудо, но не понимали его значения. Германские генералы не сумели оценить того, что видели. И окружавшие Гитлера люди делали странные выводы о неготовности Сталина к войне. Дневник Геббельса тех дней исписан такими замечаниями: *«Русская армия никакой ценности не представляет. Армией плохо управляют, а еще хуже она вооружена...»* Геббельс записывал не только свое мнение, но и мнение Гитлера: *«Он вновь констатирует катастрофическое состояние русской армии. Ее едва ли можно использовать для боевых действий...»*

Самая страшная ошибка на войне — недооценить противника. Вообще в жизни каждого из нас нет ничего хуже, чем считать противника дурнее себя. Некоторых такое заблуждение приводит к преждевременной смерти. Именно к смерти привела Гитлера роковая недооценка мощи Красной Армии.

Гитлеру надо было не зубоскалить, а отправить в Финляндию одну немецкую пехотную роту. Не особую, не элитную, а самую обыкновенную, и устроить германским солдатикам практику. Пусть попробуют наступать. Пусть попробуют уничтожить железобетонную огневую точку, которую никак в слепящем снегу не разглядеть. Пусть попробуют атаковать, когда снег — по самые уши. Если не получается, пусть найдут другое место и попробуют атаковать там, где снег не по шею, а только по грудь. Или даже по пояс. Да хотя бы и по колено. Пусть попробуют найти в снегу хоть одну мину. Пусть переспят одну ночь на полярном морозе. Пусть погрызут хлебную корочку железобетонной прочности.

Вот с этими-то солдатиками и следовало побеседовать. Следовало потрогать их черные ушки, которые отламываются от головы с хрустом, боли не причиняя. Следовало осмотреть их ноги, покрытые пузырями обморожений. Вот этих-то солдатиков Гитлеру надо было пригласить к себе в гости и с ними не спеша, у теплой печки обсудить боевые качества Красной Армии.

Гитлеру следовало послать в Финляндию человек пять своих генералов: пусть опыта наберутся, пусть попробуют организовать снабжение хотя бы одного пехотного взвода, и если удастся

протолкнуть хоть одну машину через снега, то пусть попробуют водочки мороженой. Вот у этих генералов следовало Гитлеру впечатления узнать. И смеяться над Красной Армией до упаду.

Но Адольф Гитлер почему-то так не поступил. Он наблюдал советско-финскую войну из уютного далека. Из роскошного кабинета Имперской канцелярии. А замечено: сытый голодного не разумеет. Гитлер был сыт, и ему было тепло. И вокруг него стояли люди, которые сладко выспались в чистых спальнях, приняли горячую ванну, их гладко выбрили, постригли и надушили, на завтрак им подавали грейпфрутовый сок, жареный бекон с яичницей, горячие душистые булки с маслом... И вот после завтрака, еще окутанные кофейным ароматом, они глядят на глобус и оценивают обстановку: огромный Советский Союз и маленькая Финляндия!

И ничем они не умнее нас: они оценивают обстановку именно так, как ее несколько дней назад в высоких кремлевских кабинетах оценивали товарищи Сталин, Молотов, Берия, Ворошилов: чего с ней возиться? Какие могут быть проблемы!?

3

Сталину казалось: стоит только цыкнуть... Вот и Гитлеру так кажется. И Черчиллю в туманном Лондоне непонятно, что это там Красная Армия застряла. Всем им в кабинетах не понять, что такое температура минус 32 градуса. Им не понять разницы между минус 35 и минус 38. Да простит меня гостеприимная, приютившая меня Британия, не в укор ей будет сказано: тут при минус 3 ситуация напоминает национальное бедствие, останавливаются поезда, замерзают старики в квартирах, лопаются трубы водопровода и канализации. Когда выпадает снег глубиной пять сантиметров, жизнь в прекрасной Британии замирает. Тот, кто видел Британию под легким снежком, не даст соврать: все кюветы и обочины завалены машинами вверх колесами.

Но сидишь у полыхающего камина в старинном замке, не спеша что-нибудь шотландское потребляешь со льдом и содовой, кутаешься в сладкий дым гаванской сигары и понять стараешься: что это там русские возятся? Может, командиры у них глупые? Или, может, солдат ленив? Или оружие у них устаревшее?

4

Норвежцы, канадцы, шведы, эскимосы, финны знают, что такое минус сорок. Но спросите британца, немца, француза, чувствовал ли он однажды своей шкурой эти самые минус 40? Способен ли нормальный человек в кирзовых сапогах, то есть в сапогах брезентовых, прорезиненных, выжить неделю?

Красная Армия выжила. Мало того, задачу выполнила. И этого мало: она еще и училась, училась поразительно быстро. Читайте шведские газеты за февраль 1940 года! Так вот там, в тех газетах, — не поверите, — там восхищались Красной Армией. Люди, которые понимают, что такое настоящая зима,

в феврале 1940 года видели перед собою совсем другую армию, совсем не ту, которая два месяца назад вступила на землю Финляндии. Изменилось решительно все — от рациона бойца и его экипировки до организации тылового обеспечения корпусов и армий, от тактики стрелкового отделения до системы стратегического управления на театре боевых действий...

Гитлер этих изменений не разглядел. Гитлер не уловил поразительной способности наших бойцов и командиров приспособляться к чему угодно, в том числе и к убийственным условиям Зимней войны.

Интересно: сам Гитлер считал, что в лесах возможна оборона и ведение партизанских действий, а наступление крупными войсковыми соединениями невозможно (Застольные разговоры Гитлера. 8 сентября 1941 г.). Гитлер не имел в виду Финляндию, ее леса и климат. Гитлер говорил о лесах Западной Европы: вести бои невозможно. Но когда Красная Армия продиралась через карельские чащобы целыми дивизиями, корпусами, а затем — и армиями, Гитлер не вспомнил о том, что наступать в лесах невозможно...

Для Красной Армии война в Финляндии была прививкой от зазнайства, от шапкозакидательских настроений, от недооценки противника.

Война в Финляндии многому научила Красную Армию: под Москвой в 1941-м и под Сталинградом в 1942-м германские войска встретили армию, которая умеет воевать зимой. А вот германскую армию война в Финляндии не научила ничему.

С Гитлером эта война сыграла злую шутку. Не поняв этой войны, не оценив ее трудностей, Гитлер сделал катастрофически неправильные выводы. Он вдруг почему-то решил, что Красная Армия к войне не готова, что Красная Армия ни на что не способна.

Гитлер просчитался. Он просто не знал, что в моей стране законы логики не действуют. Гитлер просто не понял, что моя страна живет логике вопреки. Если Красная Армия не дошла до Хельсинки, то из этого вообще ничего не следует. Наоборот, из этого следует, что до Берлина она способна дойти при любых условиях. При самых худших из всех теоретически возможных! И она это потом доказала.

5

Многие германские генералы осознали, что Красная Армия по результатам боев в Финляндии оценена неправильно. Осознали быстро. Уже в 1941 году. Уже в первых боях было установлено, что Красная Армия имеет лучшие в мире танки, лучшие в мире пушки и гаубицы, лучшие в мире самолеты для наступательной войны. Красная Армия имеет такие системы вооружений, которых не имеет ни одна армия мира. Было установлено, что советский солдат способен воевать. Одним словом, выяснилось, что германское командование и германская разведка жестоко просчитались.

Ошибку в тесном кругу признал и сам Гитлер. Это случилось 12 апреля 1942 года. Гитлер сказал следующее:

Вся война с Финляндией в 1940 году — равно как и вступление русских в Польшу с устаревшими танками и вооружением и одетыми не по форме солдатами — это не что иное, как грандиозная кампания дезинформации, поскольку Россия в свое время располагала вооружениями, которые делали ее наряду с Германией и Японией мировой державой (Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. С. 205).

И еще:

У себя в России они создали невероятно мощную военную промышленность... и чем больше мы узнаем о том, что происходит в России, тем больше радуемся тому, что вовремя нанесли решительный удар... Вооружение Красной Армии — наилучшее доказательство того, что... удалось добиться необычайно больших успехов... (там же. Запись от 22 июля 1942 г.).

Заговорил!

Во время боев в Финляндии: «они ни на что не способны». Теперь выяснилось — способны.

Понятно, Гитлер не мог признаться, что жестоко просчитался, что совершил роковую ошибку, потому он говорит о кампании дезинформации: Сталин, мол, обманул.

Даже если это так, даже если Сталин просто преднамеренно демонстрировал в Финляндии слабость, а Гитлер этому поверил, то и этот факт — в пользу Сталина. Две с половиной тысячи лет назад величайший теоретик войны Сунь Цзы наставлял полководцев:

Война — это путь обмана. Если твоя армия близко, покажи врагу, что далеко. Если она далеко, покажи, что близко. Если ты слаб, покажи силу. Если силен, покажи слабость.

Горе тому, кто обманулся.

Никто Гитлера в Финляндии не обманывал. Он и его генералы сами себя обманули. За что и поплатились. Но даже Гитлер понял: боевые действия в Финляндии НЕЛЬЗЯ расценивать как проявление слабости Красной Армии.

Прошли десятилетия. Миллионы умных людей в нашей стране изучали войну в Финляндии, но вновь почему-то делали вывод: бои в Финляндии — свидетельство слабости Красной Армии и ее полной неготовности.

Товарищи дорогие, так мыслил Адольф Гитлер. Он ошибся. И оказался в дураках. Вы повторяете его ошибку.

Но Гитлеру хватило ума признать ошибку. А нашим людям почему-то ума не хватает.

Соотечественники, неужто мы с вами глупее бесноватого фюрера?

ГЛАВА 17. Почему товарищ Сталин не расстрелял товарища Кудрявцева.

Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника.

Полевой устав РККА 1941 г. (ПУ-41). С. 9

1

До двадцатого века место командира батареи в бою было на огневых позициях своей батареи. Где же еще? Помните у Льва Толстого батарею капитана Тушина?

А в начале двадцатого века полевая артиллерия передовых в военном отношении государств освоила стрельбу за горизонт по целям, которые с огневых позиций видеть невозможно. Это называется стрельбой с закрытых огневых позиций. Этот способ стал основным: он давал возможность прятать артиллерийские батареи за складками местности, за строениями, за деревьями, в естественных и искусственных укрытиях или просто за линией горизонта. Живучесть батарей резко возросла, их стало трудно находить и уничтожать.

Но спрятанная батарея слепа: наводчики целей не видят. Поэтому при стрельбе с закрытых позиций место командира батареи — не на своей батарее, а там, откуда он может видеть противника. Командный пункт батареи стали выносить вперед и в сторону на много километров от огневых позиций. С командного пункта командир батареи видит цель и передает указания, куда и как стрелять.

Каждый из нас в детстве играл в морской бой — чертил сеточку с координатами и наносил удары: А-1, Б-2 и так далее. Примерно так делается и в артиллерии: одна карта у командира батареи, который противника видит, другая — у старшего офицера на батарее (это командир первого огневого взвода), который противника не видит. Командир издали подает команду, старший офицер на батарее команду дублирует, батарея приказ выполняет. Дистанционное управление, так сказать. Это в принципе. А на практике будущим офицерам-артиллеристам нужно три-четыре года учить математику, топографию, баллистику, метеорологию и другие науки, чтобы овладеть элементарными основами стрельбы с закрытых огневых позиций. Такая стрельба требует умения, навыков, точных приборов, сложных вычислений, устойчивой непрерывной связи и полноценного топографического обеспечения.

Все это долгое вступление к тому, что боевое применение артиллерии без топографических карт невозможно, как невозможно играть в морской бой без сеточки с координатами. На каждой батарее должно быть на самый крайний случай два комплекта топографических карт: у командира батареи, который видит противника, и у старшего офицера на батарее, который противника не видит. Есть способы стрельбы с закрытых огневых позиций без топографических карт, но эффективность боевого

применения артиллерии резко сокращается. В принципе можно и автомобиль без мотора использовать по прямому назначению — впряг пару коней и знай себе хворостинкой помахивай да на коней покрикивай. Артиллерия без карт — это автомобиль без мотора. По прямому назначению использовать можно, но...

Так вот: на каждой батарее желательно иметь два комплекта топографических карт. На крайний случай. А в лучшем случае карты должны быть еще и у командира взвода управления, у командира второго огневого взвода, у передовых артиллерийских наблюдателей, у вычислителей, у артиллерийских разведчиков, у старшины батареи и у командира отделения тяги. А если у командира отделения артиллерийского снабжения нет карты, то и снаряды могут не подвезти. Кому тогда нужны все ваши вычисления?

Артиллерийские подразделения и части — это сводный оркестр. Бывают сольные выступления батарей, но чаще батареи поют и играют дуэтом, трио, квартетом... Для управления огнем двух-трех батарей командир дивизиона должен иметь карту, и его заместитель, и начальник штаба, а в их подчинении — собственная батарея управления со взводом артиллерийской разведки. И всем нужны карты, как дирижеру и музыкантам ноты. А стрельбой дивизионов руководит командир артиллерийского полка. И он без карт воевать не может сам, как не могут подчиненные ему артиллерийские разведчики, корректировщики огня, вычислители...

2

Имея все это в виду, вернемся в 13 июня 1941 года. Под прикрытием Сообщения ТАСС миллионные массы советских войск устремились к западным границам. Тысячи войсковых железнодорожных эшелонов от Дальнего Востока до самого Бреста заполнили железнодорожную сеть страны, парализовав все остальное движение. Ночами дивизии, корпуса и армии тайно выгружаются в приграничных лесах. Советские командиры пока не знают, что им предстоит совершить. Каждый видит только свою роту, батарею, батальон, дивизион, полк, бригаду, дивизию, корпус, армию, но не представляет всей глубины и размаха сталинского замысла. И вот тут советских командиров настигает страшная весть: Гитлер нанес упреждающий удар, внезапно начав превентивную войну.

Типичная картина 22 июня: в белорусских лесах разгружается 22-я армия, тайно переброшенная с Урала. Как и все другие советские армии, она готовилась к вторжению. Но 22-й армии ставят неожиданную и совершенно необычную задачу: готовить оборону и контрудары на своей территории. Генерал-лейтенант Н. И. Бирюков в то время был генерал-майором и командовал 186-й стрелковой дивизией 62-го стрелкового корпуса 22-й армии. Вот его рассказ:

Единственный экземпляр карты, который мне удалось выпросить у начальника штаба 21-го механизированного корпуса, забрал у меня командир нашего корпуса генерал-майор И. П. Карманов (ВИЖ. 1962. №4. С. 82).

186-я дивизия генерала Бирюкова укомплектована почти полностью. В дивизии — 13 тысяч солдат, сержантов и офицеров, 144 орудия, 154 миномета, 558 пулеметов, 13 бронемашин, 16 плавающих танков, 99 тракторов, 558 автомобилей, 3 тысячи лошадей и... ни одного комплекта карт. Одну карту генерал Бирюков выпросил у соседей, но вышестоящий командир ее отобрал. У советских генералов отношения как в сталинском уголовном лагере. Кстати, забравший карту Карманов только что выпущен из тюрьмы, и вся уральская 22-я армия обильно укомплектована «спецконтингентом» — эсками уральских лагерей. Генерал Бирюков в данном случае проявил непростительное легкомыслие: есть одна карта, так и не показывай ее никому, даже своему командиру, а то отныкают.

Но не позавидуем и вышестоящему командиру, который карту отнял: он командует 62-м стрелковым корпусом, а это три дивизии (153-я, 174-я и 186-я), два отдельных артиллерийских полка, зенитно-артиллерийский дивизион, батальон связи и саперный батальон, авиационный отряд. Стрелковый корпус — 50 тысяч солдат и офицеров. Всего в корпусе 17 полков, из которых 8 артиллерийских. В корпусе 966 орудий и минометов.

Мы уже знаем, сколько комплектов карт надо иметь на одной батарее. Но в стрелковом корпусе не одна батарея, а 173 артиллерийские и минометные батареи (включая батареи управления). В каждом стрелковом корпусе для корректировки артиллерийского огня имеется собственная авиация. Только куда самолеты полетят без карт и как им корректировать огонь батарей?

Да и не одной же артиллерии карты нужны. Карты нужны и пехоте, и саперам, и тыловикам. Если артиллеристам дать карты, а пехоте не дать, то как организовать их взаимодействие? А штабы батальонов, полков и дивизий вообще без карт работать не могут.

186-я стрелковая дивизия и 62-й стрелковый корпус — это только примеры. В 21-м механизированном корпусе — та же картина. Корпусом командовал генерал-майор Д. Д. Лелюшенко — человек широкой души. Взаимная выручка в бою — главный принцип войскового товарищества. В ходе войны генерал Лелюшенко был одним из самых ревностных приверженцев этого принципа. Он завершил войну генерал-полковником, командующим 4-й гвардейской танковой армией. На всех постах, во всех ситуациях Лелюшенко поддерживал своих соседей огнем, смелой атакой, стремительным маневром. И если в начале войны генерал Бирюков вынужден выпрашивать у генерала Лелюшенко карты и получает один лист, то, видно, у Дмитрия Даниловича Лелюшенко в 21-м мехкорпусе карты — не в изобилии.

Но речь не о дивизиях, не о корпусах и даже не об армиях: Второй стратегический эшелон в составе семи армий и многих отдельных корпусов оказался без карт. В Первом стратегическом эшелоне (пятнадцать армий вторжения и десятки отдельных корпусов и дивизий) карт тоже нет. Позади них идет развертывание третьего, а потом и четвертого эшелонов, но управлять ими невозможно: там тоже нет карт.

Вот пример, ярко характеризующий положение дел в Первом стратегическом эшелоне советских войск. Свидетель — генерал-майор Д. И. Осадчий. В то время он был старшим лейтенантом, командиром танковой роты в 3-м танковом полку 2-й танковой дивизии 3-го механизированного корпуса 11-й армии Северо-Западного фронта. Это в Литве. Перед войной дивизию подняли по боевой тревоге и выдвинули в приграничные леса. Танки КВ-2 загрузили бетонобойными снарядами. Логично: впереди Восточная Пруссия, на ее территории — сотни мощных железобетонных оборонительных сооружений. Чтобы взломать такую оборону, нужны именно бетонобойные снаряды. Но война началась не так, как планировали: железобетонных укрепленных полос прорывать не пришлось, бетонобойные снаряды не потребовались, пришлось защищать свою страну, воевать на своей территории. И тут возникла проблема: у командиров нет топографических карт. Статья генерала Осадчего совсем короткая, но на отсутствие карт генерал указывает несколько раз (ВИЖ. 1988. №6. С. 52-54).

Из документов того времени следует, что не только во 2-й танковой дивизии не было карт, но и во всех других танковых дивизиях. 5 августа 1941 года помощник командующего бронетанковыми войсками Красной Армии генерал-майор танковых войск В. Т. Вольский направил заместителю Наркома обороны генерал-лейтенанту танковых войск Я. Н. Федоренко доклад об использовании советских танковых войск в первые дни войны. Среди выводов есть следующий:

Командный состав карт не имел, что приводило к тому, что не только отдельные танки, но и целые подразделения блуждали (ЦАМО. Фонд 38. Опись 11360. Дело 2. С. 13).

А вот свидетель высокого ранга — Ф. И. Голиков. Перед войной — начальник Разведывательного управления Генерального штаба, в конце войны — заместитель Наркома обороны (то есть заместитель Сталина), после войны — Маршал Советского Союза. В ноябре 1941 года Голиков был генерал-лейтенантом, командовал 10-й армией. Кадровая Красная Армия уже погибла. У самой Москвы противника сдерживают остатки Третьего стратегического эшелона Красной Армии, а Сталин тайно сформировал десять армий из необученных резервистов и готовит контрнаступление. Но проблема остается:

Имелось лишь два экземпляра карты. Один находился у меня, другой — у начальника штаба армии (ВИЖ. 1966. №5. С. 74).

10-я армия Голикова в ноябре 1941 года имела более 100 тысяч солдат. Два листа карты на сто тысяч солдат... Пропорция как в 62-м стрелковом корпусе 22-й армии: один лист на пятьдесят тысяч бойцов и командиров. Не густо у товарища Сталина с картами.

Из свидетельства маршала следует, что в оперативном отделе штаба 10-й армии (отдел занимается планированием боевых действий) карт нет. Ни одной. В разведывательном отделе штаба 10-й армии карт нет. У командующего артиллерией армии — карт нет. У начальника тыла — нет. А

ведь это не штаб дивизии и не штаб корпуса. Это штаб армии. Поди повоюй, если начальнику оперативного отдела план операции рисовать не на карте, а на листочке. Это примерно то же самое, что хирургу делать операцию не хирургическим инструментом, а вилкой и столовым ножом.

Но, допустим, план кое-как изобразили на листочке. Как его довести до нижестоящих командиров? На пальцах ситуацию объяснить? У нижестоящих генералов и их штабов карт и вовсе нет. А как артиллерии стрелять? В 10-й армии, как в любой другой, артиллерийских и минометных батарей — сотни. Как управлять их огнем? Никак. Невозможно. Как снабжать дивизии, если тыловикам расположение дивизий на карте показать нельзя? Как организовать взаимодействие с авиацией? Как организовать разведку? Получили сведения от партизан о положении противника — что с этими сведениями делать? На листочек записать?

В моем архиве свидетельств о дикой нехватке карт собралось более трехсот. Свидетели — офицеры, генералы, маршалы. Думаю, четырех примеров достаточно. А если нет, могу продолжать. Если угодно, могу целую книгу написать о том, что топографических карт НЕ БЫЛО.

3

Отсутствие карт в подразделениях, частях, соединениях и объединениях Красной Армии имело катастрофические последствия. Управление войсками без карт невозможно. Как вы ни вооружайте дивизию, каких грамотных командиров над нею ни ставьте, какими храбрыми и опытными солдатами ее ни комплекуйте, дивизия — стадо неуправляемое, если нет карт. Дивизия такая ляжет бесславно и откроет путь противнику в тыл других таких же мощных, крепких, но неуправляемых и потому бесполезных дивизий.

Советская полевая артиллерия имела лучшие в мире артиллерийские орудия, а по количеству артиллерии Красная Армия превосходила все армии мира, вместе взятые. Но из-за отсутствия карт использовать эту мощь в первые месяцы войны было невозможно.

Неуправляемая и артиллерией не поддержанная пехота отходила (то есть бежала), оголяя фронт. Оголив фронт, пехота отдала противнику и командные пункты, и стратегические запасы, и приграничные аэродромы, и артиллерию, которая без пехотного прикрытия беззащитна.

Танки без карт блуждали...

И это — конец кадровой армии, а без нее государство потеряло большую и лучшую часть военной промышленности. И получилось: у Гитлера — и кадровая армия, и резервисты, и военная промышленность, а у Сталина — ни кадровой армии, ни военной промышленности, одни резервисты, которых еще надо собрать, обучить и вооружить, да остатки эвакуированных военных заводов, которые нужно развернуть и запустить в работу на Урале и в Сибири.

Вот тут и надо искать ответ на вопрос, почему Красная Армия сумела дойти всего лишь до Одера, Дуная и Эльбы: катастрофическое начало войны означало и катастрофический (для Сталина) ее

конец. Понятно, силищи у сталинских резервистов было столько, что они переломали хребет германской кадровой армии и германским резервистам, которых снабжала промышленность всей Европы. Но Сталину почти ничего не удалось захватить в Западной Европе.

Удивительно, но ни один из кремлевских историков не обратил нашего внимания на отсутствие карт как на причину поражения Советского Союза во Второй мировой войне. Официальная историческая наука обошла вниманием столь интересные сведения. И если бы кто-то из кремлевских историков вспомнил о картах, то непременно, — я уверен в этом, — использовал бы факт отсутствия карт в качестве доказательства «неготовности» Сталина к войне.

А мы не будем спешить с выводами. Прежде всего, выясним имена тех, кто в Красной Армии отвечал за топографическое обеспечение войск и штабов. Найдем виновных. И только после этого вынесем приговор.

4

Виновных легко найти и назвать по именам.

На каждом листе советской топографической карты — надпись: «Генеральный штаб Красной Армии». Это указана та организация, которая отвечает за подготовку планов войны и обеспечение войск планами, а также картами, на которых эти планы изображены. В 1941 году в составе Генерального штаба было восемь управлений. Одно из них называлось Топографическим и ведало всеми вопросами топографического обеспечения войск. На 22 июня 1941 года Топографическое управление Генерального штаба возглавлял генерал-майор М. К. Кудрявцев. Он подчинялся непосредственно начальнику Генерального штаба генералу армии Г. К. Жукову.

Вот они — два главных виновника.

Правильно было бы расстрелять генерала Кудрявцева за отсутствие карт, а генерала Жукова — за то, что не направлял работу Кудрявцева должным образом.

Расстрелял ли их Сталин? Повесил ли?

Нет, не расстрелял и не повесил.

Тут сразу возникает подозрение: может, товарищ Сталин был мягок характером, прощал ошибки и промахи?

Сталин действительно был мягок характером, но не очень и не всегда: предшественника Жукова на посту начальника Генерального штаба, генерала армии (и будущего Маршала Советского Союза) К. А. Мерецкова в эти самые дни следователи НКГБ поили мочой, зажимали ему половые органы дверью и рвали плетью куски мяса со спины и других мест.

А как с Жуковым поступил товарищ Сталин? Жукова товарищ Сталин вскоре назначил своим заместителем, навешал на него орденов больше, чем на кого-либо другого, доверил ему принимать Парад Победы вместо себя и никогда не упрекнул за отсутствие топографических карт.

Ну а тот, второй? Да-да, главный топограф — как с ним обошлись?

Не беспокойтесь — и его не обидели. Он закончил войну генерал-лейтенантом. На его груди десять боевых орденов и множество медалей. Он принял топографическую службу Генерального штаба в 1938 году, когда ему было 36 лет, и оставался на этом посту 30 (тридцать!) лет при Сталине, при Маленкове, при Хрущёве, при Брежневле. Менялись начальники Генерального штаба, наркомы и министры, менялись генеральные секретари, а Кудрявцев оставался. И десятилетиями в советской топографической службе было нормой вступить в ее ряды зелененьким курсантом военного училища при Кудрявцеве и завершить службу седым полковником или генералом при том же Кудрявцеве.

30 лет на должности главного армейского топографа — это рекорд. Это действительно рекорд. Выяснял у британских, французских, американских и германских военных историков: никто на подобной должности ни в одной армии мира 30 лет не держался. Во всей мировой истории. Кудрявцев ушел с почетом и дожил до 82 лет. Ему не угрожали тюрьмы и лагеря. Его уважали все. Вот бывший начальник ГРУ и начальник Генштаба генерал армии С. М. Штеменко свидетельствует:

Топографическую службу Генштаба возглавлял блестящий знаток этого дела генерал М. К. Кудрявцев (Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968. С. 128).

А вот еще похвала генералу Кудрявцеву и возглавляемой им топографической службе:

Оказалось, что в Советской России было создано картографическое производство, которое по своему размаху, организации, объему и качеству работ превосходит все то, что до сего времени было где-либо осуществлено.

Похвала тем более ценна, что исходит от противника, причем в ходе войны, которую противник еще надеется выиграть. Это цитата из германского журнала «Petermanns geographischen Mitteilungen» (1943, Heft 9/10).

Это не просто один противник признает превосходство другого. Тут все серьезнее. Тут высшая раса признает превосходство над собою тупых и ленивых русских, которые вообще людьми не являются. Такую оценку надо заслужить.

После выхода «Ледокола» на немецком языке я получил много писем от бывших германских солдат и офицеров. Разбирать их мне до конца жизни. И нет ни одного письма о неготовности Красной Армии к войне. Все письма — о готовности. Пишут обо всем; встречаются и упоминания о советских топографических картах. Чаще всего — о задержании накануне войны советских артиллерийских разведчиков, умышленно или по ошибке попавших на германскую территорию, и об изъятии у них топографических карт высокого качества. А еще — письма о захваченных в приграничной полосе в первые дни войны советских топографических складах. Например, об огромном хранилище в Тирасполе, где хранились карты удивительного качества, в том числе и

карты Галацкого прохода, о залитом бензином и сожженном подвале на окраине литовского города Шяуляя. Подвал был забит картами, от которых остались только обгоревшие уголки.

Старый солдат пишет, что весь его взвод был потрясен качеством бумаги и четкостью рисунка: «Лучше, чем на немецких деньгах».

5

Нам осталось самое простое — связать факты. С одной стороны — лучшая в мире топографическая служба, с другой — отсутствие карт. С одной стороны — блистательная карьера главного советского топографа, с другой — жуткая нехватка карт, когда советский генерал запрашивает карту у командира соседнего соединения, а вышестоящий генерал эту карту отнимает. Как это все понимать?

Может, кто-нибудь найдет другое объяснение, но мне кажется, что есть только одно удовлетворительное: Советский Союз готовил агрессию.

Подготовка началась еще с двадцатых годов. Готовились к войне и советские военные топографы. Топографическая служба наготовила карты в огромных количествах. Но все они были сосредоточены в приграничных районах СССР, и там их пришлось уничтожать при отходе. Факт истребления сотен и тысяч тонн топографических карт подтвержден многими германскими источниками.

И советские источники говорят о том же: карты были вывезены в приграничные районы страны и там потеряны или преднамеренно уничтожены при вынужденном отходе.

Генерал-лейтенант А. И. Лосев объяснил причины нехватки топографических карт так:

Склады топографических карт, неоправданно расположенные вплотную к границе, были либо захвачены противником, либо уничтожены противником во время первых бомбежек. В итоге войска лишились 100 млн. карт (ВИЖ. 1992. № 10. С. 82).

Итак, карты были заготовлены, но все погибли на границе в первые дни войны.

В пяти приграничных округах Советского Союза на 21 июня находились пятнадцать армий Первого стратегического эшелона, прибывали и разгружались еще семь армий Второго стратегического эшелона, кроме того, формировались три армии Третьего стратегического эшелона. После внезапного советского удара и объявления «Дня М» количество армий в западных районах СССР планировалось увеличить до пятидесяти. Так вот, на каждую из существующих и даже планируемых к развертыванию армий на границах уже было заготовлено по два миллиона карт.

А воевать пришлось, имея в каждой армии не по два миллиона карт, а иногда по две карты, как в 10-й армии генерал-лейтенанта Голикова.

Разница — в миллион раз.

Это, однако, современная заниженная оценка. А чуть раньше потери топографических карт оценивались выше. Сам главный военный топограф генерал-лейтенант Кудрявцев свидетельствует,

что в первые дни войны только в Прибалтийском, Западном и Киевском округах советскими войсками было уничтожено около двухсот вагонов топографических карт (ВИЖ. 1970. № 12. С. 22).

В 1941 году грузоподъемность самого малого железнодорожного товарного вагона в Советском Союзе составляла 20 тонн. Если предположить, что использовались только малые вагоны, то и тогда получим четыре тысячи тонн уничтоженных карт.

Генерал-лейтенант Кудрявцев дает еще один ключ к оценке количества истребленных карт: в среднем в каждом вагоне было по 1 033 000 экземпляров. Двести вагонов — это двести миллионов карт.

Сейчас генерал-лейтенант Лосев сообщает: потеряно сто миллионов во всех приграничных округах. А много лет назад генерал-лейтенант Кудрявцев, непосредственно за эти карты отвечавший, давал другую цифру: только в трех округах было потеряно двести миллионов карт.

Но не будем мелочными. Не будем спорить, кто прав: нет никакой разницы, примем ли мы одну точку зрения или другую, — в любом случае речь идет о чудовищных количествах, о количествах астрономических, которые невозможно представить. Никто никогда столько карт не терял. Укажите мне другую страну, которая потеряла хотя бы десять миллионов карт. В три дня. Так вот: я другой такой страны не знаю... Кто знает, укажите.

И если Красная Армия теряла карты в таких количествах, если сами начальники Военно-топографической службы между собой расходятся в оценке потерь, если разница в оценках — сто миллионов, а то и больше, то давайте же согласимся: карт заготовили много. Столько заготовили, сколько никто никогда не готовил. Давайте же согласимся, что кое-что и у нас к войне готовили...

6

Итак, проблема описана с разных точек: германскими военными экспертами-топографами во время войны, бывшими германскими солдатами через много десятилетий после войны, советским генералом, который лично руководил топографической службой во время войны, и другим советским генералом через полвека после случившегося.

Результат один: нигде в мире не было ничего подобного ни по организации, ни по объему, ни по размаху, ни по качеству. Советский Союз имел лучшую в мире топографическую службу, которая заготовила просто невероятное количество карт для грядущей войны. Генерал Кудрявцев и все подчиненные ему топографы готовились к войне так, как никто в мире не готовился, они запасли столько карт, сколько никому даже и не вообразить.

За это у Сталина не могло быть претензий к генералу Кудрявцеву, и расстреливать за предвоенную работу его нельзя. Награждать надо.

Но возникает вопрос: зачем же вывезли карты в приграничные районы?

За то, что заготовил столько карт, расстреливать генерала нельзя, но за то, что вывез их к

границам, — расстрелять! Велика ли разница: ничего не делал перед войной и карт не заготовил, или карты заготовил, но разместил там, где они сразу все погибли? Результат один: карт нет, и потому разгром следует за разгромом, потому войска гибнут миллионами, потому город за городом сдаем, потому территорию отдаем миллионами квадратных километров и население — десятками миллионов.

Отчего же Кудрявцева не пожурили за столь неразумное размещение карт?

Ужасно люблю наших генералов и некоторых военных историков. Это удивительные люди. Самые сложные проблемы могут объяснить просто, понятно, доходчиво: «*неоправданно разместили*». И все. И снята проблема. И дискуссия не разгорается.

А я зову своего читателя представить ситуацию, вообразить, как такое могло случиться. Итак, приходит перед самым германским нападением генерал-майор Кудрявцев к своему непосредственному начальнику генералу армии Г. К. Жукову:

— Георгий Константиныч, я решил все наши запасы карт прямо на германскую границу двинуть!

— Ух ты! Здорово. А зачем, Марк Карпыч?

— Да просто так, Георгий Константиныч, ударило в голову.

— И никакой причины не придумал?

— Затрудняюсь, Георгий Константиныч, днями думаю, ночами думаю, никак причину придумать не могу. Просто решил их все туда отправить и там держать. Без всякой надобности. Без причины. Все двести миллионов. Немец ударит, все карты разом и попадут к нему в лапы. Правильно?

— Правильно, Марк Карпыч.

— Ну, так я приказ отдаю, Георгий Константиныч?

— Валяй, Марк Карпыч. Вывози все наши запасы карт прямо на самую границу. В непосредственную близость!

Смешно?

Но не я придумал такую ситуацию. Этот мною выдуманный диалог прямо следует из официальной версии нашего родного Генерального штаба: вот просто так взяли и просто так неоправданно все карты на границу вывезли.

Без причины.

Большие начальники в Министерстве обороны, в Генеральном штабе, в высоких научных учреждениях сами полвека дурачками прикидываются и нам предлагают поверить в то, что генерал Кудрявцев был полным идиотом. Глава самой лучшей военно-топографической службы мира, лучший военный топограф в мировой истории, награды вешать некуда, на груди не умещаются, — и вдруг с бухты-барахты взял и все результаты многолетних трудов загубил, все запасы карт прямо к германским границам задвинул. И даже причину забыл придумать, зачем это нужно.

Хорошо, поверим официальным историкам: Кудрявцев — идиот. Но они предлагают нам поверить

в то, что и Жуков был полным идиотом. Именно начальник Генштаба Жуков отвечал за все карты. Без его разрешения ни одной тысячи тонн карт, ни одного эшелона, ни одного вагона с картами на границу не двинешь.

Нужна подпись Жукова. Или, в крайнем случае, — устное распоряжение.

Но Кудрявцев все карты Красной Армии на границу отправил, а Жукову и дела нет. Жуков понятия не имеет, чем занимаются непосредственно ему подчиненные генералы. Ладно, поверим и в это.

Кремлевские историки нам предлагают поверить в то, что Жуков был мягкотелым, слабохарактерным человеком. Все карты на границе погибли, из-за отсутствия карт армия гибнет и отдает противнику полстраны, а Жуков Кудрявцева за это не то что не расстрелял, но даже и выговора не объявил, и даже в своих мемуарах плохим словом не помянул.

Ладно, поверим: Жуков был слабохарактерным. Официальные историки нам предлагают поверить в то, что и товарищ Сталин был добрым, мягким человеком. Из-за отсутствия карт в 1941-м году гибнет страна, мировой коммунизм и великое дело Мировой революции, гибнет сталинский режим, решается судьба самого Сталина, а у Сталина ни к Кудрявцеву, ни к Жукову претензий нет.

А ведь командиры полков, бригад, дивизий, корпусов, командующие армиями и фронтами требуют, кричат, настаивают, вопят: товарищ Сталин, дайте карты! Без карт воевать невозможно!

А товарищ Сталин Кудрявцева не расстреливает и Жукова не трогает. И товарищ Берия не спешит. А товарищ Сталин на Кудрявцева и на Жукова знает себе ордена вешает. И все это у нас просто объяснено: ошибка, просчет. Не подумали. Неоправданно разместили.

Интересно, что сам Жуков в «самой правдивой книге о войне» описал массу всякой чепухи, привел тысячи имен, дат, фактов, которые можно было смело опускать: они никому не интересны, к делу отношения не имеют. Но вот вопрос о топографических картах, за которые Жуков отвечал лично, он обошел лихим кавалерийским маневром. В представлениях к награждению полководческими орденами это формулируют так: смело и решительно обошел очаг сопротивления, не ввязываясь в затяжные бои.

И ни один официальный историк не осмелился при жизни Жукова задать ему неудобный вопрос о топографических картах. Но и после смерти Жукова вопрос не поднят. Сколько благородной ярости доктора и кандидаты наук обрушили на меня и на мой

«Ледокол», а вам бы, товарищи, эту ярость вложить в вопросы к великому полководцу. Не я, а он десятки миллионов людей пере-мял-перемолол просто из-за того, что не было карт, просто из-за того, что топографические склады «неоправданно расположили в непосредственной близости»...

Никто Жукову не досаждал, никто ему вопросов неудобных не задавал. А Жуков, естественно, на них не отвечал. И потому позор сорок первого года Жукова как бы не коснулся: он велик, он мудр и

могуч. Он Москву отстоял. И Ленинград. О Георгии Константиновиче Жукове никто плохо не подумает: он чист.

Но позор разгрома не смыт. И если этот позор не пал персонально на чью-то голову, то пасть ему куда-то было надо. И он пал на все наши головы. И гуляет по миру мнение: ах, как глупы эти русские! Ни на что они не способны. И воевать неспособны.

И пусть не обольщаются украинцы, казахи, евреи или татары: когда иностранец говорит о глупых русских, он всех остальных тоже в виду имеет, позор пал не только на русские головы, но и на головы всех народов бывшего Союза.

Все подвиги нашего народа заслонены тысячами позорнейших фактов начала войны, которым нет объяснения, кроме нашей всеобщей фантастической тупости и глупости. Над нами смеется мир. Над всеми нами.

Но не все мы отвечали за расположение топографических складов (аэродромов, командных пунктов, запасов жидкого топлива, сотен тысяч тонн боеприпасов и прочего, и прочего, и прочего). Отвечал за все это Генеральный штаб, и персонально — его начальник генерал армии Г. К. Жуков.

Потому предлагаю: либо давайте Жукова Георгия Константиновича публично назовем идиотом, сбросим с постаментов его изваяния и расшибем их в куски, либо давайте вместе искать причину, ради которой хранилища карт (а также штабы, узлы связи, горы кожаных сапог, эвакуационные госпитали и все прочее) оказались в «непосредственной близости» — там, где были потеряны при первом соприкосновении с противником.

Одно из двух: найдем объяснения непонятных действий Жукова, Кудрявцева, Сталина, Ватутина, Василевского, Берии и других) или не найдем, но в любом случае пора позор разгрома 1941-го года снимать с головы нашего народа. И если все упирается в глупость, то пора позор возложить на какую-то глупую голову персонально.

Не можем мы позволить кремлевской пропаганде чей-то персональный просчет (или преступный замысел) перекладывать на наш народ, на всех нас и наших потомков.

Если мы не разберемся, кто именно виновен в позоре и ужасе 1941-го года, то так всем нам и ходить в дураках, и детям нашим, и их внукам.

ГЛАВА 18. С русско-немецким разговорником и картой Восточной Пруссии — по Смоленской области.

На Германию коммунисты обращают главное свое внимание.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Манифест коммунистической партии

1

Мне возражают:

Если бы такой план [план нападения СССР на фашистскую Германию — прим. ред.] существовал, то никакая секретность не помогла бы. В плен к немцам попадали высокопоставленные командиры Красной Армии, множество штабов самого высокого уровня... Даже из анализа перехваченных пакетов, если бы они составляли единый замысел вторжения, этот план было бы легко восстановить (Владимир Юровицкий. Российское время. 1993. № 1. С. 10).

Отвечаю. Единый замысел советского вторжения существовал, и германской разведкой был в общих чертах вскрыт. Утром 22 июня 1941 года германский посол фон дер Шуленбург товарищу Молотову этот план довольно точно обрисовал. Еще и бумагу вручил. На память. Этот вскрытый германской разведкой советский замысел вторжения, собственно, и явился причиной и поводом германского вторжения как предупредительной акции самозащиты от неизбежного и скорого советского нападения.

Заявление германского правительства о необоснованной концентрации советских войск на границах Германии и Румынии было немедленно подкреплено фактами. Владимир Юровицкий их сам и признает:

В плен к немцам попали высокопоставленные командиры Красной Армии, множество штабов самого высокого уровня... (там же).

В плен они попали потому, что к обороне не готовились. Что же в этом случае «штабы самого высокого уровня» делали на германской и румынской границах?

В первые же дни войны германские войска захватили советские планы во множестве и неоднократно демонстрировали их всему миру. Владимиру Юровицкому рекомендую просмотреть еще раз германские военные журналы того времени. Например, «Сигнал».

Советские командиры на допросах тоже давали интересные показания. Об этом — целые залежи информации. Практически неиссякаемые. И совсем не надо обращаться к протоколам допросов тех генералов, которые пытались воевать против коммунизма в составе Русской освободительной армии и других формированиях. Те, кто предпочел смерть и лагерь, говорили то же самое. Рекомендую читать протоколы допросов командующих 5-й армией генерал-майора М. И. Потапова, 6-й армией генерал-лейтенанта Н. И. Музыченко, 12-й армией генерал-майора П. Г. Понеделина, 19-й армией

генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина, 32-й армией генерал-майора С. В. Вишневого. О том же говорили пленные командиры корпусов, дивизий, бригад, полков и батальонов, их заместители и начальники штабов.

Наш разговор о топографии мы начали с того, что заметили: командиру артиллерийской батареи трудно без карты в бою. Чтобы это положение подкрепить примером, было бы неплохо послушать мнение артиллериста, и именно командира батареи. В немецком плену их оказалось сразу много тысяч. Вот один из них. Он командовал 5-й батареей 14-го гаубичного артиллерийского полка 14-й танковой дивизии 7-го механизированного корпуса. Судьба этого офицера по-своему показательна. Он не выбирал военную стезю. Он хотел быть человеком сугубо мирным: инженером-механиком железнодорожного транспорта. И он им стал. Но у него был властный отец, который настоял на том, чтобы молодой инженер стал офицером, чтобы поступил в Артиллерийскую академию, и не просто так поступил, а поступил так, чтобы окончить ее в мае 1941 года.

И молодой инженер, выполняя волю отца, стал офицером и окончил Артиллерийскую академию. В мае 1941 года. 5 мая в Кремле состоялся торжественный прием в честь выпускников военных академий. На этом приеме отец произнес речь, которая хранится в Президентском архиве как исключительно важная государственная тайна. А сын — старший лейтенант Яков Иосифович Джугашвили — сидел в зале и слушал речь отца.

О чем говорил отец, какие произносил тосты, мы теперь в общих чертах знаем.

Сын после выпуска попал в Московский военный округ, в 7-й механизированный корпус генерал-майора В. И. Виноградова (14-я и 18-я танковые, 1-я Московская пролетарская мотострелковая дивизии). Маршал Советского Союза А. И. Еременко в самом начале войны встретил этот корпус в Белоруссии. Маршал свидетельствует: «Корпус укомплектован» (На западном направлении. М.: Воениздат, 1959. С. 29).

Удивительно, но 7-й мехкорпус Московского военного округа оказался в Западной Белоруссии уже 25 июня. Каждый, кто хоть раз видел погрузку одного танкового батальона в железнодорожный эшелон или его разгрузку, меня поддержит: мехкорпус, в котором 1031 танк, 358 орудий и минометов, 266 бронеавтомобилей, 352 трактора, 5 165 автомашин и 36080 солдат, сержантов, офицеров и генералов, перебросить за три дня из Московского в Западный особый округ невозможно. Невозможно даже в нормальной обстановке.

А обстановка после сообщения ТАСС от 13 июня 1941 года была, мягко говоря, ненормальной: не один 7-й мехкорпус тайно перебрасывался к границе, но десятки корпусов.

Из того же Московского военного округа в тот же Западный особый был переброшен и 21-й механизированный корпус генерал-майора Д. Д. Лелюшенко. Это тот самый командир, у которого генерал из 22-й армии (туда же тайно переброшенной с Урала) карту выпрашивает.

Так вот: 7-й мехкорпус начал погрузку до 22 июня. До германского нападения. Зачем? Это нам

должны объяснить серьезные истории.

Попав в Белоруссию, 7-й мехкорпус погиб вместе с 5-м мехкорпусом (тайно переброшенным из Забайкалья), вместе с 21-м мехкорпусом и всеми прочими — их там много было. Вместе с 22-й армией. Вместе с 3-й, 4-й, 10-й, 13-й армиями. А командир 5-й гаубичной артиллерийской батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка 14-й танковой дивизии 7-го мехкорпуса старший лейтенант Джугашвили Яков Иосифович попал в плен и на допросе показал:

Карты подвели Красную Армию, так как война, вопреки ожиданиям, разыгралась восточнее государственной границы.

Показания сына Сталина опубликованы германским историком И. Хоффманом в российском журнале «Отечественная история» (1993. №4. С. 26).

Это я к тому, что материалы о намерениях и замыслах советского командования есть. В изобилии. При желании любой может в германских архивах найти штабеля разоблачительных материалов и документов, свидетельствующих о подготовке Красной Армии к «освобождению» Европы летом 1941 года.

К слову сказать, самое интересное хранится вовсе не в Германии, а под Москвой, в городе Подольске. Но по какой-то странной причине ни товарищ Сталин, ни товарищ Хрущёв, ни Брежнев, ни Андропов, ни Горбачев с Ельциным не горели желанием пустить историков к германским архивам.

Казалось бы: взяли Берлин, архивы высшего германского командования — наш военный трофей, ну так и давайте эти документы публиковать! Всего, понятно, не опубликуешь, но за 50-60-70 лет, выпуская в год по сто томов, кое-что можно было продемонстрировать миру.

Так нет же — не публикуют ничего. И любителей к этим фондам не подпускают. Так просто туда не пробраться. Мне лично это не удалось. А те высокие начальники, которые доступ имеют, проявляют необъяснимое равнодушие.

Но вот что интересно. После войны германские генералы писали мемуары и исследования о войне. В основном они полагались на свою память и на те жалкие остатки архивов, которые Сталин не успел захватить и вывезти. Наши же генералы и маршалы имели все возможности германскими архивами воспользоваться: им не надо было даже и в Подольск ездить — подними трубочку, и тебе доставят папочки на Старую площадь, на Фрунзенскую набережную, на Гоголевский бульвар.

Так нет же — наши руководители, имеющие звания маршалов, генералов армии и генерал-полковников, должности советников Президента, министра обороны, начальника Генерального штаба и их заместителей, охотно цитировали мемуары германских генералов, а архивы игнорировали.

Почему? Что прячем?

Может, публикация трофейных германских военных документов представляет угрозу нашей исторической науке, нашей версии войны, устоям режима?

Я не цитирую документы из германских архивов потому, что самое интересное мне недоступно. А

то, что сохранилось после войны в Германии, не цитирую потому, что тот же Владимир Юровицкий из журнала «Российское время» меня первым и обличит в «повторении вымыслов геббельсовской пропаганды». Потому я и буду опираться на наши официальные издания — на Жукова, Конева, Рокоссовского.

2

В вопросе о топографических картах многое прояснится, если вспомнить, что карта — это особый стратегический продукт.

Война прожорлива. Война требует нефти и стали, золота и хлопка, костылей и протезов, бинтов и хлеба, крови и мяса, марганца и олова, вольфрама и меди. И не напасешься: то алюминия не хватает, то пуговиц для солдатских штанов, то броневого листа. Но есть один стратегический продукт, который запастись перед войной труднее всего. Этот продукт — топографические карты.

Трудность вот в чем: лес ударными темпами вырубает, болота осушают, реки плотинами перегораживают, поворачивают их с севера на юг, эски каналы роют, бравые саперы рвут динамитом колокольни, в непролазных лесах появляются «барачные городки для лесорубов».

Одним словом, местность меняется на глазах, и прошлогодняя карта уже не дает правдивой картины. Это с кожаными сапогами для освободительного похода нет проблем: уложил на склад — и пусть лежат, пусть ждут своего часа хоть пять лет, хоть десять. А топографическая карта — из разряда скоропортящихся продуктов. Это на географической карте менять почти ничего не надо, а на топографическую наносится каждый ручеек и овраг с указанием ширины и глубины, каждый мостик с указанием грузоподъемности и материала, из которого он сделан, каждая рошица с указанием средней высоты деревьев, толщины стволов и расстояния между деревьями, каждая деревня, а то и каждый дом.

Потому надо постоянно следить за изменениями, вносить поправки и перепечатывать топографические карты. Хорошо, если у вас страна крошечная — два-три миллиона квадратных километров. Тогда проблем нет. Тогда обновляйте карты хоть каждый год. А если у вас самая большая территория в мире, тогда как? А если официально провозглашенная цель существования вашего государства — распространить его территорию на весь мир и ВСЕ страны мира до самой последней превратить в советские республики и включить их в состав СССР? Как тогда топографической службе работать? Какие карты печатать? Какие исправлять и перепечатывать?

Но главная трудность даже не в этом. Топографическая карта — это стратегический продукт, который отличается от всех других абсолютным отсутствием универсальности. Патроны и костыли, сталь и свинец, сухари и палатки используйте хоть под Москвой, хоть под Сталинградом, хоть под Кёнигсбергом или Берлином, а вот самая лучшая, самая точная карта Берлина при обороне Сталинграда не очень нужна, и наоборот — вы наготовили карты Сталинградской области, но их

нельзя использовать для подготовки захвата румынских нефтяных районов: тут требуются карты Галацкого прохода.

Почти любой другой стратегический материал универсален: наготовил десять тысяч тонн бинтов и используй их хоть в наступательной войне, хоть в оборонительной, хоть в войне против Германии, хоть против Японии. А с топографическими картами проблема: одни карты всегда в избытке, другие — в недостатке.

Проблема начальника Генерального штаба в том, чтобы задолго до войны точно определить районы, карты которых потребуются на войне. Начальник Генерального штаба обязан так поставить задачу топографам, чтобы не расплывать усилий топографических войск на съемку и пересъемку районов, которые не будут задеты войной, а на районы грядущих боевых действий карты должны быть подготовлены с надлежащим качеством и в соответствующих количествах.

Считалось, что война с Германией неизбежна.

Но не на советской территории.

В соответствии с этим и работали советские топографы.

3

Проникнуть в тайны топографической службы — мечта разведки противника.

Поясняю на примере. Представим себе, что разведки западных стран весной 1968 года установили, что советские картографические фабрики начали массовый выпуск карт Чехословакии. На этих картах не нанесены еще планы освободительного похода, еще не обозначены аэродромы высадки, маршруты движения войск и объекты захвата, но факт массового производства карт этой страны интересен сам по себе, здесь есть над чем подумать.

Или, допустим, в 1979 году иностранные разведки узнали, что в Советском Союзе срочно обновлены карты Афганистана и картографические фабрики начали их массовое производство. Интересно? Интересно. Из таких фактов можно сделать определенные выводы. А вот карты Аляски, например, в Москве пока массовым тиражом не печатают. Из этого тоже можно сделать выводы.

Советская военная разведка всегда проявляла особый интерес к топографическим службам противника. Например, в начале 1943 года советская военная разведка добыла сведения о том, что германские картографические фабрики печатают сотни тысяч листов карт Орловской, Белгородской, Курской областей. Из этого были сделаны определенные выводы.

В самом начале 1941 года советская военная разведка доложила командованию: японская топографическая служба получила приказ готовить детальный рельефный макет Филиппинских островов. Что бы это могло означать? А карт советских дальневосточных областей японская топографическая служба пока в больших количествах не печатает.

В настоящее время есть достаточно сведений о том, чем занимались советские топографы перед

войной.

И есть над чем подумать.

4

Свидетельствует бывший начальник Генерального штаба генерал армии С. М. Штеменко:

А надо заметить, что до войны карты, нужные войскам, на значительную часть территории нашего государства не составлялись (Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968. С. 128).

Исключением, говорит Штеменко, была узкая полоса от западной границы СССР до городов Петрозаводск, Витебск, Киев, Одесса.

Присмотримся: вот граница, а вот рядышком Одесса. Это потом границу на запад отодвинули, а до 1940 года Одесса была городом приграничным. Между одесскими окраинами и границей — узкая полоса территории. Вот на этой полосе и работали топографы. А на все территории, которые восточнее (а восточнее — вся страна), топографические карты не составлялись. За ненадобностью. На нашей земле война не предполагалась.

Когда напал Гитлер, топографические карты внутренних районов Советского Союза было невозможно напечатать, как невозможно напечатать книгу, которая еще не написана.

Если наши территории до войны лежали вне интересов военных топографов, то что же их в этом случае интересовало?

Легко догадаться: их интересовали территории заграничные. Военные топографы не просто составляли карты сопредельных территорий, но и печатали их в нужных количествах при самом высоком качестве. И не лежали те карты зря на складах, но использовались войсками и штабами для боевой подготовки и для планирования грядущей войны.

Генерал-полковник Л. М. Сандалов сообщает, что в Белорусском округе для тренировок командного состава использовались карты Польши, и весь командный состав знал польскую территорию до самых мелких деревень.

В 1939 году Красная Армия «освободила» территории с населением более 20 миллионов человек. Сандалов описывает полевую поездку советских штабных командиров по «освобожденной» земле. Они никогда тут раньше не были, но за много лет на штабных учениях успели изучить местность по картам до мельчайших деталей. Советские командиры удивлены, до какой степени точны их карты:

Единственным человеком, которому поездка по освобожденной территории не принесла особых забот, был начальник топографического отделения (Сандалов Л.

М. На московском направлении. М.: Наука, 1970. С. 39).

Красная Армия в 1939 году продвинулась вперед до 350 км, а топографической службе нет забот: карты этих районов давно составлены и отпечатаны. 350 километров — не предел интересов красных

топографов.

До 1939 года были составлены карты и на более удаленные от наших границ территории. В 1939 году в Москве вышла замечательная во всех отношениях книга Александра Лапчинского «Воздушная армия». Откроем раздел «Обеспечение наступательных действий воздушных сил» и полюбуемся на карты. Тут и германские аэродромы, и места расположения германских командных пунктов, и стратегические склады и, конечно, Берлин во всем великолепии. Нанесены и широкие улицы, и переулочки, и мосты, и вокзалы, и заводы. Писалась книга в разгар Великой чистки, и не думаю, чтобы наша цензура позволила опубликовать лучшее, что мы на тот момент имели. Но даже то, что показано в книге, впечатляет. Это обратная сторона нашей «неготовности» к войне. Неготовность только на своей территории — для освободительных походов все готово.

У товарища Сталина не было причин расстреливать генерала Кудрявцева (и Жукова). Возглавляемая генералом Кудрявцевым Военно-топографическая служба (ВТС) к войне была полностью готова.

Только не к «Великой Отечественной».

Наши топографы подготовились к какой-то совсем другой войне, и они не ограничились тем, что вывезли все карты в приграничные районы. Генерал-лейтенант А. И. Лосев свидетельствует:

Война явилась для Военно-топографической службы тяжелым испытанием. Она застала большую часть ее частей непосредственно на границе... Некоторые части ВТС вместе с пограничниками вступили в бой 22 июня 1941 года... Служба понесла чувствительные потери в людях и технике (ВИЖ. 1992. № 10. С. 82).

Если готовилась война на своей территории, то и части ВТС должны были работать в районах предполагаемых сражений. Зачем их держали на пограничных заставах? Чем они там занимались?

5

Европе крупно повезло. Германская армия внезапным ударом отбросила Красную Армию от границ в глубину Советского Союза — туда, где Красная Армия по многим причинам (отсутствие топографических карт — лишь одна из них) была почти небоеспособна. Мало того, на границе были уничтожены лучшие кадры Военно-топографической службы, потеряны ценнейшие приборы и оборудование. Проблема не только в том, что не было карт советской территории, но и в том, что в первые дни войны вместе с тысячами тонн карт были потеряны многие части ВТС, которые могли бы новые карты составить. Получилось так, что карт нет и составлять их некому.

Вот оттого и отбросили Красную Армию к стенам Москвы, Ленинграда и Сталинграда. На советской территории в течение трех лет Красная Армия была обескровлена. В 1944 году сверхмощная Красная Армия вновь появилась на границах Германии. Она проводила блистательные, удивляющие весь мир операции. Но надо помнить, что лучшая часть Красной Армии была давно истреблена. В Польше,

Румынии, Венгрии, Чехословакии, Австрии, Германии появились жалкие осколки тех сверхмощных сил, которые могли бы там появиться. Вот почему Красная Армия сумела захватить в Западной Европе так мало территорий.

Советская топографическая служба подготовила те карты, которые ей приказали подготовить: карты территорий сопредельных государств. Среди писем бывших германских солдат и офицеров, которые видели груды не до конца сгоревших карт, есть свидетельства не только о сгоревших складах, но и о железнодорожных вагонах, набитых картами, например, на станции Тевли Брестской области, на станции Броды Львовской области.

Интересно, что и советские генералы говорят не только о складах, но и о вагонах с картами.

И непонятно: почему не вывезли? Карты уже уложены в вагоны — трудно ли цеплять их к проходящим эшелонам и оттягивать в безопасный тыл?

Понятно, что не везде и не всегда были проходящие эшелоны, особенно если вагоны с картами стояли прямо у границы. Понятно, что советские войска попадали в окружение, и вывезти было невозможно не то что карты, но даже боеприпасы. Но была и еще одна причина: во внутренних районах страны эти карты были не нужны.

Если мы решили защищать, например, Смоленск или Москву, то нам нужны карты Смоленской и Московской областей.

Где хранить такие карты перед войной? Думаю, где угодно, кроме вражеской границы. Где угодно, но не на станции Тевли у Бреста и не в Алитусе у границы Восточной Пруссии.

В больших количествах топографические карты Московской области могут быть использованы только на территории Московской области, но нигде более. А карты Сталинградской области — только в районе Сталинграда. Нигде больше они не нужны. Понятно, что карты Московской области надо хранить где-то недалеко от Москвы, а Сталинградской — у Сталинграда. А в приграничных районах мы храним те карты, которым во внутренних районах страны нет применения. В приграничных районах мы держим тысячи тонн карт, которые нам потребуются в «освободительных походах». Потому они и загружены в вагоны.

Топографические карты — большая ценность, но их сжигали, ибо 22-й армии, которая тайно переброшена с Урала, поставлена неожиданная и совершенно необычная задача — готовить оборону на собственной территории. И всем другим приграничным и прибывающим армиям ставятся столь же необычные задачи оборонять свою территорию. Карт им позарез не хватает, но если оттянуть от границ вагоны с картами, то это делу не поможет: зачем в обороне Смоленска карты районов Мюнхена и Гамбурга?

«Освобождение» сорвалось, и ценность карт, которые заготовлены у границ, упала до нуля, как стоимость акций разорившейся фирмы. Эти карты теперь даже представляли опасность — как разоблачительный материал и как продукт, который может оказаться полезен противнику или для

внутреннего пользования, или как вторичное сырье высшего качества.

Вот потому карты жгли у границ, но главного топографа не упрекали: что ж ты не там карты хранил? Ибо хранил он их там, где нужно.

6

К слову сказать, не только карты сжигали у границ.

У границ горели ярким пламенем вагоны, набитые небольшими темно-зелеными книжечками под названием «Краткий русско-немецкий разговорник».

Составил разговорник генерал-майор Н. Н. Биязи, отредактировал А. В. Любарский. Выпускалась эта книжечка тиражами, которым позавидует любой бестселлер. Но так же быстро эта книжечка была истреблена. Осталось этих книжечек совсем немного. Одна из них впервые попала мне в Военно-дипломатической академии Советской Армии. Она, неприметная, стояла на библиотечной полке, и никто ее не трогал. Книжечка была не того уровня: мы учили языки серьезно, но в библиотеке хранились все словари, все учебники, все разговорники на всех языках мира, когда-либо изданные в России и Советском Союзе.

Эта скромная книжечка никак под стандарты обучения будущих офицеров агентурного добывания не подходила, ибо была рассчитана на миллионные солдатские массы, на людей, никогда иностранных языков не изучавших и слышавших иностранную речь только в фильмах про кривоногих фашистов: «Вы не ешь говоришь правду!»

Разговорник — размером с пачку «Беломора». Каждому бойцу-освободителю — за голенище. В 1941 году подвезли миллионы пар кожаных сапог для освобождения, вот к каждой паре сапог он вроде приложения.

Меня разговорник привлек содержанием: ни слова об обороне. Все о наступлении. Названия разделов: «Захват железнодорожной станции разъездом или разведывательной партией», «Ориентировка нашего парашютиста» и так далее.

С помощью разговорника можно легко объясниться с местными жителями: как называется деревня? где источники воды? где топливо? пройдет ли грузовая машина? Можно зайти на телеграф и вполне доходчиво изъясниться: «Прекрати передачу, застрелю!» А можно потребовать, чтоб отпили глоток и откусили кусок перед тем, как его грызнет освободитель, чтоб воина нашего не отравили проклятые басурмане.

В 1941 году у немецких солдат такие же разговорники были за голенищами: «Мамка, молоко», «Мамка, яйца». Вот и нашим солдатам вдоволь припасли. Раскрыл книжечку, нашел нужную фразу и можешь любопытствовать, кто состоит в отрядах СА. Незаменимая книжка!

Правда, если мы воюем под Старой Руссой или Вязьмой, нам такая книжка без надобности. На кой нам изъясняться на немецком языке с новгородским или смоленским мужиком? Зачем

красноармейцу в центре России на немецком языке спрашивать название деревни?

А фразы в книжке такие: «Назовите селение!», «Назовите город!», «Можно ли пить?», «Выпей сначала сам!», «Где топливо?», «Сколько скота?» и так далее и тому подобное.

Воображение у меня резвое. Прикинул: вот началась война, вот наши солдатики защищают Родину, воюют на родной земле. Вот вошли в незнакомый город, нашли в разговорнике нужную фразу и первому попавшему мужику:

— Nennen Sie die Stadt?¹²

А тот в ответ:

— Смоленск!

А наши ему:

— Sie lügen¹³, падла!

Или зашли в деревню где-нибудь под Оршей, зачерпнули воды ключевой и молодой:

— Trinken Sie zuerst man selbst!¹⁴

Так ведь русская и не поймет. Это только если к немецкой молодой обратиться...

А вот еще вопросы к населению: где бургомистр? где спрятались полицейские? Ясно, наши солдаты имели инструкции среди пленных выделять полицейских, солдат и офицеров СС, активистов СА.

Только вот проблема: отряды СА действовали только на территории Германии. Под Брестом, Смоленском или Оршей их никак оказаться не могло.

Так вот: разговорник был пригоден только на территории Германии, только там эту книжечку и можно было применить. Не в Пропойске же спрашивать на немецком языке, как к ратуше пройти и где спрятался бургомистр?

В книге «День М» я упомянул русско-румынские разговорники, которые в начале июня 1941 года получили солдаты 9-го особого стрелкового корпуса генерал-лейтенанта П. И. Батова. А для основной массы войск заготовили «Русско-немецкий разговорник». В русско-румынском разговорнике главное — как добраться до источников нефти. Но и в русско-немецком главный вопрос не забыт — среди возможных ответов пленными немецких солдат и офицеров есть и этот: «Там нефтяные промыслы».

В Германии, насколько я помню из школьного курса географии, нефтяных промыслов не найти. Такой ответ мог дать только немецкий офицер или солдат, захваченный в Румынии.

Разговорник был подписан к печати 5 июня 1941 года и отпечатан во 2-й типографии Воениздата НКО СССР им. К. Ворошилова, Ленинград, ул. Герцена, 1.

Наша армия и все государство работали с точностью часового механизма: подписали книгу в печать 5 июня, а уже 23 июня эти книжечки были захвачены передовыми немецкими частями в

¹² Какой это город? (нем.)

¹³ Врешь (нем.)

¹⁴ Выпей сначала сама (нем.)

Лиепе, 25 июня — в Рава-Русской, 28 июня — под Минском. Захватывали вагонами. Сгоревшими, обгоревшими, целыми.

Распространить такие книжечки (если бы Гитлер не напал) можно было в войсках так же быстро, как и газету «Красная звезда». И по тем же каналам.

И все тут вроде было мне ясно. Только вот один вопрос... Почему в Ленинграде печатали? При нашей-то централизации? Да и распространять из дальнего северо-западного угла великой нашей Родины несподручно... Кроется ли за этим что-то?

7

После выхода «Ледокола» мне крепко досталось и в России, и в Германии, и в Америке, и в Израиле, и в Британии. Но по существу никто ничего так и не возразил. Потому критики шли в обход. Потому критики иногда искали в «Ледоколе» то, чего в нем нет. И били меня за то, чего я не говорил, чего не писал, чего не думал. Например, такое построение: Суворов говорит, что Сталин был преступником, — так может он Гитлера защищает? Так, может быть, он отрицает существование нацистских концлагерей и истребление миллионов?

С такими заявлениями выступил, например, израильский историк Габриэль Городецкий.

Я не вступал в полемику с Городецким: нет ничего хуже, чем спорить по схеме «дурак! — сам дурак!». Я знал, что найдутся объективные критики, которые укажут Городецкому и ему подобным на то, что нельзя бить автора за тот материал, о котором он даже не упоминает.

И нашлись защитники моей версии и в России, и в Польше, и в Израиле, и в Германии, и в Америке. Израильский историк Зеев Бар-Селла дал достойную отповедь Городецкому в журнале «Окна»¹⁵, а в поддержку моей версии опубликовал фотокопию... русско-немецкого разговорника. Оказывается, не только у нас в академии они сохранились, не только у старых немецких солдат, но и в частных коллекциях советских граждан, которые потом выехали за пределы социалистического отечества. Обрадовался я: вот, мол, и еще одно подтверждение. И на том бы точку поставить.

Но так уж меня воспитали: на самые мелкие закорючки внимание обращать. Прочитал все, осмотрел фотокопию до самых последних закорючек. Та же книга, тот же текст. Только вот одно отличие...

Только на самой последней странице — разница. В самых мелких буквах, в тех самых мелких закорючках: «Подписано к печати 29.5.41. 1-я типография Военного издательства НКО СССР им. С. К. Тимошенко, Москва, ул. Скворцова-Степанова, 3».

После Академии мне в руки еще несколько раз попадались такие разговорники — после выхода «Ледокола» в Германии их присылали мне бывшие немецкие солдаты и офицеры. Но всегда —

¹⁵ «Окна» — еженедельное литературно-художественное приложение к ведущей израильской газете на русском языке «Вести». — Прим. ред.

ленинградского издания. О существовании московского издания я не знал. А тут — вот оно. И подписано в печать на неделю раньше ленинградского.

Итак, начали печатать разговорник в Москве 29 мая 1941 года. Но требовалось их много. Очень много. И срочно. Потому через неделю, 5 июня 1941 года, подключилась ленинградская типография. Теперь выясняется, что еще и минская, киевская, одесская.

А дата наводит на размышления.

Все без исключения серьезные историки признают, что Сталин готовился сокрушить Европу. Но, говорят они, в 1942 году.

Возразим: в этом случае разговорник лежал бы в сейфе генерала Биязи до 1942 года. А где-нибудь за месяц до нападения был бы дан зеленый свет и его отпечатали бы соответствующим тиражом, набили вагоны и отправили на западные границы советским армиям вторжения.

Рассылать войскам такую книжечку за год до начала операции — неосмотрительно. Для того товарищ Сталин в 1937-1938 годах товарищам начальникам головы дырявил, чтоб оставшихся к порядку приучить. Не посмел бы генерал-майор Биязи за год до Великого похода сталинский план раскрывать перед миллионами исполнителей.

И прямой начальник генерала Биязи, начальник Разведывательного управления генерального штаба генерал-лейтенант Ф. И. Голиков не позволил бы такую книжечку раньше времени массовым тиражом печатать и рассылать войскам. Не из того теста был Филипп Иванович Голиков. Не зря он во время войны стал заместителем Сталина. Товарищ Сталин дураков в заместителях не держал.

А вот если удар готовился на 6 июля 1941 года, то пустили книжечку в производство именно тогда, когда надо. За месяц. В аккурат.

Но в том же «грозовом июне» эти самые разговорники сжигали вагонами как ненужные в данный момент. Вместе с картами Баварии и Лотарингии.

В «Ледоколе» я привел доказательства того, что советский Генеральный штаб планировал агрессивную войну. Лубянские историки не стали спорить: да, говорят, были наступательные планы. Но, добавили они, каждый генеральный штаб на всякий случай имеет и наступательные, и оборонительные планы.

Нет, товарищи, «на всякий случай» в советских штабах были только наступательные планы. А планов обороны или контрударов «на всякий случай» не оказалось вовсе.

Просто не было карт, на которых такие планы можно было бы изобразить.

ГЛАВА 19. Об огнеопасных танках.

Мотор — такое же оружие танка, как и пушка.

Генерал-полковник Гейнц Гудериан

1

У Сталина танков было в несколько раз больше, чем у Гитлера.

Цифры — штука упругая. Потому защитникам сталинской «неготовности к войне» надо было придумать какую-то гадость, какой-то штрих, какую-то характеристику, не содержащую цифр, чтобы сказать: подумаешь, семикратное превосходство, да они же...

Долго мудрые сочинители думали; додумались и объявили: советские танки были огнеопасными, горели, как спички!

Стремление советской пропаганды выпячивать «неготовность» к войне понятно. Но решительное бесстыдство удивляет. И пошли советские историки повторять: огнеопасны, горят как спички! А за экспертами пошли это повторять широкие народные массы. Быстро эта ложь за пределы государственных выскользнула и пошла гулять по свету...

Однажды выступаю по французскому телевидению, рассказываю о готовности Сталина к войне, а мне ведущая с вежливым ехидством: ох, знаем мы эти русские танки — горели, как спички... Эта тетя явно отвертку от разводного ключа не отличает, а вот о том, что танки у Сталина были огнеопасны, она знает твердо. Усвоила. Запомнила. И все знают.

В Лондоне меня судьба свела с главным редактором одного московского, очень популярного и с детства мною любимого технического журнала. Я встрече рад, он рад. Обнялись. Выпили по рюмке чая. Поговорили о том, о сем. А потом он мне тихонько, по-дружески: ты вот все про подготовку к войне рассказываешь, народу лапшу на уши вешаешь, но мы-то люди грамотные, нас не проведешь, мы-то знаем, что наши танки были... того... огнеопасные.

Вот и все. И семикратное превосходство списано. Что толку, что их было много? Горели, как спички...

2

Меня давно вопрос занимал о первоисточнике этой дезинформации. Ясно, что слух распространяет красная пропаганда. Но должен, видимо, быть и какой-то еще источник, который люди считают серьезным. Не могли же люди умные просто так повторять чепуху. Откуда же это идет?

И каждого спрашиваю: откуда ж ты такое узнал? А в ответ: да это все знают. А когда все знают, до первоисточника не докопаешься.

И вот однажды в газете «Новое русское слово» от 25 мая 1990 г. выступает историк Иосиф

Косинский, разоблачает меня, рассказывает, что численное превосходство ничего не означало: что толку от сталинских танков, если они горели факелами!

И меня озарило: да это же он Жукова начитался! А поскольку ничего, кроме мемуаров Жукова, не читал, потому ничего и не понял.

Между тем дело обстояло как раз наоборот. Одна из самых замечательных особенностей советских танков периода Второй мировой войны заключалась в том, что они плохо горели. Поджечь их было труднее, чем танки любой другой армии. Объяснялось это просто: все страны использовали танки с карбюраторными двигателями, а Советский Союз был единственной страной мира, которая использовала на танках дизельные двигатели.

Были попытки использовать дизельные двигатели на некоторых японских, итальянских и американских танках, но это были маломощные и примитивные двигатели. Вдобавок это были не специальные танковые дизели, а тракторные или автомобильные.

Карбюраторный двигатель работает на бензине, часто — на авиационном бензине. Пары бензина — штука опасная. В бою достаточно причин, которые могут вызвать воспламенение этих паров. Например, искрит что-нибудь в силовом отделении. Бывают случаи, когда бронебойный снаряд не пробивает броню, но сила удара такова, что внутри танка сыплются искры... Если вместо карбюраторного двигателя поставить дизель, то искры не страшны, пусть себе сыплются.

Преимущество дизеля можно подтвердить простым опытом. Налейте в ведро авиационный бензин и поднесите горящий факел. Будьте осторожны: взрывоподобное возгорание происходит еще до того, как факел коснулся бензина. Представьте, как это выглядит в танке, когда в бою у вас в силовом отделении полыхнули сотни литров. Теперь налейте в ведро дизельного топлива и суньте в него факел. Огонь погаснет, как в воде.

Эксперимент с двумя ведрами создатели советского танкового дизеля демонстрировали Маршалу Советского Союза М. Н. Тухачевскому. На Тухачевского это впечатления не произвело, и он упорно настаивал на использовании бензиновых двигателей. После отстранения Тухачевского советские конструкторы повторяли простой эксперимент перед многими большими начальниками.

Преимущество дизеля удалось доказать, и Советский Союз стал первой страной мира, которая начала массовый выпуск дизельных двигателей для танков. До самого конца Второй мировой войны Советский Союз так и остался единственной страной, в которой подавляющее количество танковых двигателей были дизельными. Все остальные страны перешли на дизельные двигатели только через 10-15 лет после войны.

Понятно, что танк с дизельным двигателем тоже можно поджечь, но это совсем не так просто, как поджечь танк с карбюраторным двигателем.

С точки зрения пожароопасности советские танки двадцатых-тридцатых годов ничем от танков других стран не отличались.

И не могли отличаться. Весь мир использовал карбюраторные двигатели, и все они горели в боях ярким пламенем. Это считалось неизбежным злом. С этим мирились. Советские танки в этом отношении были не хуже и не лучше других. На них стояли такие же двигатели, как на британских, французских, германских и американских танках. Самыми распространенными танковыми двигателями Красной Армии в те годы были британский «Армстронг-Сиддли» и американский авиационный двигатель «Либерти-Аэро», который и мы, и они ставили на танки.

Понятно, что мы басурманским двигателям свои пролетарские названия давали. Но не мог наш родной «Либерти-Аэро» гореть ярче, чем какой-нибудь американский «Либерти-Аэро». Не мог при всем желании. Ибо горит не двигатель, а бензин в нем. А они, басурмане, бензин делали чище нашего. Именно для того чище делали, чтобы он горел ярче.

Россия — родина слонов. Но дизельный двигатель придумал Рудольф Дизель. А был он из немцев. Заслуга советских конструкторов не в том, что они дизельный двигатель придумали, а в том, что оценили. Германия своего гения не признала. А наши поняли преимущества, и в 1932 году в Советском Союзе были начаты работы по созданию быстроходного танкового дизеля БД-2. В 1935 году работы были завершены. Готовый двигатель получил индекс В-2. Преимущества дизеля были очевидны. При той же мощности он потреблял почти на треть меньше топлива, а вероятность возгорания резко снижалась. Дизель имел более простую конструкцию, не нуждался в сложной и капризной системе зажигания с ее прерывателем, распределителем, свечами и высоким напряжением. И еще: дизельное топливо дешевле.

В-2 устанавливались на некоторые образцы танков БТ-5. Экзамен они выдержали. Но...

4

Но Красная Армия готовилась воевать на территории противника. Вероятные противники до нашего уровня развития боевой техники никак не дотягивали, дизели не использовали и даже не планировали использовать. Советский Генеральный штаб сделал расчеты, которые не радовали. Если пятнадцать-двадцать тысяч советских танков бросить в Западную Европу, то потребуется очень быстро подавать наступающим армиям десятки тысяч тонн дизельного топлива. При отходе противник будет взрывать мосты и железнодорожные пути. Подвезти топливо в таких количествах будет трудно, захватить в Западной Европе — невозможно: противник дизельным топливом не пользуется и о том не помышляет.

Потому вопрос: переходить Красной Армии на дизельные двигатели или не переходить? Если не переходить, то танки будут такими, как у всех, — огнеопасными. Зато в случае нашего наступления не будет проблем с топливом, его можно будет захватывать у противника. В Западной Европе на

каждом перекрестке — бензоколонка. А если перейти на дизели, то танки станут более живучими, но из-за отставания всех других стран в этом вопросе мы рискуем остаться без топлива в самый драматический момент освободительного похода.

Один из замечательных исследователей истории развития советского танкостроения Василий Вишняков сообщает:

Раздавались и принципиальные возражения, из которых едва ли не самым веским считалось то, что на всех зарубежных танках ставятся бензиновые моторы, а значит, наши танки с дизелем потребуют особого обеспечения горючим, при необходимости не удастся воспользоваться бензином со складов противника... (Конструкторы. М.: Издательство ДОСААФ, 1989. С. 27).

Принципиальным противником дизелей был Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский. По этому поводу он писал:

Механизированная армия, которая особенно в первый период войны вырвется далеко вперед на территорию противника, несмотря на очень большие потребности в снабжении, как правило, на железнодорожный транспорт рассчитывать не может. Снабжение ее будет опираться на быстроходный тракторный и автомобильный транспорт, а также на захват складов противника, особенно в части горючего (Избранные произведения. М.: Воениздат, 1964. Т. 2. С. 192).

Если бы война готовилась на своей территории, то дизели были бы приняты без колебаний.

Но Красная Армия готовила вторжение.

Красная Армия серьезно готовилась воевать на территории противника, советские штабы планировали глубокие операции в Западной Европе в расчете на захват топлива для танков на складах супостата. Потому советские конструкторы были вынуждены искусственно сдерживать наш прогресс, равняясь на отстающих— на устаревшие двигатели Германии, Франции, Британии, США.

Но в нашей стране спор продолжался. В конце концов сторонники дизеля победили. Это не означало отказа от планов вторжения, просто были разработаны методы подачи большого количества топлива вслед наступающим войскам — трубопроводы подтянули к границам и создали запасы труб для быстрого наращивания магистралей на захваченных территориях. В 1939 году начался серийный выпуск танков БТ-7М с дизельными двигателями В-2.

5

24 июня 1945 года Маршал Советского Союза Г. К. Жуков выехал на Красную площадь на великолепном белом жеребце по кличке Кумир. Таким его и отлили в бронзе. И скачет бронзовый Кумир по Москве...

Но сказано: не сотвори кумира. Но нам без кумиров не живется. Не можется. Ударил Хрущёв по

культу Сталина, а на его место — кого? Кого угодно. Любую мразь. Хоть самого Тухачевского, который загубил лучших представителей нашей стратегической мысли. И начали культ Тухачевского раздувать. Тухлый культ тухлого Тухачевскою. Доходило до того, что чуть ли не памятник ему предлагали ставить!

Удивительное предложение. Но уж если ставить, так в тамбовском лесу. В противогазе. Чтобы не только люди, но и тамбовские волки, которых он заодно с людьми газами душил, его не забывали. Этот выродок применил боевые отравляющие вещества против своего народа. Так объясните же мне принципиальную разницу между Тухачевским и изобретателями газовых камер. Да ведь и не известно, кто их первым применил. Ох, боюсь, напишет кто-нибудь книгу о том, что Россия — родина газовых камер. Уж очень много на то указаний.

А пока лепим кумиров.

Мы считаем Жукова гением, и это мешает нам задать простой вопрос: а почему его не судили? В любой нормальной стране его бы за 1941 год отдали под трибунал и задали бы вопросы, много вопросов. Зачем трубопроводы к самым границам подтянул? Зачем танки к границам собрал? Зачем мосты не минировал? Зачем все приграничные аэродромы самолетами забил? Зачем топливо, снаряды десятками тысяч вагонов к границе подогнал?

У нас на все объяснение: просчеты, просчеты, просчеты. Но за просчеты судить положено. Если взрывом у 45-мм пушки колесо оторвало, одного убило, двоих ранило, то все равно пушку спасти надо. Не спасли — взводного Ванечку под трибунал. Просчет— не просчет, а головушкой отвечай.

А Жукова к ответу не призвали. Почему?

Да потому, что мы и после войны все так же аэродромы у границ строили, и склады боеприпасов и топлива. И штабы, и узлы связи. Когда приперло, из Восточной Германии запасы четыре года вывезти не могли.

Жукова не судили потому, что режиму вовсе не надо было разбираться с причинами разгрома 1941 года. Причины надо было замять, замазать, затереть. Сам Жуков этим и занимался:

Работали танки на бензине и, следовательно, были легковоспламенимы и имели недостаточно прочную броню (Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1970. С. 137).

Танки БТ-5 и БТ-7 слишком огнеопасны (там же. С. 170).

Зачем повторять? Чтобы все усвоили. Надо один раз сказать, потом в другом месте повторить. Тогда тетя с французского телевидения запомнит.

Жуков забыл сказать, что во всем остальном мире были точно такие же бензиновые двигатели. И танки во всем мире в то время выпускали только с противоположной броней.

Оттого, что Жуков о наших огнеопасных танках говорит, а о зарубежных помалкивает, создается впечатление, что у нас танки были хуже, чем в других армиях.

Ситуация: только в Советском Союзе была осознана необходимость иметь сверхмощный скоростной танковый дизель. Задолго до войны он был создан, отработан, поступил на вооружение. Только Советский Союз на момент начала войны имел дизельные двигатели. (Читатель меня простит, если японские однорядные дизельные двигатели мощностью 110 л. с. и итальянские мощностью 125 л. с. пропущу. Это были несовершенные, автомобильные двигатели вовсе не танковой мощи. Они выпускались ограниченными сериями для танков, которые вообще никакой роли в войне не играли.)

Только Советский Союз производил танковые дизели, которые были не просто лучшими в мире, но уникальными, ибо никто другой до этой степени развития тогда не дошел.

И вот после всего этого над нашими танками, над нашими двигателями смеются. Весь мир смеется. А мы сами — громче всех.

Какой-нибудь Иосиф Косинский рассуждает так: писал Жуков, что танки с карбюраторными двигателями огнеопасны? Писал. А генералы других армий писали? Нет. Следовательно...

Генералы других армий действительно ничего не писали об огнеопасных танках. Не писали потому, что вопрос о переходе на дизельные двигатели во всех остальных странах не решался, а в ряде случаев и не ставился.

К лету 1941 года сложилась следующая ситуация: все армии мира были вооружены танками только с карбюраторными двигателями, а Красная Армия имела тысячи ранее выпущенных танков с карбюраторными двигателями, кроме того, пять типов советских танков (БТ-7М, Т-34, КВ-1, КВ-2, Т-50) имели дизельные двигатели. Это был гигантский качественный скачок.

Советский Союз накануне войны развернул массовый выпуск танковых дизелей и создал мощности, которые позволяли в случае войны производить танковые дизели в любых необходимых количествах.

6

«Последняя республика» была подвергнута уничтожительной критике. Главе об огнеопасных танках досталось особо. Возражений два.

Первое: а у японцев тоже на танках стояли дизельные двигатели! Да не на одном! Японские танки «Ха-Го», «Те-Ке», «Чи-Ха», «Чи-Хе», «Чи-Ну» — все на дизелях!

Почитаешь такой список и уважением проникаешься: вон их сколько! Однако большое количество типов бронетанковой техники означало только одно: в Японии не было одного хорошего танка. Было много разных типов. И все плохие. И все выпускались мизерными сериями. В области танкостроения Япония далеко отставала от основных воюющих государств. Японские танки имели допотопную архаичную конструкцию и невероятно низкие боевые и технические характеристики.

Вот лучший японский танк «Чи-Ха». Официально числился средним, хотя боевая масса всего 14 тонн. Броня противопульная, корпус и башня — на заклепках. Пушка калибром 57 мм, длина ствола

всего 14,5 калибра. Двигатель дизельный, но однорядный, мощность всего 170 лошадиных сил. Удельная мощность (вернее, удельная немощь) — 12 лошадиных сил на тонну веса. Зато уж удельное давление на грунт запредельное — 1,1 кг на квадратный сантиметр! Это хуже, чем у «Тигра», который весил 57 тонн! Это хуже, чем у сверхтяжелого «Тигра-Б», который весил почти в пять раз больше! Чудовищное удельное давление означало совершенно неудовлетворительную проходимость.

Это лучший японский танк. Остальные хуже.

За 45 месяцев войны, с декабря 1941 года до сентября 1945 года, Япония произвела 3 718 танков всех типов и весовых категорий. Если брать по количеству, то оно сопоставимо с тем, что в Советском Союзе выпускалось каждый месяц. Но Советский Союз производил не только легкие, но еще и средние и тяжелые танки с несравненно более высокими боевыми характеристиками. Если сравнить боевую массу, то выходит, что Советский Союз каждый месяц выпускал вдвое больше бронетанковой техники, чем Япония за все годы войны.

Японские танки годились только на то, чтобы стращать папуасов на островах Тихого океана. Где, в каких боях и сражениях они отличились? Сравнить японские танки с советскими просто неприлично. Ни в количественном, ни в качественном отношении. Эти так называемые «танки» я в расчет не принимал.

И не надо меня в этом упрекать. Японские танки времен Второй мировой войны не достойны того, чтобы о них вспоминать.

7

А второе возражение было совсем уж диким.

Кто-то из анти-суворовых объявил: да, факел гаснет в ведре солянки, но на войне ведь не факелами воюют!

Аргумент подхватили. Этот аргумент я встречал уже у пяти разных авторов.

Вникнем. Нам говорят: на войне воюют не факелами, средства поражения танков таковы, что в бою ярким пламенем горят как танки с карбюраторными, так и с дизельными двигателями.

Короче: не все ли равно, какой на танке двигатель?

Хорошо. Давайте согласимся: воюют не факелами, а средства поражения таковы, что... Но тогда возникает вопрос: граждане-товарищи, отчего же вы раньше молчали? Некто Жуков Георгий Константинович растрезвонил на весь мир, что советские танки были ужасно огнеопасны, ибо стояли на них бензиновые двигатели. Вот, господа разоблачители, вам и следовало Жукову разъяснить, что нет разницы: и дизельный, и бензиновый двигатели одинаково огнеопасны!

Так чем объяснить ваше молчание? Почему не разоблачаете Жукова? Почему не опровергаете «самую правдивую книгу о войне»?

Вот стиль нашей пропаганды: эти русские дурачки были не способны создать хороший танк. У них

танки были с бензиновыми двигателями. Следовательно, горели как спички!

Эту идею кремлевская пропаганда навязала всему миру.

Я доказал, что только в Советском Союзе еще до войны был создан V-образный быстроходный танковый дизель В-2 мощностью в 500 лошадиных сил. Кроме того, В-2К мощностью 600 лошадиных сил и В-2КФ мощностью 850 лошадиных сил. В ходе войны большая часть советских танков и самоходных орудий выпускалась с В-2 или В-2К. Ни у кого в мире ничего подобного не было.

Но официальная пропаганда и на это ответ нашла: подумаешь, достижение; да нет никакой разницы между бензиновым и дизельным, все они горели ярким пламенем! Как ни крути, мы все равно в дураках.

Так вот: разница между дизельным и бензиновым двигателем есть. И она огромна. Танк с бензиновым двигателем поджечь легче, чем танк с дизельным двигателем. Вот вам, разоблачители, мнение фронтовика, полковника Громцева Павла Ивановича, на Курской дуге он командовал танковой ротой в 183-й танковой бригаде 10-го танкового корпуса:

Наличие бензина первого сорта (авиационного) вызывает скопление бензиновых паров. Малейшая детонация и — взрыв, танк не имея пробоины, загорался. Этим мы и пользовались. Кроме того, башня «Тигра» и его пушка мучительно долго переводились с одной цели на другую. А в это время к нему тридцатьчетверка заходила с фланга и поражала противника в борт (Красная звезда. 2-8 июля 2008 г.).

А вот пример, известный всем. Дебют «Тигров» состоялся 29 августа 1942 года. К переднему краю выдвигаются только что прибывшие с завода четыре самых первых «Тигра». На двух поломались коробки передач, третий загорелся сам.

Можно ли представить КВ или Т-34, который ехал-ехал, да вдруг и загорелся?

Мы сотворяем нового кумира по имени Жуков.

И за это сразу получаем по мозгам. Кумир выкрутился: танки были огнеопасными, в том причина разгрома.

Нашего кумира издают миллионными тиражами на всех языках мира. Кумира читают. Кумиру верят.

Кумир выкрутился, а над нами смеются.

Кумир выкрутился, а мы — в дураках.

ГЛАВА 20. А какие танки были у Гитлера?

Дороги труднопроходимы. Большое количество машин вышло из строя в результате аварий. Штаб танковой группы Гота доложил, что в строю осталось лишь 50 процентов штатного количества боевых машин... Наши танки Pz-I являются обузой для войск.

Генерал-полковник Франц Гальдер.

Военный дневник. Запись 4 июля 1941 г.

1

На 21 июня 1941 года у Сталина было 24 тысячи танков.

Вопрос выпускнику трехмесячных курсов младших лейтенантов: какое превосходство должен иметь наступающий?

Ответ: трехкратное.

Правильно. Следовательно, для нападения на Сталина Гитлер должен был иметь 72 тысячи танков.

Однако Сталин и его противник находились в неравных условиях. Известно, что наши дороги — противотанковые. Еще Николай Васильевич Гоголь обратил внимание на то, что наши дороги имеют подкидывающую силу. Дороги сами истребляют танки, машины, тягачи, бронетранспортеры противника. Посему Гитлеру надо было иметь не 72 тысячи танков, а больше. Где-то за 100 тысяч.

Кроме того, территория у нас бесконечная. Для захвата такой территории надо иметь бесконечное количество танков.

Но у Гитлера не было бесконечного количества танков. У Гитлера не было даже и 100 тысяч танков. У него не было ни 72 тысяч, ни 24 тысяч.

На 22 июня 1941 года на Восточном фронте Гитлер имел 3350 танков. Всего в Вермахте танков было чуть больше, но они были заняты на других фронтах, потому мы их учитывать не можем.

Любой выпускник трехмесячных курсов может сделать расчет потребностей и для другой стороны. Не надо быть генерал-полковником, профессором и доктором наук, чтобы знать, что наступающему требуется втрое больше сил, а обороняющемуся втрое меньше: у наступающего Гитлера 3 350 танков, следовательно, обороняющемуся Сталину для равновесия надо было иметь 1127 танков.

У Сталина танков было в 21 раз больше, чем необходимо для обороны. А если Сталин решил на Гитлера напасть, то против 3350 гитлеровских танков трехкратное превосходство — 10050 машин. Так что и для нападения у Сталина танков было более чем вдвое больше того, что требовалось для достижения трехкратного превосходства над противником.

Задача для Сталина упрощалась тем, что перед ним лежала маленькая уютная Европа с хорошими дорогами, с почти курортным климатом, с запасами картошки в каждом погребе, с

головками сыра в каждом чулане, с копчеными окороками над каждым камином, с населением, которое в большинстве своем считало Сталина освободителем и ждало прихода его танков.

А задача Гитлера усложнялась тем, что перед ним лежали бесконечные просторы, дикое бездорожье, непроходимые леса, Полесские болота размером с хорошую европейскую страну. Четыре месяца — с середины мая до середины сентября — в этой стране можно воевать, а потом — дожди, распутица, зима, снег, мороз и снова грязь.

И мужики с топорами.

2

И вот после войны собирают кремлевские вожди доблестных советских маршалов, генералов, профессоров и академиков и ставят боевую задачу: доказать, что 3 тысячи гитлеровских танков — это больше, чем 24 тысячи сталинских, доказать, что Гитлер к войне был готов, а Сталин — нет.

Как подбирали ученых товарищей на такое дело, не знаю. Не знаю, что им сулили. Может быть, обещали каждому бочку варенья и корзину печенья, может быть, по десять миллионов долларов на брата, может быть, квартиру на Арбате в шестьсот пятьдесят метров и дворец в Крыму, может, кому полосатые штаны, а кому маршальские звезды... Не будем гадать. Ясно одно: на такое грязное дело подбирали людей, готовых торговать не только совестью...

И они торговали. И они сумели доказать, что все мы, жители бывшего Союза, полные идиоты. Они сумели доказать, что мы по умственному развитию никак до германских стандартов не дотягивали, что лень и глупость — главные характерные черты наших народов.

Как же это удалось доказать полковникам Мерцаловым и Анфиловым, генералам Гареевым, Жилиным, Волгогоновым, маршалам Жуковым, Куликовым и Огарковым? Все просто: в своих научных изысканиях они просто умолчали о 24 тысячах сталинских танков. За полвека после войны в официальных изданиях эта цифра не появлялась. Она выплыла только в девяностых годах, хотя на Западе всегда была известна.

Откроем «Воспоминания и размышления» Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова, пролистаем от начала до конца, но главного не найдем. Георгий Константинович — все больше о пустяках.

Вспомнить о семикратном превосходстве в танках Жукову не позволили, и размышлять на эту тему не велели. Вот бы Георгию Константиновичу и хлопнуть дверью: не буду писать, и баста! Но уж очень ему хотелось получить те самые бочки варенья и корзины печенья...

3

А Институт военной истории работал. Под руководством Главпура и Идеологического отдела ЦК КПСС. И военных историков у нас числили по ведомству пропаганды. Из ведомства пропаганды они в

основном и происходили, из УСП — управления спецпропаганды Главпура, которым руководил некто Волкогонов. Военную историю пропагандисты не изучали — они ее создавали, они ее лепили. По заданным параметрам.

И родилась в недрах пропагандистского ведомства формула: в Красной Армии на 21 июня 1941 года был) 861 новейший танк Т-34 и КВ, а также много устаревших и легких танков. Так сказать, формула с присказкой. И всем приказали повторять эту формулу и присказку: «а также много легких и устаревших».

Формула эта насквозь фальшивая. Как и присказка.

Во-первых, на 22 июня 1941 года в Красной Армии было 711 танков КВ и ровно 1400 Т-34. То есть 2111 новейших танков только этих двух типов (Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник № 1. (22 июня 1941 г.) М., 1996. Тираж 25 экз.).

Во-вторых, Красная Армия кроме Т-34 и КВ имела на 22 июня 1941 года новейший танк Т-40. Наши пропагандисты «забыли» его включить в статистику. Танков этого типа было 277 машин.

Присказка про «устаревшие и легкие» тоже выдает лукавство. Даже если согласиться, что все остальные танки, кроме Т-34, Т-40 и КВ, были действительно устаревшими и легкими, то все равно интересно узнать, сколько же их было. Но молчали генералы и маршалы, доктора и кандидаты.

И когда за 25 послевоенных лет нас приучили к ложным цифрам, из ЦК КПСС в Академию наук СССР поступил приказ обман углубить и расширить. Академики ответили: «Есть!»

Берем журнал «Вопросы истории», № 5 за 1970 год, стр. 25. Издатель журнала — Академия наук СССР. Мудрые академики нам сообщают, что на советско-германском фронте 22 июня 1941 года в германской армии было 3 712 танков, в Красной Армии — 1800. К советской цифре в скобках добавлено: «тяж., средн.».

О «большом количестве легких и устаревших» — ни слова. Присказка про «большое количество» отпала, отвалилась, как хвостик у ящерицы.

В данном случае количество германских танков неоправданно завышено, количество советских средних и тяжелых танков названо неправильно, а затем еще и округлено, причем и округлено неправильно: даже если принять официальную цифру 1 861, то она ближе к 1900, чем к 1 800. Если округлять, то следовало округлять в сторону увеличения. Но был приказ нашу мощь занижать, потому академики округляли в сторону занижения.

Подобные публикации — измена Родине и фальсификация истории в ущерб интересам России. Академики представляют наш народ, всех нас беспомощными и ни на что не способными.

Интересно, что сотни моих критиков на такие публикации не реагируют никак. Такое изложение вполне устраивает разнообразных Григориев Барановских и Юриев Мухиных.

Прошло еще 33 года, и вот выходит разоблачительный труд. Автор — Виктор СуРовов, название —

«Ледокол 2». В юридической практике такие вещи определяются термином «сходство до степени смешения». Под стать и оформление книги — обложка полностью повторяет размер, стиль и цветовую гамму моих ранее изданных книг. Люди хватают, читают, ничего не понимают, потом плюются, разобравшись, что их обманули, подсунув фальшивый товар в поддельной упаковке.

Автор этого эпохального труда неизвестен, он глубоко законспирирован. Однако известны все, кто помогал ему в его нелегком труде. Это академик В. Анфилов, генерал армии М. Гареев, генерал-полковник Ю. Горьков, В. Зайцев, Г. Замятин, М. Любимов, и все те же Барановский и Мухин.

Эти господа понимают, что если будут публиковать свои открытия под собственными именами, то на успех рассчитывать не приходится. Потому свои сочинения они подсовывают читателю как бы от моего имени.

Сочинив «Ледокол 2», Замятины-Любимовы, Горьковы-Мухины раздвинули горизонты нашего знания. Они сообщают, что танков в Красной Армии было 1800. На этот раз отломилась уже приставочка «тяж., средн.».

Вот цена Академии наук России, Генеральному штабу и их многочисленным добровольным помощникам. Уровень научных изысканий наших генералов и академиков вплотную приближается к уровню сочинений маршала Жукова, который в «самой правдивой книге о войне» заявлял о многократном численном превосходстве противника, «особенно в авиации и танках».

На той же странице фундаментального труда множество других открытий, в том числе и такое:

К июню 1941 г. Гитлер подчинил себе свыше 500 млн. человек, способных встать под ружье.

Цифра «500 млн.» выделена не мной. Так в тексте шедевра.

Население Советского Союза в 1941 году оценивают разными цифрами, но все они меньше 200 миллионов. Опыт войн последнего столетия показал, что мобилизационный ресурс государства не может превышать 10 процентов населения, иначе начинается необратимая деградация общества и экономики. Следовательно, мобилизационный ресурс Советского Союза не мог быть более 20 миллионов. А Гитлер, оказывается, мог поставить под ружье 500 миллионов.

Но почему-то не поставил.

4

А теперь — к германским танкам.

Германские конструкторы допустили непростительную ошибку: двигатель танка они устанавливали на корме, а силовую передачу — в передней части танка. Эту же ошибку допустили конструкторы американских и большинства японских танков.

Такое расположение имеет множество преимуществ. Преимущества были видны каждому. Но был и недостаток, его не замечали. А заключался он вот в чем: если двигатель расположен в кормовой

части, а силовая передача — в передней, то от двигателя к силовой передаче надо перебросить карданный вал. Так и делали. Карданный вал помещали внутри корпуса танка, и он много места не занимал. В принципе, именно так сделано в некоторых легковых автомашинах: двигатель в одном месте, ведущие колеса — в другом. От двигателя к ведущей оси переброшен карданный вал. Он не занимает много места: накроем его кожухом, а справа и слева на днище корпуса установим сиденья. Присутствие карданного вала на высоту корпуса не повлияло.

Другое дело в танке. Над карданным валом нам надо разместить плоскость — пол вращающейся башни. Поэтому между днищем корпуса и полом башни образовывалось пустое пространство. Из-за этой в принципе ненужной пустоты мы вынуждены высоту корпуса танка увеличить на 30-40, а то и на все 50 сантиметров. Соответственно увеличился силуэт танка и его уязвимость в бою.

Мало того, возрос и вес корпуса. Танковый корпус — это броневая сталь, и если нарастить высоту броневое корпуса на 30-40, а то и на 50 сантиметров, то возрастание веса будет исчисляться сотнями килограммов, если броня противопульная. А если броня толстая, противоснарядная, то возрастание ненужного веса будет исчисляться тоннами.

Но это не все: для того чтобы нести эту дополнительную и совершенно ненужную броню, нужно использовать более мощный (следовательно, более тяжелый) двигатель. Более мощный двигатель имеет больший объем, этот объем надо прикрыть броней,— снова возрастает вес. Круг замыкается: более мощному двигателю требуется больший объем, который требует дополнительного бронирования, а чтобы нести дополнительное бронирование, надо иметь еще более мощный двигатель, и так далее.

Беда в том, что замыкается не один круг, а несколько: более мощному двигателю требуется более мощная силовая передача, которая больше весит и требует дополнительных объемов, которые надо прикрывать дополнительной броней. Это снова лишний вес. Чтобы его нести, нужен еще более мощный двигатель, а к нему более мощная силовая передача, которую надо... и так далее. Более мощный двигатель требует больше топлива, которое требует больших объемов топливных баков, которые опять же надо прикрыть броней, а чтобы ее нести, нужен более мощный двигатель...

Наращение совершенно ненужных объемов и веса шло сразу по нескольким спиральям, причем с ускорением. С ростом ненужных объемов и веса снижались все боевые характеристики: танки становились тихоходными, несли слабые пушки и слабую броню.

Нельзя сказать, что конструкторы не понимали этих простых вещей; они понимали, но возрастание объемов и веса считалось естественной и неизбежной платой.

Советские конструкторы танков БТ, Т-34, КВ и ИС помещали двигатель и силовую передачу в одном месте — на корме. Такое размещение имело множество видимых недостатков и одно никому не видимое преимущество: в корпусе танка отсутствовал карданный вал.

За счет этого снизилась высота корпуса и общий силуэт танка. Резко уменьшилась вероятность

поражения танка, особенно с дальних дистанций.

Но самое главное — снизился вес танка. Более того, заколдованные круги завертелись в обратную сторону: снизился вес танка — можно снизить мощность двигателя. Менее мощный двигатель меньше весит и занимает меньший объем. Менее мощный двигатель требует меньше топлива — снова снижается вес и сокращается объем, следовательно, снимаем ненужную броню, опять уменьшая вес, и так далее.

Уловив эту простую закономерность, конструктор мог теперь идти любым путем по своему выбору: можно было мощность двигателя не снижать, а экономию веса направить на усиление броневой защиты, вооружения или ходовых характеристик танка.

Вот здесь и следует искать ответ, почему советский танк ИС-3, фактически ровесник «Тигра-Б», превосходил его по всем параметрам: по скорости, проходимости, вдвое по запасу хода, по бронированию (броня толще, лучшего качества и лучшей формы), по вооружению (122-мм пушка против 88-мм на «Тигре-Б»), При этом ИС-3 имел гораздо более низкий силуэт и весил на 21 тонну меньше.

Это имело далеко идущие последствия. ИС можно было перевозить на стандартной железнодорожной платформе, а «Тигр» — только на специальной платформе и только после особой подготовки. И на переправах у «Тигров» было куда больше проблем: ни один наплавной мост их веса не держал.

Все эти сведения нам потребуются чуть позже. Сейчас запомним главное: сравнивая вес советских и германских танков, нельзя утверждать, что более тяжелый танк обязательно был более мощным. Вовсе нет: советские танки имели рациональную компоновку, а танки Германии, США, Британии, Японии — нерациональную.

Если человек весит 150 кг, то из этого вовсе не следует, что он сильнее того, кто весит 75 кг: человек с большим весом может просто носить ненужный жир, как носили на себе дополнительную броню вокруг в принципе ненужных объемов танки США и Германии.

5

Вернемся к новейшим и устаревшим танкам. Красные военные историки — красвоенисты — одним росчерком пера списали 22 тысячи сталинских танков, просто вычеркнули их из статистики, объявив легкими и устаревшими. Мы к этим танкам еще вернемся. А пока разберем вопрос: что есть устаревший танк в понимании коммунистической науки и чем он отличается от новейшего?

В 1941 году было пять элементов конструкции, наличие хотя бы одного из которых позволяло считать танк новейшим:

- мощное орудие с баллистикой дивизионной пушки, то есть калибром не менее 75-76 мм и длиной ствола не менее 30 калибров;

- противоснарядное бронирование, то есть способность устоять и выжить в условиях, когда противник применяет противотанковую артиллерию;
- широкие гусеницы, которые дают танку способность действовать практически на любой местности при любых погодных условиях вне дорог;
- рациональная компоновка: двигатель и силовая передача находятся рядом;
- дизельный двигатель: легкий, экономичный, и главное — не подверженный быстрому возгоранию.

T-34 и KV были не просто новейшими, но новейшими по всем статьям. В их конструкции все эти пять элементов присутствовали и гармонично сочетались.

Были в Красной Армии великолепные танки БТ. Все они имели правильную рациональную компоновку: двигатель и силовая передача располагались в кормовом отделении. Самые последние модификации этого семейства, танки БТ-7М, имели дизельный двигатель В-2. Тот самый легендарный В-2, который стоял на Т-34 и на KV.

Все танки БТ имели в своей конструкции один из элементов новейшего танка. БТ-7М имели два таких элемента — рациональную компоновку и дизельный двигатель.

Этого недостаточно, — сказали кремлевские знатоки, и все танки БТ отнесли к разряду устаревших, все из статистики вычеркнули.

Итак, подход очень строгий: если в конструкции танка присутствуют все пять элементов, вот только тогда танк считают новейшим и в статистику включают.

Хорошо. Согласимся с таким подходом. И обратим свой взор на германские танки.

6

Товарищи серьезные историки, назовите тот германский танк, который в 1941 году имел все пять элементов конструкции новейшего танка: мощную длинноствольную пушку, противоснарядное бронирование, широкие гусеницы, дизельный двигатель, двигатель и силовую передачу на корме. Поднимите мне веки и укажите на него!

Таких танков в 1941 году в Германии не было ни одного. И во всем остальном мире — ни одного.

Тогда укажите мне тот германский танк, который сочетал бы в своей конструкции четыре элемента новейшего танка.

Затрудняетесь? Есть отчего: таких танков в Германии тоже не было. Ни одного. И во всем остальном мире — ни одного.

А как насчет трех элементов? А все так же. Таких танков тоже не было. А два? Не было танков и с двумя элементами. Ну, а может, какие-нибудь из этих элементов по одному присутствовали на каких-нибудь германских танках? Опять же нет.

В ходе войны германские конструкторы заимствовали советский опыт и создали танки «Тигр»

(1942), «Пантера» (1943) и «Тигр-Б» (1944). Это были лучшие зарубежные танки. Они имели в своей конструкции три элемента, которые относили их в разряд новейших: мощные длинноствольные пушки, противоснарядное бронирование и широкие гусеницы. Но двигатели устанавливались на корме, а силовая передача — в передней части корпуса. Это нерациональное решение, указывающее на техническую отсталость. И создать танковый дизель в ходе войны Германия не сумела. Войну пришлось завершать на карбюраторных двигателях.

В США, Британии и Японии дела в танкостроении обстояли несколько хуже, чем в Германии.

7

В моей библиотеке, которой я горжусь, об одних только танках — сотни томов. И нет ни одного, который бы не высмеивал советские «устаревшие» танки 1941 года. Над нашими «устаревшими» танками 1941 года смеется весь мир. А когда наши союзники бахвалятся победами в Северной Африке и высадкой в Нормандии, мы почему-то не смеемся. Мы почему-то не говорим, что они воевали на устаревших танках и войну завершили — тоже на устаревших.

А примеры — вопиющие.

Американский легкий танк М3 выпускался в огромных (в американском понимании) количествах до 1943 года, но использовался до конца войны и после нее. Детали легонькой противопульной брони этого танка не сваривали — их соединяли заклепками. Как на броненосцах XIX-го века.

На танке М5 стояли два автомобильных двигателя, а на танке М4А4 — блок из пяти двигателей, превращавших мотор в 20-цилиндрового зверя (Chamberlain P. and Ellis C. *British and American Tanks of World War Two*. New York: ARCO, 1969. С. 110).

Как работали пять автомобильных двигателей в одном силовом отделении танка, пусть каждый попробует представить сам. У меня не получается.

В 1940 году в американском Конгрессе были произнесены слова, которые вошли в историю: *«Вчера я видел все танки Соединенных Штатов, сразу все четыреста».*

В июне 1940 года для защиты Британских островов Черчилль имел меньше ста танков — их количество выражалось двузначным числом.

Красная Армия единственная в мире в начале войны имела танки, в конструкции которых сочетались сразу все пять элементов новейших боевых машин. И было у Сталина одних только новейших танков Т-34 и КВ больше, чем в Британии, США и Японии танков всех типов вместе взятых.

Германия только во второй половине войны смогла наладить выпуск «Пантер» и «Тигров», в конструкции которых сочеталось по три элемента новейшего танка. Остальные страны этого сделать не смогли.

И вот весь мир смеется над нашими «устаревшими» танками.

А между тем 22 июня 1941 года Гитлер вступил на советскую территорию, имея всего только 3 350

танков.

И ВСЕ ОНИ БЫЛИ УСТАРЕВШИМИ.

ГЛАВА 21. Сколько часов до Плоешти?

Военная доктрина Красной Армии гласит: бить врага на его же территории.

Красная Звезда. 18 апреля 1941 г.

1

Много лет назад в Советском Союзе были опубликованы сведения о том, что накануне войны некоторые устаревшие советские танки были настолько изношены, что их ресурс составлял всего 40-150 часов. Другими словами, им оставалось от 40 до 150 часов активной жизни.

Сообщение произвело сенсацию, и в любой книге по истории танков и вообще по истории войны мы встретим эти самые 40-150 часов. Эти цифры приводят как доказательство полной неготовности Красной Армии к войне.

Цифры действительно ошеломляющие. В 1985 году, когда мне удалось, наконец, пробить в печать несколько глав из «Ледокола», три ведущих американских военных историка опубликовали гневное открытое письмо, в котором задали мне много вопросов. Среди прочего: знаю ли я, что некоторые советские танки имели ресурс всего только по 40-150 часов? Понимаю ли я, что для Германии эти танки никакой опасности представлять не могли?

Трем знаменитым американским историкам я задал встречный вопрос: а какой ресурс имели германские танки на 22 июня 1941 года?

От ответа они уклонились.

Такой подход некоторых ученых мужей к методике исторических исследований меня огорчает. Все познается в сравнении. Где же сравнения? Публикуя любые статистические сведения об одной стороне, немедленно публикуйте сведения и о другой.

Если мы не будем сравнивать, то ничего не поймем, ничему не научимся.

Возразят: да чего же тут сравнивать! Цифры говорят сами за себя. 40-150 часов активной жизни — это ужасно.

Разберемся.

2

В разных армиях активная жизнь танка и межремонтные сроки исчисляются в разных единицах измерения: одни межремонтный пробег измеряют в километрах, другие — в милях, а в Красной Армии — в часах.

В книге «Рассказы освободителя» я с гордостью сообщил, что советские танки (речь шла о танках 1960-х годов), выходя с завода, имеют гигантский, почти невероятный ресурс в 500 часов активной жизни. На Западе каждый, кто это читал, принимал мое сообщение за шутку и смеялся до слез. Один американский автор написал популярную книгу о том, что Советская Армия не может представлять

никакой угрозы. В принципе книга американского автора была просто пересказом моей книги, но с веселыми комментариями. Понятно, над ресурсом в 500 часов он долго смеялся, а потом сообщил, что танки западных армий имеют во много раз больший ресурс.

Автор явно не понимал, что танк имеет много жизней. После 500 часов танк возвращают на завод и делают то, что на русском языке называется капитальным ремонтом, на английском — *rebuild*.

Термины разные — значения одинаковые: с танка снимают все, оставляя один голый корпус, и на корпус монтируют новый двигатель, силовую передачу и все остальные узлы и агрегаты. Пройдя заводской ремонт, советский танк получает новую жизнь еще 500 часов. Такой капитальный ремонт танк переносит лучше, чем автомобиль: броневой корпус танка не изнашивается, как каркас автомобиля. На броневой корпус можно много раз подряд ставить новые агрегаты.

А теперь все-таки попытаемся сравнить ресурс «устаревших», изношенных сталинских танков 1941 года с современными западными показателями. Может быть, все и не так смешно, и не так ужасно.

Самым грозным противником советских танков в Европе во времена «холодной войны» были не американские и даже не германские, а британские танки. Это понятно: когда «Леопарды» и «М-60» имели 105-мм пушки, британские «Чифтены» уже имели 120-мм пушки. И по броневой защите они резко превосходили и германские, и американские танки. Не будем забывать и о том, что на британских танках стояли не просто двигатели, а многотопливные моторы фирмы «Роллс-Ройс». Разве кого-то было что-нибудь лучше?

Так вот, приглашаю своих читателей на танковые заводы в Шеффилд и на 18-ю ремонтную базу бронетанковой техники в Бовингтоне, графство Дорсет.

Итак, каждый новенький «Чифтен», выходя с завода, имел ресурс 3 000 миль, или 4 827 километров. В мирное время этот ресурс делится на шесть лет. В год британский танк проходит 500 миль, или в переводе на понятную нам систему — 800 километров. Это лимит, который превысить нельзя. После шести лет столь беспощадной эксплуатации танк возвращают на ремонтную базу, «раздевают догола» и делают, как англичане выражаются, «ребилт», или, в переводе на русский, перестройку.

Всем, кто на британские танковые и танкоремонтные заводы доступа не имеет, а на слово мне не верит, рекомендую журнал британской армии «Фокус» за февраль 1993 года (С. 11).

А теперь мили (или, если угодно, километры) переведем в часы. Средняя скорость «Чифтена» — 25 миль/час (максимальная — 30 миль/час). Разделим ресурс 3 000 миль на среднюю скорость и получим ресурс в часах — 120 часов. Именно столько имел каждый новенький «Чифтен», вышедший с завода, — 120 часов активной жизни.

Если танк гонять с максимальной скоростью, то его ресурс сократится до 100 часов.

120 часов активной жизни британского танка делят на шесть лет: по 20 часов в год на боевую подготовку, вождения, стрельбы, учения. 20 часов в год — это, кроме всего, и боевые тревоги в

моменты частых обострений обстановки в период «холодной войны».

Понятно, не все танки столь зверски эксплуатируют. 1 ноября 1994 года Бристольская телевизионная компания НТВ показала сюжет о британском фермере из Глостера, который превратил свою ферму в танкодром. Он купил десяток танков, бронемашин и бронетранспортеров, среди которых и один «Чифтен». Достался фермеру «Чифтен» по дешевке — всего за десять тысяч фунтов. Выпущен этот танк был в 1971 году, состоял на вооружении 1-го корпуса Британской Рейнской армии, был списан в 1994 году. За 23 года активной службы танк бывал на многих учениях, были вождения, маневры, учебные и боевые тревоги и прочая и прочая. За 23 года активной жизни танк прошел 200 миль, то есть чуть больше 300 км. В перестройке не бывал. При средней скорости 25 миль/час — это 8 часов за 23 года.

Некоторые наши историки объявили, что советские танкисты летом 1941 года наездили всего по несколько часов. Сушая правда. Но рекомендую еще раз прочитать главу о Паше Ангелиной в книге «День М». Здесь я напомним о том, что из резерва в Красную Армию было тайно призвано 200 тысяч водителей тракторов. А профессиональный водитель трактора поведет любой танк — не велика разница. Это во-первых.

А во-вторых, уж если мы за сравнения взялись, то в самой профессиональной армии мира, в британской, 8 часов вождения за 23 года — это тоже не очень много. За эти годы в танке сменилось не менее шести экипажей. Понятно, есть в Британской армии танки, которые гоняют по 20 часов в год, но не все.

И 20 часов в год — это лимит, который может быть нарушен только в ходе боевых действий. 20 часов в год — это не на одного водителя, а на весь экипаж из четырех человек. Конечно, большая часть вождения выпадает на водителя, но ведь и другим членам экипажа надо иметь навыки. И как-то они обходятся. И считают себя профессионалами. И имеют для этого все основания.

А теперь вернемся к тем 40–150 часам, которые имели некоторые советские «устаревшие» танки перед войной. Повторю: мы говорим не обо всех, а только о некоторых «устаревших». Наши БТ-7 выходили с заводов с ресурсом 600 часов. В большинстве своем на 22 июня 1941 года советские танки имели больше 150 часов ресурса.

В современной Британской армии, если танк имеет 40 часов ресурса, его держат в строю еще минимум два года, пока весь ресурс не выработает. А могут с ресурсом 40 часов держать в резерве много лет, в консервации, не позволяя драгоценные ресурсы расходовать. Основных боевых танков с ресурсом в 150 часов в Британии вообще не выпускают.

Повторяю: они выходят с завода с ресурсом 3000 миль, что в переводе на время активной жизни составляет 120 часов.

Чтобы понять метод работы красных историков, мы вновь обратимся к американским и японским линейным кораблям периода Второй мировой войны. На американских линкорах, серию которых начали строить в 1940 году, главный калибр — 406 мм. На каждом линкоре — девять орудий главного калибра в трех башнях.

Спросим человека с улицы: сколько может весить одна орудийная башня с тремя 406-мм пушками?

Обычные ответы: сто тонн, двести тонн... Таков психологический эффект малых единиц измерения: мы называем калибр в миллиметрах, и это никак не вяжется с большим весом. Между тем каждая орудийная башня типа МК7 с тремя пушками весит 1 708 тонн без боеприпасов и экипажа.

Экипаж башни — 212 человек. Четыре таких линкора даже и после крушения Советского Союза все еще находились в строю. На одном из них — «Нью Джерси» — мне удалось побывать в 1987 году.

Признаюсь: впечатляет.

Если калибр пушек увеличить на 54 мм, то возрастет вес самих пушек, а следовательно, и орудийной башни. Японцы на линкорах типа «Ямато» ставили пушки калибром 460 мм. Один ствол — 165 тонн. Три ствола — 495 тонн. Но стволам нужны подъемные механизмы, противооткатные устройства... И все это надо поместить во вращающуюся башню с лобовой броней 650 мм — полметра с гаком.

Общий вес каждой башни получился 2 510 тонн (Campbell J. Naval Weapons of World War Two. London: Conway, 1982. С. 180). Каждая такая башня имела 268 человек экипажа и боекомплект в 100 выстрелов на ствол, 300 — на башню. Вес снаряда — 1460 кг, вес заряда — 330 кг. Но это мы, понятно, не учитываем.

Все это иллюстрирует психологические особенности нашего восприятия: невозможно поверить в то, что увеличение калибра пушек всего на 54 миллиметра привело к увеличению веса башни на целых 802 тонны.

Это трудно воспринимается. Вот именно на такой психологический эффект и рассчитывали серьезные историки.

Психология — то оружие, которым кремлевские сочинители владеют мастерски. Объявив, что некоторые устаревшие советские танки имели ресурс «всего лишь 40–150 часов», они вызвали бурю смеха и веселья. Наш мозг не принимает такую цифру, наш мозг протестует. Высоколобые объявили смешную цифру, и нас после этого не тянет на сравнения. Нам и без сравнений ясно, что в Германии не могло быть таких смешных цифр.

Вот так понемногу из малых (и вполне достоверных) фактов складывается картина: Гитлер — коварный злодей, вооруженный до зубов, грызущий Европу, а Сталин — наивный дурачок, ни к чему не способный, к войне не готовый и ни для кого угрозы не представляющий, и армия у Сталина состоит из придурков, и танки изношены до такой степени, что у некоторых ресурс, смешно сказать,

всего лишь 40-150 часов...

4

Какую методику мы ни применим, спорить нельзя — активная жизнь танка коротка. И совсем не зря танк почти всю свою жизнь стоит на месте. Не зря его перевозят с места на место на тяжелом прицепе, на трейлере. Мы думаем: это для того, чтоб танк дороги не портил. Но вот идет война в пустыне, и все равно все воюющие страны везут танки по пустыне на трейлерах, где только это возможно.

Да почему же?

Да потому, что танк быстро изнашивается. Чтобы понять это, обратим наше внимание на гоночный автомобиль. Его цена несравненно выше цены обычного автомобиля. Гоночным автомобилем управляет профессионал звездного класса, а рядом — целая команда ремонтников. Странное дело: обернулся автомобиль несколько кругов, а ему уже колеса меняют, ему двигатель регулируют. Колеса у него вроде самые лучшие и двигатель, какой нам не снился.

Отчего же гоночный автомобиль все время ремонтируют, а моя драндулетка седьмой год ходит, мили сотнями тысяч отсчитывает? Да оттого, что гоночный автомобиль работает на пределе возможного и за этим пределом.

Теперь обратим внимание на олимпийского чемпиона: огромный человечище, мускулы — залюбуешься, и весь обвешан медалями. Но странное дело — пробежал всего сто метров (сто!) и отдышаться никак не может, и падает на траву, и врачи вокруг него суетятся и тренеры.

А я вокруг стадиона могу три раза обойти. И не падаю. В чем же разница?

В том разница, что я хожу, не очень напрягаясь, а он бежит так, чтобы победить или умереть.

Вот и танк из той же породы. Танк работает на пределе возможностей, за этим пределом и всегда в экстремальных ситуациях. Танк несет многие тонны брони, агрегатов, механизмов, вооружения и боеприпасов через грязь и песок, в жару и мороз, он идет через камни и болота, его бросает с ухаба на ухаб.

Мало того, каждая секунда жизни танка может оказаться последней, и потому водитель то рвет с места до самого предела, то тормозит, то внезапно разворачивает, то снова гонит его вперед на всю мощь двигателя. В бою танк бьет своим лбом локомотивы и вагоны, ломает стены, заборы, деревья, давит людей и машины. Ему тоже достается...

Потому танк долго не живет. Он может долго жить лишь в ангаре, ожидая своего часа.

5

Когда не очень умные (или не очень честные) историки смеялись над некоторыми советскими танками, ресурс которых был «всего лишь 40-150 часов», я говорил: давайте сравним.

Но ни один из смеющихся не спешил сравнивать.

А между тем у Гитлера были свои проблемы. 29 июня 1941 года в подземном бетонном бункере Гитлера идет совещание высшего командного состава. Прошла первая неделя войны, и решается принципиальный вопрос, как использовать 4-ю танковую группу.

Есть два варианта.

Первый: бросить ее прямо на Москву.

Второй: сначала на Ленинград, а уж потом на Москву.

От границы до Москвы по прямой — 1 000 километров, а если ударить на Ленинград, а потом на Москву, то танкам придется пройти 1 700 километров.

И раздаются голоса, что хорошо бы двух зайчиков убить — и Ленинград взять, и Москву. А другие говорят: нельзя время терять, надо прямо на Москву. Мнения разделились, и в этом споре мудрый генерал-полковник Альфред Йодль обращает внимание на то, что движение танковых соединений на Ленинград может превысить их моторесурс.

Операция планируется в обстановке, когда сильного сопротивления Красной Армии не ожидается. Стоит жаркое лето. Если дороги плохие, можно идти просто вне дорог. Танк, в конце концов, не для дорог придуман.

При скорости 25 км/час расстояние в 1 700 километров можно пройти за 70 ходовых часов. Если маневрировать, уходить в сторону, возвращаться, отходить, снова идти вперед, то и тогда 100 ходовых часов вполне достаточно, чтобы от границы дойти до Питера, а потом до Москвы.

Но мудрый генерал проявляет беспокойство. А в беспокойстве проявляется знание. Генерал знает, чем пахнет настоящий танк, и видел его не только на параде. Поэтому для него цифра 40-150 часов не могла показаться смешной.

Если бы у всех германских танков на 22 июня было по 150 часов ресурса, то и проблем бы не было: дошли бы до Питера, захватили его, а потом дошли бы до Москвы. Но нет у германских танков 150 часов. Видимо, у большинства нет и 100 часов. Оттого и беспокойство.

Истекла вторая неделя войны. 3 июля 1941 года генерал-полковник Франц Гальдер делает запись в служебном дневнике: *«Кампания против России выиграна в течение 14 дней»*.

В тот же день решается вопрос, куда повернуть 2-ю танковую группу из-под Смоленска. Обсуждаются две возможности: Смоленск — Харьков, 744 км, и Смоленск — Азовское море, 1150 км. Еще нет ни грязи, ни снега, ни мороза, сопротивления Красной Армии не предвидится: в германском руководстве решили, что война уже выиграна. Надо просто совершить марш танковыми колоннами, которым, как предполагается, никто не помешает.

Но возникает вопрос, хватит ли ресурса у танков? Танки воюют уже две недели, танки уже сильно изношены, а до Харькова при скорости 25 км/час надо потратить 30 часов ходового времени. Генералы, которые знают толк в танках, высказывают вполне обоснованные опасения: хватит ли

ресурсов? А до Азовского моря и того дальше — 40–45 часов.

Лубянские историки смеются над малым ресурсом некоторых «устаревших» советских танков. Но люди, которые планировали и вели войну на стороне Германии, не смеялись над ресурсом в 30, 40, 45 часов. Нехватка или наличие такого ресурса означали победу в войне или поражение.

6

Разберемся: были ли сталинские танки с ресурсом в 40–150 часов опасны для Германии? Или, другими словами, какой минимальный ресурс должны были иметь советские танки для нанесения сокрушающего удара в «освободительной войне» за Европу?

Давайте считать вместе.

От советской границы до нефтепромыслов Плоешти — 180 км. Это чистая открытая местность. Тут у самых границ были сосредоточены войска Одесского военного округа. В их составе 1043 танка (Хорьков А. Г. Грозовой июнь. М.: Воениздат, 1991. С. 21).

В ближайшее время округ должен был дополнительно получить еще 220 танков. Кроме того, против Румынии был развернут 16-й механизированный корпус (608 танков) соседнего округа.

Позади этих войск в первой половине июня на железнодорожных станциях разгружались соединения и части 16-й армии, которая под прикрытием Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 года тайно перебрасывалась из Забайкалья. В составе этой армии 1370 танков. Сюда же тайно перебрасывается и 19-я армия. В ее составе 484 танка. Всей этой массе советских войск противостояли войска Румынии (60 танков).

Одесский военный округ и 16-й механизированный корпус Киевского особого военного округа — это 1651 танк. Это в 27 раз больше танков, чем в Румынии.

Если учесть новые поступления танков в Одесский округ и танки армий, которые уже разгружались вблизи румынских границ, то соотношение станет 3725 советских танков против 60 румынских, то есть больше 60 советских танков против каждого румынского.

Если и этого мало, то против Румынии могут быть повернуты танки 9, 19 и 24-го механизированных корпусов, не говоря о воздушно-десантных корпусах, авиации и прочих силах.

Советский «устаревший» танк БТ-7М даже официально имел скорость 86 км/час (на самом деле больше). Противостоящие ему румынские танки FT-17 имели максимальную скорость 9 км/час. Поэтому советские танки могли просто не обращать внимания на румынские танки и обходить их стороной.

Если даже 1 000 советских танков бросить в затяжные бои против 60 румынских, то и тогда сотни и тысячи других смогут беспрепятственно идти в Плоешти, не сворачивая и не маневрируя.

Если идти со скоростью 25 км/час, то, чтобы добраться до Плоешти, танкам потребуется 7–8 часов. Одна ночь. Однако у нас не простые танки, а быстроходные, специально для такого дела созданные.

Местность впереди ровная, грунт твердый, дороги хорошие. Танки БТ тут вполне могут идти со скоростью 40-50 км/час, а сбросив гусеницы — 70-80 км/час. До Плоешти — 3 (три!) часа чистого ходового времени.

И совсем не обязательно всем танкам дойти до нефтяных вышек: если дойдут десять танков, то и этого достаточно. Нефтяные промыслы можно поджечь зажигательными снарядами или даже просто солдатской зажигалкой.

23 августа 1939 года в Москве товарищ Сталин (рукою Молотова) подписал такой пакт, по которому Гитлер получил войну на два фронта, по которому британский флот блокировал Германию и не допускал подвоза нефти морем. У Германии оставался единственный достойный упоминания источник снабжения нефтью. Его потеря означала бы остановку германской промышленности и паралич армии, авиации и флота.

Без нефти воевать нельзя. Нефть — не только топливо, но и сырье для химической промышленности, без которого обойтись невозможно. Если одна советская танковая рота в десять танков появится в районе Плоешти и если у каждого танкиста в кармане окажется коробок спичек, то война в Европе завершится крушением Третьего рейха.

Если бы у Сталина были танки с ресурсом всего от 1-2 до 5 часов, то и тогда они были бы смертельно опасны для Германии и для всей Европы: танки с минимальным ресурсом ведут бой с места, сковывают противника, время от времени меняя позиции (на что тратится несколько минут ходового времени), а в это время танки с ресурсом 4-5 часов совершают рывок к нефтепромыслам.

Германия производила значительное количество синтетического горючего. В конце войны. В 1941 году его производилось недостаточно. Кроме того, только синтетическим горючим решить все проблемы армии невозможно. Захват Плоешти советскими войсками или просто пожар на нефтепромыслах означал паралич Германии.

7

Вот этого и ждали тысячи других советских танков. От Бреста и Львова, от Белостока и Гродно путь до Берлина совсем короткий. Если германская армия и авиация парализованы, если никто не мешает, то по хорошим дорогам танковые клинья могут дойти не только до Берлина и Мюнхена, но и до Парижа, Марселя и Мадрида.

Ресурс 40 ходовых часов при скорости 25 км/час — это 1 000 километров. Но Западная Европа — это не Смоленская область и не Псковская. Тут танковые колонны могут идти со скоростью вдвое-втрое более высокой. Потому за 40 ходовых часов можно пройти не одну тысячу километров, а две и больше.

Одна тысяча километров от советских границ — это Бухарест, София. Афины, Белград, Будапешт, Вена, Берлин, Мюнхен, Гамбург, Копенгаген. Две тысячи километров — это не только Париж и Рим, но

и Тулуза и Барселона.

А 150 ходовых часов — это просто огромный ресурс. Даже при скорости 25 км/час за 150 ходовых часов танк проходит без капитального ремонта 3 750 километров. При более высокой скорости на европейских дорогах пробег будет больше. С ресурсом в 150 часов можно захватить не только Европу.

Напомню, что мы говорим лишь о некоторой части «устаревших» советских танков. У остальных моторесурс был выше 150 часов.

Удар по Румынии решал и проблему ремонта танков. После такого удара тысячи исправных танков можно было бросать в Европу, тысячи неисправных — спокойно ремонтировать и по мере готовности вводить в сражения.

Возразят, что танки на войне идут не по прямой, а маневрируют.

Согласен. Это называется коэффициентом маневра. В наступательных операциях против слабого противника (а Румынию мы при всем желании к сильным отнести не можем), особенно во внезапных операциях, коэффициент маневра редко поднимался выше 1,3. Другими словами, фактический пробег может быть примерно на 30% выше глубины боевой задачи. В нашем случае при глубине задачи в 180 км реальный пробег мог составить 230-240 км. Этот путь танки могли пройти не за три, а за четыре часа.

В 1945 году Красная Армия нанесла внезапный удар по японским войскам в Маньчжурии и Китае. 6-я гвардейская танковая армия совершила беспрецедентный рывок через пустыню, горный хребет Большой Хинган и рисовые поля к океану. За И суток танковая армия по бездорожью покрыла расстояние по прямой в 810 километров, а ее передовые отряды — 1100 километров. В этом рывке принимали участие и сотни танков БТ-5, БТ-7, Т-26, сохранившихся в войсках Дальнего Востока. Танки с малым ресурсом использовались в приграничных боях, а танки с ресурсом 40 и более часов дошли до океана.

Вывод: с августа 1939 года, с момента подписания пакта Молотова-Риббентропа, вся континентальная Европа жила под угрозой нависшего над ней советского топора. Удар в нефтяное сердце Европы мог быть смертельным. Все советские танки, новейшие и старые, вышедшие с заводов и уже почти выработавшие ресурс, представляли угрозу не только для Германии, но и для всей Европы.

Легенды о «неготовности» Сталина к войне легко разоблачаются, как только от однобокого рассмотрения проблем мы переходим к сравнениям.

Все познается в сравнении. Жаль, что некоторые уважаемые историки не желают сравнивать.

ГЛАВА 22. Для чего нужны тяжелые танки.

Мы только сейчас осознали, как хорошо русские были подготовлены к войне.

Адольф Гитлер. 3 октября 1941 г.

1

Воюющие армии в Первой Мировой войне быстро вошли в состояние позиционного тупика. После короткого периода маневренных действий все армии мира зарылись в землю, перерезали континент траншеями и изводили друг друга тупым, изматывающим взаимным истреблением. Случаи, когда удавалось взломать фронт противника, можно пересчитать по пальцам одной руки. Но если и выходило огромными усилиями фронт прорвать, то вырваться на оперативный простор не получалось — развить успех было нечем. Наступающие войска шли в прорыв, но противник успевал создать перед ними новую линию траншей, и наступление захлебывалось.

Для того чтобы победить противника в новой мировой войне, надо было обеспечить своим войскам свободу маневра на театре боевых действий, свободу движения на самых выгодных направлениях. В каждой наступательной операции грядущей войны предстояло решить двудеиную задачу:

1. взломать фронт противника;
2. немедленно ввести в прорыв массы подвижных войск, способных развить успех, нанести сокрушительный удар на огромную глубину.

Для решения двух частей этой задачи требовались разные инструменты:

1. *для взламывания фронта* — мощная артиллерия, доблестная пехота, отважные саперы и тяжелые танки прорыва;
2. *для развития успеха* — легкая мобильная артиллерия, столь же доблестная, но посаженная на автомашины или на броню танков мотопехота и танки, способные совершить бросок через континент к океану.

Поэтому для решения двух составных частей единой задачи создавались два танка с весьма разными характеристиками.

Первый: тяжелый танк прорыва, которому предстояло действовать в тактической полосе. Ему требовалось мощное вооружение, тяжелая броня, хорошая проходимость. Ради них можно было пожертвовать скоростью и в какой-то мере — запасом хода.

Второй: средний танк, которому предстояло в составе мощных подвижных группировок развивать тактический успех в оперативный, а в некоторых случаях — и в стратегический. Этому танку тоже требовалось мощное вооружение и хорошая броня. Однако он должен был быть способным совершить рывок на всю глубину армейской или даже фронтовой операции.

Да, ему нужна огневая мощь и хорошая броня. Однако скорость по дорогам и пересеченной

местности, проходимость, маневренность, удельное давление на грунт, запас хода — то есть все, что относится к движению, приобретает первостепенное значение. Так вот: создавая танк, который предназначен для ведения глубоких операций, мы сознательно жертвуем огневой мощностью и броневой защитой.

Хорошо бы иметь танк, который подходил бы как для прорыва тактической полосы обороны, так и для стремительных действий на оперативном просторе. Такие танки были созданы во второй половине XX века — их называют основными боевыми танками. Попытки создать такие танки предпринимались еще до Второй мировой войны и в ходе нее. Яркий пример тому — KV-13. Но уровень развития техники первой половины XX века решить эту задачу не позволял.

Одно из двух:

- или огромная огневая мощь и тяжелая броня, но тогда ходовые характеристики будут не самыми лучшими;
- или отменные ходовые характеристики, но тогда придется пожертвовать огневой мощностью или ослабить броневую защиту.

Помимо этих двух основных типов танков, для ведения разведки и охранения нужны легкие танки, желательно — плавающие.

И еще: все танки, как и все остальные системы оружия, должны быть предельно простыми. Я не сказал — примитивными. Я сказал — простыми! Простыми в производстве, управлении, обслуживании, ремонте. Конструкция танка должна быть такой, чтобы его можно было производить огромными сериями, чтобы воевать на нем могли люди средних способностей после короткой интенсивной подготовки.

Расчеты показали, что тяжелый танк прорыва должен был иметь боевую массу в районе 45-50 тонн. Тут нельзя переборщить, иначе танк будет ломать дороги и мосты, возникнут проблемы с переброской по железным дорогам и при форсировании водных преград. А средний танк должен иметь боевую массу в районе 30 тонн.

2

Впервые танк прорыва был создан во Франции в ходе Первой мировой войны, однако его производство было развернуто уже после ее завершения. Танк назывался FCM 2С. Боевая масса — 70 тонн; впоследствии ее довели до 75 тонн. Всего выпущено 10 машин этого типа.

Это были настоящие монстры. Высота — более 4 метров. Вооружение — 75-мм пушка и до десятка пулеметов. Два двигателя по 250 лошадиных сил каждый. Удельная мощность — меньше 7 л. с. на тонну веса, потому что максимальная скорость танка по шоссе — 12 км/час.

Уже в 1927 году был поставлен вопрос о том, чтобы все десять разобрать на металлолом, так как никакой боевой ценности эти машины не представляли: слишком огромны, слишком тяжелы,

слишком медлительны, слишком уязвимы, слишком слабы.

Танк удалось отстоять. Эти машины либо годами стояли в консервации, либо использовались для демонстрации военной мощи. Для показухи — если на наши понятия перевести. Но интерес к развитию тяжелых танков прорыва во Франции был потерян.

Во Второй мировой войне эти десять танков себя не проявили никак. 16 июня 1940 года экипажи вскрыли топливные баки и подожгли свои машины. Когда хорошо разгорелось — авиационный бензин в таком деле незаменим, — грохнул боекомплект. Танки были уничтожены экипажами, так никогда и не произведя ни одного выстрела по противнику.

3

Во Второй мировой войне танки были оружием стратегическим. Тот, кто роли танков не понимал, был обречен. Посему говорить о готовности или неготовности к войне нельзя, не вспомнив о танках. Начнем с тяжелых, ибо тяжелый танк остальным танкам вроде диктатора. Он среди них занимает именно то положение, которое лев занимает в царстве зверей. И вовсе не зря во время войны тяжелые танки нарекали именами зубастых хищников и грозных диктаторов.

В 1941 году только в двух армиях мира была осознана необходимость иметь тяжелые танки прорыва. Это были армии Германии и СССР.

Приказ о начале работ над проектом первого германского тяжелого танка был отдан 26 мая 1941 года. Проект назывался VK45.01: 45 тонн, образец первый. К 22 июня немецкие конструкторы успели набросать первые эскизы. До экспериментальных образцов в металле было еще далеко, но эскизный проект тяжелого танка уже существовал.

Работы по созданию тяжелого танка прорыва в Советском Союзе начались раньше — в 1930 году. В 1933 году первый советский тяжелый танк Т-35 был пущен в серию и поступил на вооружение войск. Это был пятибашенный гигант весом в 45 тонн, экипаж — 11 человек, вооружение — три пушки и шесть пулеметов, броня толщиной 30 мм.

Конструкция Т-35 постоянно совершенствовалась. На модели 1938 года количество пулеметов увеличено до семи, а толщина брони была увеличена до 50 мм. Последняя серия Т-35 поступила в войска в 1939 году, но танк совершенствовался и после того, как производство было завершено: после войны в Финляндии все Т-35 вернули на заводы и усилили броневую защиту до 80 мм, при этом вес танка возрос до 50 тонн.

4

В 1939 году в боевых условиях прошли государственные испытания три типа новейших советских тяжелых танков прорыва: KB-1, СМК и Т-100. Эти танки испытывались на «противотанковой» местности — в условиях, в которых боевое применение танков даже теоретически невозможно.

Тяжелые советские танки выдержали экстремальные нагрузки войны в Финляндии: бездорожье, невидимые под снегом валуны, непроходимые леса, болота, губительный огонь, бескрайние минные поля, противотанковые рвы, надолбы, стальные ежи, эскарпы и контрэскарпы, снег и мороз, на котором стынет кровь. Кровавым экспериментом в Финляндии было доказано, что советские тяжелые танки прорыва даже и в таких условиях могут воевать, причем воевать успешно.

Из трех тяжелых экспериментальных танков лучшим был признан КВ-1. 19 декабря 1939 года он был принят на вооружение Красной Армии и промышленность получила приказ о развертывании серийного производства.

В феврале 1940 года в боевых условиях был испытан тяжелый танк КВ-2 и тоже принят на вооружение.

КВ-1 и КВ-2 весили соответственно 47 и 52 тонны. КВ – первый в мире танк с действительно противоснарядным бронированием: лобовая броня – 75 мм с возможностью дальнейшего усиления. Широкие гусеницы КВ позволяли воевать практически на любой местности в любых погодных условиях. Широкие гусеницы КВ в буквальном смысле победили природу. Представьте ситуацию 1941 года: в грязи и снегу немецкие танки вязнут, экипажи (в том числе и будущие историки) клянут бездорожье и плохую погоду, а КВ прет через грязь и снег, заходит во фланг и тыл, выбирает цели, сокрушает их и стремительно идет дальше.

И если Гитлер войну проиграл, то не грязь и мороз тому виной, а германские конструкторы, которые рассчитывали на легкие победы, которые создавали танки для опереточной войны, для тепличных условий, для действий только во время курортного сезона, и то только там, где есть хорошие дороги. А надо было танки создавать не для парадов, а для войны. И испытывать их в Финляндии. Надо было гусеницы пошире ставить. И дизельный двигатель.

КВ имел дизельный двигатель мощностью 600 л. с. Советский танковый дизель, как мы уже знаем, превосходил все зарубежные танковые двигатели по мощности, надежности, экономичности, кроме того, использование дизельного двигателя резко снижало вероятность возникновения пожара. Такого двигателя (или хотя бы близкого по характеристикам) в начале войны не имела ни одна страна мира, кроме СССР, и ни одна страна, кроме СССР, не смогла создать такой двигатель до самого конца войны.

5

Враги нашего народа не могут спокойно смотреть на наши достижения. Они не упускают случая, чтобы принизить, извратить и изгадить то, чем нашему народу надлежит гордиться.

На самых первых КВ-1, как и на первых Т-34, стояла 76-мм пушка Л-11 с длиной ствола 30,5 калибров. И вот журнал «Родина» с ехидством и каким-то садистским сладострастием сообщает, что стволы этих орудий были слишком короткими.

Все познается в сравнении. Самое мощное германское танковое орудие 1941 года имело калибр 75 мм, длина ствола — 24 калибра. Калибр почти такой же, разница в длине ствола вроде не существенна. Однако даже такая разница в сочетании с более тяжелым снарядом и более мощным зарядом давали ощутимый прирост начальной скорости снаряда. У германского танка начальную скорость снаряда — 385 м/сек, а на самых первых KV-1 и T-34 — 612 м/сек. В результате дульная энергия, то есть начальная кинетическая энергия снаряда в момент вылета из ствола, была в два с половиной раза выше, чем на лучшем германском танке.

Разница в начальной скорости — это не только разница в энергии снаряда, но и в точности стрельбы. Очернителям нашей истории из журнала «Родина» на заметку: главное не в миллиметрах, секундах и килограммах. Главное — в другом. Мощи танковых пушек, которые устанавливали на самые первые варианты танков KV-1 и T-34, вполне хватало для успешной борьбы с любыми танками любой страны мира. А мощности самой лучшей германской танковой пушки, как и пушек всех остальных стран мира, было недостаточно для борьбы с T-34 и KV-1.

С февраля 1941 года на T-34 стали ставить пушку того же калибра, но с длиной ствола в 41,6 калибр. С сентября 1941 года такую же пушку стали ставить и на KV-1. Начальная скорость снаряда возросла до 662 м/сек.

6

В 1938 году в Советском Союзе была создана 152-мм гаубица М-10. В ходе войны значительное количество этих орудий было захвачено противником. М-10 состояла на вооружении германской армии до самого конца войны, а в армии Финляндии М-10 не только отвоевала всю войну, но и долгие годы состояла на вооружении после нее. Последние экземпляры этой пушки были сняты с вооружения... 13 апреля 2001 года.

М-10 — шедевр конструкторской мысли. Перед войной советские конструкторы совершили технологический подвиг. Они создали вариант этой гаубицы, назвали его М-10Т и установили на танк KV-2.

Самый мощный немецкий танковый снаряд того времени весил 6,8 кг. Это хороший снаряд к очень хорошему орудью. А KV-2 мог вести огонь бетонобойными снарядами весом 39,9 кг (начальная скорость 529 м/сек), осколочно-фугасными весом 48,7 кг, и даже морскими полубронебойными весом 51,07 кг.

Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Франц Гальдер просто не поверил, когда ему сообщили об орудии такого калибра на советском танке (запись в рабочем дневнике Гальдера от 24 июня 1941 года).

7

В феврале 1940 года в ходе испытаний в Финляндии соперники КВ, тяжелые танки СМК (весом 55 тонн) и Т-100 (весом 58 тонн) тоже выдержали государственные испытания и, если бы выбор пал на любой из них, могли быть пущены в серию. Помимо этих танков были созданы и представлены на государственные испытания КВ-3 и КВ-220, шли работы по созданию КВ-4 весом в 90 тонн и КВ-5 весом 100 тонн.

Таким образом Германия и СССР разделили два первых места в тяжелом танкостроении. А на третьем месте никого не было: во всех остальных странах мира в тот момент генералам и конструкторам не приходило в голову тяжелый танк даже нарисовать на бумаге.

Теперь уточним ситуацию. В 1941 году в Германии тяжелый танк — только в смелых замыслах. В остальных странах нет и этого. А в Советском Союзе — 60 танков Т-35 и 711 КВ-1 и КВ-2. Кроме того, развернуто их серийное производство. А германским конструкторам надо еще чертить и чертить, потом строить опытные образцы, потом их испытывать и налаживать серийное производство...

Как же очернителям нашей истории выйти из этого неприятного положения? О, за них не беспокойтесь. В редакции «Родины», «Красной звезды» и «Вопросов истории» вербуют особый контингент. Уж те обязательно какую-нибудь гадость придумают.

Вот пример. Один очень мудрый товарищ объявил, что максимальная скорость КВ-1 и КВ-2 составляла всего лишь 34 км/час. Следовательно, для ведения стремительных наступательных операций они не подходили.

Так ли?

Нет, не так.

КВ-1 и КВ-2 — это тяжелые танки прорыва. Прорыв осуществляли следующим образом: пара часов совершенно жуткой артиллерийской подготовки, когда плотность артиллерии доходила до 200-250 стволов на километр, а то и более. Расход боеприпасов — тысячами и десятками тысяч тонн.

Затем артиллерия переносит огонь с переднего края в глубину и в этот момент стрелковые дивизии, усиленные полками тяжелых танков прорыва, устремляются в атаку. Задача: взломать оборону.

После того, как она взломана, в сражение вводится эшелон развития прорыва, — танки БТ или Т-34 с пехотой и легкой артиллерией. Вот им нужна скорость и огромный запас хода.

А тяжелые танки свою работу выполнили. Теперь их задача — оставаясь на месте, отражать контратаки противника, который пытается прорыв ликвидировать.

Так вот, граждане из журнала «Родина», тяжелым танкам прорыва нужно в первые сутки операции пройти 10-15 километров. И это все.

15 километров в сутки! А у них скорость 30 километров в час!

И вам все мало?

ГЛАВА 23. Сколько тяжелых танков было у Гитлера?

Немцы с удивлением обнаружили, что остановить танки КВ почти невозможно.

Роберт Горальски. World War II Almanac. 1931-1945. London: Hamish Hamilton, 1981. С. 164

1

Итак, в 1941 году Советский Союз был единственным государством в мире, которое имеет тяжелые танки прорыва и в качестве экспериментальных образцов, и в серийном производстве. Красная Армия — единственная армия мира, которая имеет на вооружении тяжелые танки. В этой области у Советского Союза не просто первенство, но безраздельное господство — все остальные государства мира в лучшем случае имеют смелые замыслы и красивые рисунки.

А теперь представим себя на месте советского историка где-нибудь в конце пятидесятых. Ситуация: в Центральном Комитете требуют выдумать доказательства неготовности Советского Союза к войне, требуют любым обманом, любыми подтасовками доказать, что мы — дураки, а немцы — умные. В частности, Центральный Комитет приказал доказать, что существующий только на бумаге, только в первых набросках германский тяжелый танк — это нечто сравнимое с реально существующими, проверенными в боях, серийно выпускаемыми КВ. Приказали так писать историю, чтобы решительное превосходство (а точнее — полное советское господство) в области тяжелого танкостроения скрыть. Так надо было вопрос замутить, чтобы не бросалась в глаза советская готовность к войне. Надо было такие трюки выдумать, чтобы тяжелых танков в статистике вовсе не оказалось.

Трюки наши историки выдумали. Им могут позавидовать лучшие иллюзионисты мира.

2

Первый трюк: танк Т-35 объявили устаревшим и решили в статистике не упоминать. И не упоминают. А чтобы и нам не пришло в голову Т-35 в статистику включить, сведения об их количестве в Советском Союзе никогда не публиковались. А между тем ВО ВСЕМ ОСТАЛЬНОМ МИРЕ НИЧЕГО РАВНОГО ТАНКУ Т-35 В ТОТ МОМЕНТ НЕ БЫЛО.

Сравним. Самый мощный германский танковый двигатель на момент начала войны — HL120TRM мощностью 265 л. с. Это великолепный и очень мощный по тем временам танковый двигатель. А у нас на «устаревшем» Т-35 — двигатель мощностью 500 л. с.

На лучшем германском танке основная броня 30 мм и еще 30 мм дополнительная, итого 60 мм. По тем временам — вполне на уровне мировых стандартов и выше. А у нас на «устаревшем» Т-35 — 80 мм.

На лучших германских танках — одна пушка и два пулемета, на Т-35 — три пушки и шесть-семь пулеметов.

Все относительно: мы можем объявить Т-35 устаревшим, но как тогда поступить со ВСЕМИ танками всех остальных стран мира? Т-35 превосходил самое лучшее, что было в других странах, по вооружению, бронированию и мощности двигателя, то есть по всем главным характеристикам. Кроме всего, Т-35, несмотря на свои размеры и вес, имел меньшее удельное давление на грунт, чем германские танки, то есть имел более высокую проходимость, не проваливался в снег, грязь и мягкий грунт, где проваливались вдвое и втрое более легкие танки других армий. Если Т-35 объявить устаревшим, то и все остальные танки мира тоже надо объявить устаревшими и в статистике не учитывать.

Вот тут кремлевские историки со мной не согласны. В Германии они пересчитали ВСЕ танки. Все до единого. Мало того, пересчитали все танки у союзников Германии. Румынские, например. А в Румынии лучший танк — купленный во Франции FT-17. «17» — это «год рождения» танка, 1917-й. Последние FT вышли из заводских ворот в 1919 году. Два румынских танка FT в ходе Гражданской войны были захвачены Красной Армией, отремонтированы, перекрашены и стали первыми советскими танками — «Борец за свободу товарищ Ленин» и «Борец за свободу товарищ Троцкий». На 1941 год два первых советских (то есть бывших румынских, а точнее — бывших французских) танка не сохранились даже в музеях, а вот их собратья стояли на вооружении Румынии. И вот их-то устаревшими кремлевские историки не называют. Вот их-то учитывают поштучно.

3

Каждый серьезный историк знает точно, сколько в Румынии было танков. Эти цифры они публикуют, их мы знать обязаны: одна танковая бригада — 60 танков FT-17. А весит каждый танк 6 тонн, экипаж — два человека, броня — 16 мм, вооружение — или один пулемет, или одна короткоствольная 37-мм пушка, которая не пробивала вообще никакую броню, даже противопульную. Мощность двигателя 39 л. с. Максимальная скорость 9 км/час. Вот и сравним с «устаревшим» Т-35.

Впереди у нас еще целые семейства «устаревших» советских танков и самолетов. Наши уважаемые академики предпочитают их забыть и в статистику не включать. Центральный орган Министерства обороны газета «Красная звезда» ни разу не назвала количества танков Т-35 в Красной Армии на июнь 1941 года — это государственная тайна. А вот поливать грязью советские танковые войска «Красная звезда» не боялась никогда. Пример: центральный орган Министерства обороны называет танк Т-35 «неповоротливым» (Красная звезда. 4 ноября 1994 года).

«Красная звезда» использует неотразимый прием. Этим приемом можно опорочить любую машину-гигант. Есть в России стратегический бомбардировщик Ту-160. Методом «Красной звезды»

этот самолет можно оклеветать, объявив, что этот самолет-гигант неповоротлив в сравнении с любым истребителем. А ведь это действительно так.

Так можно облаять любую крупную подводную лодку: действительно, подводная лодка серии «К» (Крейсер) неповоротлива в сравнении с лодкой серии «М» (Малютка). Можно охаять любой крупный корабль, ибо линейный корабль действительно неповоротлив в сравнении с торпедным катером, а атомный ракетный крейсер неповоротлив в сравнении с ракетным катером. Любая машина-гигант неповоротлива в сравнении с машиной обычной. Т-35 — танк-гигант. На любую большую машину можно повесить ярлык «неповоротливая». Любое чудо техники можно заклеить таким способом. Этим ребята из «Красной звезды» и занимаются. Им Россия за тяжкий труд деньги платит.

Удивительно, но Министерство обороны России и его центральный орган «Красная звезда» используют этот неотразимый прием только против России. Они никогда не называли «неповоротливыми» современные американские атомные авианосцы-гиганты, британские танки «Челенджер», они не называли «неповоротливыми» японские линкоры-гиганты времен Второй мировой войны.

Оскорбительные эпитеты Министерство обороны и его газета приберегли только для России и ее Вооруженных Сил. А между тем танк Т-35, хотя и был гигантом, каких ни у кого не было, по ходовым качествам вполне мог сравниться с кое-какими танками из арсенала Гитлера и его союзников.

Сравним: максимальная скорость Т-35 — 30 км/час, а скорость румынского FT-17 — 9 км/час. На наш танк Министерство обороны вешает оскорбительные клички. Товарищи из Министерства обороны давно разделили все танки 1941 года на новейшие тяжелые и устаревшие легкие. По этой классификации Т-35 весом в 50 тонн, выпущенный в 1939-м и модернизированный в 1940 году, в 1941 году попадает в разряд легких и устаревших. А румынский танк весом 6 тонн, выпущенный в 1917 году, числится новейшим и тяжелым.

4

Академик Анфилов внес огромный вклад в науку. Он вывел формулу: два румына с одним пулеметом под броней в 16 мм сильнее, чем 11 русских с тремя пушками и семью пулеметами под броней в 80 мм. Вдобавок скорость у русских более чем втрое выше.

Ничего, сказал Анфилов, все равно румыны сильнее. Вы только почитайте его книги: румынские танки все учтены, а наших Т-35 нигде нет! Наши Т-35 объявлены устаревшими и выброшены из статистики, вроде их там никогда и не было.

Анфилов настоял и добился своего — двух румын с пулеметом считать силой, а русских силой не считать. В этом и заключался вклад Анфилова в науку. С этой формулой он прошел триумфатором через всю жизнь. Благодарная Россия из рога изобилия посыпала Анфилова почестями, званиями, титулами, медалями, орденами, квартирами и дачами. Как же ему это удалось? Да очень просто: он

выводил именно те формулы, которые от него ждали и требовали хозяева в Идеологическом отделе ЦК.

Была поставлена задача доказать неготовность Советского Союза к войне. Доказать любым способом. Ответ был заранее задан в ЦК, а задачу предстояло решать всяким Анфиловым. Так решать, чтобы результат подогнать под заданный ответ: мы ни на что не способны.

5

Указания Идеологического отдела ЦК, данные когда-то, своей силы не теряют, они неукоснительно выполняются:

Огромное превосходство противника в танках, материальной части и авиации... В любом случае кардинально ничего бы не изменилось: имея пятишестикратное превосходство, противник все равно взломал бы слабо подготовленную оборону наших войск.

Это «Красная звезда» 6 декабря 1994 г. описывает 1941 год. Это опять звучит бессмертный голос товарища Сталина со станции метро «Маяковская»: но танков у них в несколько раз больше... Не у нас семикратное количественное и абсолютное качественное превосходство, а у них — пятишестикратное. Если верить Министерству обороны, то Гитлер выставил против нас не 3 350 танков, а в 5-6 раз больше, чем было у Сталина, то есть 120-140 тысяч танков. И звенит над миром: у нас танков было мало, и они были настолько хуже румынских, что учитывать их незачем.

Дальше всех пошел «Военно-исторический журнал», выпускаемый все тем же Министерством обороны. В 1941 году во всем мире были танки, вооруженные одной пушкой, а то и просто пулеметами: например, германский танк Pz-I пушек вовсе не имел. А у нас на Т-35 было три пушки — одна калибром 76 мм (за рубежом пушек такой мощности на танках в то время не устанавливали) и две калибром 45 мм, которые пробивали броню любого зарубежного танка. Как же скрыть нашу мощь? Как выпятить неготовность к войне и показать себя дураками?

Выход найден. Товарищи из «Военно-исторического журнала» (1992. № 10. С. 93) решили 45-мм пушки на танках Т-35 пушками не считать, а объявить их пулеметами. Вот и все. Было три пушки на каждом танке, осталась одна. Если верить «Военно-историческому журналу», то выходит, что у немцев на танках 20-мм пушки и 37-мм пушки — они к войне готовы. А у нас не пушки, а 45-мм пулеметы — неготовность налицо.

45-мм пушки обратили в пулеметы, но 76-мм пушка все же осталась. Как с нею поступить? Да забыть ее — и точка. Немецкий танк Pz-I, который вовсе пушек не имел, учитываем в статистике. Pz-II с 20-мм пушкой учитываем. А Т-35 с 76-мм пушкой и двумя 45-мм «пулеметами» пропускаем.

Кто с этим спорить будет? Никто и не спорит.

А может, товарищи ошиблись? Может, по ошибке 45-мм пушки пулеметами объявили? Все может быть. Только почему-то все ошибки всегда в сторону восхваления противника и в сторону занижения и замалчивания наших достижений. Полистаем «Красную звезду», «Правду», «Военно-исторический журнал», антироссийский журнал «Родина» — примеры сотнями.

Генерал-полковник Г. Ф. Кривошеев объявил, например, что после того, как на Т-34 вместо 76-мм пушки стали устанавливать более мощную 85-мм пушку, он *«стал способен почти на равных противостоять немецким танкам Т-V, оснащенным 88-мм пушкой»* (ВИЖ. 1991. №4. С. 38).

Спасибо генералу за снисходительность: «почти на равных».

А до сведения Генерального штаба РФ, Главного бронетанкового управления и Института военной истории доведем: танк Т-V — это «Пантера», она была вооружена 75-мм пушкой.

Генерал Кривошеев не только постоянно завышал характеристики германской боевой техники (это хроническая и неизлечимая болезнь ненавистников России), но искажал и сроки поступления образцов боевой техники на вооружение. Так называемый «Королевский тигр» у Кривошеева появился уже в 1943 году на Курской дуге (ВИЖ. 1991. №4. С. 40).

Это научное открытие, за которое надо награждать. Железным крестом. Генеральный штаб Вооруженных сил России в своем восхвалении нацизма давно превзошел доктора Геббельса и его министерство пропаганды.

Давайте полистаем подшивки немецких военных журналов «Сигнал» и «Вермахт» за 1943 год. Все они — гимн германской военной мощи. Но вот о так называемом «Королевском тигре» там — ни слова, ибо первые машины поступили на вооружение боевых подразделений только в июне 1944 года.

А о советской боевой технике 1930-1940-х годов наша военная пресса отзывается большей частью в уничижительно-пренебрежительном тоне, и сроки ее поступления на вооружение Красной Армии всегда отодвигаются. «Красная звезда» 4 ноября 1994 года ошарашила своих читателей сообщением о том, что советский танк КВ-2 поступил на вооружение не до начала советско-германской войны, а уже в ходе нее.

Переписывая историю, Министерство обороны России искусственно за уши подтягивает выпуск немецких танков на год-полтора вперед, а сроки принятия советской боевой техники также искусственно и лживо отодвигает. Министру обороны России сообщаю персонально: КВ-2 уже в январе 1940 года воевал в Финляндии. И воевал успешно.

Раньше Министерство обороны СССР это признавало (ВИЖ. 1961. №9. С. 35). Теперь решено объявить, что до войны в Красной Армии таких танков не было. Генерал-майор Д. И. Осадчий, будучи лейтенантом, вступил в войну на танке КВ-2 (ВИЖ. 1988. №6. С. 54). Теперь все это отрицается.

Не пора ли разобраться в мотивах поведения Министерства обороны, его центрального органа и

лично министра? В чем ваш интерес, дорогие товарищи? На кого работаете? На чью мельницу воду льете? Кто вам деньги платит? За что?

7

Ладно, пусть ненавистники России называют Т-35 устаревшим. Пусть. Но танки КВ в устаревшие никак не запишешь. Сравнить КВ с самыми лучшими германскими танками Pz-III и Pz-IV даже теоретически нельзя: КВ — тяжелый танк, а в германской армии этой весовой категории в 1941 году вовсе не было.

Выдающийся германский теоретик и практик танковой войны генерал-полковник Гейнц Гудериан считал, что *«борьба танков против танков напоминает морские сражения. Там также бой ведут только самые сильные...»* (Воспоминания солдата. М.: Воениздат, 1954. С. 121).

Война началась, Сталин выставляет танки КВ-1 весом 47 тонн, КВ-2 весом 52 тонны и Т-35 весом 50 тонн, а у Гитлера ничего подобного нет, и он вынужден выставлять лучшее, что у него нашлось, — средние Pz-III и Pz-IV весом 20-21 тонна. Я не стал бы их сравнивать, если бы на вооружении германской армии было хоть что-нибудь более достойное. Но достойного не было. Создавалось впечатление, что Германия к танковой войне готовилась недостаточно серьезно. Поэтому в войне сходились советские КВ с тем, что было лучшего в германской армии. И война все расставляла на свои места.

Слово свидетелю. Генерал армии К. Н. Галицкий описывает бой одного советского тяжелого КВ с тремя средними германскими танками Pz-III: два выстрела КВ — и два германских танка уничтожены, а третий германский танк решил уйти, но при переезде через канаву его двигатель заглох. КВ его догнал, въехал на него, *«смял своей тяжестью и раздавил, как орех»* (Годы суровых испытаний. М.: Наука, 1973. С. 79).

Тут же генерал Галицкий описывает другой случай: найден подбитый советский КВ, а вокруг — десять уничтоженных германских танков. В КВ попало сорок три снаряда, из которых сорок оставили вмятины и только три пробili броню. Пока германские танки уничтожали один КВ, он уничтожил десять германских танков.

Генерал-полковник А. И. Родимцев пишет:

В течение одиннадцати месяцев войны мы не знали случая, чтобы немецкая пушка пробila броню этого танка. Бывало, что танк КВ имел 90-100 вмятин от попадавших вражеских снарядов, однако продолжал ходить в бой (Твои, Отечество, сыны. Киев, 1982. С. 291).

У других советских генералов мы найдем немало подобных примеров. Так, может, советские генералы, мягко говоря, приукрашивают ситуацию? Нет. В германских сводках того времени — тихая паника: германские танкисты привыкли к тому, что их танки — лучшие в мире, а тут вдруг — КВ.

Такого они не ожидали. Германские документы того времени достаточно хорошо известны. Их я повторять не буду. Только общий вывод на 1941 год: КВ – самое страшное оружие, с которым когда-либо пришлось встречаться солдату в бою. Противотанковые пушки против него бессильны.

Если мы и германским документам не верим, то обратимся к работам современных западных историков и найдем интересные штрихи к портрету КВ. Британский военный историк Р. Горальски описывает бой одного КВ против группы германских танков и противотанковых пушек: в ходе только одного боя КВ получил 70 (семьдесят!) прямых попаданий, все снаряды оставили вмятины на броне, но ни один ее не пробил. Представим себе тот бой. КВ тоже, наверное, огрызался, а одного его снаряда для любого немецкого танка вполне достаточно. С избытком.

Или послушаем американского историка. Его зовут Стивен Залого. Его книги рекомендую всем: за рубежом нет лучшего знатока истории советских танков. Он приводит пример, когда один КВ уничтожил восемь германских танков, получил с очень короткой дистанции тридцать прямых попаданий, но ни один снаряд не пробил броню (Soviet Heavy Tanks. London: Osprey, 1981. С. 12-13).

Тут же другой пример, видимо, феноменальный: один КВ давит немецкую противотанковую батарею, с коротких дистанций получает 200 (двести!) прямых попаданий противотанковыми снарядами, завершает свое правое дело и целым выходит из боя.

А «Красная звезда» и «Родина» нам рассказывают истории о подавляющем германском превосходстве.

ГЛАВА 24. Как тюремную пайку уравнивать с кремлевским пайком.

У себя в России они создали невероятно мощную военную промышленность... И чем больше мы узнаем о том, что происходит в России, тем больше радуемся тому, что вовремя нанесли решительный удар...

Адольф Гитлер. 22 июля 1942 г.

1

Давайте вновь представим себе положение тех пропагандистов, которых подкупили, которым приказали изгадить историю России, выпячивая «неготовность» Сталина к Купленным историкам предстояло публиковать тысячи книг, десятки тысяч статей, но так публиковать, чтобы зияющую дыру на германском тяжелом танкостроении прикрыть. Так нужно было таблицы и графики составлять, чтобы в графе «Германские тяжелые танки» было хоть что-нибудь. Так надо было цифры расположить, чтобы круглый ноль в этой графе читателя не смущал и не вызывал бы ненужных вопросов.

И brave историк применили красивый трюк: из статистики 1941 года графу «Тяжелые танки» убрали. Вместо нее во всех справочниках, научных трактатах, статьях, таблицах и графиках используется только графа «Тяжелые и средние танки».

Вот и все. И дыру прикрыли. Ловкость рук. Гибкость подхода. В 1941 году тяжелых танков в Германии не было, но статистика более не вопит об этом. Наоборот: название графы «Тяжелые и средние танки» позволяет думать, что были у Гитлера и те, и другие.

Этот трюк — настоящая находка для любого пропагандиста. Этим способом можно уравнивать все, что угодно и доказать все, что прикажут. Например, Германия не имела бараньих тулупов для своих солдат. Но серьезные историки могут статистическим фокусом создать иллюзию, что тулупы были. Для этого надо считать тулупы (которых не было) и шинели не отдельно, а в общей графе «Тулупы и шинели».

И сразу в статистике появится шестизначная цифра.

Не было у германской армии валенок, а наши фокусники могут создать иллюзию, что были: надо в статистике валенки объединить с сапогами.

Можно этим способом доказать, что у Гитлера было много золота (на войне это не лишний ресурс), для этого показатели добычи золота и производства стали надо объединить в одну графу и выразить общей цифрой в миллионах тонн.

Нефть — кровь войны. И с нефтью у Гитлера было не очень. Так вот, серьезные историки, если потребуется, могут доказать, что и нефти у Гитлера было в достатке. Для этого надо графу «Добыча нефти» совместить с графой «Добыча угля». Если все равно результат глаз не радует, можно сюда же

добавить и торф.

Можно при желании такой статистикой тюремную пайку уравнивать с кремлевским пайком. Для этого в одной графе надо объединить черняшку¹⁶ и черную икру и заявить, что советский ээк в сталинских лагерях по основному рациону (гарантийке) получал каждый день:

- 450 грамм черной икры и черняшки,
- 132 грамма копченой осетрины и рыбы тюльки с вывернутыми глазами,
- 500 грамм ананасов, апельсинов, бананов и мороженой картошки с вонючей квашеной капустой.

И не уточнять при этом, сколько именно было черной икры, а сколько черняшки.

Я не шучу: за полвека в Советском Союзе ни разу не была опубликована ни одна таблица, ни один график, из которых бы следовало, что у нас были тяжелые танки, а у немцев их не было. Ни один серьезный историк не опубликовал таблицу, в которой в графе «Тяжелые танки» стояла бы трехзначная цифра для Советского Союза и ноль для всех остальных стран мира.

Пример — творения военного историка А. Н. Мерцалова. В1978 году в книге «Западногерманская буржуазная историография второй мировой войны» он сообщил, что в германских войсках тяжелых и средних танков было в полтора раза больше, чем в Красной Армии.

Андрей Николаевич, поделитесь, какие именно германские тяжелые танки вы имеете в виду? Те, которые на картиночках нарисованы? Те, которые еще только в эскизах существуют?

К слову сказать, Мерцалов по какой-то причине в словосочетании «Вторая мировая война» первое слово пишет со строчной буквы. Это, как ни крути, имя собственное. А еще — десятки миллионов людей во всем мире погибли на этой войне. Почему бы в знак уважения к этим миллионам не написать название войны с заглавной буквы?

Полистаем творения генерала армии М. Гареева и обязательно встретим те же цифры — у Гитлера 22 июня 1941 года на Восточном фронте 2 800 тяжелых и средних танков (Мужество. 1991. № 5. С. 232).

Махмут Ахметович, ау! Уточните типы тяжелых танков, которыми располагала Германия в 1941 году. И еще: в числе тяжелых и средних, сколько было первых и сколько вторых? Почему бы тяжелым танкам отдельную графу не выделить? Почему бы не разделить копченую осетрину и вонючую рыбешку?

А вот академик В. А. Анфилов. Он написал множество книг в защиту битых гитлеровских вояк. Откроем любую книгу Анфилова и найдем 2 800 тяжелых и средних танков. Например, «Провал «Блицкрига» (М.: Наука, 1974. С. 71).

Теперь обратимся к руководству Министерства обороны: а в чем ваш интерес, дорогие товарищи? Под вашим водительством нацистская пропаганда работает лучше, чем при Геббельсе. В военных журналах Германии 1941 года мы никакой информации о германских тяжелых танках не найдем. Ибо

¹⁶ Черный ржаной хлеб. — Прим. ред.

их не было. Они были на эскизах, а эскизы были секретными. В материалах гитлеровской пропаганды того времени тяжелые танки не фигурировали.

А в нашей родной послевоенной пропаганде эти несуществующие мифические гитлеровские тяжелые танки громяют и скрежещут. Вы кого запугать хотите, граждане начальники? Ваши подчиненные рисуют гитлеровцев сильнее, чем те были на самом деле, умнее, чем они сами себя изображали.

2

В Советском Союзе военных академий и военных училищ было видимо-невидимо. И в каждой академии, в каждом училище десятилетиями господа офицеры покорно повторяли анфиловско-мерцаловские рассказы: у Гитлера 2800 тяжелых и средних... И каждый год – научная конференция, доклады, рефераты, в президиуме – высокие гости.

Господа офицеры, на следующей конференции пусть же найдется среди вас храбрец, пусть запустит булыжником в президиум!

Лично у меня храбрости на это не хватило. Потому бежал. Неужто никому из вас не хочется бежать из этой страны, где гитлеровские агитаторы чувствуют себя вольготнее, чем в ведомстве доктора Геббельса?

Неужто никому из вас не хочется бежать куда угодно, к чертовой матери, и орать на весь свет, что нас обманывают?

3

Есть еще один трюк. Коварством предыдущим не уступает. Изобрели его ненавистники России В. Рапопорт и Ю. Алексеев. Они советские танки хвалят: «Тяжелая машина KV, во всяком случае, не уступала немецким аналогам» (Измена родине. Лондон: ОРИ, 1989. С. 436). Вроде хвалят, но похвала эта – хуже клеветы. Читает эти строки человек, далекий от военной истории, и перед ним картина: что-то делалось у нас, что-то в Германии, были у нас в 1941 году тяжелые танки, были «немецкие аналоги», и не особенно мы отставали, были, во всяком случае, на уровне, а может быть, даже и чуть-чуть впереди.

Граждане историки, а не могли бы вы нам назвать эти самые «немецкие аналоги» по именам? Честно ли сравнивать серийный KV с немецким эскизом? А в металле не было во всем мире никаких аналогов. Об этом и надо было честно читателю сказать. Первые два образца немецкого экспериментального тяжелого танка VK45.01 планировалось представить Гитлеру в день его рождения, 20 апреля 1942 года (Armoured Fighting Vehicles of Germany. Spain: Profile, 1978. С. 119).

Интересно Гитлер к войне готовился: разгромить Советский Союз приказал летом 1941-го и до осени не затягивать, а первый опытный образец тяжелого танка ему должны показать весной 1942

года. Выходит, что «немецкий аналог» для Советского Союза даже и не предназначался. Его готовили против каких-то будущих противников. А Россию чем Гитлер сокрушить намеревался? Шапками закидать?

Вот и выходит, что «аналоги» KB-1 и KB-2 были только у Сталина. Это были экспериментальные Т-100, СМК, KB-3, KB-220. В чем-то они уступали KB-1 и KB-2, в чем-то превосходили, но у Сталина было из чего выбирать. А Гитлер мог выбирать только из эскизов.

Скажу больше: если бы Гитлер в 1941 году приказал выпускать нечто подобное нашему «устаревшему», «неповоротливому» Т-35, производство которого у нас было уже завершено, то и это немцам не удалось бы. Для создания аналога даже «устаревшего» Т-35 все равно надо начинать с эскизов и чертежей, а потом строить опытные образцы и их испытывать, а на это уходят месяцы и годы, которых у Гитлера не было.

История, как известно, отпустила ему слишком мало времени. Да и отпущенное время Гитлер расходовал своеобразно: в 1939 году ввязался в войну против всего мира, а в 1941 году решил начать разработку первого тяжелого танка. И это мы должны называть готовностью к войне?

4

Есть еще один трюк — признать достоинства танка KB, но добавить со вздохом: но было их всего лишь 636... И нет той книги о войне, нет того трактата научного, нет той статьи популярной, в которых горестный вздох серьезного историка не звучал бы: но было их всего лишь... Этот вздох и во всей западной исторической литературе прокатился многократным эхом удесятеренной силы: но было их всего лишь... И такова уж сила печатного слова — читатели многомиллионным вздохом отзывались: но было их всего лишь...

Тут надо сказать, что красно-нацистская пропаганда и на этот раз соврала. На 22 июня 1941 года танков KB-1 и KB-2 было выпущено 711. Но не будем мелочиться. Пусть будет так, как говорят агитаторы, пусть будет 636 KB. Но, произнося эту цифру, незачем горестно вздыхать: во всем остальном мире в тот момент не было ни одного танка, даже отдаленно напоминающего KB.

Это во-первых. А во-вторых, KB — в серии. На 22 июня у Сталина «всего лишь» 636 KB, но 23 июня советские заводы выпускают еще, а 24-го добавят. За второе полугодие 1941 года советская промышленность выпустила 965 KB в дополнение к тем, которые были в Красной Армии на 22 июня, а германская промышленность к производству тяжелого танка пока приступить не может, ибо германские конструкторы продолжают разрабатывать его эскизный проект.

Первые германские тяжелые танки были испытаны в боях только в конце августа 1942 года. Хорошие были танки, мощные. По ряду параметров немецким конструкторам удалось догнать и даже перегнать KB. Но не по всем. Только движение приносит победу, считали Сунь-цзы, Чингисхан, Батый, Бонапарт, Кутузов, Брусилов, Гудериан, Ватутин и многие другие. Так вот, по тем параметрам,

которые характеризуют подвижность танка — скорость по дорогам и вне дорог, проходимость, запас хода, маневренность, — по всем этим характеристикам КВ догнать не удалось.

Кроме того, на КВ установлен дизельный двигатель — сильный, экономичный, хорошо работающий в жару и на морозе, который не загорается как спичка. В Германии, на родине Рудольфа Дизеля, таких двигателей не было. Приходилось ставить карбюраторные.

Ко всему этому надо добавить, что и советские конструкторы не стояли на месте: они совершенствовали КВ и готовили к выпуску танки ИС, которые по всем характеристикам до самого конца войны остались недосягаемым идеалом для конструкторов и генералов всех остальных стран.

Германские конструкторы, имея захваченные в боях КВ и Т-34, не сумели уяснить главный «секрет» советских танкостроителей. Немецкие конструкторы, даже имея перед собою образцы, главного не поняли. И ошибку повторили: двигатель расположили в корме, а силовую передачу — в передней части корпуса. Результат: заказывали танк в 45 тонн, точно как наш КВ, а получился «Тигр» весом 57 тонн.

Новая проблема — как такой вес по бездорожью двигать? Чем больше диаметр опорных катков, тем легче они идут через препятствия. Потому интерес конструктора — сделать катки диаметром побольше. С другой стороны, для увеличения проходимости и скорости на пересеченной местности конструктор заинтересован в том, чтобы максимально увеличить количество точек подвески, проще говоря — приладить побольше катков. А для этого их надо делать диаметром поменьше.

Конструктор вынужден искать середину между двумя противоположными стремлениями. Больших катков с каждого борта можно поместить четыре или пять. Если бы вес «Тигра» был нормальным, то этого и хватило бы. А вес получился ненормальным. Нужны большие катки и нужно их много — восемь. И тогда немецкие конструкторы решили по каждому борту располагать катки в несколько рядов. Сделали катки тоненькими, как тарелочки, и поставили танк на ряды «тарелочек», расположенных в шахматном порядке в три ряда с одного борта, три с другого. Волки целы и овцы сыты. Получилось — у катков большой диаметр, и при движении удары о грунт воспринимаются сразу на восемь точек подвески с каждого борта.

Вроде бы и хорошо получилось, только за все платить надо. Тарелочки сминались через два часа движения по пересеченной местности. «Пантеру» тоже на «тарелки» поставили. И они тоже сминались.

Закроем глаза и представим: танковый батальон совершил двухчасовой марш, остановился, батальону гусеницы снять, катки заменить... Ой, сколько мороки. Хорошо на учениях, а как это проделывать в танковом сражении под огнем противника?

Гусеницы у «Тигра» широченные, тяжеленные. Конструкторы не удержали вес танка в разумных пределах, потому гусеницы нужны очень широкие. Чтобы он, проклятый, в землю не проваливался.

Еще беда — танк такого веса не всякий мост выдержит. Наплавные мосты все под ним

проваливаются, форсировать реку «Тигр» мог только по железнодорожным мостам: надо было отбить у противника железнодорожный мост, а на той стороне — отбить станцию с высокой платформой, далее найти на своей стороне станцию с высокой платформой, подогнать туда свои танки, погрузить в эшелон, перевезти через реку и на другой станции с высокой платформой их разгрузить...

Просто? Нет, не все так просто, как вам кажется. Беда в том, что на широких гусеницах «Тигр» на железнодорожную платформу не помещался. Потому нашли решение: для «Тигров» придумали широкие гусеницы и узкие гусеницы. Ходит он на широких, а узкие за ним возят.

Вот как эти танки в бою переправляли через реки. Подгоняли танк к станции с высокой платформой, туда же подгоняли тяжелый грузовик с узкой гусеничной лентой. И еще один грузовик — с другой гусеничной лентой. Они хоть и узкие, а две ленты ни один грузовик не возьмет. А третий грузовик — с краном: они хоть и узкие, да руками их с машины не сгрузить.

Потом все просто: с «Тигра» широкие гусеницы снимали, снимали один ряд «тарелочек», надевали узкие гусеницы и потихонечку загоняли танк на платформу, стараясь на мягкий грунт не выезжать — на мягком «Тигр» на узких гусеницах провалится.

Потом грузили широкие гусеницы на грузовики, загоняли их на платформы, переезжали речку, гнали эшелон до другой станции, которую германская пехота была вынуждена отбивать без поддержки танков. После этого танки надо разгрузить, а узкие гусеницы сменить на широкие. Снова «Тигр» воюет, а три грузовика с гусеницами и краном — рядом. Если впереди окажется речушка пять метров шириной, как ее переехать? Опять же две станции надо иметь, мост железнодорожный, и все повторять сначала.

5

В 1941 году, понятно, всей этой чудо-техники у Гитлера еще не было. Все это было только в смелых замыслах. Испытания первых германских тяжелых танков завершились летом 1942 года, и в конце августа первые машины появились на фронте. Несколько «Тигров» были использованы в декабре 1942 года для прорыва кольца окружения под Сталинградом, однако этих танков было явно недостаточно для решения такой задачи.

В 1940–1941 годах советская промышленность выпустила 1601 тяжелый танк прорыва, германская — ни одного.

В 1942 году советская промышленность выпустила 2 553 тяжелых танка, германская — 89.

Общий счет построенных тяжелых танков на момент сталинградского перелома: 89 германских и 4154 советских. Если вспомнить «устаревший» Т-35, то советских тяжелых танков окажется даже больше.

Правда, была фундаментальная разница в использовании тяжелых танков. Германская военная

наука находилась на очень высоком уровне, германские генералы понимали главный принцип стратегии — принцип концентрации, но на практике не всегда его придерживались и потому были вынуждены вести войну сразу на многих фронтах. По этой причине они не могли все 89 тяжелых танков бросить на один фронт против одного противника: тяжелые танки приходилось разбрасывать по разным фронтам, до Туниса включительно.

А советская военная наука не допускала отступлений от принципов стратегии. Поэтому все 4154 танка KB, построенные до сталинградского перелома, были использованы на советско-германском фронте, как и все «устаревшие» Т-35.

6

Тут меня и перебьют: отчего же советское превосходство не сказалось в июне 41-го? Причина проста: Красная Армия готовила вторжение. У этой причины множество следствий, и каждое из них вело в катастрофу.

Красная Армия готовила агрессию, и потому танки были собраны ордами у самой границы (точно так делали и немцы, только у нас танков было больше). При внезапном ударе советских танкистов перестреляли еще до того, как они добежали до своих танков, а танки сожгли или захватили без экипажей. При нашем внезапном ударе на той стороне эффект мог быть точно таким же, с поправкой на то, что танков в германской армии было в семь раз меньше, чем в советской, и потому задача их разгрома упрощалась.

Красная Армия готовила агрессию, и потому штабы и узлы связи были придвинуты к границам. (На немецкой стороне — та же картина). Внезапный удар — и массы танков остались без управления.

Красная Армия готовила внезапный удар 6 июля 1941 года, и потому, как перед любым грандиозным предприятием, шла лихорадочная подготовка. В танковых войсках это выглядит так: гусеницы менять или перетягивать, двигатели регулировать, коробки передач перебирать, менять катки, разбирать оружие, а перед проведением работ — боекомплект из танков выгружать, топливо и масла сливать. Немцы, кстати, пропустили удачный момент для удара — ведь внезапный удар по любой армии во время технической подготовки огромных масс танков (как это было с советскими танками в середине июня 1941 года) смертелен. Красная Армия, правда, была столь сильна и огромна, что вынесла даже и это.

Случилось вот что: перед тем, как бить зверя в его собственной берлоге, наши охотники разобрали оружие для чистки, смазки, последней проверки, а зверь в этот момент вломился в наш дом. Именно поэтому Сталин сумел захватить только половину Германии.

Красная Армия готовила агрессию, и потому десятки тысяч тонн запасных частей для танков, сотни тысяч тонн танкового топлива и боеприпасов были сосредоточены в приграничной полосе (то же делали и немцы, но, конечно, в несравнимо более скромных масштабах). Внезапный удар —

советские войска отошли на несколько километров — и это конец: лучшие в мире танки остались без топлива, без боеприпасов, без запасных частей.

Красная Армия готовила агрессию, и потому дополнительные тысячи танков тайно перебрасывались железнодорожными эшелонами к границам. Война застала эшелоны в пути. Если перебит один рельс и ваш эшелон остановился в поле, пехота попрыгала из вагонов и пошла воевать, но как прямо с железнодорожной платформы снять танк KV, который весит 47 тонн?

Ключ к пониманию событий 1941 года надо искать и в конструкции наших тяжелых танков. Вернемся к «устаревшему» Т-35. Создавался он как танк дополнительного качественного усиления при прорыве укрепленных полос. Имеются в виду долговременные фортификационные полосы типа «Хейльсбергского треугольника» в районе Кёнигсберга или оборонительной линии по хорде излучины, образуемой слиянием рек Одер и Варта.

Задача прорывать укрепленные полосы противника планировалась на июль, но Гитлер ударил раньше, и задача эта отпала. Инструмент есть, а работы, для которой он создан, нет. Приходится инструмент использовать не по назначению. Но для быстротечного танкового боя Т-35 не предназначался. Он создан для прорыва укрепленных позиций — то есть не для борьбы с другими танками, а для ведения огня по неподвижным целям. Он создан для спокойного, рассудительного прогрызания обороны противника. В скоротечном бою Т-35 действительно неповоротлив, неуклюж, высок.

И KV — это танк прорыва. Так официально и назывался. Особенно ярко наступательные характеристики выражены у KV-2. Это был тот же KV, только с очень мощным вооружением и, понятно, с другой башней, в которую это вооружение устанавливалось.

KV-2 создан в рекордно короткий срок — за один месяц — в ходе «освободительной» войны против Финляндии. KV-2 успел повоевать до того, как эта короткая война завершилась. KV-2 создавался на основе опыта прорыва мощных фортификационных линий: железобетонные доты покорялись только орудиям очень крупного калибра, да и то если их удавалось подтянуть близко и ударить в упор. Но подтянуть вплотную орудие большой мощности было практически невозможно: снайперы, пулеметчики, артиллеристы противника уничтожали расчеты орудий и тягачей до того, как орудие успевало развернуться на огневой позиции.

И родилась идея поставить что-нибудь очень мощное на шасси KV, прикрыв 75-мм броней, которая предназначалась для строительства советских крейсеров. Эту идею и осуществили в KV-2, поставив на него самое мощное, что только можно, — 152-мм гаубицу. Гаубица — это оружие наступательное, по идее. Гаубица стреляет по крутой навесной траектории. Это хорошо, когда мы идем вперед, а противник обороняется, и нам надо из траншей и блиндажей его выкуривать. А если мы сами обороняемся, то тогда надо останавливать тех, кто идет на вас в полный рост. Для такой работы нужна не гаубица с навесной траекторией, а пушка с настильной.

152-мм гаубица на KV-2 — это для добротной работы в прорыве обороны. Типичная цель — бетонный дот. Он неподвижен. Спешить нам некуда: зарядили чудовищное свое орудие и ударили. А вот в оборонительной войне, в скоротечном бою гаубица огромного калибра преимуществ не имеет: ее долго заряжать.

И снаряды на KV-2 не те, что нужны в оборонительной войне. Помните воспоминания генерал-майора Д. И. Осадчего? Не бронебойные снаряды загрузили, чтобы останавливать танки агрессора, а бетонобойные. Но нет и быть не может на нашей территории немецких бетонных сооружений. Чтобы встретить такие сооружения, надо перейти пограничную реку. Надо вломиться в Восточную Пруссию, там, у Кёнигсберга, — железобетонные оборонительные сооружения противника, и на подступах к Берлину они есть, на Зееловских высотах.

Кстати, все KV-2 в июне 1941 года были собраны там, где им и следовало быть: в Литве, у границ Восточной Пруссии. На своей земле бетонобойные снаряды вовсе не нужны, как и сама 152-мм гаубица на танке. Понятно, что после 22 июня производство KV-2 было немедленно прекращено. Не устарел KV-2 — просто в оборонительной войне такому чудовищу не находилось работы: в оборонительной войне нужен инструмент другого рода.

7

Некоторые историки продолжают доказывать, что Красная Армия не была готова к войне. Посмотрите, говорят они, в 1945 году советские танки завершили войну в Берлине, Вене, Праге, Пхеньяне, Порт-Артуре. Это ли не свидетельство слабости?

Спору нет: Сталин завершил войну с результатами скромными. Но нельзя согласиться с тем, что такое развитие событий было единственно возможным, что Красной Армии в любой ситуации суждено было завершить войну взятием Берлина и никак иначе.

У истории бесконечное множество вариантов развития, и Сталину выпал худший из них. А Гитлеру повезло так, как никому никогда не везло. Была дуэль без секундантов, Гитлер выстрелил первым и нанес Сталину смертельную рану. Вся остальная война — это попытки Гитлера добить смертельно раненого Сталина. Но сил у Сталина оказалось столько, что добить его, даже раненого, не удалось. Понятно, что истекающий кровью Сталин завершил войну без особого блеска.

Но у истории были и другие возможные варианты развития: Гитлер, например, откладывает свой удар и сам попадает под сталинский топор. Товарищ Сталин любил эдак внезапно врезаться ледорубом по черепу. Один удар по германским аэродромам — и германские танковые группы теряют возможность видеть районы сражений.

Звучит парадоксально, но это так: внезапный удар по аэродромам ослепляет танковые дивизии. Дальнейшее развитие событий представить легко: удары германских войск — это бои с выбитыми глазами. В этой ситуации советская танковая промышленность не была бы потеряна, и производство

танков, включая тяжелые, могло быть неизмеримо большим, чем оно было.

Вспомним, что Советский Союз перед войной имел три центра производства танков — Ленинград, Сталинград, Харьков. Каждый из них в отдельности превосходил суммарную мощность всех остальных танковых заводов мира. Но мы попали под внезапный удар и потеряли на границах стратегические запасы, авиацию, танковые войска, артиллерию, а оставшись без них, лишились донецкого угля, запорожского алюминия и стали Днепродзержинска, потеряли почти всю военную промышленность, включая единственный в мире завод танковых дизелей, который находился в Харькове.

Уже в июле 1941-го года поставки дизелей из Харькова прекратились. Ленинград не был потерян, но блокирован, а в блокированном городе, без стали и энергии, о каком танковом производстве может идти речь? Сталинград тоже не был потерян, но вокруг творились такие события, которые не способствовали ритмичной работе «тракторного» завода.

Так что четыре тысячи КВ, построенных до коренного перелома войны, — это чистой воды импровизация. Это тот самый минимум, который промышленность дала в самой страшной из всех теоретически возможных ситуаций после остановки или потери ВСЕХ танковых заводов, после полного прекращения производства танковых дизелей.

Четыре тысячи КВ — это то, что удалось построить после переброски танковой промышленности на Урал и в Сибирь, где сборка танков КВ в ноябре 1941-го шла на морозе под открытым небом. Попробуйте перебросить автомобильные заводы Детройта на Аляску и начать там производство. Давайте двинем мартеновскую печь или стан для прокатки брони, скажем, на сто метров влево или вправо и после того попробуем наладить производство. Так что четыре тысячи КВ — это катастрофический минимум. При любом другом раскладе советских тяжелых танков было бы больше.

А 89 германских тяжелых танков, построенных до сталинградского перелома, — это максимум, которого удалось достичь в самой благоприятной ситуации, какую только можно вообразить. В любой другой ситуации — например, при потере энергетических ресурсов Румынии — германское производство было бы меньшим.

Итак, Вторая мировая война была континентальной, то есть танковой. Тяжелые танки среди других танков занимали такое положение, которое боксеры-тяжеловесы занимают среди всех остальных боксеров: когда тяжеловес на ринге, боксеру любой другой весовой категории там нечего делать.

Гитлер, несомненно, имел великолепную армию и вооружение. Но давайте признаемся хотя бы самим себе: в решающей области — в тяжелом танкостроении — у Сталина степень готовности к

войне была гораздо выше, чем у Гитлера.

Серьезные историки уверяют нас, что Сталин не мог напасть на Гитлера в 1941 году, ибо у него еще не все было готово к войне. Самое раннее, «с минимальными шансами на успех», — в 1942 году.

Согласимся. Но тогда поймем и Сталина, который видел германскую «готовность» к войне и тоже никак не хотел верить, что Гитлер способен напасть в 1941 году.

Еще раз сравним цифры и спросим у историков: а в каком году Гитлер мог бы напасть «с минимальными шансами на успех»? Военная наука требует, чтобы нападающий имел минимум трехкратное превосходство сил. В противном случае нападение превращается в авантюру. В противном случае нападающий рискует кончить тем, чем кончил Адольф Гитлер.

Спросим историков: в каком году Гитлер мог иметь трехкратное превосходство над Сталиным в области тяжелого танкостроения?

Некоторые историки упрекают Сталина в близорукости: разве трудно было догадаться, что замышлял Гитлер? Их логика такова: раз в мае 1941 года германские конструкторы начали рисовать эскизы первого германского тяжелого танка, значит, в июне начнется вторжение? Неужели непонятно?

Но в близорукости надо упрекать не Сталина, а некоторых историков: у Сталина в 1941 году тяжелые танки уже нарисованы, созданы в металле, испытаны на полигонах и в боях, пущены в серию, поступили на вооружение войск и ночами тайно перебрасываются к германским границам.

Братья-историки, разве трудно догадаться, что замышлял Сталин?

ГЛАВА 25. Гвардейские чудеса.

Чудес не бывает.

Иосиф Сталин

1

Весной 1942 года Красная Армия потерпела сразу несколько сокрушительных поражений.

В боях подо Ржевом была окружена и погибла 39-я армия генерал-лейтенанта И. И. Масленникова. В окружении под Вязьмой погибла 33-я армия генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова. Была отрезана и погибла в окружении 2-я ударная армия генерал-лейтенанта А. А. Власова. Был разбит Крымский фронт, при этом погибли 44-я, 47-я и 51-я армии. В Харьковском сражении были уничтожены 6-я, 9-я, 28-я и 57-я армии, семь отдельных танковых и кавалерийских корпусов, значительное количество дивизий, бригад и полков усиления, потеряны тысячи танков и орудий, огромные стратегические запасы, сотни тысяч офицеров и солдат были убиты или захвачены в плен.

Советский стратегический фронт на юге был прорван на огромном протяжении. Германские войска, не встречая сопротивления, устремились в гигантский прорыв сразу по двум направлениям — на Кавказ и на Сталинград.

Захват Кавказа означал почти верное крушение сталинского режима. Кавказ — это нефть. Падение Сталинграда означало то же самое: через Каспийское море нефть шла вверх по Волге. Самый простой способ перерезать нефтяную артерию — выйти к Сталинграду. Все, что нужно, — прорваться к берегу, поставить пару танков на пригорке и топить нефтяные баржи.

Советские войска неорганизованно отходят. Проще говоря, бегут. Сталин издает громовой приказ №227 о заградительных отрядах и штрафных батальонах. Свирепствуют комиссары и чекисты. Но никакими зверствами, никакими приказами деморализованные советские войска не остановить. Нужны свежие резервы. Но резервы исчерпаны в ходе зимнего наступления, в ходе неудачных попыток прорвать блокаду Ленинграда, в попытках спасти положение под Харьковом и в Крыму.

Итак, где взять резервы? Без резервов — конец.

Сталина могло спасти только чудо.

И оно случилось.

2

В Красной Армии на тот момент было девять гвардейских стрелковых корпусов, они давно были втянуты в бои, обескровлены и обессилены, снять их с тех участков фронта, где они воевали, было невозможно.

Но на кавказском направлении перед германскими дивизиями и корпусами 4-й танковой армии вдруг встали стеной два новеньких, свежих, отборных, полностью укомплектованных советских

гвардейских корпуса: 10-й и 11-й. Их появление в самый критический момент именно там, где надо, спасло ситуацию. Советское командование получило возможность перевести дыхание, перегруппировать войска, привести их в относительный порядок и стабилизировать ситуацию, превратив беспорядочное бегство частей в организованный отход, затем — в затяжные бои, а в конце концов — в контрнаступление.

На Сталинградском направлении тоже произошло чудо. В тот момент в Красной Армии была 31 гвардейская стрелковая дивизия. Все гвардейские дивизии, понятно, были втянуты в бои, изрядно в них потрепаны и измотаны.

Вытащить их из тех самых мясорубок, в которых они вертятся, и бросить под Сталинград невозможно. Но вдруг под Сталинградом внезапно появляется свежая, отборная, новенькая 32-я гвардейская стрелковая дивизия. Тут же за ней — 33-я, 34-я, 35-я, 36-я.

Сталинградские жернова крутятся: Гитлер в сталинградский котел живую силу подбрасывает, и Сталин подбрасывает. Ставки растут. Товарищ Сталин кроет козырным тузом — вводит в сражение 1-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова в составе пяти гвардейских стрелковых дивизий: 37-й, 38-й, 39-й, 40-й и 41-й.

Раньше были гвардейские полки и бригады, дивизии и корпуса. И вот впервые — целая гвардейская армия! И армия не простая — свежая, полностью укомплектованная: молодец к молодцу, и бывший начальник Разведывательного управления Генерального штаба во главе...

Так было установлено — гвардейские соединения получали свои высокие звания в боях: эта дивизия отличилась на Северо-Западном фронте, а та — на Центральном. Война тасовала полки, бригады, дивизии, корпуса и армии костлявой рукой. Случайно выпать пять номеров один за одним никак не могли, а тут — десять гвардейских дивизий, и номера — последовательные.

Меня этот ряд номеров взволновал еще в юности. За этим явно что-то крылось. Откуда они, свеженькие, с номерами рядком, вроде хрустящих червонцев в пачке?

3

Война шла своим чередом, и гвардейские чудеса продолжались. Летом 1943 года разгорелось жесточайшее сражение на Курской дуге. Противник нанес два сверхмощных удара по сходящимся направлениям.

Прорвать оборону советских войск не получилось. Среди многих причин — великолепная работа советской разведки, которая вскрыла планы противника, превосходство Красной Армии в количестве и качестве боевой техники, умелое руководство войсками, стойкость советских войск в обороне...

Но не обошлось и без чудес.

Германский удар с севера приняла на себя 13-я армия Центрального фронта. В ее составе оказался великолепный, укомплектованный отборными молодцами 18-й гвардейский стрелковый корпус. И на

южном фланге Курского выступа внезапно, словно из-под земли, появились новенькие негнущиеся гвардейские дивизии.

После отражения ударов противника советские войска сами перешли в решительное наступление. И опять чудеса: в сражение был введен стратегический резерв — Степной фронт, в составе которого, помимо прочих, — 4-я гвардейская армия, полностью укомплектованная, причем укомплектованная отборными солдатами и офицерами. Вместе с нею воевала 5-я гвардейская армия, которая тоже имела не разнокалиберных солдатиков, а настоящих гвардейцев, как это было заведено Петром: дай в руки оглоблю, весь базар перебьет...

Этих гвардейцев товарищ Сталин бросал в бой, они отлично воевали, но война пожирала людей, снова возникал кризис, и снова случалось чудо.

У товарища Сталина всегда в запасе оказывалась какая-нибудь отборная гвардейская дивизия, корпус или целая гвардейская армия.

Лишняя соломинка ломает хребет верблюду. У товарища Сталина эта самая соломинка всегда оказывалась под рукой. Вернее — в левом рукаве.

И не только соломинка, но и сноп, если надо. А то и целая скирда, небо закрывающая.

Последнее гвардейское чудо случилось в марте 1945 года в ходе Балатонской оборонительной операции.

К концу войны Сталин подошел с результатом плачевным — целое поколение молодых парней и мужчин полегло по неизвестным рощицам и балочкам. Народец к концу войны измельчал — подбирали кого могли.

Их войска чрезвычайно хорошо вооружены, но они все больше и больше страдают от недостатка людей. Их атакующая пехота состоит большей частью из восточных рабочих и поляков, задержанных в наших восточных районах.

Это записал в своем дневнике доктор Йозеф Геббельс 3 марта 1945 года. Запись не для пропаганды и не для публикации. И возразить тут нечего: советская деревня была смертельно ранена коллективизацией и добита «великой отечественной войной». Народ у нас беречь не умели и не желали. Сгубила война мужиков.

Но на всякий случай у товарища Сталина было кое-что в резерве. Только сделал Геббельс запись в своем дневнике, а 16-го марта было зарегистрировано новое чудо.

Произошло вот что. В начале 1945 года Красная Армия захватывает последний достойный упоминания источник нефти в Венгрии, после чего Германия должна была рухнуть. Гитлер срочно прекращает наступление против американских войск в Арденнах и свою главную ударную силу — 6-ю танковую армию СС — перебрасывает в Венгрию и начинает последнее наступление в районе озера Балатон: нефть надо отбить.

Для советских войск сложилась отчаянная ситуация, но 4-я гвардейская и 26-я армии остановили

6-ю танковую армию СС, и в этот момент товарищ Сталин снова бросил на стол козырного туза — ввел в сражение новую 9-ю гвардейскую армию в составе 37-го, 38-го и 39-го гвардейских стрелковых корпусов, в каждом из которых — по три гвардейские стрелковые дивизии.

9-я гвардейская армия была укомплектована полностью, причем самыми лучшими солдатами. 9-я гвардейская армия нанесла классический удар во фланг и тыл 6-й танковой армии СС.

Затем 9-я гвардейская стремительно пошла на Вену, после этого вышла на берега Эльбы и участвовала в Пражской операции.

Вывод: в самые критические моменты войны у Сталина всегда находились отборные резервы — гвардейские дивизии, корпуса и целые армии, которые он бросал в сражения, решая их исход в свою пользу.

В военных училищах и академиях стратегические операции изучали глубоко, но когда доходила очередь до чудес, то преподаватели их не объясняли, а просто сообщали: случилось чудо, оказался резерв, его ввели в сражение и, понятно, выиграли. И каждый раз хотелось руку вверх подбросить и смиренно спросить: а откуда, товарищ полковник, эта самая гвардейская армия взялась?

Но я, ученый горьким опытом, лишних вопросов уже не задавал, зная, что слишком любопытных у нас в академиях и училищах именуют Кутузовыми, Бонапартами, Македонскими, и редко кто из них доходит до выпуска.

Так что я в академии помалкивал, хотя мое личное знакомство со всеми этими чудесами началось давно.

4

12 июня 1964 года наша 6-я рота Калининского суворовского военного училища прибыла на войсковую стажировку в 35-ю гвардейскую Лозовскую Краснознаменную орденов Суворова и Богдана Хмельницкого мотострелковую дивизию — в Московский военный округ, учебный центр Путилово.

Мы знали, что нас ждет, потому ничему не удивлялись. Ждала нас весьма суровая армейская действительность и боевая подготовка на уровне мировых стандартов и даже чуть выше. Нам было по 17 лет, за нашими плечами — уже шесть лет военного училища, стажировка эта была отнюдь не первой. Так что удивляться не приходилось. Впрочем...

На стажировках упор был на практику. Изматывали так, что поздней ночью, когда занятия кончались, мы валялись в палатках на тощие матрасики, разложенные на деревянных настилах. Проблема заключалась в том, что людей было больше, чем матрасов — на каждые 10 матрасов приходилось примерно 15 человек, и поскольку мы укладывались в один ряд, некоторые из нас попадали на стыки между матрасами. Мы засыпали, не успев раздеться, а то и разуться. Оно и хорошо: через пару часов тревога, а ты уже в сапогах.

А теорией там почти не занимались. Только совсем немного: каждый, кто впервые попадает в любой советский полк, бригаду или дивизию, обязан получить хотя бы общее представление о боевом пути этого соединения. «Товарищи суворовцы, наша доблестная 35-я гвардейская мотострелковая была сформирована в 1942 году на базе 8-го воздушно-десантного корпуса...»

Я едва устоял на ногах, услышав это. Каждый нормальный человек знает, что Красная Армия вступила в войну, имея пять воздушно-десантных корпусов, и номера их были с первого по пятый, в оборонительной войне они все равно были не нужны, и их использовали не по прямому назначению, а как простую пехоту. Но откуда же взялся 8-й воздушно-десантный корпус?

А тренировки, учения, стрельбы шли своим чередом. И только по воскресеньям после обеда выпадало несколько свободных часов, и всем, кто не попал в наряд, разрешалось в это время «лежа отдыхать»¹⁷. Рота валилась в одном порыве и «лежа отдыхала» каким-то тяжким единым на всех непробудным сном. Рота не засыпала, а одновременно отключалась от этого суетного мира — понятно, выставив охранение, внутренний наряд, наряд на кухню и так далее, в том числе отправив «добровольцев» на индивидуальные беседы к замполитам.

В обыкновенные дни у нас не было ни одной свободной минуты, но политическую работу надо вести. Политическая работа — это коллективные политзанятия раз в неделю по субботам. Но надо же и индивидуально работать — а где же взять на это время?

Вот замполиты батальона и полка, политработники дивизионного уровня, и дожидались наступления тех самых часов, когда разрешалось «лежа отдыхать». И в эти часы они на нас набрасывались. Наряд назначался в порядке очереди, а «добровольцев» на индивидуальные беседы с замполитами мы выбирали между собой по жребию.

Но в нашем втором взводе жребий не бросали, потому как был среди нас один не до конца нормальный товарищ, за которым давно замечались признаки легких отклонений. К всеобщему облегчению второго взвода, он добровольно шел на такие индивидуальные беседы с замполитами и тем спасал остальных. За возможность спокойно «лежа отдыхать» взвод платил своему спасителю подначками и незлыми шутками.

Этим самым добровольцем был, понятно, я.

И как иначе, если я услышал про 8-й (восьмой!) воздушно-десантный корпус?

5

8-й воздушно-десантный корпус! До сих пор не пойму, почему никого из моих товарищей не взволновал этот номер. Услышав его в самый первый день, я видел его каждую ночь. В тот момент, когда роте объявляли отбой, я закрывал глаза и тут же попадал в 8-й воздушно-десантный корпус. На всю ночь, до рассвета, до утреннего вопля старшины Алферова: «Шестой роте! Подъем!»

¹⁷ Именно так записано в Уставе гарнизонной и караульной служб.

Следующую ночь я снова проводил в 8-м вдк, и следующую тоже.

И вот наступило то самое долгожданное воскресенье, когда я смогу поговорить с замполитом 100-го гвардейского мотострелкового полка 35-й гвардейской мотострелковой дивизии и расспросить о 8-м воздушно-десантном корпусе, от которого дивизия вела свое начало.

Долгое, бесконечное утро, чистка оружия, множество всякой чепухи, обед, а после обеда — штаб дивизии, политотдел, музей боевой славы. В коридоре боевое знамя с орденами. Под знаменем — часовой с автоматом. В музее боевой славы сидит замполит полка — у него по плану индивидуальная работа с личным составом. Первым делом ему положено заинтересовать меня предметом. Но этого делать ему вовсе не надо: у меня и так глаза горят, мне подробности давай.

И он давал.

6

Самое интересное в жизни для любого человека — организационная структура войсковых частей и соединений, система их нумерации. Вооружение, тактика и прочее — это уже на втором месте. Потому у меня самый первый вопрос: какой номер носила дивизия до получения гвардейского звания?

Ответ сбил меня с толку: тот же самый, 35-й. Дивизия сразу формировалась как 35-я гвардейская, не побывав в боях. Гвардейское звание и номер в гвардейской нумерации она получила авансом.

Это было для меня открытием. Я знал, что подразделения установок залпового огня БМ-8, БМ-13, М-30 и БМ-31 формировались сразу как гвардейские, получая это звание авансом. Тяжелые танковые полки в случае получения танков ИС-2 переформировывали в гвардейские тяжелые танковые полки прорыва. Но соединения и части всех остальных родов войск получали гвардейские звания только в бою. Так я считал. И вдруг выясняется, что и стрелковые дивизии иногда получали это звание еще до вступления в бой.

Да почему же? За какие заслуги? Да вы продолжайте, товарищ подполковник, продолжайте.

И он продолжал: за время войны 21 воин 35-й гвардейской дивизии был удостоен звания Героя Советского Союза. Самым первым был лейтенант Рубен Ибаррури.

— Что-то фамилия, товарищ подполковник, не сибирская какая-то.

— Это сын генерального секретаря коммунистической партии Испании товарища Долорес Ибаррури.

— Ах вот оно как...

— Вообще испанцы — отчаянные ребята. Хорошо воевали.

— Какие испанцы?

— Так наш же воздушно-десантный корпус был «с испанским уклоном», и испанские товарищи воевали в его составе. Сам Рубен, правда, начал войну не в нашем корпусе, мы были во второй

волне, а он хотел отличиться с первых дней, потому он в первые дни войны был в 7-м механизированном корпусе.

— У Виноградова?

— У Виноградова. Там и сын Сталина Яков был и другие... 7-й мехкорпус известно для каких дел готовился...

— Для каких, товарищ подполковник?

— Это мы не туда заехали. Вернемся к нашим испанцам.

— Так вроде же не против Испании война готовилась, а против Германии?

— Против Германии — первая волна корпусов, но мы-то во второй волне были! Понимать надо...

И я старался понимать. Но головоломки множились, а понимание не приходило.

Стажировка следующего, 1965 года снова была в 35-й гвардейской мотострелковой дивизии. За год я теоретически подковался и был готов задавать много вопросов.

Но задавать не получилось. Вместо ответов — дружеское предупреждение полковника-фронтовика: если будешь любопытствовать, сопоставлять и думать, это может плохо кончиться.

Думать он мне не рекомендовал. А если и думать, то виду не подавать, что думаешь. Так спокойнее. До больших звезд, говорил он мне с грустью, дослужиться можно, если никто в тебе, молодой человек, сапиенса не заподозрит.

ГЛАВА 26. Миллион. Или больше?

Мы все мечтали о скорой победе мировой революции.

Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов. На службе военной. С. 27

1

Шли годы, появлялись статьи и книги. И природа гвардейских чудес подтвердилась.

Итак, Советский Союз к войне готовился. Только не к той войне.

На подготовку войны было истрачено умопомрачительное количество денег, времени, ресурсов, здоровья и молодых жизней. Сталин подготовил гигантское количество парашютистов. Сколько точно, мне знать не дано. Но бесспорно — более одного миллиона человек. Миллион я назвал в «Ледоколе». Серьезные историки эту цифру яростно отвергают, но другую не называют.

Между тем о миллионе парашютистов, подготовленных в СССР, писала газета «Правда» 18 августа 1940 года. А не врет ли «Правда»? Она правдивостью никогда не отличалась. Может, и врет, но только в сторону занижения. Вот кое-что более определенное: «С апреля 1934 года по февраль 1936 года на Украине подготовлено 427 000 парашютистов». Это официальная история Киевского военного округа (Киевский краснознаменный. М.: Воениздат, 1974. С. 122). Эти сведения подтверждаются ссылкой на Партийный архив Института истории партии ЦК КП Украины (Фонд 7. Опись 1. Дело 1330. Лист 32).

427 тысяч парашютистов — не миллион, но ведь не на одной же только Украине их готовили! Украина — вовсе не главный район их подготовки. Парашютистов готовили в основном в Москве и Московской области, в Ленинграде, Иванове, Горьком, Куйбышеве, на Урале, в Сибири, на Северном Кавказе, в Крыму, который в то время в состав Украины не входил.

427 тысяч парашютистов Украина подготовила за неполных два года, но ведь не прекратилась же их подготовка после февраля 1936 года. Наоборот, 1936 год — это самое начало, это год зарождения массового парашютного спорта в СССР. Сколько же их было подготовлено только Украиной в 1937-1938 годах? В 1939-м, 1940-м, 1941-м?

Для экономии средств парашютистов готовили вроде как любителей. Чтобы молодой энтузиаст вкалывал, а свободное время парашютному делу отдавал. Но готовились и десантные подразделения, части и даже соединения:

К концу 1933 года Красная Армия располагала одной воздушно-десантной бригадой, четырьмя авиамотоотрядами, 29 отдельными батальонами и несколькими ротами и взводами общей численностью около 10 тысяч человек (ВИЖ. 1982. № 10. С. 75).

В 1938 году на базе имевшихся к тому времени авиадесантных частей и соединений формируется шесть воздушно-десантных бригад — 201, 202, 204, 211, 212,

214-я (заместитель командующего ВДВ генерал-лейтенант Курочкин К. ВИЖ. 1980. №8. С. 94).

Общая численность шести бригад — 18 тысяч человек (ВИЖ. 1975. №9. С. 81).

Содержать больше боевых частей и соединений — обременительно. Идея проста: через эти части и соединения пропустить только некоторых бойцов запаса. Остальные пусть вкалывают на полях и заводах. Если потребуются, их легко в любой момент призвать под знамена. Каждый из них уже подготовлен.

2

И вот этот момент наступил. Весной 1941 года в Красной Армии создаются пять воздушно-десантных корпусов. Каждый корпус включал в свой состав управление, штаб, подразделения обслуживания, три воздушно-десантные бригады, артиллерийский дивизион, отдельный танковый батальон (50 танков) и другие подразделения. Численность каждого корпуса — 10419 человек.

Вот перечень воздушно-десантных бригад (вдбр) в составе воздушно-десантных корпусов (вдк) на конец мая 1941 года:

№ВДК	Командир	Состав	Место дислокации
1-й вдк	генерал-майор М. А. Усенко	1, 204, 211 вдбр	Киевский военный округ
2-й вдк	генерал-майор Ф. М. Харитонов	2, 3, 4 вдбр	Харьковский военный округ
3-й вдк	генерал-майор В. А. Глазунов	5, 6, 212 вдбр	Одесса
4-й вдк	генерал-майор А. С. Жадов	7, 8, 214 вдбр	Пуховичи
5-й вдк	генерал-майор И. С. Безуглый	9, 10, 201 вдбр	Даугавпилс

Кроме того, 202-я воздушно-десантная бригада оставалась отдельной.

Читателей «Ледокола» я не хотел терзать этими номерами, думал, кто же против этого будет спорить? Но нашлись недоверчивые полковники и генералы. Усомнились.

Когда номера предъявил, опять не верят: говорят, что за номерами ничего не стояло — это, мол, пустышки, корпуса не укомплектованы. Спорить не буду. Официальная история ВДВ за меня говорит:

Укомплектование корпусов личным составом к 1 июня 1941 года было закончено (Советские воздушно-десантные. М.: Воениздат, 1986. С. 51).

А можно читать не сухую историю ВДВ, а свидетельства участников событий. Свидетельствует дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Александр Ильич Родимцев, который в мае 1941 года получил назначение на должность командира 5-й воздушно-десантной бригады 3-го воздушно-десантного корпуса. В то время Родимцев был полковником, имел боевой опыт, воевал в Испании,

где получил свою первую Золотую звезду, а в те времена за здорово живешь геройскими звездами не бросались. Родимцев пишет:

Мне предстояло служить с отлично подготовленными бойцами, цветом нашей советской молодежи... В основном, офицерском, составе были опытные парашютисты: каждый из них имел на счету от пятидесяти до сотни прыжков. Бригада состояла из четырех отдельных парашютно-десантных батальонов, отдельного артиллерийского дивизиона, школы младшего комсостава, отдельной разведывательной роты, отдельной зенитно-пулеметной роты, отдельной роты связи. Вооружением, необходимой материальной частью и парашютами бригада была полностью обеспечена. Отличный офицерский коллектив, дисциплинированный и дружный... Позже я убедился – первое впечатление не было ошибочным: каждый из них в битвах за Родину проявил высокую самоотверженность и отвагу... Бригада планомерно и деловито развертывала учебу... Меня радовало трудолюбие моих парашютистов, их мужество и их волевой накал, который легко было почувствовать в окружении уверенной в себе молодежи... Все время было поглощено подготовкой к прыжкам, самими прыжками, задачей десантирования подразделений...

Родимцев вспоминает, что рядом с его бригадой в условиях, наиболее приближенных к боевым, готовилась к боям 212-я воздушно-десантная бригада, недавно тайно переброшенная с Дальнего Востока. Родимцев рассказывает и о ней: ее бойцы и командиры имели на счету по 100 и даже по 200 прыжков с парашютом, а командир, полковник И. И. Затевахин, совершил не менее 300 прыжков (Твои, Отечество, сыны. Киев, 1982. С. 16–21).

Вот еще свидетельство полковника И. Г. Старчака: его книга называется «С неба – в бой» (М.: Воениздат, 1965). Рекомендую.

А генерал армии А. С. Жадов в 1941 году был генерал-майором, в начале июня получил назначение на должность командира 4-го воздушно-десантного корпуса. Вот его рассказ:

Все бригады и корпусные подразделения были укомплектованы хорошо подготовленным личным составом, материальной частью и вооружением (Жадов А. С. Четыре года войны. М.: Воениздат, 1978. С. 14).

Свидетельства того, что все пять корпусов находились в полной готовности к десантированию, неисчислимы.

От обычной боевой подготовки воздушно-десантные корпуса скоро перешли к подготовке весьма конкретной. После 13 июня 1941 года были отданы соответствующие распоряжения и выполнены

самые-самые последние приготовления к выполнению боевых задач, например, десятки тысяч парашютов уже были сложены в районах аэродромов погрузки.

Но Гитлер нанес упреждающий удар, освобождение сорвалось, и выброска воздушных десантов в тыл противника не потребовалась. Для всех десантных корпусов сложилась ситуация: в оборонительной войне они не нужны. Начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенант М. А. Пуркаев доходчиво объяснил полковнику А. И. Родимцеву:

Да сейчас такая обстановка, товарищ Родимцев, что и без прыжков очень легко можно оказаться в тылу противника. Некоторые наши части и даже соединения уже находятся в окружении. А вы собираетесь прыгать... (Родимцев А. И. Твои, Отечество, сыны. Киев, 1982. С. 29).

Да, в оборонительной войне прыгать никуда не надо. Надо вражеские танки останавливать. На эту работу и брошены все пять корпусов. Но к десантированию (теперь уже никому не нужному) все было подготовлено. И парашюты уже в районах аэродромов погрузки. И вот командир 4-го вдк генерал-майор Жадов вызывает к себе помощника начальника оперативного отдела штаба корпуса капитана А. Я. Горячева:

— Вы знаете, товарищ капитан, что такое золото?

Он был ошарашен таким неожиданным вопросом, но все же ответил:

— Представляю, но золота никогда не имел.

— Неправда, — говорю я ему, — за каждым красноармейцем и командиром был закреплен парашют. Вот это и есть наше государственное золото. А где лежат несколько тысяч парашютов? В лесу, в одном километре восточнее реки Березина. Организуйте вывоз этого ценного имущества в тыл (Жадов А. С. Четыре года войны. С. 16).

До 22 июня парашюты вывезли в лес, а теперь их надо спасать. Генерал армии Жадов сообщает, что капитан Горячев задачу выполнил — достал где-то автомашины и под пулеметным огнем наступающего противника вывез парашюты в безопасное место, за что и был награжден орденом.

4

Разберем этот пример. Товарищи десантники, сколько парашютов на одного человека положено? Правильно, один основной и один запасной. А на воздушно-десантный корпус сколько? А учитывая грузовые? И все парашюты на целый корпус еще до нападения Гитлера почему-то оказались в лесу. Зачем?

Историки отвечают: да просто так. Взяли, вывезли в лес и там свалили.

Этот ответ не принимается. Если командир десантного батальона просто так со склада заберет парашюты и вывезет их в лес, то его спросят и вышестоящий командир, и подчиненные: ты это чего?

Парашют — штука деликатная. Десантник не любит, когда с его парашютом всякие эксперименты проделывают. Дождик в лесу, влажность, роса. Даже если и брезентами укрыть, все одно — конденсат и всякое прочее. Так вот, на командира такого батальона в тот же день поступит в особый отдел ровно столько доносов, сколько в батальоне бойцов. И командира такого батальона шлепнут за вредительство. Командиру бригады такого тем более не простят. На командира бригады будет больше доносов, потому как в бригаде четыре батальона, артиллерийский дивизион, разведывательная рота и так далее. И все донесут.

А вывезти парашюты всего воздушно-десантного корпуса в лес? Да никто вам этого не позволит без московского приказа. И если парашюты целого десантного корпуса до начала войны почему-то оказались в лесу, значит, на то была воля Москвы.

Но и в Москве не все так просто решается. Пусть самому большому десантному начальнику в голову ударило, и он командиру корпуса шифровку шарахнул: ну-ка, Харитонов (или Безуглый, или Жадов), отвези двадцать пять тысяч парашютов в лес, поддержи их там, а потом на склад верни...

Так ведь не выйдет: если дождиком парашюты прихватит — двадцать пять тысяч сушить и переукладывать. Это — потеря боеготовности. За это самого большого начальника тоже к стеночке поставят. На такого начальника и командиры корпусов донесут куда следует, и прокуроры корпусов, и особисты, и стукачи, которых в десантных войсках полагается иметь больше общепринятых стандартов. Да и обыкновенные солдатики просигнализируют: вредительство налицо! А если парашюты под небом полежат чуть больше положенного, то пропадут — вот тут вышак окончательный, обжалованию не подлежащий.

Ну так это ведь, наверное, учения затевались! И вот перед учениями в пять воздушно-десантных корпусов и поступили приказы вывезти парашюты в леса в районы аэродромов погрузки! И эта версия не идет. Самая, казалось бы, оборонительная мера — окопы отрыть, так нет же, советским войскам в приграничных районах этого делать не велели. Сейчас объясняют: чтобы Гитлера не спровоцировать. Ну и согласимся. Но выбросить на учениях прямо у германской границы целый корпус (или два, или все пять) — это разве не провокация!

Учения учениями, а в немецких штабах паника поднимется: это к какой же войне русские готовятся? И если учения, отчего их в тех же самых Гороховецких лагерях у реки Волги не проводить? Гороховецкие лагеря или Звенигород, Тоцкие лагеря за Волгой — это традиционные места подготовки советских десантников, отчего бы там боевое мастерство не совершенствовать? И от любопытных глаз далеко, и от районов, где проведение учений с десантированием целых корпусов будет самой что ни на есть провокацией.

Проводить такие учения у германской и румынской границ — это было бы хуже любой провокации. Интересно, что кроме германской и румынской границы есть граница огромного протяжения на Дальнем Востоке, и там наш враг — Япония. Но там никаких десантных корпусов нет,

и никаких учений там не затевается, и парашюты в тайгу не вывозят.

Но, может, десантники к оборонительной войне готовились? Если готовились к оборонительной войне, то зачем столь ценное имущество в июне 1941 года подвезли туда, откуда его под пулеметным огнем пришлось вывозить в первые дни войны? Да и некуда, как мы выяснили, в оборонительной войне прыгать.

А может, готовилось советское вторжение, но на 1942 год? Очень мудро: летом 1941-го вывезти парашюты в леса, там подержать, дождиком помочить, подпортить, а потом на склады вернуть! Или без складов до 1942 года в лесу держать решили?

И дуростью это тоже не объяснишь. Ведь в других корпусах — та же картина. Десантный корпус — организация секретная. Не может знать генерал-майор Безуглый в Даугавпилсе о том, что происходит у Харитонова под Харьковом и у Глазунова под Одессой. И если предположить, что все они дураки, то почему у всех дурость вдруг одновременно проявилась после Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 года?

Так вот она — готовность к войне. Готовность в самой последней стадии.

Одну страницу из книги генерала армии А. С. Жадова можно было бы вырвать и вклеить в учебник начинающего шпиона-аналитика: двадцать секунд прочитать текст, двадцать секунд — вникнуть, еще двадцать — выдать единственно возможный вывод. А он таков: летом 1941 года Советский Союз находился в самой последней стадии перед нанесением внезапного удара. Это единственно возможное объяснение. Остальные прочие сразу отпадают.

Так что же, по одному корпусу делать вывод обо всей Красной Армии? Да. Именно так. 4-й вдк до 22 июня явно готовился к скорому и неизбежному десантированию, и не учебному, а боевому. Но можно ли один воздушно-десантный корпус бросить на Германию, а всю Красную Армию на месте оставить? Тем более что не один корпус изготовился к десантированию, а сразу все пять.

5

Пять корпусов — это 52 тысячи десантников. И одна отдельная бригада, ну еще примерно 55 тысяч. А где же тот миллион?

Докладываю. Пять воздушно-десантных корпусов — это начало. Это первая волна, это для первого удара. Запланировано было пять корпусов развернуть весной 1941 года — их развернули, и еще пять — во второй волне, с французским и испанским уклоном. Их планировалось развернуть летом 1941 года.

Гитлер напал, десантные корпуса первой волны в оборонительной войне не нужны, но механизм был взведен, и десантные корпуса второй волны все равно развернули. Точно по плану — летом 1941-го. Вот их состав в августе 1941 года:

№ВДК	Командир	Состав	Место дислокации
------	----------	--------	------------------

6-й вдк	генерал-майор А. И. Пасгревич	11, 12, 13 вдб	Московская область
7-й вдк	генерал-майор И. И. Губаревич	14, 15, 16 вдбр	Поволжье
8-й вдк	генерал-майор В. А. Глазков	17, 18, 19 вдбр	Московская область
9-й вдк	генерал-майор М. И. Денисенко	20, 21, 22 вдбр	Ивановская область
10-й вдк	полковник Н. П. Иванов	23, 24, 25 вдбр	Поволжье; возможно, Гороховецкие лагеря

Кроме пяти корпусов были развернуты пять отдельных маневренных воздушно-десантных бригад: 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я. Корпуса первой волны пошли под танки. Корпуса второй волны — частично туда же. 6-й воздушно-десантный корпус, например, держал оборону под Наро-Фоминском в октябре 1941-го (эфир на радиостанции «Маяк». Москва, 22 декабря 1984 г., 15:50).

6

Ну, хорошо, скажете вы, пусть будет сто тысяч. Ну, сто пятьдесят, если учитывать отдельные бригады и запасные десантные полки. Где же миллион?

А миллион имеет бронь. Миллион вкалывает.

Десять воздушно-десантных корпусов были проходными дворами. Механизм работал так: десятки и сотни тысяч людей в десантных корпусах готовили к десантированию. Но наступал новый кризис. Нужны резервы. Сталин приказывает изъять из корпусов определенное количество десантников, сформировать из них дивизии, бросить в бой, а их место мгновенно занимали новые люди, с которых снимали бронь и призывали в десантные корпуса. И так все повторялось снова и снова.

Красная Армия все время пыталась наступать. Немцы это знали:

Постоянное стремление во что бы то ни стало наступать приводило к непрерывным повторениям захлебнувшихся атак и к большим потерям (Миддельдорф Э. Тактика в русской кампании. М.: Воениздат, 1958. С. 357).

Это было на всех уровнях, включая и стратегический. В 1942 году Крымский фронт погиб, ибо готовился к наступлению, а не к обороне. Харьковская катастрофа — это наступление нескольких армий. Их отрезали ударом во фланг. 2-я ударная армия наступала — ее отрезали. 39-я армия наступала — ее отрезали.

Разгром 1941 года имеет только одно объяснение, точно такое же — войска готовились к наступлению, а не к обороне. И советские десантные войска готовили только к наступлению, к десантированию, к действиям в тылу противника. Но оттого, что Красная Армия все время бросалась наступать, она несла огромные потери. Требовались резервы, и Сталин снова отдавал приказ забрать тысячи, десятки и сотни тысяч бойцов из десантных войск, обратить их в пехоту и без всякой подготовки бросить под немецкие танки. А десантные корпуса вновь пополняли резервистами,

которых подготовили еще до войны.

Когда Гитлер летом 1942 года бросил 4-ю танковую армию на Кавказ, путь ему заслонили два гвардейских корпуса. О них официальная история говорит следующее:

Героически сражались воины воздушно-десантных бригад, переброшенных на Кавказ летом 1942 года в состав Северокавказского фронта. Из воздушно-десантных войск были переброшены 1, 2, 3,4 и 5-я маневренные воздушно-десантные бригады и 4-й запасной воздушно-десантный полк, которые были преобразованы в гвардейские стрелковые бригады и введены в состав 10-го и 11-го гвардейских стрелковых корпусов (Советские воздушно-десантные. С. 180).

Вот она, разгадка чудесам. Вот откуда эти корпуса взялись: брали из резерва десантников, вновь формируемым частям и соединениям авансом давали гвардейское звание и ими затыкали дыры.

Генерал-лейтенант И. Рослый был генерал-майором, он принял под командование 11-й гвардейский стрелковый корпус с приказом остановить 4-ю танковую армию Клейста. Все хорошо: бойцы — золото. Только... только обороняться их никогда не учили, и тяжелого оружия десанникам не полагается. Воздушно-десантные войска — это легкое и предельно гибкое орудие войны. Плеть. А танковая армия — колун. Бросать десантников под танки с приказом их остановить — это попытки плетью обух перешибить. Но что делать, если других средств не осталось? Что делать, если войска есть, и в изобилии, только не для той войны они подготовлены? Генерал-лейтенант И. Рослый вспоминал:

Не хватало артиллерии (зенитной не было вообще), отсутствовали танки, недоставало противотанковых средств... Я просил генерала И. И. Масленникова усилить корпус противотанковыми средствами, в том числе хотя бы одним танковым батальоном. К сожалению, моя просьба была отклонена. Воевать надо не числом, а умением, с некоторым раздражением ответил он и сел в машину. Я понял, что ему было просто нечего мне дать (ВИЖ. 1972. № 12. С. 79).

Против танков — героизм. Против атак с воздуха — он же.

И под Сталинград пошли десять гвардейских стрелковых дивизий. Это 130 тысяч десантников. И опять — обороне не обучены, без тяжелого оружия, но — герои. Эти не отходили.

Там же, под Сталинградом, — оставшиеся в живых десантники из корпусов первой волны. 3-й воздушно-десантный корпус давно превращен в 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию полковника Родимцева (а в это же время под Москвой создан новый 3-й воздушно-десантный корпус, в него призвали уже новых десантников). И вот 13-я гвардейская стрелковая держит оборону, но мечтает о той работе, к которой ее готовили:

*Каждый день, каждый час
Крепнет мужество в нас,*

*В бой идут молодцы-пехотинцы...
С черной свастикой гад
Не вернется назад,
Получив из винтовки гостинцы.*

*Если будет приказ,
Все готово у нас
С неба смерть понесем оккупантам,
Мы тряхнем стариной
И порою ночной
Обернемся воздушным десантом.*

*Мы с отвагой дружны,
Потому и сильны.
Мы железною спайкой гордимся.
Нас ведет за собой
Командир и герой
Наш товарищ, полковник Родимцев.*

Мечтам десантников не суждено было сбыться. Воздушным десантом им так и не удалось обернуться. Их бросали под танки, под танки, под танки.

7

О 7-м воздушно-десантном корпусе остались воспоминания генерал-лейтенанта Н. Демина (ВИЖ. 1978. №2. С. 85-90). Невеселые воспоминания. Готовят корпус к десантированию, и вдруг в декабре 1942 года приказ выделить из состава корпуса соответствующее количество тысяч десантников, сформировать дивизию, авансом — гвардейское звание, и — вперед на Северо-Западный фронт.

Задача: ломать и рвать многополосную немецкую оборону в печально знаменитом Рамушевском коридоре.

Да не одну дивизию туда, а три: две другие из состава 8-го вдк (а корпус как резиновый, сколько хочешь его растягивай, сколько хочешь из него дивизий забирай, а их все не убывает).

В тех краях, под Старой Руссой, на Ловати, воевал мой отец в 1-м гвардейском стрелковом корпусе. Он видел десантников и рассказывал о том, как они оборону рвали.

Но не будем предаваться семейным воспоминаниям. Попытаемся сами представить, что из этой затеи могло получиться. Прорыв обороны — это работа, для которой требуется тяжелый инструмент: гаубицы калибром покрупнее, тяжелые танки, много саперов со своей особой техникой —

огнеметными танками и танковыми тралами. Прорыв обороны — это много минометов и установок залпового огня. Для прорыва обороны нужны классные артиллерийские корректировщики и много боеприпасов. Как раз то, чего у десантников нет.

У десантников есть только храбрость. Их бросали в бой, как стахановцев на строительство московского метрополитена, вооружая энтузиазмом...

ГЛАВА 27. А разве мы американцы?

Россия в свое время располагала вооружениями, которые делали ее наряду с Германией и Японией мировой державой.

Адольф Гитлер. 12 апреля 1942 г.

1

Итак, десантные корпуса находились в тылу, они вновь пополнялись самым лучшим человеческим материалом и готовились к десантированию. Очередной приказ, снова — гвардейское звание авансом, и — рвать оборону или держать танки. Любую на выбор сталинградскую стрелковую дивизию возьмем. Откуда она?

39-я гвардейская стрелковая — из 5-го воздушно-десантного корпуса (Советские воздушно-десантные. М.: Воениздат, 1986. С. 156).

41-я гвардейская стрелковая — из 10-го вдк.

35-ю вы, надеюсь, запомнили. Много лет спустя в 35-й я впервые с гвардейскими чудесами разобраться пытался. 35-я, если помните, из бездонного 8-го вдк.

Товарищи критики, если этого недостаточно, то я вас цифрами завалю.

И на Курской дуге под танки шли десантники-гвардейцы. Там монументы стоят с точным указанием, какие гвардейские десантные дивизии держали танковые клинья. (Понятно, держали вместе со штрафниками и другим фронтовым людом.)

Вот о 4-й гвардейской армии:

4-я гвардейская была сформирована из полнокровных воздушно-десантных частей (генерал армии Казаков М. И. Над картой былых сражений. М.: Воениздат, 1971. С. 182).

Закроем глаза и прикинем, сколько надо этих самых полнокровных частей, чтобы укомплектовать одну гвардейскую армию. А потом ее пополнять.

4-я гвардейская — на направлении главного удара. На то она и гвардейская. Не зря товарищ Сталин авансом звание гвардейское давал. Ох, не зря. Знал товарищ Сталин: десантники кровью (на то части и полнокровные) аванс выплатят.

5-й гвардейской армией командовал уже известный нам генерал А. С. Жадов. Тот, который в начале войны командовал 4-м воздушно-десантным корпусом и спасал парашюты на Березине. Только он теперь в звании поднят — генерал-лейтенант.

В 5-й гвардейской армии были не только гвардейские стрелковые дивизии, переделанные из десантных (точнее, просто сменившие названия), но и воздушно-десантные дивизии, даже не сменившие своих названий. И под танки их, под танки, и еще раз — туда же.

Авторитетный источник, «Советская военная энциклопедия» (в 8-ми томах. М.: Воениздат, 1976. Т. 2.

С. 489), сообщает:

11 июля 1943 года танковая дивизия «Адольф Гитлер» 2-го танкового корпуса СС нанесла удар в стык 95-й гвардейской стрелковой и 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизий 33-го гвардейского стрелкового корпуса...

Это совсем другой участок Курской дуги, а история та же: немцы били с двух направлений, так вот, на другом направлении главного удара немцев встретила опять же она, крылатая мать-пехота.

Затем — встречное танковое сражение под Прохоровкой. С нашей стороны — 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова и 5-я гвардейская (десантная) армия Жадова.

2

Отчего же их по прямому назначению не использовали? Оттого, что *«успешное применение крупного десанта невозможно без полного господства в воздухе в полосе его пролета, в районе десантирования и последующих боевых действий»* (командующий ВДВ генерал-полковник Сухоруков Д. ВИЖ. 1981. №7. С. 71). Это было известно и перед войной: для выброски крупного десанта надо иметь не просто превосходство в воздухе и даже не господство, а полное господство, и не только над районами пролета и десантирования, но и над районом боевых действий десантников. Другими словами, эти великолепные, но вооруженные очень легким оружием соединения могли применяться в особых условиях. Например, в войне, которую мы начинаем внезапным сокрушительным ударом.

Вторая возможность (при том же сценарии): для захвата территорий, которые германской авиацией слабо контролировались— Румынии, Болгарии, Югославии и так далее.

Третья возможность: в условиях развала Германской империи для захвата огромных никем не контролируемых территорий Франции, Бельгии, Голландии и так далее.

Четвертая возможность: захват никем не управляемых колоний разгромленных европейских метрополий и дружественной Британии.

Попытки же выбрасывать корпуса в ходе «обычной» войны, когда идет многолетняя борьба на равных с переменным успехом, завершались катастрофами: выброска 4-го воздушно-десантного корпуса в феврале 1942 года под Вязьмой и Днепровский десант 1943 года. Без абсолютного господства в воздухе выброска крупных десантов обречена на провал.

С этой точки зрения вызывает удивление полная потеря бдительности советской цензурой, которая в мемуарах маршала Жукова пропустила такой пассаж:

Сам характер возможных боевых операций определил необходимость значительного увеличения воздушно-десантных войск. В апреле 1941 года начинается формирование пяти воздушно-десантных корпусов... (Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 211).

Зададим вопрос: это о каких же операциях речь? Ведь крупные воздушно-десантные соединения можно высаживать на территории противника только в ходе наступательных операций, и только при полном господстве в воздухе.

В феврале 1941 года Жуков стал начальником Генерального штаба, и началось совершенно беспримерное развертывание новых войсковых формирований. Помимо прочих, в апреле формируются пять корпусов первой волны. Как мы теперь знаем, это было только начало. Жукову нужно было «значительно увеличить ВДВ, исходя из характера возможных боевых действий». Что же это за возможные боевые действия?

«Полевой устав Красной Армии 1936 года» (ПУ-36) совершенно четко определял, что использование воздушно-десантных войск возможно только в ходе наступательных операций и только во взаимодействии с войсками, наступающими с фронта (статья 7). Но до этого можно додуматься и не заглядывая в устав. Так о каких же возможных боевых действиях говорит Жуков?

3

Если бы Сталин нанес внезапный удар по Германии, то с применением ВДВ не было бы проблем. Но Гитлер упредил, Гитлер рубанул первым, потому Сталин был лишен возможности применить нашу десантную мощь.

Всю войну Сталин ждал момента, когда германская авиация будет окончательно задавлена и он сможет бросать своих десантников для захвата никем не защищаемых территорий. Всю войну десантные корпуса получали лучших людей, которых еще до войны подобрали и подготовили к десантированию, но Гитлер огрызался, и приходилось десантниками снова затыкать дыры. Например, так:

36-я гвардейская стрелковая дивизия была сформирована на базе 9-го воздушно-десантного корпуса по директиве Ставки от 31 июля 1942 года... 5 августа части начали погрузку в железнодорожные эшелоны, хотя формирование дивизии к этому времени еще не было завершено: отсутствовали артиллерийский полк, некоторые специальные подразделения... (Акимов К. В. От Волги до Альп. Боевой путь 36-й гвардейской стрелковой Верхнеднепровской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова дивизии. М.: Воениздат, 1987. С. 4-5).

Товарищ Сталин принимал решения по ночам. 31 июля — это вполне могло быть ближе к полуночи, а то и за полночь, то есть 1 августа. И от кабинета товарища Сталина директива должна была проскочить много инстанций, прежде чем попадала к командиру корпуса. И уже — погрузка. Без артиллерийского полка... Ничего. Перебьетесь.

Корпуса выделяли из своего состава гвардейские дивизии и снова пополнялись новыми людьми, готовили их к десантированию, и снова тревога: бегом, бегом, по вагонам! Вперед! И все повторялось

с самого начала...

В 1944 году формируются три новых гвардейских воздушно-десантных корпуса:

37-й генерал-лейтенанта П. В. Миронова;

38-й генерал-лейтенанта А. И. Утвенко;

39-й генерал-лейтенанта М. Ф. Тихонова.

Это необычные корпуса. Они состоят не из бригад, а из дивизий — по три гвардейские десантные дивизии в каждом корпусе. В октябре 1944-го корпуса были сведены в Отдельную гвардейскую воздушно-десантную армию (Советские воздушно-десантные. С. 276).

Европа на пороге освобождения. Товарищ Сталин изготовился...

Но Гитлер под Балатоном нанес контрудар, и пришлось Отдельную гвардейскую воздушно-десантную армию переименовать в 9-ю гвардейскую армию, три ее корпуса и девять дивизий — в гвардейские стрелковые и сотворить последнее чудо войны:

9-я гвардейская армия была полностью укомплектована хорошо подготовленными кадрами офицерского, сержантского и рядового состава, который прошел курс обучения ведению боевых действий в тылу врага (там же. С. 277).

Вывод: самые лучшие бойцы Советского Союза численностью более миллиона человек готовились для операций особого рода, для действий в тылу противника. Вместо этого на протяжении всей войны их внезапно без всякой подготовки бросали на выполнение задач, для решения которых они не имели ни соответствующих навыков, ни вооружения.

ЛУЧШИЙ МИЛЛИОН ЗАГУБИЛИ ЗРЯ.

Однако в других условиях, а именно — при внезапном ударе наших войск по германским аэродромам, этот заранее отобранный и великолепно подготовленный миллион бойцов представлял собой лучший инструмент захватнической войны, когда-либо созданный человеком.

4

Но как выбросить миллион бойцов? Мои критики привели жуткую статистику: американцы в 1944 году высаживали своих десантников в Нормандии, и для этого им потребовалось совершенно чудовищное количество самолетов и планеров.

Это так. Но не будем сравнивать — у нас другой подход к войне. Американцы форсировали Рейн, и им потребовалось совершенно невероятное количество десантно-переправочных средств. А Красная Армия форсировала Днепр «на подручных средствах»: утонул — значит, плохой солдат и в Красную Армию не годишься.

Можем ли мы представить американскую армию форсирующей Рейн вплавь на гимнастержках, надутых пузырем? И заградотряды НКВД пулеметными очередями в затылок подбадривают не умеющих плавать. А бойцы Красной Армии умели надуть гимнастержку пузырем, предварительно

вымочив ее (мокрая гимнастерка удерживала воздух). Не самый лучший способ массового форсирования крупных водных преград, но у нас это называлось массовым героизмом.

Мы жили в другом мире. Воздушный десант под Вязьмой в 1942 году — это 8-я, 9-я, 214-я вдбр 4-го вдк и 211-я вдбр 1-го вдк. За шесть ночей в тыл противника было выброшено 7000 десантников и 1500 мягких контейнеров с вооружением и боевыми грузами. Для десантирования такого количества десантников американцам потребовалось бы много самолетов. А нам хватило... 64 самолетов ПС-84 и ТБ-3 (ВИЖ. 1975. №9. С. 82-83).

В ходе освободительной войны в Европе, Азии (далее — везде) не всех сразу десантников бросать собирались и вовсе не на одну Германию. Перед нами лежали огромные территории от Тихого океана до Индийского и от Индийского — до Атлантического. Гитлер сокрушил колониальные метрополии, и надо было только прибрать к рукам бесхозные колонии. Одну за другой. По очереди.

Задавить Германию — и после того вся наша авиация была бы брошена на обеспечение высадки десантов. Советские бомбардировщики ДБ-3ф перед войной специально модернизировали, чтобы кроме бомб они могли возить десантников или грузы для них. То же относится и к огромному флоту бомбардировщиков СБ.

Советские бомбардировщики ТБ-1 и ТБ-3 специально создавались для двойного использования: и как бомбардировщики, и как транспортно-десантные самолеты — 32 человека с парашютами или 50 человек без парашютов. Перед германским нападением у Сталина было около тысячи машин ТБ-1 и ТБ-3. Тысяча ТБ — это от 32 до 50 тысяч человек одним рейсом.

Кроме того, были в Советском Союзе самолеты Р-5 и У-2. Брали они мало парашютистов, но было этих самолетов много.

До начала войны Сталин получил из Америки лучший в мире транспортно-десантный «Дуглас ДС-3» и наладил производство этого самолета в СССР.

И еще: после разгрома Германии (или только районов нефтедобычи в Плоешти) активность германской авиации резко снизится, и тогда советская авиационная промышленность могла бы сократить выпуск боевых самолетов и переключиться на массовое производство планеров конструктора Антонова «Массовый-4» и транспортных самолетов ПС-84.

Однажды товарищ Сталин поставил авиаконструктору Александру Яковлеву боевую задачу: создать новый, лучший в мире истребитель. Срок — три месяца. Яковлев улыбнулся и вежливо объяснил непонимающему Сталину, что в Америке на создание такого самолета тратят два года. Товарищ Сталин страшно удивился: «А развэ ви амэрыканэц?»

Великолепный истребитель был создан в установленный срок.

Тем, кто вспоминает, сколько десантных самолетов потребовалось американцам, отвечаю:

А разве мы американцы?

ГЛАВА 28. Слово серьезным историкам.

Становится ясно, что даже М. С. Горбачев может в чем-то ошибаться.

Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 82

1

Когда у моих противников иссякают аргументы, они выдвигают последний и решающий довод: ты же не профессиональный историк, у тебя нет степеней, званий и наград, а посмотри на нас...

Откровенно говоря, есть на что посмотреть. Смотрю — завидую: ордена, сверкающие погоны, генеральские полосатые штаны... Открою тайну: мне бы тоже хотелось орденов, званий и полосатых штанов. Утешаю себя тем, что полосатые штаны — не самое главное в науке. Утешаю себя тем, что для миллионов читателей вопрос о штанах, которые носит автор, не самый главный. Утешаю себя тем, что полосатые штаны — еще не гарантия того, что их обладатель проявляет достаточно рвения, вгрызаясь в гранит военных наук.

Пример: генерал армии Махмут Ахметович Гареев, бывший заместитель начальника Генерального штаба по научной работе, доктор военных наук, профессор, действительный член Академии естественных наук РФ, президент Академии военных наук.

Генерал армии М. А. Гареев окончил Военную академию имени Фрунзе с золотой медалью и Военную академию Генерального штаба — с золотой медалью, а на генеральской шее — огромная звезда из золота и платины, обсыпанная бриллиантами.

Генерал армии Гареев был высшим руководителем нашей военной науки и ее олицетворением. Он внес весомый личный вклад в ее развитие. В основном генерал армии Гареев занимался вопросами военной истории и, в частности, — начальным периодом советско-германской войны.

Обратимся же к его трудам.

2

В качестве примера — работа М. Гареева «1941 год — начало войны» в сборнике «Мужество», №5 за 1991 год. Генерал армии Гареев по своему положению имел доступ ко всем военным секретам. Положение, которое он занимает в нашей военной иерархии и военной науке, титулы, которые он носит, позволяли надеяться, что генерал армии выдаст нечто совершенно необычное.

И он выдал.

Не будем обращать внимание на мелочи: генерал армии Гареев пишет термин «Союз Советских Социалистических Республик» в женском роде: «...Выступить против СССР тогда, когда она будет ослаблена в германо-советской войне». Это может быть просто опiskeй или опечаткой. Жаль, что в генеральской работе такие описки и опечатки — в изобилии и с перебором.

Но нельзя считать опiskeй упоминание о 28-ми дивизиях Второго стратегического эшелона (там

же. С. 241), которые под прикрытием Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 года начали тайное выдвижение к западным границам. Десятилетиями сведения о 28 дивизиях плавали из одного издания в другое. Официальные историки просто переписывали цифру друг у друга до тех пор, пока она не превратилась в абсолютную, непререкаемую истину. Никто просто не удосужился сам эти дивизии посчитать.

По тому же пути пошел и генерал армии Гареев. В «Ледоколе» я доказал, что дивизий во Втором стратегическом эшелоне было не 28, а 77. Теперь бросаю вызов на бой. Но не принимают генералы боя. Уклоняются.

Генерал армии Гареев крупно ошибся с дивизиями. Он пропустил 49 из 77. 49 — это в три раза больше, чем в американской армии в самый пик «холодной войны». Но простим генералу эту ошибку. Одна дивизия — 10-15 тысяч солдат. Пропустил 49 дивизий — не будем мелочиться. Простим. Но генерал не удосужился посчитать даже и корпуса. Простим и это.

Но он не считал и армии. Он их просто путает. Все они для него на одно лицо: оговорившись или по ошибке написав другой номер, он этого не замечает. Путать 16-ю армию с 10-й — это то же самое, что путать Ленина с Гитлером: согласен, было много общего, но были же и некоторые различия!

На странице 255 генерал армии Гареев сообщает, что 16-я армия находилась в Белостокском выступе. Каждый, кто интересуется историей, знает, что 16-я никогда в Белостокском выступе не воевала. 16-я — это знаменитая штрафная армия. Первым ее командующим был генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин. Эта армия была тайно сформирована в 1940 году. В мае 1941 года в обстановке строжайшей секретности армию погрузили в эшелоны и двинули на Украину, в район Шепетовки. Упреждающий германский удар застал 16-ю армию, как и многие другие армии, корпуса и дивизии, в железнодорожных эшелонах.

На 240-й странице генерал сообщает, что в составе Второго стратегического эшелона было четыре армии: 16-я, 19-я, 21-я и 22-я. Получается, что 16-я оказалась одновременно и в Первом стратегическом эшелоне в Белостокском выступе, и во Втором стратегическом эшелоне.

Назвав четыре армии во Втором стратегическом эшелоне, генерал по какой-то причине пропустил 20-ю армию. Не надо быть заместителем начальника Генерального штаба и иметь доступ к совершенно секретным архивам, чтобы завести карточку на каждую армию и вносить туда любые о ней упоминания. Можно даже не опускаться на уровень генеральских мемуаров, можно парить на высотах мемуаров маршальских — там про каждую армию материалов в достатке.

Отсылаю профессора Гареева к воспоминаниям маршала артиллерии В. И. Казакова, который в 1941 году был генерал-майором артиллерии, начальником артиллерии 7-го мехкорпуса. Генерал В. И. Казаков в составе управления своего корпуса 26 июня 1941 года прибыл в Смоленск:

В Смоленске нас встретили командующий 20-й армией генерал-лейтенант Ф. Н. Ремизов, начальник штаба генерал-майор Т. Ф. Корнеев и начальник артиллерии

генерал-майор артиллерии В. С. Бодров. Штаб этой армии был сформирован на базе бывшего Орловского военного округа и прибыл в Смоленск незадолго до нас (Козаков В. И. На переломе. М.: Воениздат, 1962. С. 7).

Правда, интересно? До Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 года существовал Орловский военный округ, которым командовал генерал-лейтенант Ремизов, начальником штаба был генерал-майор Корнеев, а начальником артиллерии округа генерал-майор артиллерии Бодров. Но вот прозвучало странное Сообщение ТАСС о том, что мы на Германию нападать не собираемся, и вдруг внезапно возникла 20-я армия, которой раньше не было, весь руководящий состав округа перешел в состав этой армии, бросив Орловский военный округ без руководства. Гитлер только напал, а 20-я армия уже тайно сформирована, погружена в эшелоны, переброшена под Смоленск и разгружается.

В других военных округах происходили столь же удивительные вещи. Не меньшее удивление вызывает и то, что заместитель начальника Генерального штаба генерал армии М. Гареев пишет научную работу о «неготовности» Сталина к войне, но в своем описании пропускает не только десятки корпусов и дивизий, но и целые армии.

Охотно верю, что генерал армии М. Гареев генеральских мемуаров не читал. Но хотя бы мемуары маршалов вы, Махмут Ахметович, читали? Верю в то, что вы не заводили не только папочек, но даже и карточек на бригады, дивизии и корпуса, но на армии вы должны же были завести! Так ведь не одну же армию вы пропустили в своем описании.

Вы по какой-то причине пропустили 24-ю армию генерал-лейтенанта Калинина и 28-ю армию генерал-лейтенанта Качалова. Вы забыли объяснить, как на румынской границе вдруг появилась 18-я армия генерал-лейтенанта Смирнова. Армии там до Сообщения ТАСС не было, и генерал-лейтенант Смирнов командовал внутренним военным округом — Харьковским.

Более удивительно вот что: пишет о войне генерал-полковник Д. А. Волкогонов и тоже пропускает дивизии десятками, пропускает корпуса и целые армии. Причем пропускает те же самые армии: статья Волкогонова в газете «Известия» 16 января 1993 г. Названы 16-я, 19-я, 21-я и 22-я армии, а 20-я, 24-я и 28-я пропущены.

И как генерал-полковник Волкогонов умудрился три армии потерять? И кто у кого ошибки передирал: Волкогонов у Гареева или наоборот?

А вот появляется в Москве «независимый исследователь» Габриэль Городецкий и пишет разоблачительную книгу против меня. Присмотримся же к его трудам. Рассуждения ужасно интересные, но вот он доходит до цифири и сообщает, что во Втором стратегическом... Дальше сами догадаетесь: Городецкий дивизии пропускает десятками, пропускает корпуса и армии. Четыре армии назвал, три пропустил (Миф «Ледокола». М.: Прогресс-Академия, 1995. С. 287). И пропустил именно те самые — 20-ю, 24-ю и 28-ю.

«Независимый исследователь» один к одному переписывал у Гареева или Волкогонова.

Так, может быть, и не было вовсе 20, 24 и 28-й армий в начале войны во Втором стратегическом эшелоне Красной Армии? Как моему читателю это проверить? Может быть, я три армии придумал, а у Гареева — Городецкого — Волкогонова все названо правильно?

Да в том и дело, что были такие армии во Втором стратегическом эшелоне, и 20-я там была, и 24-я, и 28-я. Хотите убедиться?

Для этого надо открыть книги тех же авторов! Когда для наглядности они текст дополняют картами, то на картах тех — все правильно. Случилось вот что: кто-то когда-то неправильно посчитал армии, кто-то когда-то пропустил три армии, и пошли эксперты повторять.

А кто-то другой рисовал карту, и нарисовал правильно. И пошли те же эксперты правильную карту копировать. Читаем наших светочей исторической науки, и в каждого — четыре армии во Втором стратегическом эшелоне: 16-я, 19-я, 21-я и 22-я. А если ученый муж текст сопровождает картой, как на карте всегда добавляются еще 20-я, 24-я и 28-я армии.

Вот у «независимого исследователя» именно так и получилось. По тексту на стр. 287 — четыре армии, а на карте (стр. 296) — семь армий. Надо признать, карта мастерски выполнена. И на той карте 20-я армия — в районах Рогачева и Жлобина. Молодец. Габриэль! Правильно указал место сосредоточения 20-й армии. Вот и 24-я. В районе Брянска. Так оно и было. А 28-я — в районе Вязьмы. Только в тексте об этом ни слова.

Габриэль, мы с тобой на страницах журналов с 1985 года грыземся. Я тебе — кормилец. Не будь меня, кто бы тебя в Кремле номенклатурным харчем кормил? Признайся, будь другом, почему у тебя на карте все правильно, а в тексте — чепуха? Причем точно такая же чепуха, как и в книгах Анфилова, Мерцалова, Волкогонова, Гареева...

3

Так у нас и было заведено: пишет Волкогонов книгу, армии теряет, а на картах — все правильно. Он никогда свой текст с картами не сверял. И Гареев тоже. А за ними — и «первооткрыватель».

Вот, господа, цена коллективному творчеству. Вот уровень нашей официальной научной мысли. И когда мне говорят, что Волкогонов с Гареевым пользуются совершенно секретными архивами, а мне к тем архивам доступа нет, тут я соглашаюсь полностью. И по-хорошему им завидую. Будет время, и меня Россия в свои архивы пустит. Никуда нам от этого не уйти. А пока я вынужден обходиться тем, что на поверхности лежит. Но есть и у меня преимущество перед профессионалами.

Я разработал для себя систему и готов перед телевизионными камерами, перед миллионами зрителей отвечать на вопросы вроде таких: ну-ка, кто был правее 3-го стрелкового батальона 142-го стрелкового полка 5-й Витебской Краснознаменной имени Чехословацкого пролетариата стрелковой дивизии 16-го стрелкового корпуса 11-й армии?

Немного подумав, постараюсь ответить: правее был 3-й стрелковый батальон 328-го стрелкового

полка 48-й имени Калинина стрелковой дивизии 11-го стрелкового корпуса 8-й армии.

И если имеющие доступ к секретным архивам профессионалы, которые пропускают и путают не только дивизии и корпуса, но и целые армии, когда-нибудь решатся со мной сразиться перед телекамерами, то я готов: позвоните любому издателю моих книг, а миллионы телезрителей будут нам секундантами. Разоблачите меня, товарищи профессионалы.

4

На странице 161 профессионал генерал армии Гареев цитирует Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова: «Мобилизация— опиум войны».

Эх, Махмут Ахметович, все бы вам анаша да героин! Вы читали книгу Маршала Советского Союза Шапошникова «Мозг армии», но читали не очень внимательно. Борис Михайлович Шапошников ничего про опиум не писал. Последняя глава книги «Мозг армии»¹⁸ называется «Мобилизация — опиум войны».

Во всех известных мне изданиях книги Шапошникова название главы написано большими жирными буквами, кроме того, во всех изданиях редакторы сочли необходимым поставить над мудреным латинским термином цифру или значок со ссылкой на сноску, и тут же в сноске объяснить значение этого слова¹⁹.

Вы, Махмут Ахметович, не поняли смысла книги Шапошникова, не вникли в содержание, не уяснили терминов и объяснения смысла этих терминов прочитать не удосужились. Это простительно — там мелкими буквами написано.

Если вы путаете опиум с мобилизацией, понимаете ли вы разницу между кокаином и стратегическим развертыванием?

Не стал бы действительного члена позорить, но уж если он и его соавторы завели разговор о профессионализме, то я вынужден огрызаться. Это вам, Махмут Ахметович, и вашим подчиненным вроде контрудара от меня. Примите на память.

¹⁸ Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-исторические труды. М.: Воениздат, 1974 г. С. 538.

¹⁹ Под термином «опиум» Б. М. Шапошников подразумевает «преддверие».

ГЛАВА 29. О 35-тонных танках.

Для исследователей остаются недоступными многие архивные материалы, а часть важных документов вообще была уничтожена.

Красная звезда. 11-17 марта 2009 г.

1

Не буду утомлять читателя множеством диких примеров из научных трудов академика Гареева, каждый из которых достоин публичного осмеяния; остановимся только на одном. На странице 229 своего научного труда генерал армии Гареев упоминает германские 35-тонные танки.

В нашей исторической литературе вот уже пятьдесят лет ученые мужи то тут, то там поминают 35- и 38-тонные германские танки. Понятно, что 35- и 38-тонные танки по своим характеристикам превосходили наши танки БТ — эту точку зрения высказывали наши военные эксперты на протяжении многих десятилетий. Последний раз — генерал-полковник Г. Ф. Кривошеев, который сменил генерала армии М. Гареева на должности заместителя начальника Генерального штаба по научной работе. Генерал-полковник Кривошеев сообщил, что 35- и 38-тонные танки превосходили наши БТ-7 (ВИЖ. 1991. №4. С. 36).

Действительно, простое сравнение веса в пользу немецких танков: БТ-7 весит 13,8 тонны — мог ли он успешно воевать против германских 35-тонных, тем более — против 38-тонных танков?

Наши историки и генералы отнесли 35- и 38-тонные танки к разряду средних. Некоторые их считают тяжелыми. Совершенно естественно, кремлевские эксперты хвалят германские 35-тонные и 38-тонные танки и считают, что если они и не были равны по характеристикам нашим Т-34 и КВ, то все остальные советские танки явно превосходили. Такова официальная точка зрения. Она господствует полвека. Даже как-то неудобно сравнивать наши танки весом в 13 тонн с 35-тонными. Понятно, официальные историки эти характеристики и не сравнивают. Все ясно и без сравнения.

2

Я тоже не сомневался в том, что 35-тонные и 38-тонные танки лучше наших БТ. Пока мне не исполнилось 13 лет.

А потом случилось вот что. Прочитал я, что у немцев в конце войны появились противотанковые управляемые ракеты, например, «Роткэпхен» — «Красная шапочка». Удивило такое нежное и ласковое название. Какое-то невоенное. Немцы вообще на красивые названия горазды.

Но почему некоторым своим танкам они не придумали названий? Что это за 35-тонный танк? Или 38-тонный? Разве нет у этих танков индексов? Мы же не говорим: 150-килограммовый генерал. Мы же не говорим: 180-килограммовый маршал. У многих генералов и у некоторых маршалов есть свое имя, отчество, а иногда — и фамилия.

Но и у каждого образца вооружения есть индекс, а иногда и несколько индексов, кроме того — название. А уж романтичные немцы любили своему оружию звучные имена давать. Особенно бронетанковой технике: «Соболь», «Носорог», «Лев», «Слон», «Куница», «Шмель», «Оса», «Шаровая молния». Я уж не говорю о «Пантерах» и «Тиграх».

Но что такое 35-тонный танк? Или 38-тонный? Ухо режет. Что-то тут не так. Оставить два типа танков без индексов и названий? На немцев это не похоже. Да и мы бы так не сделали. И ни одна армия мира не имела ни одного образца вооружения без индекса или названия.

Учился я тогда в Воронежском суворовском военном училище. Пошел в библиотеку. Собрал все, что было про немецкие танки, и обнаружил, что в Германии действительно были танки, которые назывались 35(t) и 38(t). Только по виду они никак на 35 или 38 тонн не тянули: дохленькие какие-то. Тощие. И непонятно, почему буква «t» — в скобках? Может, это вовсе и не тонны?

Решил разобраться с системой индексов германской бронетанковой техники. Разобрался. Вот в германском Вермахте танк T-34(r). Что сие означает? Это наш родной T-34 захвачен в боях и поставлен на службу Германии. Только они к нашему индексу приписали зачем-то маленькую латинскую букву «r».

Или вот германские танки VT-7(r), KV-1(r), KV-2(r), T-26(r). Все это наши советские танки, и всем им немцы, ставя себе на службу, приписывали в скобках малую латинскую букву «r». Что-то эта буква у них означала.

Были у них на службе и французские трофейные танки, например S-35. Этот танк в германской армии получил название S-35(f). И любой французский танк на немецкой службе сохранял свой индекс, только немцы добавляли в скобках букву «f». Вообще они брали на службу все, что удалось добыть в боях, и добавляли к индексам американских трофейных танков букву «a», польских — «p».

И совсем не надо быть великим аналитиком, чтобы уловить логику: к индексам трофейных танков добавляется одна буква, которая означает страну-изготовителя. Если попадали на германскую службу итальянские танки, то к индексу добавлялась буква «i», голландские — буква «h», британские — «e» (от немецкого *englisch* — английский). А буквой «t» означали чешские трофейные танки (от немецкого *tschechisch* — чешский). Так что буква «t» — это вовсе не единица измерения веса, тонна, а индекс страны, в которой танки построены.

В Чехословакии был танк, разработанный в 1935 году, и еще один — в 1938 году. Германия захватила Чехословакию, а чешские танки были приняты на вооружение Вермахта. Танки получили индексы 35(t) и 38(t) — что означало «чешский танк 1935 года» и «чешский танк 1938 года».

Разбираюсь дальше, и выясняется: «35-тонный танк» весил 10,5 тонны, а «38-тонный» весил меньше «35-тонного» — 9,5 тонны. Танки эти — воплощение технической отсталости в наихудшем

виде. Видно это невооруженным глазом: броня на них не сварная, броневые листы соединены заклепками. Это тот же допотопный уровень, что и в Америке. Сравнить «35-тонные» и «38-тонные» танки с нашими БТ просто нельзя.

Но сравним, раз уж генерал-полковник Кривошеев объявил на весь мир, что мы к войне были вовсе не готовы, а умные немцы были готовы, что чешские танки на вооружении Вермахта превосходили наши БТ. Сообщаю генерал-полковнику Кривошееву и его прямым начальникам — начальнику Генерального штаба и министру обороны, сообщаю профессиональным историкам из «Военно-исторического журнала», которые публикуют сочинения генерала армии Гареева и генерал-полковника Кривошеева, что «35-тонные» танки имели бензиновые двигатели мощностью 120 лошадиных сил, а «38-тонные» — 140 лошадиных сил. Рекомендую Генеральному штабу сравнить эти двигатели с нашими дизелями В-2 мощностью 500 л. с., которые стояли на танках БТ-7М. Даже наши самые худшие, самые старые БТ-2 имели двигатели мощностью 400 л. с.

«35-тонные» танки имели максимальную скорость 35 км/час (Encyclopedia of German Tanks of World War Two. London: Arms and Armor Press, 1978. С. 41-47). А наш БТ-7М даже официально развивал максимальную скорость 86 км/час, на самом деле — больше.

«35-тонный» танк имел запас хода 190 км, а БТ-7М — 900 км (Шмелев И. П. Танки БТ. М.: Хоббикнига, 1993. С. 24).

Чешские танки были вооружены 37-мм пушками, а БТ — 45-мм, некоторые (БТ-7А) имели 76-мм пушку.

БТ превосходили чешские танки по качеству брони, имели рациональную компоновку, несравненно лучшую форму корпуса и, понятно, броневые листы на танках БТ сваривали, а не клепали.

«35-тонные» и «38-тонные» танки были так слабы, что зимой за ночь примерзали к земле и сами от нее оторваться не могли. Потому на любой фотографии этих танков зимой можно увидеть, что танк стоит на бревнышках или на досках. Чтобы к земле не примерз. А иначе как его потом от земли отдирать?

За неимением лучшего, германская армия была вынуждена использовать даже такие танки. В войне во Франции, где немецкие войска не встретили значительного сопротивления, эти танки показали себя неплохо. Качество британских и французских танков того времени известно. Против них с успехом можно было применять все, что угодно. Даже «35-тонные» танки. А в России с такими танками делать было нечего. И их в конце 1941 года все списали. И подарили союзникам. Но и там от них толку было мало. Любые воспоминания об этих танках — матерные. Их чрезвычайная капризность вошла в анекдоты и шутки.

А вот работы самого главного эксперта по начальному периоду войны, академика, доктора наук В. А. Анфилова. Он написал много книг, но во всех повторял одно и то же. Откроем, например, страницу 72 в книге «Провал «Блицкрига». Анфилов пишет:

Из войск были изъяты... все 35-тонные танки, минимальный вес тачка Т-III стал равняться 38 тоннам.

Тут перепутано все. Анфилов путает немецкие танки с трофейными чешскими, он понятия не имеет о характеристиках ни германских, ни чешских танков. Германские танки Pz-III, выпуск которых начался в марте 1941 года, весили 21,5 тонну (Encyclopedia of German Tanks of World War Two. С. 58-67). Все предыдущие модификации весили меньше.

Анфилов перепутал немецкий танк Pz-III с чешским «38-тонным», который, как мы теперь знаем, весил 9,5 тонны.

Каждое упоминание в нашей прессе о «35-тонных» и «38-тонных» танках — наш национальный позор. Как это еще назвать?

Вторая мировая война в Советском Союзе изучалась весьма странно. Группы академиков делали вид, что изучают войну. Результат налицо. Германский блицкриг — это танковая война. Чтобы понять 1941 год, надо начинать с изучения германских танков. Летом 1941 года на вооружении Вермахта состояли четыре типа германских танков — Pz-I, Pz-II, Pz-III, Pz-IV, а также иностранные трофейные танки, среди которых были и чешские, так называемые «35-тонные» и «38-тонные» танки. Но главный эксперт по блицкригу, который пишет книгу и слово «блицкриг» выносит в название книги, не имеет о предмете исследования ни малейшего понятия.

Изучение блицкрига — главная работа Анфилова. Ей Анфилов посвятил жизнь. Знает ли он, что под Москвой, в Кубинке, находится самый богатый танковый музей мира? Хорош в Британии Бовингтон²⁰, но с Кубинкой не сравнится. В Кубинке собраны великолепные коллекции бронетанковой техники. Для кого? Для чего? Наверное, для тех, кто эти самые танки профессионально изучает. Для тех, кто книги пишет про танковый блицкриг. Для товарища Анфилова. Для народа все это было закрыто. Народ туда не пускали, потому как для экспертов зарезервировано. Так неужто главный эксперт по этим самым танкам не нашел в своей жизни одного дня для того, чтобы посетить этот самый богатый, специально для него построенный музей?

И вовсе не надо все подряд осматривать: только четыре немецких танка и два чешских. Только и делов — уяснить, что были четыре немецких типа, а кроме того — трофейные; что построенные в Германии танки отличались от трофейных; что трофейные на 35, тем более — на 38 тонн даже по

²⁰ Музей танков рядом с военной базой Бовингтон в графстве Дорсет на юге Великобритании, один из крупнейших в мире музеев танков, в экспозиции которого, второй по величине в мире (после музея в Кубинке), собраны около 300 танков и бронированных машин из 26 стран мира. В музее хранится единственный оставшийся на ходу экземпляр немецкого танка «Тигр-1» и британский танк времен Первой мировой войны «Марк-1», старейший экземпляр из всех танков в мире, участвовавший в боях и выживший. — Прим. ред.

виду не тянут.

А потом музей в Кубинке открыли для всех. Вот бы смотаться туда на денек. Если служебного времени на это не выделили, так хотя бы туда любителем любопытствующим сходить. На один часок. Да десяти минут бы хватило: всю жизнь писал про блицкриг и немецкие танки — сходи, поинтересуйся, что же это такое.

Но нет. Не интересно Анфилову. И заместитель начальника Генерального штаба по научной работе (один и другой и их предшественники) понятия не имеет о том, что за танки были на вооружении Германии.

Именно за исследование вопросов начального периода войны генерал армии Гареев вознесся так высоко. Именно начальный период войны — его конек, область его особого интереса. Вопрос: а как же он ухитрился окончить две военные академии, да еще и с золотыми медалями? Что это: досадное исключение или стандартный уровень выучки выпускников Военной академии имени Фрунзе и Военной академии Генерального штаба?

5

Гареев неустанно повторяет, что наши танки были легкими и устаревшими. Но генерал не удосужился сравнить наши «легкие и устаревшие» с танками Германии. Удивительное — рядом: сам генерал армии Гареев в своей работе говорит о том, что в Германии вылито меньше грязи на Гитлера и его армию, чем в нашей стране на нашу армию. Генерал армии Гареев говорит это с фальшивым возмущением, говорит так, словно сам он чист, словно он сам грязи на свою страну и армию не лил. Есть, мол, какие-то темные силы, которые нашу историю грязью мажут. Махмут Ахметович, а разве не вы лично эти самые силы возглавляете? Не вы ли их направляете?

И не понятна позиция некоторых моих критиков. Я выступил с книгой, суть которой в том, что мы не глупее других. На мою книгу обрушился камнепад критики. А наши официальные историки, во главе которых был и Махмут Гареев, восхваляют гитлеровскую армию, которая якобы имела на вооружении 35-тонные и 38-тонные танки, и против этого никто не протестует.

6

И вот выступает полковник Мерцалов Андрей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, автор многочисленных публикаций. Андрей Николаевич уличает меня в том, что я не являюсь носителем высоких званий и звучных титулов. Себя он приводит в пример: доктор исторических наук, профессор, и дочка его — доктор исторических наук и тоже профессор, а пишет профессор Мерцалов в соавторстве с самим Махмутом Гареевым...

Андрей Николаевич, вам вопрос: а почему вы не протестовали, когда ваш соавтор Махмут Гареев писал про 35-тонные танки? Вы боялись или тоже никогда военной историей не интересовались?

Почему вы молчали, когда профессор Гареев военные термины путал? Не следовало публично нападать, но можно было бы по-дружески подсказать: Махмут Ахметович, тут что-то не совсем так...

Простительно кому-то чего-то не знать. Но простительно ли доктору математических наук не знать таблицы умножения? Простительно ли вам, Андрей Николаевич, профессору и доктору исторических наук, эксперту в области начального периода войны, не знать, что за танки были у немцев в этом самом начальном периоде? Вы бахвалитесь доступом к архивам, но зачем вам архивы, если вы не научились работать даже с открытой литературой? Если вы не удосужились в танковый музей за всю свою жизнь заглянуть?

Советский Союз выпускал больше всего в мире инженеров, врачей, учителей. И вот однажды в Узбекистане был проведен внезапный экзамен среди студентов-экономистов выпускного курса. Была поставлена одна, но очень сложная задача: от двух третьих отнять одну вторую. Понятно, задача трудная, но согласимся: экономисту в его работе надо владеть не только марксистско-ленинской методологией. Понимая, что задача представляет сложность, экзаменаторы время на решение не ограничивали: кому-то потребуется всего один час, а кому-то и целый день — тут не вопрос времени, главное — решили бы. Хоть через день, хоть через два. Правильный ответ дали 23% опрошенных.

Можно бы и радоваться такому результату. Беда в том, что остальные ответа правильного не дали. Что же делать с такими экономистами? Ответ простой: выпустить, выдать дипломы — кому с отличием, кому без. А был ли другой выход? Раньше таких же выпускали. И позже. Чем эти хуже? Только тем, что их сейчас проверили. А предшественников не проверяли.

И дипломы выдали. И пошли экономисты в большой мир с путевкой в жизнь. И если с нашей экономикой не все ладно, так за это надо благодарить тех самых экономистов...

Не провожу параллелей, но, Андрей Николаевич Мерцалов, не кажется ли вам, что специалист по начальному периоду войны, который никогда сам не считал дивизий и корпусов, который пропускает целые армии, который понятия не имеет о том, что за танки были на вооружении противоборствующих сторон, похож на экономиста, не усвоившего элементарной арифметики? Наша официальная историческая наука находится в том же положении, что и экономика. Историкам перестали верить. За семьдесят лет упорных трудов мы дошли до того, что нет учебника истории для обыкновенной школы, которому можно было бы верить хотя бы на одну четверть. Не ваша ли персональная в том заслуга? Не вы ли в соавторстве с Гареевыми, Анфиловыми, Волкогоновыми и Кривошеевыми довели науку до состояния полного идиотизма?

Вы профессиональный историк, но стоит ли этим гордиться на фоне достижений нашей исторической науки? Вам кажется подозрительным уровень моих познаний в военной истории. Андрей Николаевич, я знаю очень мало. Вам кажется, что я знаю много, но это только на фоне знаний начальника Генерального штаба и его заместителя по научной работе. Удивляться приходится их уровню. Его следует считать подозрительным.

И если вы считаете, что любители ни на что не способны, то я вам постараюсь доказать обратное. В 1993 году в Москве издательство «Хоббикнига» (одно название чего стоит!) выпустило великолепную книгу Игоря Павловича Шмелева о советских танках серии БТ. В книге много нового и интересного, например, впервые сообщаются цифры производства танков БТ, чего в «Военно-историческом журнале» не найдешь. Автор провел сравнительный анализ танков БТ с другими иностранными танками, в частности, с танками 35(t) и 38(t) — чешскими танками, которые состояли на вооружении Вермахта. Автор текста правильно назвал танки, точно описал и добросовестно сравнил технические характеристики. Автор текста не генерал, не профессор, не доктор наук. У него перед вами только одно преимущество: он предметом своего исследования интересуется.

Вот бы кому ученые звания и степени присваивать.

ГЛАВА 30. Свидетель найден!

Ура! Октябрь уж наступил.

А. С. Пушкин (в изложении профессора Габриэля Городецкого. Миф «Ледокола». С. 25)

1

Советский Союз был готов к войне, как никто другой.

Врагам России эту готовность к войне надо замазать грязью, чтобы никто ее не заметил. И они работают. Мажут. Из-за кордона выписали «научного профессора» Г. Городецкого, и он написал книгу «Миф «Ледокола». На первый взгляд книга против меня одного, а на второй — не только против меня.

Приятно, когда про меня книгу пишут. Жалко, что включиться в нее трудно. Пробовал несколько раз — не получается. Не интересно. И тогда начал читать книгу наоборот, не с первой страницы, а с последней. И сразу стало интересно.

Итак, последняя фраза последней главы — торжественный финал обо всех нас, о жителях бывшего Союза и его лидерах:

Все были уверены, что британский флот на всех парах идет по Балтийскому морю, чтобы совместно с Гитлером напасть на Ленинград и Кронштадт (Миф «Ледокола». М.: Прогресс-Академия. 1995. С. 338).

Книга Городецкого — если охватить ее одним взглядом — о нашей общенародной трусости. Трусость, если верить Городецкому, — основная черта нашего национального характера. С этого он книгу начинает, этим и завершает. После затянувшегося на две главы вступления Городецкий начинает с главного: «Россия в осаде». Это начало третьей главы. Городецкий рассказывает трогательную историю о том, что нас, бедных, с 20-х годов осадили враги со всех сторон и все на нас хотели напасть — от Финляндии и Эстонии до Афганистана и Ирана. И вся советская страна страшно этого боялась.

Тема страха проходит через всю книгу. Самым запуганным был, понятно, Сталин: «*Сталин загипнотизирован немецкой военной мощью...*» (там же. С. 345). И все советские люди были запуганы до такой степени, что потеряли способность соображать и верили, что британский флот объединился с германским и «на всех парах» прет по Балтике, чтобы пальнуть по Ленинграду... В Советском Союзе о приближении объединенного флота Черчилля-Гитлера, если верить Городецкому, все знали и ждали удара с минуты на минуту.

Тут же Городецкий описывает и бедного Сталина, который, с одной стороны, запуган до смерти и «загипнотизирован мощью», а с другой — не загипнотизирован, ничего не боится, отказывается верить в возможность германского нападения и посылает к уже известной матери автора

агентурного сообщения о готовности Германии к нанесению удара (там же. С. 323).

И на фоне этого всеобщего советского страха и растерянности действует британский посол, премудрый Криппс, который старается объяснить Сталину, Молотову и Вышинскому самые простые вещи, но понимания не находит...

2

Теперь вспомним факты.

Великобритания объявила войну Германии 3 сентября 1939 года. С этого момента по июль 1941 года германские подводные лодки утопили 2038 британских торговых кораблей (см. главу 9). Великобритания стояла на грани поражения.

Война между Великобританией и Германией была вовсе не такой странной, как ее нам описывали лубянские историки. Есть о чем вспомнить и британскому народу, и немецкому, да и нам не грех: в октябре 1939 года германская подводная лодка U-47 проникла в бухту Скапа-Флоу, где во время Второй мировой войны базировались главные силы британского военно-морского флота, утопила британский линкор «Ройал Оук» и незаметно выскользнула в открытый океан. В декабре британские крейсера в Южной Атлантике в ходе продолжительного боя повредили и загнали в нейтральный порт германский «карманный линкор» «Граф Шпее», где тот был затоплен экипажем.

После разгрома британских и французских сил на континенте в мае 1940 года Черчилль 4 июня произносит свою самую знаменитую речь: «Мы никогда не сдадимся».

30 июня германские войска захватили Нормандские острова. В тысячелетней истории Британии это был первый случай, когда противник захватил часть британской территории. Германские подводные лодки начали самый настоящий террор против практически беззащитного британского торгового флота, а германская авиация начала воздушное наступление, которое стало известно как «Битва за Британию». Германская авиация совершила массированные налеты на города Британии, уничтожив тысячи людей и огромные материальные ценности. Некоторые следы разрушений времен войны британский народ решил сохранить навсегда. Приезжайте в Бристоль, посмотрите на руины церквей в центре города...

Королевские военно-воздушные силы отбили германское воздушное наступление в ходе «Битвы за Британию» и сами начали бомбардировку германских городов. Молотов был этому свидетелем. Товарищ Молотов с товарищем Риббентропом мило беседовали 13 ноября 1940 года в Берлине. *«Место беседы: бомбоубежище в доме Имперского министра иностранных дел»* (СССР – Германия, 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июль 1941 г. Сост. Ю. Фельштинский. Нью-Йорк: Телекс, 1983. С. 121).

Отчего же два министра беседовали в бомбоубежище? Оттого, что британская авиация в ту ночь беспощадно бомбила Берлин. А в предыдущую ночь товарищ Молотов имел встречу с Гитлером. В

бомбоубежище не спускались, но *«ввиду возможной воздушной тревоги переговоры были прекращены на этом месте и перенесены на другой день»* (там же. С. 109).

В первой половине 1941 года боевые действия между Британией и Германией достигли критического накала. В ночь с 9 на 10 апреля 1941 года британская бомбардировочная авиация нанесла массированный удар по Берлину. 20 мая 1941 года началась самая мощная в истории германской армии и, возможно, самая красивая в истории всех армий воздушно-десантная операция — захват Крита. На острове находилось 32 тысячи бойцов британских и 10 тысяч бойцов греческих вооруженных сил. За несколько дней германские десантники, не имея численного превосходства, захватили остров, выбили с него и уничтожили превосходящие силы британской и греческой армий. Единогласный вывод военных экспертов того времени таков: захват Крита — это генеральная репетиция гитлеровских десантников перед высадкой на Британских островах.

24 мая 1941 года случилось то, что британская военно-морская история называет самой черной своей страницей: в Атлантике крупнейший корабль британского флота линкор «Худ» вступил в бой с крупнейшим кораблем германского флота линкором «Бисмарк». Бой продолжался 8 минут. Одно прямое попадание — и «Худ» взорвался и исчез под водой за несколько секунд. Из 1416 человек экипажа в живых остались трое.

Но британский флот догнал «Бисмарка». 27 мая два британских линкора в огневом бою повредили «Бисмарк», а два крейсера добили его торпедами. Для германского флота это была невосполнимая потеря. С этого момента наступил перелом в войне на море в пользу Британии, и обе стороны это понимали.

В борьбе на коммуникациях перелом пока не наступил. В июне 1941 года немецкие подводные лодки утопили 61 британский торговый корабль общим водоизмещением 310 тысяч тонн. С 3 по 23 июня 1941 года британский флот утопил 9 германских кораблей снабжения. Однако потеря господства на море для Германии обозначилась весьма четко. Без крупных боевых надводных кораблей господства на море не удержать.

В июне германская авиация бомбила Манчестер, британская пять раз бомбила базу германских подводных лодок в Бресте и промышленные районы Рура.

13 июня британская авиация повредила германский «карманный линкор» «Лютцов», и он вышел из строя на 7 месяцев.

15 июня в Северной Африке началось мощное наступление британских войск.

16 июня германские войска отбили наступление британских войск с огромными для последних потерями...

Гитлера и в то же время объединить свои силы с Гитлером и напасть на Сталина? Бывало ли в мировой истории такое: две страны воюют друг против друга и в то же время, объединив свои силы, внезапно нападают на третью нейтральную страну? И вовсе не в том вопрос, чей пьяный бред повторяет Городецкий. Вопрос в другом: сам Городецкий верит в такую возможность или не верит? Если чью-то глупую речь Городецкий использует в качестве аргумента, причем самого последнего и решающего, значит, сам в это верит. А раз верит, то должен представить доказательства, иначе любые разговоры об объединении германского и британского флотов есть клевета и на Германию, и на Британию.

Не могли ни здравомыслящие британцы, ни здравомыслящие немцы топить друг у друга крупнейшие линкоры и тут же объединять те, что остались, в единый флот. Такое объединение было исключено. Исключено потому, что часть британской территории — Нормандские острова — оккупированы Германией, граждане Британии находятся во власти СС и гестапо. Не мог Черчилль, не освободив Нормандских островов, с Гитлером объединяться.

Выдумки Городецкого оскорбительны и для России. Представим себе любого нормального человека, который книгу Городецкого читает и верит ему. Прежде всего, объединения Германии и Британии в ходе войны не могло быть. Это понятно каждому. Но если, как утверждает Городецкий, все люди, населявшие Советский Союз, начиная со Сталина, в такую возможность верили и страшно ее боялись, значит, они были идиотами, запуганными до смерти кретинами, которые были неспособны мыслить и находились во власти выдуманных опасностей.

Интересно, генерал-полковник Волкогонов верил в то, что остатки выбитых с Крита британских дивизий Черчилль мог объединить с гитлеровскими десантниками, которые их только что побили, и бросить на Ленинград? Если генерал-полковник в это верил, то почему принимал участие в написании этой гадости? Городецкий во вступлении благодарил генерал-полковника Волкогонова за «неограниченную поддержку». На чью мельницу воду лил Дмитрий Антонович? И почему?

Генерал-майор В. А. Золотарев, вы тоже попали в книгу Городецкого. Вас, генерал, Городецкий тоже благодарит за оказанную помощь. Вот и расскажите нам, лично вы верите в то, что британский флот, не прекращая боевых действий против германского флота, мог с ним объединиться и напасть на нас? Вы верите в то, что бомбардировочная авиация Британии, отбомбившись по Берлину, могла объединиться с бомбардировочной авиацией Германии, которая отбомбилась по лондонским докам, и нанести совместный удар по Москве?

4

Давайте представим себе на минуту, что все было так, как пишет Городецкий, которому «безгранично помогал» советник нашего Президента. Итак, британский флот тайно объединился с германским, единый флот Гитлера-Черчилля «на всех парах» прошел через Балтику и на рассвете 22

июня шарахнул из пушек по Ленинграду. Пусть будет так, пусть будет по Городецкому, Волкогонову и Золотареву.

А теперь представим себе понедельник, 23 июня 1941 года. Черчилль появляется в парламенте и объясняет народным избранникам: «Вот, мистеры и сэры, мы с Гитлером объединились и ударили по Ленинграду...» Думаю, что если бы Черчилль это сказал, то ему обязательно задали бы вопрос с места: «А зачем, сэръ?»

Дикие выдумки Городецкого поддержаны всей мощью идеологического аппарата России. А Городецкий, распоясавшись, продолжает рассказывать о нашей трусости. И о нашей дикой неготовности. Вот четыре предложения с одной только страницы 67:

Воздушно-десантный корпус был создан Тухачевским и, вероятно, по этой причине был расформирован после чисток... Воссозданная на Украине бригада, на которую ссылается Суворов в качестве примера агрессивных намерений Сталина, была совершенно недостаточно подготовлена. Половина призывников не совершила ни одного прыжка с парашютом, а остальные прыгали по одному-два раза. 22 июня они были абсолютно небоеспособны...

Давайте не горячиться. Давайте не будем давать волю нашим чувствам. Спокойнее. Разберемся без мордобоя.

Прежде всего, Городецкий приписывает Тухачевскому то, чего Тухачевский не совершал. Это давно так установил Хрущёв: был величайший, мудрейший Тухачевский, который придумал все, начиная с велосипеда, глупый Сталин расстрелял гениального Тухачевского и все велосипеды переломал...

Вопрос: где товарищ Городецкий начерпал этих сведений о таинственном десантном корпусе Тухачевского? Когда был создан этот мифический корпус? Где? Кто сим загадочным корпусом командовал? Какие соединения и части в него входили?

Второй момент. Городецкий совершенно бессовестно лжет: «...*Бригада, на которую ссылается Суворов...*» Добрые мои читатели, будьте судьями: глава 12-я «Ледокола» называется «*Зачем Сталину десять воздушно-десантных корпусов?*». В «Ледоколе» речь не о бригаде, не о дивизии и даже не о корпусе, а о десяти корпусах: пять развернуты весной 1941 года и еще пять — летом. Есть же разница — одна бригада или десять корпусов! Городецкий меня даже не пытался опровергать, ему нечего возразить, и потому он просто врет: «...*Бригада, на которую ссылается Суворов...*»

По Городецкому, бригада была одна, да и та небоеспособная. А у меня другие сведения. Понятно, я не об одной бригаде буду говорить, а минимум — о корпусе. Итак, свидетельствует И. А. Самчук в своей книге «Тринадцатая гвардейская. Боевой путь 13-й гвардейской Полтавской ордена Ленина дважды Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии» (М.: Воениздат, 1971. С. б). Ссылаясь на множество архивных документов, он сообщает, что 3-й воздушно-десантный корпус, из которого происходит 13-я гвардейская стрелковая дивизия, имел в своем составе три бригады —

212-ю, 5-ю и 6-ю:

Первая из них имела хорошую боевую и специальную подготовку, а самое главное – обладала боевым опытом, так как участвовала в боях на реке Халхин-Гол. 5-я и 6-я воздушно-десантные бригады были укомплектованы старослужащими красноармейцами. Напряженная боевая учеба шла день и ночь... Парашютные прыжки с самолета совершались ежедневно.

Так что не призывники, как у Городецкого, а старослужащие. И на этот момент следует обратить внимание. Это поразительный факт: в 3-м вдк – одна бригада с боевым опытом, две другие пока без боевого опыта, но тем не менее укомплектованы старослужащими солдатами. В обычной жизни так не бывает. В любом подразделении, части, соединении есть и молодые, и старослужащие. Бывает, что есть только молодые солдаты – в учебных командах, в школах младших командиров и так далее. Но если бригада (да не одна) укомплектована старослужащими, то здесь есть над чем задуматься. Старослужащих вместе просто так не собирают. А если собирают, то для чего-то вполне определенного – что-то надо сотворить. Каждый командир знает ситуацию: салаг – за дверь, а старослужащих, понятливых, собаку съевших – в сторонку кружочком: ребята, дело есть...

Согласно распределению обязанностей на случай войны Жуков отвечал за Южный и Юго-Западный фронты и Черноморский флот. Жуковское направление – Румыния. Вот на это направление, под Одессу, Жуков тайно перебросил в мае 1941 года свою любимую 212-ю бригаду с боевым опытом Халхин-Гола и сформировал еще две бригады, укомплектовав их старослужащими. Это именно та самая ситуация: ребята, дело есть...

И с этим делом Жукову затягивать было нельзя, ибо солдат с боевым опытом и просто старослужащих предстояло скоро или пустить в дело, или отпускать по домам. Но это – к слову. Описание 3-го вдк в книге И. А. Самчука (и во множестве других книг и статей) полностью соответствует тому, что сообщает генерал-полковник А. И. Родимцев, служивший в этом корпусе: в 212-й бригаде – по 100–200 прыжков на брата, у командира бригады полковника И. И. Затевахина – за 300, в двух других бригадах – не такие показатели, но вполне достойные, и подготовка идет днем и ночью.

5

Вопрос: кому же верить, Родимцеву или Городецкому? Я не навязываю читателю своего мнения. Чего стоит мнение врага всего прогрессивного человечества? Пусть мой читатель сам выбирает, кому верить.

Вариант первый. Верить генерал-полковнику Александру Ильичу Родимцеву – сталинградскому герою, любимцу солдат, дважды Герою Советского Союза, кавалеру трех орденов Ленина, Октябрьской Революции, четырех орденов Красного Знамени. Богдана Хмельницкого 1-й степени,

двух орденов Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, двух орденов Красной Звезды, многих медалей, а также многих иностранных орденов и медалей.

Родимцев вступил в войну командиром 5-й воздушно-десантной бригады 3-го вдк, а завершил ее командиром 32-го гвардейского стрелкового (на самом деле — десантного) корпуса. Автор семи книг. Никем никогда не подозревался в искажении фактов. Родимцев вошел в нашу историю, о нем писали многие, в том числе поэты, начиная с любителей из 13-й гвардейской дивизии и кончая высокими профессионалами. Помните у Александра Межирова:

И без кожуха

Из сталинградских квартир

Бил «максим»

И Родимцев ощупывал лед...

А заодно с А. И. Родимцевым мы можем верить генералу армии А. С. Жадову, Герою Советского Союза, кавалеру никак не меньшего комплекта боевых наград, включая два платиновых ордена Суворова 1-й степени.

Мы можем верить Герою Советского Союза генерал-лейтенанту Н. Демину, воевавшему в 7-м вдк. Мы можем верить сотням тысяч людей, сражавшихся в рядах ВДВ Мы можем верить бесчисленным могилам десантников от Даугавпилса, Конотопа, Киева, Бахмача, Мценска, Наро-Фоминска до Сталинграда, Ржева, Курска, Харькова, Черкасс, Варшавы, Кёнигсберга, Вены, Праги и Берлина.

Второй вариант. Мы можем всему этому не верить, а поверить Габриэлю Городецкому, который ни на кого не ссылается, не приводит никаких документов, а просто заявляет, что была одна только бригада, укомплектованная непонятно кем и абсолютно небоеспособная.

Я понимаю возмущение своих читателей: да можно ли так ставить вопрос? Да и зачем я унижаюсь, зачем обращаю внимание на какого-то путаника?

Мой читатель, я бы на него внимания не обращал. Да вот беда: наши вожди возлюбили Городецкого. И руководство Министерства обороны. И вся чудовищная идеологическая машина Государства Российского. И официальная историческая наука подключилась. Восхваляют. Группа экспертов во главе с доктором исторических наук, полковником, профессором А. Мерцаловым объявила Городецкого ученым. Да не где-нибудь, а на страницах журнала «Родина» (1994, № 5).

Если редакция журнала «Родина» признает Городецкого достойным аналитиком, то тогда надо идти дальше — тогда Александра Ильича Родимцева надо признать лжецом. Тогда надо будет признать, что Жуков готовил на румынской границе дураков и никак их не подготовил: одна бригада, да и та не просто небоеспособна, а абсолютно небоеспособна.

А центральный орган Министерства обороны газета «Красная звезда» пошла дальше. Полковник Юрий Рубцов объявил Городецкого не просто исследователем, но свидетелем событий. Так прямо и пишет:

Городецкий свидетельствует — к июню 1941 года ни механизированные войска Красной Армии, ни ее Военно-воздушные силы не находились в состоянии готовности (Красная звезда. 14 марта 1995 г.).

Между тем «свидетель» Городецкий в 1941 году не существовал даже в эскизных проектах.

Родина-мать! Вот нашли свидетеля твоей войны!

Дожила ты.

Докатилась.

6

Свидетель тот, кто сам видел, кто сам воевал. Но таким ни в «Красной звезде», ни в «Родине» веры нет. А власть и официальная пропаганда берет в свидетели любого, кто наши ворота дегтем мажет.

Я только четыре предложения из Городецкого цитировал. А там целая книга против нас, вот с такими заворотами: *«Командиры 40% шляпы, бесхарактерные, трусы и т.д.»* (стр. 125). Это о командном составе Красной Армии. Интересно, это сам великий математик Городецкий вычислил или ему помогли? Полистаем книгу и согласимся: помогли. Вся книга Городецкого пестрит ссылками на архивы ГРУ, Министерства обороны, Министерства иностранных дел, на личный архив советника Президента России генерал-полковника Д. Волкогонова.

В одних только архивах Москвы — миллионы листов бумаги, и найти там можно всякое. Так вот среди миллионов листов нашли чей-то дурацкий дневник, а в нем — нужную страничку, и Городецкому — публикуй. Первооткрыватель Городецкий и не скрывает того, что официальные наши историки, включая генерал-полковника Волкогонова и генерал-майора Золотарева, ему помогали: *«Они помогли мне, и прежде всего — в добывании различных документов»* (журнал «Окна». 2 марта 1995 г.). Эх, товарищи генералы. Добыватели.

И книга вышла, и встречают Городецкого в Москве генералы России и перед ним красный ковер стелют. Он это описывает так:

Презентация моей книги проходила в Москве. Должен сказать, что это было нечто монументальное. Она просто не сходила с экрана телевидения и со страниц газет. И историки, и военные — все повторяли одно: «Вы сделали за нас то, что мы не могли сделать. Очень, очень сильно». Вопрос, который повторялся все время: «Почему именно израильтянин решился на это — человек со стороны?» Во всем этом я ощущал очень сильный элемент самокритики с их стороны. Я ожидал, конечно, критических высказываний, но со стороны профессионалов критики не последовало.

Осмыслим: советский генерал, бывший зам начальника Главпура и начальник Управления

спецпропаганды генерал-полковник Волкогонов ищет материалы и в завалах среди миллионов, если не миллиардов документов находит единственно правильный листочек: русские — дураки и трусы. Великий исследователь Городецкий это публикует, и «критики со стороны профессионалов не последовало». Наоборот — товарища Городецкого встречают как триумфатора. Воистину, триумф и трагедия.

Городецкий первым в мире опубликовал сведения о количестве дураков среди командного состава Красной Армии. Такого никто еще в мировой истории вычислить не сумел. Так повесьте же ему на шею бриллиантовую звезду!

Запад любит точность, любит все видеть в цифровом выражении. Процент дураков в Красной Армии уже введен в научный оборот и будет теперь циркулировать до скончания времен. Вычислить количество дураков в процентах — это, что ни говорите, научный подвиг. Вершина научной мысли. Дерзновенный полет. И уже зазвенело по страницам мировой научной периодики — 40 процентов! Количество дураков в других армиях не вычислялось, потому нет цифры, с которой можно было бы сравнить. Потому и не сравнивают. Потому впечатление — там у них вроде и дураков нет.

А у русских — пожалуйста, 40 процентов. Научно обосновано. И есть на кого теперь сослаться при защите диссертаций. Только думаю, товарищи генералы, для пущей научности надо было Городецкому не круглую цифру давать, а что-нибудь вроде 41,3%.

7

Франция во Второй мировой войне была разбита за месяц. Но попробуйте в Париже найти книгу о неготовности Франции к войне! Я, образно выражаясь, три пары железных сапог истоптал, три железных колпака износил, три железных посоха истер о парижские тротуары и ничего в книгах о неготовности Франции к войне не обнаружил. Все — только о нашей неготовности, все — о нашей глупости, о трусости Сталина, его маршалов, генералов, офицеров и солдат. А вот если бы какой-то умник вздумал вычислять процент дураков и трусов среди офицерского состава французской армии, то ему бы быстро ноги выдернули, чтобы не топтал ими французскую землю. А издательство, выпустившее книгу с такими сведениями, свирепая толпа просто сожгла бы.

А у нас те ножки не трогают. У нас под те ножки красный ковер стелют. И издательство «Прогресс-Академия» почему-то в огне не горело и в воде не тонуло. И генералы России в смущении приветствуют первооткрывателя. Победенные учителя признают превосходство над собою ученика-победителя: ты сделал за нас то, чего мы сделать не могли... О великий...

Наших генералов даже ревность не терзает: мы сами не сумели процент дураков и трусов вычислить, ну ничего, утешимся, вот нашелся открыватель, сделал за нас... Вот оно, господа, товарищи и братцы, наше поражение в войне — какой-то мерзавец плюет всем нам в лицо, а наши генералы от этого испытывают чувство глубокого удовлетворения. И радость их переполняет.

А чему вы, господа генералы, радовались, как козлы в огороде? И куда, простите, министр обороны смотрел? Страна верила своему министру, верила в то, что он глубоко вник в проблемы развития авиации и флота, ракетных войск и артиллерии, танковых войск и прочего, и прочего. Но возникает сомнение, знал ли он что-нибудь о Воздушно-десантных войсках?

Получив назначение на такую высокую должность, министр обороны должен был вызвать какого-нибудь офицера-десантника и подробно расспросить его: что это за войска такие? для чего предназначены? каковы их возможности? какова их история? Но генерал армии Грачев словно этими вопросами никогда не интересовался, словно о Воздушно-десантных войсках вообще ничего не знал. Каждый шарлатан мог нашему министру обороны рассказать о десантном корпусе Тухачевского, мог любые гадости рассказывать об одной небоеспособной бригаде, а министр, развесив уши, слушал и соглашался. И начальник Генерального штаба. И командующий ВДВ. И начальник Института военной истории. А газета «Красная звезда», министру обороны подчиненная и официальное мнение высшего военного руководства выражающая, поливала ВДВ грязью, восхваляя открытия «свидетеля» Городецкого.

Вот и расскажите мне, куда это всех нас занесло?

Кстати говоря, в Израиле цену Городецкому знают точную. Продавшись нашей официальной пропаганде, он позорит народ Израиля. Так ему и говорят. И называют Городецкого устно и печатно теми словами, которые он заслужил. Верю, что читатель меня простит, если я этих слов на страницах своей книги повторять не буду.

Я не обращаюсь к полковникам Рубцову, Хореву, Анфилову, Мерцалову. Я не обращаюсь к генералам Золотареву, Павлову, Кривошееву, Грачеву, Гарееву, Волкогонову.

Я обращаюсь к солдатам, сержантам и офицерам ВДВ, к доблестным морским пехотинцам, к милым моему сердцу бойцам Спецназа.

Братцы! Речь — о чести нашей Родины. И никто, кроме вас, ее не защитит. Там, на верхах, кто-то торгует штанами и Родиной. Кому-то очень хочется всех нас представить дураками. И вовсе не Городецкий правит бал. Гадость рождается в Москве, летит вокруг света, в Москву возвращается, оседая на наши головы и уши. Только для пущей достоверности надо иностранного «первооткрывателя» подставить. Его и подставили.

Я обращаюсь не только к десантникам России. Я обращаюсь к десантникам Украины. Ребята, когда Городецкий рассказывает, что советские десантники были небоеспособными импотентами, а их командиры — бесхарактерными шляпами, трусами и дураками, когда называет процент дураков среди командного состава Красной Армии, так это он и ваших дедов и отцов в виду имеет. Из 427 тысяч парашютистов, подготовленных Украиной только за два года, многие тысячи легли под

танками Гудериана и Манштейна, Клейста, Гота и Гепнера. А Городецкий — столь же почетный гость в Киеве, как и в Москве. Об этом он сам бахвалится в том же интервью (журнал «Окна». 2 марта 1995 г.): *«Директор Института истории Украины сказал мне: «Ваша книга произвела на нас очень сильное впечатление».*

Что же, интересно, произвело такое впечатление на директора Института истории Украины? Тем, что все мы, жители бывшего Союза: украинцы и русские, туркмены и татары, евреи и грузины— представлены идиотами и трусами?

Братья-десантники, вам намекнуть, что надо делать?

Или, может быть, вы будете честь свою защищать без подсказок?

А заодно и честь своей Родины.

Книга завершена в 1994 году, переработана в 2012 году.

Виктор Суворов о своих книгах и о себе

Родиться меня угораздило на Дальнем Востоке в 1947 году. Детство прошло в дальних и очень даже дальних гарнизонах — Барабаш, Янчиха, Славянка, снова Барабаш, Рязановка... И было там все, что нужно человеку для полного счастья: самоходные орудия СУ-76 и СУ-100, зенитные пушки 52-К, бронетранспортеры БТР-40, БТР-152 и даже БТР 50П, гаубицы М-30 и Д-1, артиллерийские тягачи, танки ПТ-76 и еще много-много всего разного, включая брошенные укрепленные районы по всему побережью Тихого океана.

В Барабаше стояла дивизия, в Славянке — тоже, потому школы там были большие, а в Рязановке у нас была одна учительница на все четыре класса. Она же была и директором школы, и уборщицей. В одной комнате сидел и первый, и второй классы; потом, во вторую смену, в той же комнате — третий и четвертый. По пять-шесть ребят в каждом классе. Учительница вела половину урока с первым классом, вторую половину урока — со вторым, а после обеда первую половину урока — с третьим классом, вторую — с четвертым.

В сентябре 1957 года моего отца после 12 лет службы на Дальнем Востоке перевели в Киевский военный округ. В Конотопе мы жили на улице Гарматной, то есть на Пушечной или Артиллерийской, если на русский язык перевести. Учился я в школе №8. Первые четыре класса — пять разных школ. Когда мы уезжали из Рязановки, учительница вырвала листок из тетрадки и написала справку: «Володя Резун за сентябрь получил отличные оценки по таким-то предметам...» Печати у нее, ясное дело, не было. Чисто конкретно: филькина грамота. И тогда отец в штабе заверил сей документ печатью 72-го гвардейского Порт-Артурского ордена Александра Невского минометного полка.

В августе 1958 года я поступил в Воронежское суворовское военное училище. Суворовские училища были созданы по приказу товарища Сталина в 1943 году. При нем этих училищ было 15. Кроме того — два суворовских училища НКВД. У тех были не алые погоны, петлицы и лампасы, а синие. Их называли «аракчеевцами». После Сталина в системе Министерства обороны было создано еще два СВУ: Ленинградское и Минское. Организация всех суворовских военных училищ была установлена лично товарищем Сталиным: начальник училища — генерал-майор, у него три полковника в заместителях: первый зам, начальник учебного отдела и начальник политического отдела. В каждом училище — семь рот. Ротные командиры — подполковники, взводные — майоры. Прапорщиков тогда не было, были сверхсрочники. В каждой роте — старшина роты, в каждом взводе — заместитель командира взвода. То есть в каждой роте по четыре сверхсрочника или прапорщика, если перевести на современные понятия.

Во взводе — 25 суворовцев, в роте — 75, в училище — 525. Однако выгоняли оттуда беспощадно. После первого года обучения обычно делали небольшой дополнительный набор. После того непригодных выгоняли, но нового набора не было, поэтому в училищах был некомплект, который в

каждой роте увеличивался по мере приближения к выпуску.

Во время моего обучения начальником Вж СВУ был полковник Иванов, затем генерал-майор Дудоров. Командиром роты был подполковник Меркулов, затем — подполковник Истомин. Командирами взвода последовательно были майор Федоров, капитан Дементьев, майор Степанский, майор Панферов. Старшиной роты все годы был старшина сверхсрочной службы Черных, заместителем командира взвода — старшина сверхсрочной службы Усков.

Военный городок, в котором располагалось училище, был построен при Александре Третьем специально для штрафного батальона. Здания двухэтажные, кирпичные, сработанные на века. В центре — мощное сооружение, на первом этаже которого несколько десятков одиночных камер, под потолком — тюремные окошки с решетками и железными ставнями.

В наше время в этих камерах располагались склады училища, от оружейных до вещевых и продовольственных, — камер было много. А на втором этаже были огромные залы. В мое время там размещалась грандиозная библиотека и читальный зал. Библиотека была не просто грандиозной, но роскошной.

Во время войны немцы были на правой стороне реки — там, где лежит город, — а на левую сторону их не пустили. Это был пригород, название ему — Придача. Вот на Придаче и располагались эти самые казармы. Перед началом боев — а они в Воронеже были такими же жестокими, как и в Сталинграде, — городскую библиотеку вывезли в несокрушимые казармы.

До 1917 года Воронеж был городом купеческим, промышленным, а еще раньше Петр Первый тут строил флот для выхода в Азовское и Черное моря. Городская библиотека была набита книгами XIX века. Город был буквально стерт с лица земли во время войны, а казармы на Придаче устояли, и только на некоторых зданиях остались следы осколков.

После войны городу было не до библиотеки — ее все равно негде было размещать, потому она так и оставалась в нашем училище. В основное книгохранилище, понятно, никого не пускали, книг тех никому не давали. Исключение составляли те отдельные не вполне нормальные книголюбы, которые по воскресеньям приходили добровольно книжные завалы разбирать, сортировать, раскладывать, составлять каталоги. Работа продвигалась медленно, но никто и не торопил. После войны прошло почти два десятка лет, а работа все еще не была завершена. Что с той сокровищницей стало потом, не знаю. Но подозреваю, что городские власти просто забыли о том, куда отправили библиотеку во время войны. Им никто об этом и не напоминал.

Вокруг здания с одиночными камерами и библиотекой непробиваемым прямоугольником стояли все остальные постройки: штаб, казармы, учебные корпуса, столовая, два спортзала, санчасть, баня и все прочее. Во всех остальных зданиях окна были нормальные, высокие и широкие, но в каждом оконном проеме торчали куски мощных стальных прутьев от решеток, которые выпилили, превращая городок штрафного батальона в место подготовки подрастающего военного поколения.

Зрительный зал был устроен в просторной и высокой батальонной церкви, у которой снесли колокольню, а на месте алтаря возвели сцену.

Распорядок был строгий и четкий: подъем в 7:00, зарядка, туалет, утренний осмотр, завтрак, шесть часов занятий, обед, два часа свободного времени, два часа обязательной самоподготовки, ужин, час необязательной самоподготовки (можешь уроки учить, а можешь книжку читать), вечерняя прогулка (то есть строем с песнями), вечерняя поверка и отбой.

В 13 лет я написал свой первый роман — о механическом коте, которого использовали в разведывательных и террористических целях. Дело давнее, но иногда чертики в бок вилами царапают: а не восстановить ли текст? Ведь получилось забавно.

Учили нас хорошо и по особой программе. В обыкновенных школах — десять классов, в СВУ — одиннадцать. В конце каждого учебного года сдавали экзамены. После экзаменов — лагеря, где подготовка продолжалась. Когда подросли, каждое лето — стажировка в войсках: форма солдатская, только сапоги не кирзовые, а яловые, офицерские. Распорядок на стажировке армейский, с подъемом в 6:00 и боевой подготовкой без поблажек и упрощений.

А мои разоблачители уличают: в 11 лет поступил в суворовское училище! Вот она, коррупция! Вот он, блат!

Для пущей убедительности разоблачителям следовало бы сообщить: он-то в 11 лет поступил, а все остальные вон в каком возрасте... Но разоблачители почему-то уточнять не стали.

Ибо если бы сообщили, что остальным было по 15-16 лет, тогда возникла бы неясность: что же я один среди этих лбов делал? Меня по особой программе учили или как? А когда тех лбов выпустили и отправили в высшие военные училища, что же со мной стало? Оставили повторить курс?

Так вот, граждане, всех тогда принимали в 11 лет. Так еще в 1943 году установил товарищ Сталин. Первая рота была самой младшей. На другой год ей присваивали следующий по возрастианию номер: рота становилась второй, еще через год — третьей и так далее. Шестая рота — предвыпускная, седьмая — выпускная. В первую роту нас зачисляли после четвертого класса в 11 лет. Когда нам было 12 лет, рота становилась второй, а когда 17 — седьмой. В 18 лет училище заканчивали.

Кадетское братство жило в атмосфере какого-то внутреннего благородства, и я бы даже сказал — аристократизма. Подлецы и мерзавцы в той атмосфере не выживали. Наши кадетские коллективы от Питера до Уссурийска отличались от всех других. В школу утром пришел, потом ушел домой. В детские исправительные учреждения одни приходят на короткий срок, другие на длительный; появляются новые друзья и враги, уходят старые. А мы с первого дня на семь лет были спрессованы в единую семью. И с первого дня кадеты из старших рот объясняли правила кадетского поведения и упорно их насаждали. Беспощадно каралось стукачество и любые другие мерзости. Проступок, совершенный на первом году, помнили всегда. Тот, кто в коллектив не вписывался, уходил сам. Того, кто не выдерживал нагрузки, отчисляли.

В моем отделении при поступлении было восемь человек.

После первого года обучения выгнали Женьку Маслова, добавили Ваню Сархошьяна. После второго года выгнали Володю Солопова. После третьего Витю Шилова перевели в Киевское СВУ, Сашу Слукина отчислили по состоянию здоровья. После четвертого года выгнали Костю Барашкина и Ваню Сархошьяна. После шестого года — Володю Лифшица. До выпуска дошли двое — я и Саша Юрин. Саш, привет!

Нужно признать, что наш случай не стандартный. Но в общем картина была такая: набрали 75 человек в роту, через год добавили 10, через семь лет выпустили 49 человек.

В 1963 году Воронежское СВУ расформировали. Меня перевели в Калининское СВУ, которое я окончил летом 1965 года.

И снова разоблачители ликуют: это его по блату устроили...

Озадачим разоблачителей вопросом: если меня по блату перевели в другое училище, то что стало с моими товарищами?

Рассеем туман: в 1960 году Никита Хрущёв ударил по армии. Она была сокращена на миллион двести тысяч человек. Реорганизация коснулась и суворовских училищ. Было решено срок обучения сократить с семи лет до трех. Но если срок сократить, то в тех же казармах и учебных корпусах можно готовить вдвое больше будущих офицеров. Следовательно, количество суворовских училищ можно сократить. В системе Министерства обороны их было 17, решили оставить 9. Реорганизацию провели с умом. В 1960 году на три года был прекращен прием во все суворовские военные училища. Потому осенью того года во всех училищах осталось по шесть рот. Не стало первых рот — их не набирали. В каждом училище появились свободные казармы и учебные корпуса. В том же году было расформировано Саратовское СВУ. Шесть его рот разослали по другим училищам. При этом роты на части не рвали, сложившиеся коллективы не ломали.

На следующий год во всех суворовских училищах уже не стало не только первых, но уже и вторых рот. И было расформировано три училища: Оренбургское, Тульское и Тамбовское. В наше Воронежское СВУ прибыло две роты из Тулы. Первой и второй рот у нас нет, зато есть две шестых и две седьмых.

В 1962 году во всех училищах не стало и третьих рот. В том году тем же порядком были расформированы Новочеркасское и Ставропольское училища.

В 1963 году дошла очередь и до нас. Три оставшиеся роты воронежских суворовцев перевели в Калинин. В этом же году возобновился прием. Но теперь уже принимали в возрасте 15 лет. Мы этих ребят называли «кутузовцами». Были они славными и правильными, но с нашей точки зрения, в системе суворовских училищ что-то было навсегда и безвозвратно потеряно.

В 1964 году было расформировано Куйбышевское СВУ. В том же году систему нумерации рот сменили. Теперь номер роты не отражал твоего старшинства. Он ничего не отражал — просто номер.

Мы, не сгибаясь, прошли от первой до шестой включительно, но вместо самой желанной и почетной седьмой роты вдруг попали в четвертую. Представим, что в обычной школе десятый класс внезапно назвали бы шестым или пятым.

В период моего обучения начальником Кл СВУ был генерал-майор Костров, командиром моей роты — подполковник Прохожаев, командиром взвода — майор Топорков, старшиной роты — старшина сверхсрочной службы Алферов, заместителем командира взвода — старший сержант Маслов.

Будем считать, что в Калининское СВУ меня перевели по блату, но чтобы не было скучно, вместе со мной по тому же «блату» перевели еще три роты моих товарищей. А всего за пять лет реорганизации «по блату» переместили 2410 суворовцев из восьми расформированных училищ в девять оставшихся.

Не знаю, были ли когда-то в суворовских училищах плохие командиры или плохие преподаватели. Мне за семь лет такие не встречались. А кадетские алые погоны с буквами «Кл СВУ» я храню по сей день.

После СВУ я поступил на второй курс Киевского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени Фрунзе — его как раз только что перевели из Одессы в Киев. История тут вот такая. В Киеве военных училищ было много. Среди них — одно с очень скромным именем ККТУ — Киевское командно-техническое училище. В названии не присутствовало даже слово «военное». Но если училище командное, то уж ясно, что оно не гражданское. Курсанты носили танковые эмблемы, командовал училищем генерал-майор артиллерии Мухачев. А готовили там офицеров Ракетных войск стратегического назначения для службы в частях и соединениях, вооруженных изделиями 8К63, 8К64 и 8К65, то есть стратегическими ракетами средней и межконтинентальной дальности. Товарищ Хрущёв сделал упор на ракеты и развернул мощную систему подготовки командных, инженерных и технических кадров, но вскоре выяснилось, что такое количество офицеров Ракетным войскам стратегического назначения не нужно. В 1965 году ККТУ произвело последний выпуск «танкистов» и было закрыто.

А в это время Одесскому высшему общевойсковому командному училищу стало тесно в родных стенах. Тесно стало потому, что там кроме советских офицеров готовили еще борцов национально-освободительных движений. Сейчас весь мир борется с международным терроризмом. Но прежде чем с международным терроризмом бороться, его следовало создать. Вот его и создавали в Советском Союзе усилиями разных организаций и ведомств. К этому важному делу приложило руку и Главное разведывательное управление Генерального штаба (ГРУ ГШ). Идея была простая: поднять народы Азии, Африки и Латинской Америки на борьбу с капиталистами, прежде всего — с американскими. Потом этим очень важным вопросом серьезно занялись американцы и британцы. Идея была тоже очень даже простая: поднять мусульман против Советского Союза.

И их поднимали — кормили, поили, учили, снабжали оружием и деньгами, перебрасывали в Афган...

Теперь общими силами успешно боремся с этим вселенским злом. Но начиналось распространение этой заразы из нашей страны.

В то время высших общевоинских командных училищ было семь. Все они имели свои особенности, свой уклон. Одесское ВОКУ отличалось от остальных тем, что находилось под негласным контролем ГРУ. Люди из ГРУ, не привлекая к себе внимания, присматривались к курсантам для того, чтобы в грядущем расставлять некоторых выпускников по всем этажам военной разведки. Ни курсантам, ни командирам низшего и среднего звена об этом знать не полагалось. Большинство выпускников продолжало службу в мотострелковых и танковых подразделениях и частях, не имея никакого отношения к военной разведке.

Одновременно ГРУ готовило в Одесском ВОКУ бойцов национально-освободительных движений, а проще говоря, — террористов из стран Азии, Африки и Латинской Америки. Для них был особый факультет. К середине 60-х годов этих борцов стало столько, что одного факультета уже не хватало. Да и контакт советских курсантов с братьями по классовой борьбе был нежелателен. Потому было решено отдать «братьям» все училище, а советских курсантов перевести куда-нибудь в другое место. Куда же? Да вот же в Киеве место освободилось! Так Одесское высшее общевоинское командное училище летом 1965 года стало Киевским, разместившись в городке, который освободился после расформирования ККТУ. Прибывшие из Одессы курсанты были совсем не рады такому повороту судьбы. Они писали на стенах: «Лучше Одесса с триппером, чем Киев с каштанами».

В тот самый момент, в августе 1965 года, я поступил в Киевское ВОКУ. Готовили там серьезно. Окончил с отличием. Освобождал Чехословакию от тлетворного и пагубного влияния капитализма. По возвращении получил назначение в 145-й гвардейский Будапештский орден Суворова и Богдана Хмельницкого учебный мотострелковый полк 66-й гвардейской Полтавской Краснознаменной дивизии Прикарпатского военного округа. Назначение в учебную дивизию было в наше время поощрением и повышением. В линейных частях взводному потолок — старлей, ротному — капитан. В учебных частях взводный — капитан, ротный — майор. И должностные оклады в учебных частях и соединениях были выше. Полк мой именовался мотострелковым, но готовил сержантов для разведывательных подразделений и частей мотострелковых и танковых дивизий Прикарпатского военного округа и двух групп войск, Центральной и Южной, то есть для советских войск в Чехословакии и Венгрии.

Подготовка была, мягко говоря, свирепой. В то время главной задачей разведывательных подразделений и частей в бою был поиск и уничтожение ядерного оружия противника и средств его доставки. Разведывательные подразделения, обнаружив в тылу противника ядерный фугас, ракетную батарею или 203-мм самоходную гаубицу, были обязаны сообщить об этом в штаб и

атаковать, каковы бы ни были их шансы на успех. Наши вероятные (и маловероятные) противники это понимали, потому уже в мирное время предпринимали меры по охране и обороне особо важных объектов. На это Советская Армия отвечала усилением разведывательных подразделений. Ранее главной ударной силой разведывательных батальонов мотострелковых и танковых дивизий были плавающие танки ПТ-76. При мне их заменяли на Т-55 и Г-64.

Служба в учебке медом не казалась. Учебная дивизия в любой момент по тревоге разворачивалась в боевую. Тревог таких хватало. Потому у всех нас было как бы сразу две службы в одно время: и подготовка сержантов, и сохранение мобилизационной готовности соединения. Но это не все. После выхода дивизии по тревоге на месте оставался второй комплект вооружения, боевой техники, транспорта, боеприпасов и так называемое «ядро» (то есть группа офицеров) для приема резервистов и развертывания дивизии второго формирования. За время службы мне пришлось побывать как в первом составе, так и в «ядре».

Я быстро убедился, что власть наша родная зря денег никому не платит и воинскими званиями на халяву не балует. Служба осложнялась не в последнюю очередь нехваткой командных кадров. Из дивизии постоянно забирали офицеров в длительные зарубежные командировки — на Кубу, в Египет, в Сирию, во Вьетнам и еще черт знает куда. Но был приказ министра обороны: должности убывших в длительные командировки не занимать. Должности оставались вакантными, но работу за убывших кто-то должен был выполнять. В моем батальоне, например, не было начальника штаба — он воевал в Африке, и нового прислать на это место не могли. Потому командир первой роты временно (три года) выполнял его обязанности. Но если на месте нет ротного, командир первого взвода работал за него. А в полку не было начальника разведки. По той же причине. Потому один ротный выполнял его обязанности...

Курс подготовки сержантов — полгода. Получали новобранцев эшелонами и через шесть месяцев, присвоив лычки приказом командира дивизии, отправляли в войска. Сдал экзамены — младший сержант, сдал на «отлично» — сержант. Готовили разведчиков по существу к самоубийственным действиям, но гибелью разведывательных групп обеспечивали выживание главных сил.

В 66-й гвардейской учебной мотострелковой дивизии я сделал четыре отличных выпуска. Следующая ступень служебной лестницы — разведывательный отдел штаба Приволжского военного округа. Куйбышев был секретной резервной столицей Советского Союза. Штаб округа — на берегу Волги, а за ним грандиозная площадь. Говорят, одна из самых больших в Европе, если не в мире. Под той площадью, как все мы теперь знаем, был тайный командный пункт товарища Сталина, в сравнении с которым командные пункты Гитлера и Чёрчилля выглядят очень даже не солидно и не серьезно.

Кстати, о Черчилле. Давайте послушаем, как это имя произносят британцы. На мой взгляд, в этом имени звучит «ё». Зря мы эту букву забываем, зря из языка выбрасываем. Наш язык и так обеднён

за последние десятилетия. А в этой букве столько мягкости и нежности, которой так не хватает нашим чёрствым душам.

И если уж об этой красивой букве речь зашла, то давайте подумаем над тем, почему наш добрый народ норовит все время расставить точки над «и», которые вовсе расставлять не нужно. И почему наш народ точек над «ё» расставлять не спешит? Кроме как свойствами загадочной русской души такие вещи мне объяснить не удастся.

Но вернемся к запасной столице.

При Хрущёве и Брежневле роль Куйбышева как секретной резервной столицы страны сохранялась. Потому штаб Приволжского военного округа тайно нес дополнительную нагрузку — в случае обострения международной обстановки тут разворачивались запасные командные пункты Ставки Верховного Главнокомандующего и Генерального штаба, а также стратегический узел связи. В коридоре разведывательного отдела штаба Приволжского военного округа судьба столкнула меня с той, о ком в «Аквариуме» я упомянул в одной лишь строке, — со звонкой девочкой из группы контроля.

После года службы в этом штабе — три года Военно-дипломатической академии Советской Армии, четыре года работы в агентурном добывании и уход.

Разоблачители ищут — и находят — несоответствия в биографиях Виктора Суворова и Владимира Резуна.

Зря стараетесь, граждане, — соответствия и не должно было быть. Если бы я точно назвал имена, места и даты, это было бы подлостью по отношению к моим товарищам, сослуживцам и командирам. Потому я сместил повествование по месту и времени, изменил имена. В своих книгах я совершенно сознательно работал «на понижение».

В «Освободителе» и «Аквариуме» Виктор Суворов — колхозный шоферюга, который на базаре торгует арбузами и травит Днепр ядовитой мерзостью, а Владимира Резуна с 11 лет готовили в особых военных учебных заведениях.

Виктор Суворов поступил на первый курс Харьковского гвардейского танкового командного училища, а Владимир Резун — сразу на второй курс Киевского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени Фрунзе.

Виктор Суворов служил в штабе Прикарпатского военного округа, а Владимир Резун — в штабе Приволжского, в секретной запасной столице Советского Союза.

Виктор Суворов попал в номенклатуру Центрального Комитета старшим лейтенантом, а прыткий Резун — еще лейтенантом, побив все рекорды.

В «Аквариуме» я одной строкой упомянул о звонкой девочке из группы контроля, а в жизни Резуна дело этим не ограничилось.

Всем выпускникам Первого факультета Военно-дипломатической академии положен еще как

минимум один год подготовки в разных управлениях ГРУ. Через тот год прошел и Виктор Суворов, а в реальной жизни я попал на боевую работу за рубеж самым первым из всего выпуска, минуя этот год дополнительной подготовки.

Виктор Суворов работал в Вене — во втором по значению центре мирового шпионажа, а Резун — в Женеве, в первом центре, в главной его столице.

В «Аквариуме» у меня один Навигатор, а в настоящей жизни сменилось три резидента: два умных, третий — не очень. Когда через несколько лет после всего случившегося этот третий умер, никто из ГРУ не пришел его хоронить, хотя был он генерал-майором. Его люто ненавидели все — и начальники, и подчиненные. Полосатые штаны он заработал только потому, что брат его был помощником у товарища Брежнева. Этот умник в генеральских штанах рос в высоких кабинетах Москвы, и его первая должность за рубежом, высшая из всех возможных, — резидент ГРУ в Женеве. Он провалил все, что можно было провалить. Его образом я не стал поганить свою книгу.

И настоящих причин ухода никогда не объяснял.

Виктор Суворов бежал один и из Австрии, Владимир Резун — с женой и малыми детьми и из Швейцарии.

Я к чему? К тому, что и «Рассказы освободителя», и «Аквариум» были написаны и опубликованы во времена товарищей Брежнева и Андропова, когда союз нерушимый республик свободных был велик и могуч, когда мало кто верил, что скоро его не станет. «Аквариум» — не обо мне, не о моих похождениях, а о том, как работает военная разведка от батальона и выше, до самых важных резидентур. И было два у меня пути.

Первый: назвать всех, с кем выпало служить, по именам, и поломать много судеб.

Второй: изменить все имена, начиная с собственного, сдвинуть действие во времени и пространстве. Особую осторожность проявил, когда речь шла об агентуре. Прошу заметить, после моего ухода не было ни одного шпионского процесса. Никто не был арестован и осужден.

Может быть, плохо работал и ничего не знал?

Того, кто в стратегической агентурной разведке плохо работает, выгоняют после первого года. Я же отбыл полный срок командировки, все три года. В виде исключения был оставлен на четвертый год, в виде особого исключения — на пятый.

Чтобы никому не причинять неудобств, назвался чужим именем и решил псевдоним никогда не раскрывать. Меня впервые раскрыл начальник ГРУ генерал-полковник Е.Л. Тимохин:

Псевдоним «Суворов» взял себе бывший майор Резун Владимир Богданович
(«Красная звезда», 29 апреля 1992 года).

И вот теперь критики укоряют меня: надо же было сдать всех, кого знал! Надо было всех назвать настоящими именами, точно привязать действие к месту и времени, чтобы легко было вычислить не только тех, кто был рядом, но и тех, кто далече!

И следовало раскрыть явки, имена, пароли! Особенно подробно и ярко подобало иностранную агентуру высветить, чтоб всех повязали и посадили!

Спасибо за совет, дорогие товарищи. Но в этой жизни я иду только тем путем, который выбрал сам.

Теперь о главном.

А что для меня главное?

Главное — «Ледокол».

В Советском Союзе изучение Великой Отечественной войны запрещалось и преследовалось. Песни задушевные о войне петь — это пожалуйста. Уродливую бабу в Сталинграде слепить — денег не жалко. А то, что бетон через пару десятков лет растрескается и статуя на рукотворном кургане неизбежно накренится и просядет — это никого не волновало. Давай бюджет сейчас, а проблемы пусть грядущие поколения решают. Так вот: государство наше родное возводило циклопических идолов на курганах, денег на то не жалело, чтобы патриотизм подстегнуть (и бюджет распилить), а к архивам военных лет доступ намертво закрыло. Это и привлекло мое внимание. Война вроде бы и Великая, вроде бы и Отечественная, да только в детали вникать не рекомендуется. Что-то там прячут. Интересно, а что именно?

Сижу в академии на лекции, мне матерый волк агентурного добывания объясняет, какие признаки разведчик должен искать для того, чтобы определить, готовит супостат нападение или нет. Среди этих признаков: противник подтягивает к границе штабы и командные пункты, узлы связи и стратегические запасы топлива, боеприпасов и инженерного имущества, разворачивает аэродромную сеть... А следующую лекцию другой полковник читает о нашей вопиющей глупости 1941 года: ничего не соображающие сталинские генералы и маршалы подтянули к границе штабы и командные пункты, узлы связи и стратегические запасы топлива, боеприпасов и инженерного имущества, развернули аэродромную сеть. Одновременно строили в западных районах страны 254 аэродрома! Да с бетонными полосами! Завезли туда топливо, продовольствие, бомбы, землянок нарыли, палаток наставили, немцы пришли на все готовенькое: на складах картошка тоннами, капуста в бочках, в санчасти — бинты, даже и бомбы советские немцам сгодились, самолету один черт, какие бомбы под него вешают. Не было бы этих аэродромов — не было бы немецким летчикам такого раздолья в нашем небе, особенно в распутицу.

И все мы смеялись над глупостью товарища Сталина и его генералов. Над нами до сих пор весь мир смеется. А смеяться не надо. Не для Гитлера и его асов те аэродромы готовили, а для внезапного удара по Гитлеру. И ничего в том нет зазорного.

Это же Гитлер!

Не надо семь пядей во лбу иметь, чтобы сообразить: Сталин готовил нападение. А уяснив это, можно брать любой аспект подготовки страны к войне, и мы невооруженным глазом увидим

доказательства этому простому предположению. Вот были в мирное время подготовлены партизанские отряды — их разогнали прямо перед войной. Почему? Да потому, что готовились воевать на чужой территории. Наготовили невероятное количество парашютистов, которые в оборонительной войне вовсе не нужны. Зачем? Да все затем же.

Множество вопросов в своих книгах я не рассматривал — тема-то неисчерпаемая. Но возьмите любой непонятный вопрос, и «Ледокол», как золотой ключик, вам ответ откроет.

А мне говорят: в настоящей науке действуют не так — собирают факты, анализируют их, потом выводы делают. А у тебя наоборот: сначала вывод сделал, а потом этим выводом щелкаешь как орешки любые факты. Это не научный подход!

Это и впрямь подход не научный. Это подход разведывательный — усечь какую-то мелкую странность, какой-то пустячок. Вот веточка на тропинке поломанная. Отчего бы вдруг? Найти этому странному факту объяснение, а уж тогда станет понятно и все остальное. Кстати, так не только разведка действует. Про Шерлока Холмса книжки читали? Вот! Этот самый Холмс тоже внимание обращал на какие-то странные соринки, травинки и пятнышки, находил логику в вещах на первый взгляд нелогичных, и тогда все остальные факты становились понятными.

Аналитик военной разведки работает как следователь. Никто ему логику событий раскрывать не будет. В том его работа и заключается, чтобы логику эту найти. И сейфов перед разведчиком никто распаивать не станет. Кстати, и перед историком — тоже. Потому историк и разведчик — смежные профессии. Их задача — в хранилища тайн проникнуть. А если не выходит к бумагам тем доступ получить, тогда остается только вычислить те тайны, которые в сейфах и хранилищах прячут. Постижение тайн истории — это разведка прошлого. И храбрости историку требуется никак не меньше. Рискует он жизнью, как и разведчик: голову ведь могут оторвать. Или еще что-нибудь.

Но если вникнуть глубже, то придется согласиться: в науке неисчислимо количество методов. Главное — чтобы они приближали нас к истине. Вот пример: нашел исследователь кость неизвестного допотопного зверя, прикинул, к какой части скелета эта кость относится, какие кости должны с ней соседствовать, какой формы, какого размера они должны быть. Имея перед собой одну только кость, человек восстановил весь скелет из тысяч недостающих косточек. Он их «вычислил»! Через сотню лет почти целый скелет такого же динозавра нашли, сопоставили с реконструкцией столетней давности, изумились точности, сняли шляпы в знак почтения. Вот это и есть настоящая наука.

Мне говорят: пишешь о войне, а где подтверждающие документы?

Отвечаю: динозавры после себя документов не оставили. Только косточки. Разве этого достаточно, чтобы сомневаться в их существовании? А вот пример ближе. Президент США Джон Кеннеди был убит. Убийство кто-то готовил. Но где документ? Документа нет. Разве из этого следует, что убийство было совершено без всякой подготовки?

«Ледокол» я сел писать в первую же после ухода ночь. Думал уложиться в одну статью. Написал

ее, но сообразил, что для ее понимания надо написать еще две поясняющих статьи, а для их понимания — еще четыре. Статьи множились, превращаясь в главы, однако надо было на что-то жить. Пришлось, не прекращая работы над главной темой, на первый план выдвинуть другую. За несколько месяцев написал «Рассказы освободителя». Для этого не надо было составлять картотеки, собирать заново сведения о дивизиях и корпусах, о генералах и маршалах, перечитывать книги отрочества и юности.

«Рассказы освободителя» — о том, как был я курсантом, как сидел на гауптвахте, как чистил генеральские сортиры, как стал офицером, как освобождал братскую страну, которая норовила с верного пути свернуть.

Найти литературного агента, издателя, переводчика, проверять перевод, редактировать, — все это требует времени, терпения и нервов. Книжка вышла только в 1981 году. Издатель настаивал, чтобы она была опубликована под моим настоящим именем.

В этом случае книга гарантированно станет бестселлером. Для того были все условия: в нейтральной Швейцарии пропал советский дипломат Владимир Резун с женой и двумя детьми.

Дипломат — это не частное лицо, а официальный представитель своей страны. Исчезновение дипломата любого ранга — сенсация. Холодная война в самом разгаре. Две сверхдержавы противостоят друг другу по всему миру от Кубы и Чили до Египта и Сирии, от Индонезии и Вьетнама до Чехословакии и Германии. В любой момент может возникнуть обострение с непредсказуемым исходом для всего человечества. Такое уже не раз бывало. А переговоры о ядерных зарядах и средствах их доставки, о подводных лодках и противоракетной обороне, о танках и пушках идут в Женеве, в стенах Постоянного представительства СССР при отделении ООН.

И вот пропал не просто дипломат из какого-то посольства, а дипломат из этого самого Постоянного представительства СССР. И Форин Офис²¹ заявляет, что беглому дипломату предоставлено убежище в Великобритании. Радио, телевидение, пресса в нетерпении и готовности: вот первые полосы газет, вот обложки журналов для фотографий, вот эфирное время в сводках новостей. Но беглец молчит. В прессе — самые невероятные версии случившегося. Все ищут объяснения, почему нет публичных выступлений с обличениями и разоблачениями. Высказывают предположения, что дипломатия для Резуна была только прикрытием какой-то тайной деятельности. Это еще интереснее. В прессе появилась даже робкая версия: а уж не из ГРУ ли он? Из КГБ много перебежчиков.

А из ГРУ последний раз человек убежал 32 года назад, в 1946 году. Кроме того, из ГРУ был полковник Пеньковский. Но он не убежал. Если этот из ГРУ, то... Издатели обращаются в Форин Офис — вот контракты, готовы купить книгу, если он вздумает ее писать. Платим сейчас, платим обильно, неважно, что будет в той книге, главное — скорее, и чтобы на обложке было имя автора: Владимир

²¹ Форин Офис (англ. Foreign Office) — Министерство иностранных дел Великобритании.

Резун!

Но я так и не появился ни на экранах, ни на первых полосах газет. Никогда. Владимир Резун пропал навсегда. Я решил пробиваться в литературу не на гребне дешевой сенсации, а, так сказать, «на общих основаниях», и найти путь к читателю не именем на обложке, а содержанием книг. Потому начал с нуля: вот книга автора, которого никто не знает. Пробиться оказалось весьма непросто. После многих попыток, наконец, нашел издателя, который решил опубликовать книгу неизвестного автора о Советской Армии. И однажды он меня спросил: а ты, случаем, не Резун? И, узнав, что это так, возрадовался: да мы сейчас под настоящим именем! Да мы бестселлер предъявим миру! Но я не хотел никому доставлять неприятностей, потому твердо решил — только под псевдонимом. Но если так, то аванс будет мизерным, тиражи — уж как получится, никаких гарантий успеха.

Я стоял на своем: только под псевдонимом. Тогда встал вопрос: под каким? Издатель говорит: должно быть что-то русское, лучше в три слога и чтобы как-то было с армией связано, но чтобы читатель не знал, как именно это связано. Что-то где-то слышал, но не уверен.

Я говорю: Калашников! Он: нет, этого мы знаем. Да и слогов четыре. Короче надо. Я ему: Суворов. А это кто? — спрашивает. Да был такой — отвечаю.

Так и порешили. Я-то думал, один раз пошучу, а потом что-нибудь серьезное придумаю. До Советского Союза мои опусы все равно никогда не дойдут, а тут, в Британии, про Суворова знают не больше, чем про гениального полководца виконта де Тюренна, маршала Франции.

И вот один мудрый разоблачитель меня уел: пиши под своим именем или под псевдонимом, гонорар-то ведь все равно одинаковый! Вот оно, доказательство: не сам гы книжки пишешь!

Мил человек, псевдоним я выбирал только для первой книги — для той, которая про киевскую гауптвахту. Валера Симонов, мой хороший приятель по Киевскому высшему общевойсковому командному училищу, а впоследствии начальник разведки армии, вот что написал:

Лично я, читая книгу «Освободитель», был поражен, с какой точностью автор изобразил киевскую гарнизонную гауптвахту. Не скрою, самому мне пришлось там отсидеть в общей сложности пятьдесят с лишним суток. («Московская правда», 31 июля 1994 года).

Но если верить не моему другу, на порядок больше моего там отсидевшему, а разоблачителю, то выходит, что русский человек (с украинскими корнями), который там побывал и через это прошел, рассказать о своих впечатлениях не способен, и только мудрые британцы, которых там не было, которые генеральские сортиры не чистили, за меня смогли все это описать. Не иначе, что точность повествования достигнута не мной, а проникшей в те сортиры вездесущей британской разведкой.

И имя на обложке, гражданин разоблачитель, вещь не последняя. Под своим именем напиши — одни гонорары, под псевдонимом — совсем другие. Не понимать это может только тот, кто никогда

не имел дела с издательским миром. Так вот: имя автора (настоящее или псевдоним) часто важнее содержания.

В моем случае ситуация выглядела просто.

Существовала в мире великая сверхдержава по имени Советский Союз. Вожди сверхдержавы учили всех, как надо жить, танками навязывая свой порядок, но в собственной стране не могли обеспечить население одеждой и обувью.

Сверхдержава бесплатно завалила мир танками Т-54, пулеметами Владимирова и автоматами Калашникова, ракетами С-75 и гранатометами РПГ-7, но была не способна себя прокормить.

Сверхдержава помогала всем, от Анголы и Эфиопии до Мозамбика и Ливии. Но эта сверхдержава была не способна построить жилье для своих офицеров.

Сверхдержава первой проложила дорогу в космос, но никак не могла обеспечить свои школы теплыми сортирами, а родильные дома — горячей водой.

Ради победы коммунизма на Кубе сверхдержава чуть было не ввергла мир в ядерную катастрофу.

Сверхдержава держала своих кормильцев в колхозах, не давая им внутренних паспортов, чтобы не разбежались, и вела упорную борьбу за свободу угнетенных народов Азии и Африки.

Сверхдержава не платила своим мужикам денег, а если потом и стала платить, то на эти деньги ничего невозможно было купить. И эта же сверхдержава каждый год вывозила сотни тонн золота в Америку в обмен на зерно: пусть американский фермер будет богат и счастлив, пусть купит себе дом, автомобиль и трактор.

Сверхдержава вела смертельную борьбу против капитализма, заявив на весь мир устами своего вождя: мы вас похороним!

Но если сверхдержава похоронит проклятых капиталистов, то кто же ее будет кормить?

Так вот: из Генерального штаба этой сверхдержавы бежал офицер. И написал книгу о Советской Армии. Представьте, что издатель объявляет: вот его настоящее имя, вот фотография, вот биография. В этом случае интерес обеспечен. Успех книги в те годы, в той обстановке зависел только от имени на обложке.

А вот другая ситуация. Выходит та же самая книга о Советской Армии. Но об авторе известно только то, что зовут его, например, Македонский Александр Сергеевич. И читатель, и критики к такой книге, понятно, отнесутся с недоверием. И гарантировать успех в этом случае никак нельзя. Потому и аванс жиденький.

Я хотел, чтобы книгу оценили не по имени на обложке, а по содержанию.

И ее оценили. И она стала бестселлером.

После того ситуация изменилась на противоположную.

Теперь читатель хочет новых книг, на обложке которых стоит это странное имя. Предложи

издателю писать под другим

псевдонимом или даже под настоящим именем, а он уже не соглашается.

Пока «Освободителя» переводили, пока готовили к изданию, — а дело это долгое и мутное, — я сочинил вторую книгу. Новый псевдоним придумал, но издатель отрезал: поздно, братец, ты теперь знаменит под псевдонимом Суворов.

Вторую книгу назвал «Советская Армия: проблемы и решения». Издатель название отверг. Книга вышла под названием «Inside the Soviet Army» («В Советской Армии»), Книга эта была о самых простых вещах: о преимуществах сапога перед ботинком, о том, почему советскими батальонами не всегда командуют подполковники, но бывают и майоры, а то и капитаны. Объяснял я самые элементарные вещи.

Над нами тогда смеялись. У русских есть калибр 76 мм. Были у них и зенитные, и корабельные, и танковые, и полковые, и дивизионные пушки этого калибра. А они, глупенькие, для СПГ-9 зачем-то новый калибр выдумали — 73 мм. Есть у них калибр 122 мм — это и гаубица, и танковая пушка, и самоходка на базе ИС-2, и корпусная пушка. А они зачем-то создают самоходную гаубицу того же калибра 122 мм, а для танков новый калибр выдумали — 125 мм! Где стандартизация? Где логика? Глупость, да и только. И хохот по обе стороны Атлантики эхом гремел.

Я в книге на этом и других примерах объяснил: нет, господа, все тут правильно, все логично. Это у вашей мамы дурные дети. Додуматься надо: в Западной Германии миномет 120 мм и танковая пушка 120 мм. Но ведь снаряды танковой пушки к миномету не подходят. Так зачем вам такая стандартизация? Она только путаницу порождает. Нужно в бою под грохот канонады заказать боеприпасы такого-то калибра, да потом еще орать в телефонную трубку, что именно имеется в виду.

Книга эту писал для людей военных, доказывая единственную идею: не надо нас считать дураками, не дурнее вас, господа. Почему-то эту книгу стали покупать не только военные, но и студенты, пенсионеры, школьники, домохозяйки. Книга стала не просто бестселлером, но «книгой месяца» в США. Это позволило мне одним махом рассчитаться со всеми долгами и купить домик с мраморным камином. Теперь можно было всю жизнь вообще ничего не делать или делать только то, что нравится. А нравится мне книжки писать. После этого был «Аквариум», «Контроль», были другие книги.

Отдельная тема — многострадальная книга «Спецназ».

Ради чего она была написана? Отвечаю: многое в нашем родном Отечестве делается не так, как у людей. Не знаю, как бы это деликатно выразить... Одним словом, многое, если не все, делается у нас не через голову. Официально наша самобытность именуется красивым термином «особый путь развития». В соответствии с «особым путем» — когда делается не через голову — мы получили самую большую на планете территорию.

И дичающий, спивающийся, деградирующий, равнодушный ко всему, в том числе к собственной судьбе, вымирающий народ.

Обратимся к потрясающим полотнам Верещагина «Смертельно раненый», «Нападают врасплох», «После удачи», «Представляют трофеи». Мы видим чудовищную войну в Туркестане, жестокую бойню, разбитых врагов и отрезанные русские головы. Кстати, на уроках истории это мы не проходили, это нам не задавали.

Зачем же нам Туркестан? И зачем отрезанными русскими головами те победы оплачивать? Нам места на земле не хватало?

Обратимся к великой русской литературе. Весь XIX век — война на Кавказе. О ней писали многие наши классики, от Лермонтова до Толстого. И ради чего десятками лет воевали?

Возразят: не мы одни. Испанцы тем же занимались, и португальцы, британцы и французы, потом немцы подтянулись, Бельгия с Голландией не отставали. Правильно. Но завоевав необъятные территории, колонизаторы использовали природные и человеческие ресурсы новых земель себе на пользу. А мы, присоединив соседние государства, следуя «особым путем», тут же начинали платить дань местным царькам.

Где же денег достать, чтобы кормить эту рать?

Как где? Содрать пять шкур с русского мужика. Так было при царях, так было и при генсеках: всевозможные узбекские и туркменские, грузинские и азербайджанские начальники жили в царской роскоши, получали невиданные дотации, не принося покорившему их народу никакой пользы.

А ребятам в Кремле было мало. Им не терпелось больше земли прирезать, больше дани платить все новым нахлебникам. В деле расширения владений Советского Союза не последнюю роль играло Главное разведывательное управление Генерального штаба (ГРУ ГШ) и его ударные части — Спецназ.

С момента создания и почти до самого крушения Советского Союза термин этот был секретным. Спецназ был только в руках военной разведки. Это сейчас разнообразных «спецназов» развелось во множестве. А тогда не надо было уточнять: если Спецназ — значит, Спецназ ГРУ.

Про существование самого ГРУ тоже мало кто знал. В Грузии машины ходили с номерными знаками «ГРУ», и никого это не удивляло. Кстати, именно поэтому Штирлиц в «Семнадцати мгновениях весны» провожает пастора Шлага на машине с советским номером — белым по черному русскими буквами: «21-47 ГРУ». Случилось это потому, что освободители Европы в 1945 году везли трофеи из Германии, а потом трофеи почему-то осели на Кавказе. Для съемок фильмов немецкие машины времен войны арендовали у богатых кавказских владельцев, поленившись перед камерой поменять номера.

Но не будем отвлекаться.

Идея создания частей СпН ГРУ была вот такая: давайте отберем лучший человеческий материал — не просто самых физически здоровых, выносливых и крепких, но кроме того, — и это главное, —

умных, способных, развитых, создадим из них мощные боевые соединения и бросим на захват все новых земель! А захватив территории соседей, обложим русский народ новым оброком и будем платить дань покоренным! И всем будет хорошо! И пусть на наши деньги все новые князьки и царьки возводят дворцы себе и своей челяди, пусть содержат гаремы, закупают звезд мирового футбола в свои районные команды и приглашают светил Голливуда на празднование своих маленьких юбилейчиков. И весь мир с содроганием будет смотреть на карту, видеть самую большую территорию и считать нас самыми сильными!

Я принципиальный противник превращения русского народа в кормильца и донора бездельников и нахлебников, я против выплаты дани, я против захвата все новых ненужных земель и оплаты этих захватов русскими головами.

Спецназ — лучшие боевые части Советской Армии, но предназначены эти части были для решения задач, которые прямо противоположны интересам русского народа. Вот почему я сообщил не кому-нибудь, а всему миру о существовании, структуре, вооружении и тактике этого любимого мною гибкого, сильного, хитрого и свирепого зверя. И совесть не грызет. Я действовал в интересах русского народа так, как эти интересы понимаю. Не нужен нам берег Турецкий, и Африка нам не нужна! И незачем нам кормить паразитов, особенно если мы не можем даже своих офицеров обеспечить жильем, а своих стариков — достойной пенсией.

Написал книгу, отдал британскому издателю, тот долго-долго сопел и пыхтел, не решаясь издавать. В Германии — та же история: книга почему-то никак не выходила. А потом вдруг она внезапно вышла в Лондоне. Я открыл — и был шокирован. Текст книги беспощадно сократили. Я — к издателю, а он объясняет: слишком длинно у тебя получилось, да и зачем о том, да об этом, зачем политической корректности вопреки в какие-то глубины лезть?

Основной удар длинных цензорских ножниц пришелся по психологии бойца, по способам выживания в экстремальных условиях, по тактике боевых действий, по методам добывания (вернее — выбивания) разведывательных сведений.

Немедленно все проблемы пропали и у немецкого издателя. Книгу он тут же издал, но в переводе с английского, даже и обложку ту же оставил: нам так было удобнее.

В это время в Польше поднималась мощная волна протестов. Самиздат процветал. У меня связи с подпольными польскими издателями не было, а они не могли меня найти. Потому, меня не спрашивая, польские подпольные издатели перевели эту книгу с немецкого...

Русских издательств за границами Советского Союза было много, я — к ним: граждане-господа, книгу в истерзанном виде публикуют, но вот полная моя версия, берите бесплатно, только пусть выйдет весь текст!

Храбрых не нашлось. Ни на полный текст, ни даже на кастрированный. На русском языке книга никогда не выходила.

Потом Советский Союз рухнул. И разом все осмелели: давай!

А зачем? Чтобы узнать задач частей СпН Западной группы войск в предстоящих сражениях с войсками НАТО? Так ведь нет больше никакой Западной группы, и нет Германской Демократической Республики, на территории которой располагались армии, корпуса и дивизии ЗГВ. Нет больше ни Центральной, ни Южной, ни Северной групп войск. Там теперь суверенные государства, и все они нашими братьями больше не являются. Нет больше ни Прикарпатского, ни Прибалтийского, ни Белорусского, ни Киевского, ни Одесского военных округов. А ведь округ — это группа армий! В каждом округе была бригада СпН. Кроме того — в каждой общевойсковой и танковой армии — собственная отдельная рота СпН. Но рухнуло все.

Если бы книга до крушения Советского Союза вышла в полном объеме, то сейчас можно было бы сказать: это самое первое, что было опубликовано по данному вопросу, не судите строго, не ангел Божий писал, а человек, зело незнанием преисполненный.

Но если не вышло тогда, то теперь возвращаться к прошлому нет смысла. Тем более что в одном вопросе я глубоко ошибся. Я предсказывал, что Советская Армия никогда не уйдет из Афганистана. Вводить войска в Афган было величайшей глупостью, но выводить — самоубийством. Вот уж действительно: вход — рубль, выход — два. Ведь все понимали: если войска из Афгана вывести, Советский Союз рухнет мгновенно. Потому я считал: оттуда не уйдут.

Но ушли. И ровно через шесть месяцев посыпался социалистический лагерь. С августа до декабря 1989 года весь «лагерь» распался. А через полтора года — и сам Советский Союз.

Во времена моей службы части СпН ГРУ не сделали ни одного выстрела на войне. А после моего ухода они ни на один день не выходили из боя. Потому у меня нет морального права что-либо о них сейчас писать.

Варианты книги «Спецназ», которые ходят в Сети, являются злым и безграмотным переводом с польского, который является вольным переводом с немецкого, который является переводом с английского, который является плохим переводом с изрезанного, извращенного, неполною русского оригинала.

В тексте из Сети возьмите самую первую фразу про какие-то «лопатки». Переводчик явно стремился унижить и осрамить наших славных ребят, представить дело так, что все это не серьезно, что речь о чем-то вроде песочницы на детской площадке.

Но нет в частях СпН никаких лопаток! Инструмент, который люди, не служившие в армии, по незнанию именуют «саперной лопаткой», носит другое название — лопата малая пехотная.

Весь остальной текст в том же духе — безграмотный!

К этим сочинениям я отношения не имею. Прошу за них меня не судить.

В 1985 году я завершил «Ледокол». Издательств тут много, но опубликовать книгу не удалось. Я поместил несколько фрагментов в газете «Русская мысль», в журнале «Континент» и в журнале

Королевского консультативного института по вопросам обороны (Royal United Services Institute for Defence and Security Studies). Упорно искал издателя. Работу над книгой тем временем продолжал. Добавлял новые главы, переписывал старые. Книгу впервые удалось опубликовать на немецком языке в 1989 году, на английском — в 1990 году. На русском языке за рубежом «Ледокол» так никогда и не вышел. Брались некоторые, а потом заявляли, что надо бы стиль изменить. А то какой-то не научный.

Я им: а мне научного не надо. Книги для кого пишем? Правильно — для народа. Так вот и давайте писать тем языком, который нашему народу понятен и близок. Писать ученым языком ума не надо. Писать ученым языком любой академик способен. А вот вы попробуйте так написать, чтобы и школьникам, и домохозяйкам, и солдатам, и офицерам, и лесорубам, и музыкантам интересно было.

Совершенно преднамеренно я не стал свою теорию доказывать на поле академическом, не стал спорить с нашими высоколобыми и мудрыми. Писал так, чтобы мысль моя дошла до широких народных масс, а уж они пусть высоколобым вопросы задают и требуют ответа.

Тем временем в Советском Союзе разбушевалась так называемая «гласность», под прикрытием которой архивные документы уничтожались тоннами. Журнал «Нева» опубликовал «Аквариум» и обратился ко мне: давай еще что-нибудь! Я им: так ведь не напечатаете. А они: давай, у нас свобода слова. Дал я им «Ледокол», и повисла тишина. Звоню через месяц: ну как? Отвечают, что здорово, только вот даты нет такой, к которой публикацию можно было бы приурочить. Идут месяцы, подходит дата: пятидесятая годовщина начала Великой Отечественной войны! Звоню: ну так как? Понимаешь, отвечают, не можем же мы к такой дате ветеранов обижать.

После этого снова все замерло. Причина все та же: даты нет, к которой приурочить можно. А если просто так публиковать, то кто же это читать будет? Так никто и не решился, даже и после того, как рухнул Советский Союз.

Издавать «Ледокол» взялся Дубов Сергей Леонидович. Сомневался: каким должен быть тираж? Человек был осторожный, рисковать не любил, потому сначала сделал робкий заход — всего 320 тысяч. Потом сообразил, что мало, и пока печатали пробный тираж, добавил первый миллион.

А у меня других книг полное лукошко. Пока «Ледокол» не начал писать, думал, что обойдусь одной большой статьей. Через много лет выяснилось, что и книги одной не достаточно. Для того, чтобы пояснить некоторые моменты в «Ледоколе», пришлось написать «День М» и «Последнюю республику», а «Последняя республика» в свою очередь растянулась на три книги.

Пришлось разрабатывать и параллельные темы, которые возникали по ходу дела. Мне твердили: да не могли эти русские такое замышлять, они же к войне были совершенно не готовы. На это решил ответить мощной статьей: да вы на Гитлера посмотрите! На его воинство, на готовность к войне. Статья, как только сел ее писать, тут же разрослась в книгу «Самоубийство»: дури в гитлеровском государстве и в армии было никак не меньше, чем у нас. Написав книгу, сообразил, что тема только

вскользь затронута. Будет время — я к ней вернусь.

Критики не унимаются: не мог Сталин нападение готовить, он же сам свою армию обезглавил. На это решил ответить мощной статьей, которая вылилась в книгу «Очищение»: любуйтесь на Тухачевского и подобных ему «гениев». И эта тема оказалась бездонной. Я ее только приоткрыл. Может быть, и к ней вернусь. Нет времени на все, другая проблема горизонт затмила: уж такой у нас гениальный был полководец по фамилии Жуков, уж такой талантливый... Пришлось и на это откликнуться статьей, которая потребовала двух пояснительных статей, которые потребовали... В итоге сейчас у меня о Жукове только две книги — «Тень победы» и «Беру свои слова обратно». Но уж до него я однажды снова точно доберусь.

Вот уже четверть века «Ледокол» опровергают, казалось бы, зубодробительным аргументом: один человек не мог такое написать, тут работала группа экспертов из британской разведки.

Прием старый. Приему этому много сотен лет. Когда ребятам из Святейшей Инквизиции — тем самым, у которых холодные сердца и горячие головы, — нечем было крыть, они объявляли: да это не ты писал, твоей рукой водил Дьявол! Вот и все.

И поди докажи, что это не так. Тем этот ход хорош, что позволяет сразу уйти от обсуждения существа вопроса: это творение Дьявола, о чем еще спорить?

Так вот, использование аргумента про британскую разведку — проявление трусости и попытка увернуться от обсуждения действительно важных вопросов. Я вот уже скоро тридцать лет требую: выставляйте же группу экспертов против меня, сшибемся перед телекамерами, а народ рассудит.

Но ни министр обороны, ни начальник Генерального штаба, ни президент Академии наук, ни вышестоящие вожди пока на сей призыв не откликнулись. И не откликнутся никогда. Потому, что их точка зрения не логична и глубоко аморальна. Они отстаивают два взаимоисключающих постулата.

Первый: Красная Армия спасла Европу от нацизма.

Второй: Советский Союз был верным союзником Гитлера, никогда на Германию нападать не стал бы, никого освобождать не собирался и не замышлял.

Зачем это делается? Зачем вожди и их идеологическая обслуга с остервенением доказывают недоказуемое? Да затем, что надо разворовать остатки былой мощи и богатства страны, но воровать у людей умных не просто. Потому их нужно одурачить. И вот результат: десятки миллионов дружно повторяют: Советский Союз освободил Европу от коричневой чумы, но освобождать не хотел, да и был на это не способен, потому что был к войне совершенно не готов.

Дружба и сотрудничество с Гитлером, соучастие в его преступлениях, поставки стратегического сырья, без которого ведение войны и захват Европы были невозможны, — это наш национальный позор. Я поломал свою судьбу, изломал судьбу родным, друзьям, близким ради того, чтобы доказать стране и миру: союз с Гитлером был тактическим приемом, отвлекающим маневром. А стратегический замысел Сталина — разгром Германии и освобождение Европы от коричневой чумы.

Быть другом Гитлера — срам и запредельная мерзость. Напасть на Гитлера — дело святое. Заявляя это, я спасаю честь своей страны, народа и армии. Об этом все мои книги.

Написать книгу за кого-то легко. Но написать хорошую книгу за кого-то невозможно.

С ранней юности, еще когда сочинял историю о механическом коте, я пытался разрешить загадку: а что же это такое — хорошая книга? Каким требованиям она должна удовлетворять?

Долго думал, мудрил, размышлял и вот к чему пришел.

Позвольте поделиться: на мой взгляд, хорошая книга должна удовлетворять только одному требованию — она должна быть интересной.

Возразят: да как же так! Она ведь еще должна быть и мудрой, и толковой, и содержательной, познавательной, зовущей, мобилизующей, вдохновляющей, душевной. Еще кучу нам разных требований вывалят.

Возразим на возражения: если книга интересная, разве этим не сказано все? Разве этим не исчерпаны сразу все возможные характеристики? Разве к этому надо что-то добавлять?

Ну давайте же рассудим. Если книга интересная, то может ли она к тому же быть еще и дурацкой? Если интересная, то может ли быть бестолковой? Бессодержательной? Пустой? Бездушной?

Интересная книга всегда и умна, и толкова, и познавательна, и душевна.

Но как же ее такой сделать? Говорят, что надо вложить в свое творение кусочек души.

Нет, граждане! Не обольщайтесь! Кусочка не хватит!

Не жлобствуйте! Не жмитесь! Не жадничайте! Не скупитесь! Вкладывайте ее всю! Целиком! Без остатка!

А как же потом? Если всю душу вложишь, с чем же останешься?

Успокойтесь, скептики, циники и пессимисты. Она же бессмертна. Вложите душу в свое творение, от вас не убудет. Наоборот, душа ваша после того станет выше, шире, глубже и чище.

Интересно, а что проще: интересную книгу сочинить или снять интересный фильм?

Тут двух мнений быть не может. Чтобы снять интересный фильм, нужно вложить душу и деньги. А для книги достаточно одной только души. Согласимся: пузырек чернил, перо из гусиного хвоста и папирус — не такие большие расходы. По большому счету — инвестирована одна только душа.

И это все?

И это все.

Но и тут не так все просто. Не каждый способен душу свою обнажить и выложить. Да не у каждого она и есть. Некоторые, может быть, и хотели бы ее выложить, да не могут по причине ее полного отсутствия. Потому-то хорошую книгу встречаешь отнюдь не каждый день. Именно поэтому хорошую книгу за кого-то написать невозможно. Свою душу в чужую обложку не втиснешь.

И когда у моих противников иссякают аргументы, они начинают сочинять обо мне грязные и

мерзкие лживые истории. Меня это расстраивало. Но судьба в подруги жизни послала звонкую девочку из группы контроля. Тут ее иногда спрашивают: у вас такой красивый акцент, вы, наверное, шведка? Да, — отвечает, — шведка, из-под Полтавы. Эта мудрая женщина, с которой мы недавно справили Рубиновую свадьбу, меня однажды успокоила: пусть говорят! Пусть громче говорят! Пусть кричат, визжат и вопят! Это же свидетельство того, что возразить им нечего. Это — признание.

Виктор Суворов, он же Владимир Резун

21 августа 2011 года